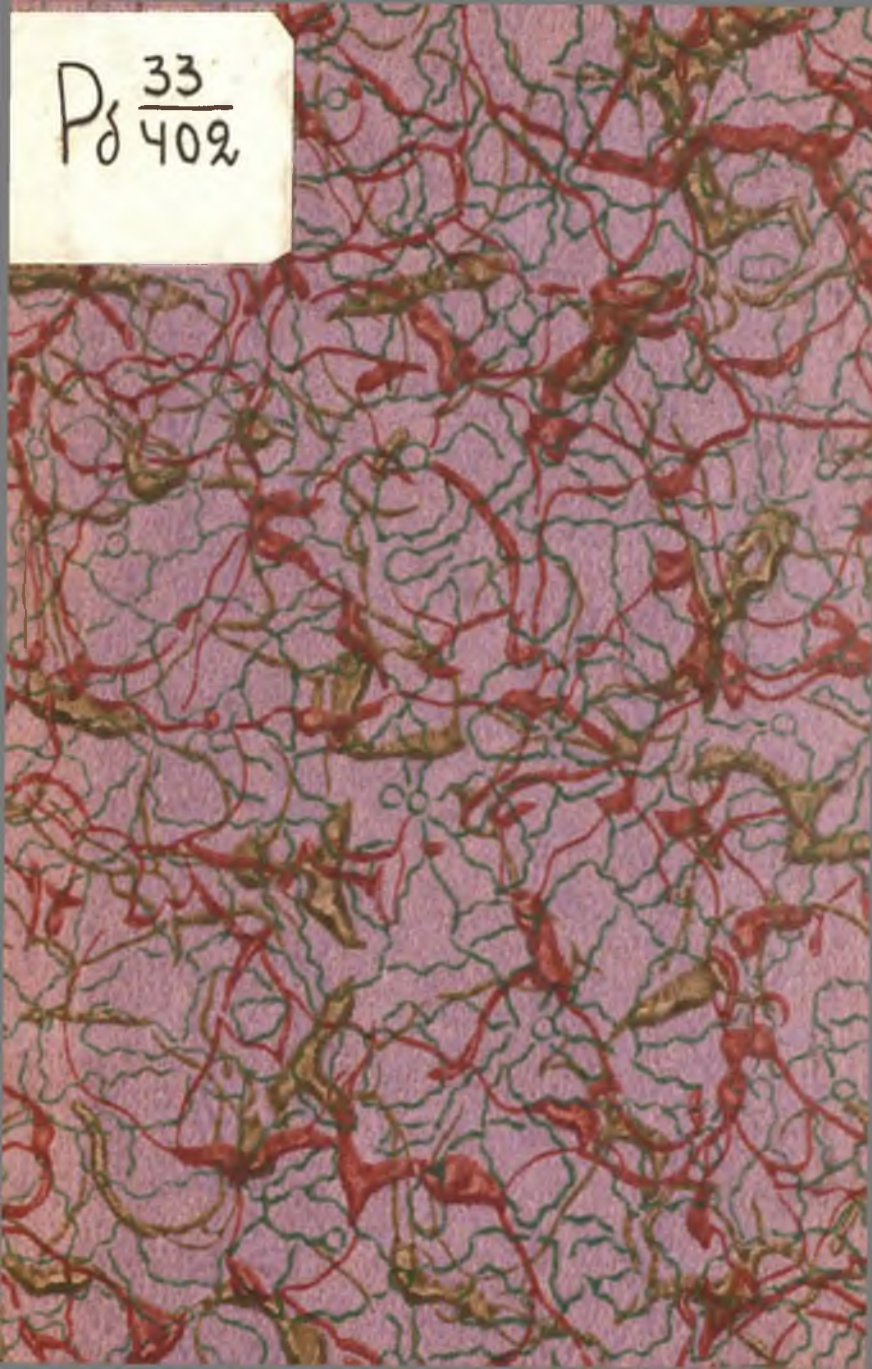

P_δ $\frac{33}{402}$

Л. Н. Толстой.

Р 33
402

ПУТЬ ЖИЗНИ.

Издание „ПОСРЕДНИКА“,
лично просмотрѣнное въ корректурахъ
Л. Н. Толстымъ.

№ 991.

МОСКВА — 1911.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Р 33
402

ПУТЬ ЖИЗНИ.

ИЗДАНИЕ „ПОСРЕДНИКА“,

лично просмотрѣнное въ корректурахъ Л. Н. Толстымъ.

№ 991.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., соб. д.

Москва — 1911.

Государственная
ордена Ленина
Библиотека СССР
им. В. И. Ленина

130720-48

2007053863

ПРЕДИСЛОВІЕ.

(Отъ издателя.)

Приступая къ выпуску порученныхъ Л. Н. Толстымъ для изданія нашему издательству тридцати его книжекъ подъ общимъ заглавіемъ «Путь жизни», я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ составились у Льва Николаевича эти книжки, являющіяся его послѣднею большою работою.

Какъ извѣстно, несмотря на глубоко преклонные свои годы, Левъ Николаевичъ до послѣднихъ дней своихъ все такъ же дѣятельно работалъ все надъ тѣмъ же главнымъ, величайшимъ дѣломъ своей жизни—надъ все бѣльшимъ и бѣльшимъ уясненіемъ себѣ и всему человѣчеству основной истины объ истинномъ, высшемъ смыслѣ человѣческой жизни, объ ея истинномъ назначеніи, надъ уясненіемъ пути для воплощенія этой истины въ жизни каждаго человѣка и всего человѣчества, а, съ другой стороны, надъ уясненіемъ всего того, что препятствуетъ людямъ въ воплощеніи истины въ ихъ жизни, надъ раскрытіемъ братьямъ-людямъ путей духовной борьбы съ тѣми, по опредѣленію Льва Николаевича, «грѣхами-ошибками, суевѣріями и соблазнами», которые препятствуютъ человѣку и человѣчеству исполнить свое назначеніе, свое, по выраженію Льва Николаевича, «посланнычество» въ этомъ мірѣ.

Въ этой своей работѣ, надъ которой Толстой сосредоточилъ всѣ силы своей мысли, своего генія, своей любви, своего упорнѣйшаго труда, онъ постепенно объединилъ также высшіе плоды духовной работы основателей міровыхъ религій и величайшихъ

мудрецовъ человѣчества, въ основѣ ученій которыхъ онъ нашелъ одну и ту же истину о высшемъ смыслѣ человѣческой жизни, которая во всемъ своемъ свѣтѣ окончательно открылась ему самому послѣ долгаго, страстнаго ея исканія. Величайшей радостью для Льва Николаевича было находить подтвержденіе и уясненіе открывшейся ему истины въ плодахъ духовной работы великихъ умовъ всѣхъ временъ и народовъ и глубочайшей отрадой вновь знакомить въ своей передачѣ человѣчество съ ихъ величайшими мыслями.

Работа Льва Николаевича надъ объединеніемъ высшей человѣческой мудрости особенно выразилась въ четырехъ трудахъ послѣдняго десятилѣтія его жизни: 1) «Мысли мудрыхъ людей на каждый день»; 2) «Кругъ чтенія. Избранныя, собранныя и расположенныя на каждый день мысли многихъ писателей объ истинѣ, жизни и поведеніи»; 3) «На каждый день» и 4) выпускаемый теперь трудъ «Путь жизни».

Первая изъ этихъ книгъ—«Мысли мудрыхъ людей»—составилась слѣдующимъ образомъ: «Во время тяжелой болѣзни Л. Н. Толстого въ январѣ 1903 года, когда жизнь его висѣла на волоскѣ и онъ не могъ отдаваться привычной работѣ, онъ все же находилъ силы прочитывать Евангеліе и, по привычкѣ, ежедневно отрывая находившійся въ его спальнѣ календарь, прочитывалъ собранныя тамъ изреченія различныхъ великихъ людей. Но календарь прошлаго года подошелъ къ концу, и Льву Николаевичу, за неимѣніемъ другого подъ руками, захотѣлось самому составить себѣ выдержки изъ разныхъ мыслителей на каждый день. Ежедневно, находясь въ постели, насколько позволяли ему силы, онъ дѣлалъ эти извлеченія, и слѣдствіемъ этого явилась книга «Мысли мудрыхъ людей», изданная «Посредникомъ» осенью 1903 года ко дню 75-тилѣтія Льва Николаевича».

Эта книга была сѣменемъ, изъ котораго выросло огромное дерево. Давъ людямъ книгу, которая открывала имъ возможность каждый день духовно сосредоточиться на одной-двухъ великихъ мысляхъ великихъ умовъ, Левъ Николаевичъ захотѣлъ составить такой «Кругъ чтенія» на весь годъ, который

давалъ бы на каждый день болѣе обширный рядъ мыслей провозвѣстниковъ міровыхъ религій и замѣчательныхъ мыслителей, рядъ изреченій, образующихъ вмѣстѣ цѣлое чтеніе, цѣлую статью, посвященную какому-либо основному вопросу человѣческой жизни, чтобы, такимъ образомъ, читатели такого «Круга чтенія», каждый день вновь и вновь обновляясь душою въ животворномъ духовномъ потокѣ, куда вливались величайшіе ключи всемірной мудрости, могли бы постепенно сосредоточить свое вниманіе и поработать душою надъ всѣми основными вопросами «истины, жизни и поведенія». Такихъ вопросовъ намѣтилось 82, и каждый день «Круга чтенія» былъ посвященъ одному изъ нихъ. Нѣкоторымъ, важнѣйшимъ или болѣе многостороннимъ, вопросамъ было посвящено по нѣскольку дней въ теченіе года; нѣкоторымъ, менѣе важнымъ или же менѣе многостороннимъ, иногда даже по одному дню.

Ес ли Левъ Николаевичъ много поработалъ для «Мыслей мудрыхъ людей», углубившись вновь въ книги любимыхъ имъ мыслителей различныхъ временъ и народовъ и присоединяя къ нимъ свои прежнія и вновь возникшія у него мысли по тѣмъ же вопросамъ,—то работа, предпринятая Львомъ Николаевичемъ для «Круга чтенія», была поистинѣ колоссальна. Имъ были просмотрѣны и глубоко изучены вновь книги, содержащія въ себѣ ученія міровыхъ религій и величайшихъ мыслителей, особенно имъ цѣнимыхъ, затѣмъ множество книгъ съ собраніями мыслей различныхъ, менѣе замѣчательныхъ, мыслителей, которые, однако, также глубоко работали надъ коренными задачами человѣческой жизни. Отовсюду извлекалъ онъ перлы духовной работы человѣчества и связывалъ ихъ воедино около важнѣйшихъ вопросовъ человѣческаго бытія. Онъ находилъ и бралъ ихъ, эти драгоценности человѣческаго духа, порою тамъ, гдѣ, казалось бы, трудно было найти лучъ свѣта,—и если ему вдругъ встрѣчались вырвавшіяся у обогрѣннаго братской французско-нѣмецкой кровью князя Бисмарка слова искренняго, потрясающаго сознанія преступности всего пути жизни, посвященной дѣламъ насилія, онъ присоединялъ и ихъ къ собраннымъ сокровищамъ мудрости, какъ свидѣтельство о томъ, что

и въ самомъ закоренѣломъ представителѣ насилія жива божеская искра, которая можетъ бросить свой лучъ въ душу брата-человѣка.

Къ духовной работѣ другихъ мыслителей Левъ Николаевичъ присоединилъ въ «Кругѣ чтенія» множество своихъ мыслей по всѣмъ разбираемымъ вопросамъ. Часть мыслей онъ избралъ изъ прежнихъ своихъ сочиненій; множество же мыслей онъ вновь написалъ для «Круга чтенія». Такимъ образомъ, созданіе «Круга чтенія» послужило къ огромной новой собственной духовной работѣ Толстого.

Въ «Кругѣ чтенія», въ этой великой сокровищницѣ человѣческаго духа, звучатъ намъ величественнымъ, божественнымъ гимномъ объединенныя Толстымъ великія истины искателей и учителей истины со всего пути человѣчества, начиная съ мудрости извѣстныхъ и безвѣстныхъ народныхъ религіозныхъ мыслителей древнѣйшихъ временъ Индіи, Китая, Ирана, потомъ Палестины, Греціи, Рима, и кончая мыслителями и апостолами нашихъ дней.

«Кругъ чтенія»—это собирательное откровеніе высшаго генія всего человѣчества, это объединенная святая святыхъ души человѣчества.

Но, несмотря на все великое значеніе этой работы, Толстой, вѣчно шедшій все впередъ и впередъ, уходившій все глубже и глубже въ уясненіи истины и вѣчно стремившійся сдѣлать дорогія для него истины достояніемъ всѣхъ умовъ, всѣхъ сердецъ, не остановился на созданіи «Круга чтенія» и изъ этой исполинской своей работы повелъ новую работу.

Въ это время онъ, почти черезъ полвѣка послѣ Яснополянской школы, вернулся къ любимымъ занятіямъ своимъ съ крестьянскими дѣтьми. Главной цѣлью его занятій стала на этотъ разъ передача дѣтской души всего самаго высшаго, созданнаго мудростью человѣчества.

Среди необыкновенно оживленныхъ, свободныхъ, проникнутыхъ величайшимъ дѣтскимъ интересомъ, бесѣдъ Левъ Николаевичъ передавалъ дѣтямъ въ доступномъ для нихъ выраженіи мысли великихъ мыслителей по какому-либо основному

вопросу жизни и, межъ ними, собственныя свои мысли. Каждая мысль совмѣстно горячо обсуждалась, развивалась, уяснялась упрощалась въ своемъ выраженіи и, записанная Львомъ Николаевичемъ въ такомъ видѣ, потомъ еще перерабатывалась имъ, становясь въ такой передачѣ доступной для всѣхъ умовъ всего міра.

Съ этой кучкой яснополянскихъ ребятъ Левъ Николаевичъ обсуждалъ самые важные вопросы человѣческаго бытія, дѣлая ихъ, послѣ переработки ихъ со своими юными сотрудниками, необыкновенно ясными для всѣхъ—малыхъ и старыхъ—милліоновъ человѣческихъ существъ, хотя бы самыхъ, казалось, неподготовленныхъ къ воспріятію глубочайшихъ истинъ.

Матеріаломъ для этой работы послужили мысли изъ «Круга чтенія».

Переработанное такимъ образомъ множество мыслей «Круга чтенія» съ новыми добавленіями должно было составить новый, дѣтскій «Кругъ чтенія».

Однако составленіе «Дѣтскаго Круга» было потомъ Львомъ Николаевичемъ отложено. Подготовленные же имъ съ дѣтьми мысли для этой книги включены были Львомъ Николаевичемъ въ новый, задуманный имъ, народный кругъ чтенія «На каждый день», работать надъ которымъ онъ принялся. Въ основу этого круга чтенія легъ новый планъ. Въ большомъ «Кругѣ чтенія» дни, посвященные тому или другому вопросу жизни, были разбросаны безъ опредѣленной системы по всему году. Въ этой же новой работѣ Левъ Николаевичъ, выдѣливъ тридцать одинъ основной вопросъ жизни и вѣры, расположилъ ихъ такъ, что всѣ эти 31 вопросъ повторяются по разу каждый мѣсяцъ. Такимъ образомъ, развиваясь въ теченіе года въ 12 чтеніяхъ, каждый вопросъ является въ многостороннемъ освѣщеніи, со всѣхъ сторонъ уясняясь читателю. Кромѣ того, эти 31 вопросъ въ теченіе каждаго мѣсяца расположены въ извѣстномъ порядкѣ, по извѣстному плану, выражающему, въ стройной послѣдовательности вопросовъ, жизнепониманіе, исповѣдуемое Львомъ Николаевичемъ.

Переработавъ для этой новой книги, кромѣ мыслей, прорабо-

танныхъ съ дѣтьми, множество другихъ мыслей изъ большого основнаго «Круга чтенія», Левъ Николаевичъ добавилъ къ нимъ много вновь собранныхъ имъ и вновь написанныхъ имъ самимъ для этой работы мыслей.

Считая освѣщенные имъ въ книгѣ «На каждый день» вопросы важнѣйшими, главнѣйшими вопросами человѣческой жизни, Левъ Николаевичъ хотѣлъ какъ можно глубже сосредоточить мысль читателей на каждомъ изъ этихъ вопросовъ въ отдѣльности. Съ этою цѣлью онъ, послѣ окончанія книги «На каждый день», приступилъ къ новой, послѣдней большой своей работѣ.

Онъ объединилъ расположенныя въ разныхъ мѣстахъ мыслителенія по каждому вопросу въ отдѣльныя книжечки. Такимъ образомъ Львомъ Николаевичемъ были составлены тридцать одна книжка по слѣдующимъ вопросамъ: о вѣрѣ, о Богѣ, о душѣ, объ единствѣ жизни во всѣхъ существахъ, о любви, о грѣхахъ, соблазнахъ и суевѣріяхъ, объ излишествахъ, о половой похоти, о тунеядствѣ, о корыстолюбіи, о гнѣвѣ, о гордости, о неравенствѣ, о насиліи, о наказаніи, о тщеславіи, о суевѣріи государства, о суевѣріи церкви, о суевѣріи науки, объ усиліяхъ для борьбы съ грѣхами, соблазнами и суевѣріями, о жизни въ настоящемъ, о дѣлахъ и недѣланіи, о словѣ, о мысли, о самоотреченіи, о смиреніи, о правдивости, о злѣ, о смерти, о томъ, что можетъ быть послѣ смерти, о жизни, понимаемой какъ благо *).

Вся серія этихъ книжечекъ вмѣстѣ была названа Львомъ Николаевичемъ въ первоначальной редакціи «Мысли о жизни», а потомъ, и окончательно: «Путь жизни». Подъ такимъ общимъ заглавіемъ книжечки эти должны были появиться послѣ собранныя вмѣстѣ, въ одномъ томѣ.

Надъ книжечками этими Левъ Николаевичъ чрезвычайно много работалъ, вновь дополняя ихъ новыми своими и чужими мыслями, вновь углубляя, упрощая собранныя въ нихъ мысли.

Передъ лицомъ все приближавшейся и приближавшейся къ

*) Одна изъ этихъ книжекъ, а именно „Суевѣріе государства“ не издается пока нами по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ.

нему смерти, послѣ ряда тяжелыхъ обмороковъ, возвѣщавшихъ ея совершенную близость, великій старецъ напрягалъ всѣ силы своей души на то, чтобы какъ можно яснѣе озарить людямъ-братьямъ путь ихъ жизни пламенемъ своей геніальной мысли и пламенемъ мысли другихъ великихъ представителей человѣческаго духа, объединивъ плоды ихъ великихъ духовныхъ исканій и откровеній въ одномъ свѣточѣ истины, поднятомъ имъ высоко надъ міромъ, надъ путями человѣчества.

Передавъ книжечки эти для изданія нашему издательству, Левъ Николаевичъ много работалъ и потомъ надъ ними, исправляя, дополняя ихъ и въ первой корректурѣ, и во второй, и, въ большинствѣ книжечекъ, и въ третьей корректурѣ.

Онъ работалъ надъ этими послѣдними своими книжечками съ особенной любовью.

Онъ часто повторялъ, что ему отрадно то, что онѣ появятся въ маленькомъ, самомъ дешевомъ, нашемъ изданіи, дѣлаясь сразу доступными такимъ образомъ для бѣднѣйшихъ изъ людей.

Онъ радовался всегда, когда получалъ корректуру той или другой изъ книжечекъ. Окончивъ работу надъ корректурой, онъ любилъ самъ, когда могъ, верхомъ отвезти ее мнѣ (я жилъ въ шести верстахъ отъ Ясной Поляны) для дальнѣйшаго движенія. Передо мною ярко встаетъ старческое, свѣтящееся дружеской добротою лицо, съ той милой, добродушно-виноватой улыбкой, съ которой онъ, всемірный геній, каждый штрихъ котораго былъ такъ дорогъ человѣчеству, говорилъ мнѣ:

«А я опять ужасно все измаралъ. Простите, больше не буду...»

Если бы Левъ Николаевичъ остался еще пожить съ нами, онъ, очевидно, продолжалъ бы еще и еще эту любимую свою работу. Въ предпослѣднее мое свиданіе съ нимъ въ Ясной Полянѣ 18 октября 1910 г. онъ говорилъ мнѣ, что непременно хочетъ, когда книжечки выйдутъ въ свѣтъ, вновь работать надъ ними, чтобы еще упростить ихъ, сдѣлать ихъ еще доступнѣе всѣмъ и каждому.

Въ этотъ разъ онъ посвятилъ свое рабочее утро на прочте-

ніе привезенной мною съ собой третьей, или четвертой даже, корректуры книжки «Половая похоть» и сдѣлалъ въ ней рядъ исправленій.

Въ послѣдній разъ я привезъ Льву Николаевичу корректору двухъ изъ этихъ книжечекъ въ началѣ ноября въ Астапово, гдѣ онъ лежалъ умирающій. Въ послѣднее наше свиданіе 4-го ноября, когда у него были еще нѣкоторыя силы, онъ съ чуткимъ вниманіемъ выслушалъ, между прочимъ, мое краткое сообщеніе о ходѣ дѣла подготовки изданія тридцати книжечекъ. Потомъ я сказалъ ему, что на всякій случай привезъ ему только-что тиснутыя третьи корректуры книжечекъ «Самоотреченіе» и «Смирненіе». Онъ отвѣтилъ мнѣ своимъ угасающимъ голосомъ, въ которомъ мнѣ почуялась печаль о томъ, что онъ не можетъ приложить сейчасъ опять свои силы къ этой работѣ: «Я не могу... Сдѣлайте это вы сами».

Выпуская теперь, уже безъ него, эти любимыя его книжечки, въ которыя онъ вложилъ такъ много величайшаго труда и великой любви своей къ истинѣ, къ людямъ-братьямъ и ко всему живому въ мірѣ, я съ благоговѣніемъ передаю человѣчеству это послѣднее выраженіе Львомъ Толстымъ его жизнепониманія, этотъ послѣдній завѣтъ его человѣчеству.

И. Горбуновъ-Посадовъ.

Москва, мартъ 1911 г.

ПУТЬ ЖИЗНИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ КНИГѢ *)

«ПУТЬ ЖИЗНИ».

1. Для того, чтобы человѣку хорошо прожить свою жизнь, ему надо знать, что онъ долженъ и чего не долженъ дѣлать. Для того, чтобы знать это, ему надо понимать, что такое онъ самъ и тотъ міръ, среди котораго онъ живетъ. Объ этомъ учили во всѣ времена самые мудрые и добрые люди всѣхъ народовъ. Ученія эти всѣ въ самомъ главномъ сходятся между собою, сходятся и съ тѣмъ, что говорятъ каждому человѣку его разумъ и совѣсть. Ученіе это такое:

2. Кромѣ того, что мы знаемъ, какъ свою личность, и всего того, что мы видимъ, слышимъ, осязаемъ во всемъ мірѣ, есть еще нѣчто невидимое, безтѣлесное, безъ начала и конца, которое даетъ жизнь всему существующему и безъ котораго ничего бы не было. Это начало мы называемъ Богомъ.

3. Это же невидимое, безтѣлесное нѣчто безъ начала и конца, отдѣленное тѣломъ отъ всего остального и сознаваемое нами собою, мы называемъ душою.

4. Такую же душу, отдѣленную тѣлами отъ Бога и всего міра, мы познаемъ и во всѣхъ живыхъ существахъ.

5. Душа наша, сознавая свою отдѣленность отъ Бога и другихъ живыхъ существъ, стремится къ соединенію съ тѣмъ, отъ чего она отдѣлена. Соединяется же душа человѣческая съ Богомъ все болѣшимъ и болѣшимъ сознаниемъ въ себѣ божественнаго начала. Съ другими же существами соединяется душа

*) Предисловіе это появилось въ „Собраніи сочиненій Льва Толстого“, издаваемомъ С. А. Толстой, въ послѣднемъ изданіи 1911 года, но не въ окончательной редакціи Льва Николаевича. Помѣщая теперь это предисловіе въ окончательной редакціи, мы отмѣчаемъ курсивомъ мѣста, исправленныя или вновь добавленныя Львомъ Николаевичемъ, для того, чтобы лица, имѣющія у себя изданіе С. А. Толстой, могли бы внести въ него соответствующія поправки. Изд.

все большимъ и большимъ проявленіемъ любви. Въ этомъ стремленіи къ соединенію сознаниемъ въ себѣ Бога и любовью, хотя часто и не сознаваемомъ нами, заключается сущность нашей жизни и ея единое и истинное благо.

6. Большее и большее соединеніе души человѣческой съ Богомъ и другими существами, и потому и большее и большее благо человѣка достигается освобожденіемъ души человѣческой отъ того, что препятствуетъ человѣку сознавать свое божественное начало и любить другія существа. Препятствуютъ этому сознанию, а также и любви: *грѣхи, т.-е. потворство похотямъ тѣла; соблазны, т.-е. ложныя представленія о благи, и суетня, т.-е. ложныя ученія*, оправдывающія грѣхи и соблазны.

7. Препятствующіе соединенію человѣка съ Богомъ и другими существами грѣхи суть: грѣхи чревоугодія, т.-е. объяденія, пьянства, куренія, мясоѣденія.

8. Грѣхи блуда, т.-е. полового общенія ради удовлетворенія похоти тѣла, а не для продолженія рода.

9. Грѣхи праздности, т.-е. освобожденія себя отъ труда, нужнаго для удовлетворенія своихъ нуждъ и потребностей.

10. Грѣхи корыстолюбія, т.-е. пріобрѣтенія и храненія имущества для пользованія трудами другихъ людей.

11. И худшіе изъ всѣхъ грѣховъ грѣхи разьединенія съ людьми: зависти, страха, осужденія, враждебности, гнѣва, вообще—недоброжелательства къ людямъ. Таковы грѣхи, препятствующіе соединенію любовью души человѣческой съ Богомъ и другими существами.

12. Привлекающіе же людей къ грѣхамъ соблазны, т.-е. ложныя представленія объ отношеніи людей къ людямъ, суть: соблазны гордости, т.-е. ложнаго представленія о своемъ превосходствѣ надъ другими людьми.

13. Соблазны неравенства, т.-е. ложнаго представленія о возможности дѣленія людей на высшихъ и низшихъ.

14. Соблазны устроительства, т.-е. ложнаго представленія о возможности и правѣ однихъ людей насиліемъ устраивать жизнь другихъ людей.

15. Соблазны наказанія, т.-е. ложнаго представленія о правѣ однихъ людей ради справедливости или исправленія дѣлать зло людямъ.

16. И. соблазны тщеславія, т.-е. ложнаго представленія о томъ, что руководствомъ поступковъ человѣка могутъ и должны быть не вѣра и голосъ совѣсти, а людское мнѣніе и людскіе законы.

17. Таковы соблазны, привлекающіе людей къ грѣхамъ. Суевѣрія же, оправдывающія грѣхи и соблазны, суть: суевѣріе государства, суевѣріе церкви и суевѣріе науки.

18. Суевѣріе государства состоитъ въ вѣрѣ въ то

19. Суевѣріе церкви состоитъ въ вѣрѣ въ то, что непрестанно уясняющаяся людямъ религіозная истина была разъ навсегда открыта, и что извѣстные люди, присвоившіе себѣ право учить людей истинной вѣрѣ, находятся въ обладаніи единой, разъ навсегда выраженной, религіозной этой истины.

20. Суевѣріе науки состоитъ въ вѣрѣ въ то, что единое истинное и необходимое для жизни всѣхъ людей знаніе заключается только въ тѣхъ случайно избранныхъ изъ всей безграничной области знаній отрывкахъ разныхъ, большей частью ненужныхъ, знаній, которыя въ извѣстное время обратили на себя вниманіе небольшого числа освободившихъ себя отъ необходимаго для жизни труда людей и потому живущихъ безнравственною и неразумною жизнью.

21. Грѣхи, соблазны и суевѣрія, препятствуя соединенію души съ Богомъ и другими существами, лишаютъ человѣка свойственнаго ему блага, и потому для того, чтобы человѣкъ могъ пользоваться этимъ благомъ, онъ долженъ бороться съ грѣхами, соблазнами и суевѣріями. Для борьбы этой человѣкъ долженъ дѣлать усилія.

22. И усилія эти всегда во власти человѣка, во-первыхъ, потому, что совершаются они только въ настоящее мгновеніе, т.-е. въ той безвременной точкѣ, въ которой прошедшее соприкасается съ будущимъ. Въ каждое же мгновеніе настоящего человѣкъ свободенъ;

23. Во-вторыхъ, усилія эти во власти человѣка еще и потому, что они заключаются не въ совершеніи какихъ-либо могущихъ быть неисполнимыми поступковъ, а только въ воздержаніи, всегда возможномъ для человѣка: усиліи воздержанія отъ поступковъ, противныхъ сознанію человѣкомъ въ себѣ божественнаго начала и любви ко всему живому;

24. Усилія воздержанія отъ словъ, противныхъ сознанію человѣкомъ въ себѣ божественнаго начала и любви ко всему живому,

25. и усилія воздержанія отъ мыслей, противныхъ сознанію человѣкомъ въ себѣ божественнаго начала и любви ко всему живому.

26. Ко всѣмъ грѣхамъ приводитъ человѣка потворство похотямъ тѣла, и потому для борьбы съ грѣхами человѣку нужны усилія воздержанія отъ поступковъ, словъ и мыслей, потворствующихъ похотямъ тѣла, т.-е. усилія отреченія отъ тѣла.

27. Ко всѣмъ соблазнамъ приводитъ человѣка ложное представленіе о превосходствѣ однихъ людей надъ другими, и потому для борьбы съ соблазнами человѣку нужны усилія воздержанія отъ возвышающихъ себя надъ другими людьми поступковъ, словъ и мыслей, т.-е. усилія смиренія.

28. Ко всѣмъ суевѣріямъ приводитъ человѣка допущеніе лжи, и потому для борьбы съ суевѣріями человѣку нужны усилія воздержанія себя отъ противныхъ истинѣ поступковъ, словъ, мыслей, т.-е. усилія правдивости.

29. Усилія самоотреченія, смиренія и правдивости, уничтожая въ человѣкѣ препятствія къ соединенію любовью его души съ Богомъ и другими существами, даютъ ему всегда доступное ему благо, и потому то, что представляется человѣку зломъ, есть только указаніе того, что человѣкъ ложно понимаетъ свою жизнь и не дѣлаетъ того, что даетъ ему свойственное ему благо. Зла нѣтъ.

30. Точно такъ же и то, что представляется человѣку смертью, есть только указаніе на то, что человѣкъ ложно понимаетъ жизнь. Смерть есть только для тѣхъ людей, которые полагаютъ свою жизнь во времени. Для людей же, понимаю-

щихъ жизнь въ томъ, въ чемъ она дѣйствительно заключается,— въ усилии, совершаемомъ человѣкомъ въ настоящемъ, для освобожденія себя отъ всего того, что препятствуетъ его соединенію съ Богомъ и другими существами,—нѣтъ и не можетъ быть смерти.

31. Для человѣка, понимающаго свою жизнь такъ, какъ она только и можетъ быть понимаема, все большимъ и большимъ соединеніемъ своей души съ Богомъ и другими существами, достигаемымъ только усиліемъ въ настоящемъ,—не можетъ быть вопроса о томъ, что будетъ съ его душою послѣ смерти тѣла. Душа не была и не будетъ, а всегда есть въ настоящемъ. О томъ же, какъ будетъ сознавать себя душа послѣ смерти тѣла, не дано знать человѣку да и не нужно ему.

32. Не дано знать этого человѣку для того, чтобы онъ душевныя силы свои напрягалъ не на заботу о положеніи своей отдѣльной души въ воображаемомъ другомъ будущемъ мірѣ, а только на достиженіе въ этомъ мірѣ, сейчасъ, исполнѣн предѣленнаго и ничѣмъ не нарушимаго блага соединенія съ Богомъ и со всѣми живыми существами. Не нужно же знать человѣку того, что будетъ съ его душою потому, что если онъ понимаетъ жизнь свою, какъ она и должна быть понимаема, какъ непрестанное все большее и большее соединеніе своей души съ Богомъ и душами другихъ существъ, то жизнь его не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только тѣмъ самымъ, къ чему онъ стремится, т.-е. ничѣмъ не нарушимымъ благомъ.

Л. Толстой.

Сентябрь, 1910 г.
Кочеты, Тульск. губ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мысли, собранныя здѣсь, принадлежатъ самымъ разнообразнымъ авторамъ, начиная съ браминской, конфуціанской, буддійской письменности, и до Евангелія, Посланій и многихъ, многихъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ мыслителей. Большинство этихъ мыслей, какъ при переводахъ, такъ и при передѣлкѣ, подверглись такому измѣненію, что я нахожу неудобнымъ подписывать ихъ именами ихъ авторовъ. Лучшія изъ этихъ неподписанныхъ мыслей принадлежатъ не мнѣ, а величайшимъ мудрецамъ міра.

Л. Толстой.

I.

О вѣрѣ.

Для того, чтобы человѣку жить хорошо, ему надо знать, что онъ долженъ и чего не долженъ дѣлать. Для того, чтобы знать это, нужна вѣра. Вѣра—это знаніе того, что такое человѣкъ и для чего онъ живетъ на свѣтѣ. И такая вѣра была и есть у всѣхъ разумныхъ людей.

I.

Въ чемъ истинная вѣра.

I.

Для того, чтобы хорошо прожить жизнь, надо понимать, что такое жизнь и что въ этой жизни надо и чего не надо дѣлать. Этому учили во всѣ времена самые мудрые и доброй жизни люди всѣхъ народовъ. Ученія этихъ мудрыхъ людей всѣ въ самомъ главномъ сходятся къ одному. Вотъ это-то одно для всѣхъ людей ученіе о томъ, что такое жизнь человеческая и какъ надо проживать ее, и есть настоящая вѣра.

2.

Что такое этотъ міръ безъ конца во всѣ стороны, ни про начало, ни про конецъ котораго я ничего не знаю, и что

такое моя жизнь въ этомъ безконечномъ мірѣ и какъ мнѣ прожить ее?

Только вѣра отвѣчаетъ на эти вопросы.

3.

Истинная религія въ томъ, чтобы знать тотъ законъ, который выше всѣхъ законовъ человѣческихъ и одинъ для всѣхъ людей міра.

4.

Можетъ быть много разныхъ ложныхъ вѣръ, но истинная вѣра только одна.

К а н т ъ.

5.

Если ты сомнѣваешься въ своей вѣрѣ, это уже не вѣра. Вѣра только тогда вѣра, когда у тебя и мысли нѣтъ о томъ, чтобы то, во что ты вѣришь, могло бы быть неправда.

6.

Есть двѣ вѣры: вѣра довѣрія тому, что говорятъ люди,— это вѣра въ человѣка или въ людей, и такихъ вѣръ много различныхъ, и вѣра въ свою зависимость отъ Того, Кто послалъ меня въ міръ. Это вѣра въ Бога, и такая вѣра одна для всѣхъ людей.

II.

Ученіе истинной вѣры всегда ясно и просто.

1.

Вѣрить—значитъ довѣрять тому, что намъ открывается, не спрашивая о томъ, отчего это такъ и что изъ этого выйдетъ. Такова истинная вѣра. Она показываетъ намъ, кто мы такіе и что мы поэтому должны дѣлать, но ничего не говоритъ

намъ о томъ, что выйдетъ изъ того, что мы будемъ дѣлать то, что велитъ намъ наша вѣра.

Если я вѣрю въ Бога, то мнѣ нечего спрашивать о томъ, что выйдетъ изъ моего послушанія Богу, потому что я знаю, что Богъ—любовь, а изъ любви ничего, кромѣ добра, выйти не можетъ.

2.

Истинный законъ жизни такъ простъ, ясенъ и понятенъ, что людямъ нельзя оправдывать свою дурную жизнь тѣмъ, что они не знаютъ закона. Если люди живутъ противно закону истинной жизни, имъ остается одно: отречься отъ разума. Они это и дѣлаютъ.

3.

Говорятъ, что исполненіе закона Бога трудно. Это неправда. Законъ жизни ничего не требуетъ отъ насъ, кромѣ любви къ ближнему. А любить не трудно, а радостно.

По Григорію Сковородѣ.

4.

Когда человѣкъ узнаетъ истинную вѣру, съ нимъ дѣлается то же, что съ человѣкомъ, засвѣтившимъ свѣтъ въ темной горницѣ. Все становится ясно и на душѣ весело.

III.

Истинная вѣра въ одномъ: въ любви къ Богу и ближнему.

1.

«Любите другъ друга, какъ Я полюбилъ васъ, и потому всѣ узнаютъ, что вы Мои ученики, если вы будете имѣть любовь другъ къ другу»,—сказалъ Христосъ. Онъ не говоритъ: если

вы *върите* въ то или это, но если вы *любите*.—Вѣра у разныхъ людей и въ разныя времена можетъ быть разная, но любовь у всѣхъ и всегда одна и та же.

2.

Истинная вѣра одна—любовь ко всему живому.

Ибрагимъ Кордовскій.

3.

Любовь даетъ людямъ благо, потому что соединяетъ человека съ Богомъ.

4.

Христосъ открылъ людямъ то, что *вѣчное* не то же, что *будущее*, но что вѣчное, невидимое живетъ въ насъ сейчасъ въ этой жизни, что мы становимся вѣчными, когда соединяемся съ тѣмъ Богомъ духомъ, въ которомъ все живетъ и движется. Достигаемъ мы этой вѣчности только любовью.

IV.

Вѣра руководить жизнью людей.

1.

Истинно знаетъ законъ жизни только тотъ, кто дѣлаетъ то, что считаетъ закономъ жизни.

2.

Всякая вѣра это только отвѣтъ на то: какъ мнѣ жить на свѣтѣ не передъ людьми, а передъ Тѣмъ, Кто послалъ меня въ міръ.

3.

Въ истинной вѣрѣ важно не то, чтобы хорошо разсуждать о Богѣ, о душѣ, о томъ, что было и что будетъ, а важно

одно: твердо знать, что въ этой жизни должно и чего не должно дѣлать.

По Канту.

4.

Если человѣку плохо жить, то это только оттого, что у такого человѣка нѣтъ вѣры. Это же бываетъ и съ цѣлымъ народомъ. Если плохо живется народу, то только оттого, что народъ потерялъ вѣру.

5.

Жизнь людей бываетъ хорошая или плохая только оттого, какъ они понимаютъ истинный законъ жизни. Чѣмъ яснѣе понимаютъ люди истинный законъ жизни, тѣмъ лучше ихъ жизнь, и чѣмъ запутаннѣе понимаютъ они этотъ законъ, тѣмъ жизнь ихъ хуже.

6.

Для того, чтобы людямъ выйти изъ той грязи грѣха, разврата и бѣдственной жизни, въ которой они живутъ, нужно одно: нужна такая вѣра, въ которой люди не жили бы, какъ теперь, каждый для себя, а жили бы всѣ общей жизнью, признавали бы всѣ одинъ законъ и одну цѣль. Только тогда могли бы люди, повторяя слова молитвы Господней: «Да прійдетъ Царство Твое на землѣ, какъ на небѣ», надѣяться на то, что Царство Божіе точно придетъ на землю.

По Мадзини.

7.

Если вѣра учить тому, что надо отказаться отъ этой жизни для жизни вѣчной, то это ложная вѣра. Нельзя отказаться отъ этой жизни для жизни вѣчной, потому нельзя, что вѣчная жизнь уже есть въ этой жизни.

Индійская Вемапа.

8.

Чѣмъ сильнѣе вѣра человѣка, тѣмъ тверже его жизнь. Жизнь человѣка безъ вѣры—жизнь животнаго.

V.

Ложная вѣра.

1.

Законъ жизни о томъ, чтобы любить Бога и ближняго, простъ и ясенъ,—всякій человѣкъ, когда войдетъ въ разумъ, сознаетъ его въ своемъ сердцѣ. И потому, если бы не было ложныхъ ученій, всѣ люди держались бы этого закона, и на землѣ было бы царство небесное.

Но всегда и вездѣ ложные учителя поучали людей тому, чтобы признавать закономъ Бога то, что не есть законъ Бога. И люди вѣрили ложнымъ ученіямъ и удалились отъ истиннаго закона жизни и отъ исполненія истиннаго закона Его, и жизнь людей становилась отъ этого труднѣе и несчастнѣе.

И потому не надо вѣрить никакимъ ученіямъ, если они не сходятся съ любовью къ Богу и ближнему.

2.

Не надо думать, что вѣра истинна оттого, что она старая. Напротивъ, чѣмъ дольше живутъ люди, тѣмъ все яснѣе и яснѣе становится имъ истинный законъ жизни. Думать, что намъ въ наше время надо вѣрить тому же самому, чему вѣрили наши дѣды и прадѣды, — это все равно, что думать, что, когда ты выросъ, тебѣ будетъ впору твоя дѣтская одежда.

3.

Мы сокрушаемся о томъ, что не можемъ уже вѣрить въ то, во что вѣрили наши отцы. Надо не сокрушаться объ этомъ, а стараться установить въ себѣ такую вѣру, въ которую мы могли бы вѣрить такъ же твердо, какъ вѣрили наши отцы въ свою.

М а р т и н о.

4.

Для того, чтобы человѣку познать истинную вѣру, ему нужно прежде всего на время отказаться отъ той вѣры, въ

которую онъ слѣпо вѣрилъ, и провѣрить разумомъ все то, чему его съ дѣтства научили.

5.

Жилъ рабочій въ городѣ и отдѣлался и пошелъ домой. На выходѣ встрѣтился ему прохожій. И сказалъ прохожій: «Пойдемъ вмѣстѣ, мнѣ туда же, и я дорогу хорошо знаю». Рабочій повѣрилъ, и пошли они вмѣстѣ.

Прошли они часъ, два, и кажется рабочему, что дорога не та, по которой онъ шелъ въ городъ. И говоритъ онъ: «Помнится, не та эта дорога». А прохожій говоритъ: «Это самая настоящая, короткая дорога. Вѣрь мнѣ, я хорошо знаю». Послушался рабочій и пошелъ за нимъ. И что дальше шелъ, то хуже и хуже становилась дорога, и все труднѣе и труднѣе было идти. И прожилъ, и проѣлъ рабочій все, что заработалъ, и все не было дома. Но чѣмъ дальше онъ шелъ, тѣмъ все больше онъ вѣрилъ, и подъ конецъ самъ увѣрился, что дорога настоящая. А увѣрился онъ потому, что не хотѣлось назадъ воротаться, и все надѣялся, что и по этой дойдетъ. И забрелъ рабочій далеко-далеко отъ дома и долго бѣдствовалъ.

Такъ бываетъ съ тѣми, которые не слушаютъ голоса духа въ себѣ, а вѣрятъ чужимъ словамъ о Богѣ и законѣ Его.

6.

Дурно то, что люди не знаютъ Бога, но хуже всего то, что люди признаютъ Богомъ то, что не есть Богъ.

VI.

О внѣшнемъ богопочитаніи.

1.

Истинная вѣра въ томъ, чтобы вѣрить въ такой одинъ законъ, какой годится для всѣхъ людей міра.

2.

Истинная вѣра входитъ въ сердце всегда только въ тишинѣ и уединеніи.

3.

Настоящая вѣра въ томъ, чтобы всегда жить доброю жизнью въ любви со всѣми, всегда поступать съ ближними, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой.

Въ этомъ истинная вѣра. И этой вѣрѣ учили всегда всѣ истинные мудрецы и святой жизни люди всѣхъ народовъ.

4.

Иисусъ не говоритъ самарянамъ: оставьте ваши вѣрованія, ваши преданія для еврейскихъ. Онъ не говоритъ евреямъ: присоединяйтесь къ самарянамъ. Но Онъ говоритъ самарянамъ и евреямъ: вы одинаково заблуждаетесь. Важенъ не Гаризимъ или Іерусалимъ,—настанетъ время и настало уже, когда будутъ поклоняться Отцу не въ Гаризимѣ, не въ Іерусалимѣ, но когда истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ, ибо такихъ поклонниковъ Отецъ ищетъ себѣ.

Искалъ такихъ поклонниковъ Иисусъ во времена Іерусалима. Онъ ихъ ищетъ и теперь.

5.

Былъ у хозяина работникъ. Жилъ онъ въ одномъ домѣ съ хозяиномъ и помногу разъ въ день видался съ хозяиномъ. Работникъ все меньше и меньше работалъ и подъ конецъ такъ облѣнился, что ничего не дѣлалъ. Хозяинъ видѣлъ это, но ничего не говорилъ и только отворачивался отъ работника, когда встрѣчался съ нимъ. Работникъ видѣлъ, что хозяинъ недоволенъ имъ, и вздумалъ, не работая, подладиться къ хозяину. Пошелъ работникъ къ хозяйскимъ знакомымъ и друзьямъ и просилъ ихъ сдѣлать такъ, чтобы хозяинъ не сердился на него. Хозяинъ узналъ про это, призвалъ работника и сказалъ: «Зачѣмъ ты просишь людей заступиться за тебя? Вѣдь ты

самъ всегда со мною, можешь самъ мнѣ сказать, что тебѣ нужно». И работникъ не зналъ, что сказать, и ушелъ. И придумалъ работникъ другое: собралъ онъ хозяйскихъ яицъ, поймалъ хозяйскую курицу и принесъ все это, какъ гостинецъ, хозяину, чтобы хозяинъ не сердился на него. Тогда хозяинъ сказалъ: «То ты просишь моихъ друзей хлопотать за тебя, тогда какъ ты можешь прямо со мной говорить. А теперь вотъ вздумалъ меня задобрить гостинцами. Вѣдь все, что у тебя есть, все мое. Если же бы ты и свое принесъ мнѣ, то мнѣ не нужны твои гостинцы». Тогда работникъ вздумалъ еще третье: онъ сложилъ стихи во славу хозяина и сталъ ходить подъ окнами хозяина и громко кричать и пѣть стихи, называя хозяина великимъ, вездѣсущимъ, всемогущимъ, отцомъ, милостивцемъ, благодѣтелемъ. Тогда хозяинъ опять призвалъ работника и сказалъ: «То ты черезъ людей хотѣлъ угодить мнѣ, то ты моимъ же добромъ дарилъ меня, теперь вздумалъ еще чуднѣе: вздумалъ кричать и пѣть обо мнѣ, что я всемогущій, милостивый и все другое. Кричишь и поешь про меня, что я такой и эдакій, а не знаешь и не хочешь знать меня. Мнѣ же не нужно ни заступничества за тебя другихъ людей, ни подарки твои, ни похвалы твои о томъ, кого ты не можешь знать,—мнѣ нужна отъ тебя только твоя работа».

Нужны Богу только наши добрыя дѣла.

Въ этомъ весь законъ Бога.

VII.

Понятіе награды за добрую жизнь несвойственно истинной вѣрѣ.

1.

Когда человѣкъ держится вѣры только потому, что за исполненіе дѣлъ вѣры ожидаетъ въ будущемъ всякихъ внѣшнихъ благъ, то это не вѣра, а расчетъ, и расчетъ всегда певѣрный.

Расчетъ невѣрный потому, что истинная вѣра даетъ благо только въ настоящемъ, а не даетъ и не можетъ дать никакихъ внѣшнихъ благъ въ будущемъ.

2.

Шелъ человѣкъ наниматься въ работники. И повстрѣчались ему два наемщика. Разсказалъ человѣкъ, что онъ ищетъ работы. И оба наемщика стали звать его, каждый къ своему хозяину. Одинъ сказалъ ему: «Иди къ моему. Мѣсто хорошее. Правда, если не угодишь, засадить въ тюрьму и сѣчь будетъ, а если угодишь, такъ ужъ лучше житья не бываетъ. Когда отработаешь, то будешь жить, ничего не дѣлать, и всякій день угощеніе, вино, сласти, катанье. Только угоди. Житье будетъ такое, что лучше и вздумать нельзя». Такъ зазывалъ къ себѣ одинъ изъ наемщиковъ.

Другой наемщикъ тоже звалъ къ своему хозяину, но ничего не говорилъ про то, какъ хозяинъ его будетъ награждать рабочаго, даже не могъ сказать, какъ и гдѣ будутъ жить рабочіе и тяжела или легка работа, а только сказалъ, что хозяинъ добрый, никого не наказываетъ и самъ живетъ съ рабочими.

И подумалъ человѣкъ про перваго хозяина: «Ужъ очень много обѣщаетъ. Если бы дѣло по правдѣ было, незачѣмъ обѣщать такъ много. Польстишься на роскошную жизнь, какъ бы хуже не было. А хозяинъ, должно, сердитый, потому что строго наказываетъ тѣхъ, кто не по немъ дѣлаетъ. Пойду лучше ко второму,—тотъ хоть ничего не обѣщаетъ, да, говорятъ, добрый, да и живетъ заодно съ рабочими».

То же и съ ученіями о вѣрѣ. Одни учителя привлекаютъ людей къ доброй жизни тѣмъ, что пугаютъ наказаніями и заманиваютъ наградой на томъ свѣтѣ, гдѣ никто не былъ. Другіе же учителя учатъ только тому, что начало жизни, любовь, живетъ въ душахъ людей, и что хорошо тому, кто соединился съ нимъ.

3.

Если ты служишь Богу изъ-за вѣчнаго блаженства, то ты служишь себѣ, а не Богу.

4.

Главная разница между истинной вѣрой и ложной та, что при ложной вѣрѣ человѣкъ хочетъ, чтобы за его жертвы и молитвы Богъ угождалъ человѣку. При истинной же вѣрѣ человѣкъ хочетъ только одного: научиться угождать Богу.

VIII.

Разумъ повѣряетъ положенія вѣры.

1.

Не заглушать свой разумъ нужно для того, чтобы познать истинную вѣру, а, напротивъ, очищать, напрягать его для того, чтобы повѣрять разумомъ то, чему учать учителя вѣры.

2.

Мы не разумомъ доходимъ до вѣры. Но разумъ нуженъ для того, чтобы повѣрять ту вѣру, которой учать насъ.

3.

Не бойся откидывать отъ своей вѣры все лишнее, тѣлесное, видимое, осязаемое, а также и все смутное, неясное: чѣмъ больше ты очистишь духовное ядро, тѣмъ яснѣе узнаешь истинный законъ жизни.

4.

Не тотъ невѣрующій, кто не вѣритъ въ то, чему вѣрятъ всѣ вокругъ него, а истинно невѣрующій тотъ, кто думаетъ и говорить, что вѣритъ въ то, во что не вѣритъ.

IX.

Религіозное сознаніе людей не переставая
совершенствуется.

1.

Надо пользоваться ученіемъ о законѣ жизни прежнихъ древнихъ мудрыхъ и святыхъ людей, но мы сами должны своимъ разумомъ провѣрить то, чему они учатъ насъ: принять то, что согласно съ разумомъ, и откинуть то, что не согласно съ нимъ.

2.

Когда человѣкъ для того, чтобы не ошибиться въ законѣ Бога, не рѣшается отступить отъ разѣ признанной имъ вѣры, то съ нимъ случается то же, что случилось бы съ человѣкомъ, который для того, чтобы не заблудиться, привязалъ бы себя къ столбу веревкой.

Люси Малори.

3.

Очень удивительно то, что большинство людей тверже всего вѣрятъ самымъ стариннымъ ученіямъ о вѣрѣ, такимъ, какія уже не подходятъ къ нашему времени, а откидываютъ и считаютъ ненужными и вредными всѣ новыя ученія. Такіе люди забываютъ то, что если Богъ открывалъ истину древнимъ людямъ, то Онъ все тотъ же и точно такъ же можетъ открывать ее и недавно жившимъ и теперь живущимъ людямъ.

По Торо.

4.

Самый законъ жизни не можетъ измѣняться, но люди могутъ все яснѣе и яснѣе понимать его и научиться тому, какъ въ жизни исполнять его.

5.

Религія не потому истинна, что ее проповѣдывали святые люди, а святые люди ее проповѣдывали потому, что она истинна.

Лессингъ.

6.

Когда дождевая вода течетъ по жолобамъ, то намъ кажется, что она вытекаетъ изъ нихъ. Но вѣдь вода падаетъ съ неба. То же и съ поученіями святыхъ и мудрецовъ: намъ кажется, что поученія идутъ отъ нихъ, а они идутъ отъ Бога.

По Рама - Кришнѣ.

II. Богъ.

Кромѣ всего тѣлеснаго въ себѣ и во всемъ мірѣ, мы знаемъ еще нѣчто безтѣлесное, дающее жизнь нашему тѣлу и связанное съ нимъ. Это нѣчто безтѣлесное, связанное съ нашимъ тѣломъ, мы называемъ душою. Это же безтѣлесное, ни съ чѣмъ не связанное и дающее жизнь всему, что есть, мы называемъ Богомъ.

I.

Богъ познается человѣкомъ въ самомъ себѣ.

1.

Основа всякой вѣры въ томъ, что, кромѣ того, что мы видимъ и чувствуемъ въ своихъ тѣлахъ и тѣлахъ другихъ существъ, есть еще то, что невидимо, безтѣлесно, даетъ жизнь намъ и всему видимому и тѣлесному.

2.

Я знаю, что во мнѣ то, безъ чего ничего бы не было. Это-то и есть то, что я называю Богомъ.

По Ангелусу.

3.

Всякій человѣкъ, думая о томъ, что онъ такое, не можетъ не видѣть того, что онъ не все, а особенная, отдѣльная часть *чего-то*. И понявъ это, человѣкъ обыкновенно думаетъ, что это *что-то*, отъ чего онъ отдѣленъ, есть тотъ міръ вещественный, который онъ видитъ, та земля, на которой онъ живетъ и жили его предки, то небо, тѣ звѣзды, то солнце, какія онъ видитъ.

Но какъ только человѣкъ подумаетъ объ этомъ поглубже или узнаетъ о томъ, что думали объ этомъ мудрые люди міра, онъ узнаетъ, что это *Что-то*, отъ чего люди чувствуютъ себя отдѣленными, не есть тотъ вещественный міръ, который тянется во всѣ стороны безъ конца по мѣсту, а также и безъ конца по времени, а есть что-то другое. Если человѣкъ поглубже подумаетъ объ этомъ и узнаетъ, что думали объ этомъ же мудрые люди міра, онъ пойметъ, что вещественный міръ, который никогда не начался и никогда не кончится и которому нѣтъ и не можетъ быть предѣла во всѣ стороны, не есть что-либо дѣйствительное, а есть только наша мечта, и что поэтому-то *Что-то*, отъ чего мы чувствуемъ себя отдѣленными, есть нѣчто, не имѣющее ни начала, ни конца ни по времени, ни по мѣсту, а есть нѣчто невещественное, духовное.

Вотъ это нѣчто духовное, что человѣкъ признаетъ своимъ началомъ, и есть то, что всѣ мудрые люди называли и называютъ Богомъ.

4.

Познать Бога можно только въ себѣ. Пока не найдешь Его въ себѣ, не найдешь Его нигдѣ.

Нѣтъ Бога для того, кто не знаетъ Его въ себѣ.

5.

Я знаю въ себѣ отдѣленное отъ всего духовное существо. Такимъ же отдѣленнымъ отъ всего я знаю такое же духовное

существо и въ другихъ людяхъ. Но если я знаю это духовное существо въ себѣ и знаю его въ другихъ существахъ, то оно не можетъ не быть и само въ себѣ. Вотъ это-то существо само въ себѣ мы и называемъ Богомъ.

6.

Живешь не ты: то, что ты называешь собою, то мертво. То, что живить тебя,—это Богъ.

Ангелусъ.

7.

Не думай заслужить Богу дѣлами: всѣ дѣла передъ Богомъ ничто. Нужно не заслуживать передъ Богомъ, а быть Имъ.

Ангелусъ.

8.

Если бы мы не видѣли глазами, не слышали ушами, не щупали руками, мы ничего бы не знали изъ того, что вокругъ насъ. Если же бы мы не сознавали Бога въ себѣ, мы не знали бы и самихъ себя, не знали бы въ себѣ того, кто видитъ, слышитъ, ощупываетъ міръ кругомъ себя.

9.

Тотъ, кто не сумѣетъ сдѣлаться сыномъ Бога, навѣкъ останется въ хлѣву со скотиной.

Ангелусъ.

10.

Если я живу мірской жизнью, я могу обходиться безъ Бога. Но стоитъ мнѣ подумать о томъ, откуда я взялся, когда родился и куда дѣнусь, когда умру, и я не могу не признать, что есть то, отъ чего я пришелъ, къ чему я иду. Не могу не признать, что я пришелъ въ этотъ міръ отъ чего-то мнѣ непонятнаго и что иду я къ такому же чему-то непонятному мнѣ.

Вотъ это-то, то непонятное, отъ чего я пришелъ и къ чему иду,—я называю Богомъ.

11.

Говорятъ, Богъ есть любовь, или любовь это Богъ. Говорятъ тоже, что Богъ это разумъ, или разумъ это Богъ. Все это не совсѣмъ вѣрно. Любовь и разумъ это тѣ свойства Бога, которыя мы сознаемъ въ себѣ, по то, что Онъ самъ въ себѣ, этого мы не можемъ знать.

12.

Бояться Бога хорошо, но еще лучше любить Его. Лучше же всего воскресить Его въ себѣ.

Ангелусъ.

13.

Человѣку нужно любить, а любить по-настоящему можно только то, въ чемъ нѣтъ ничего дурного. И потому должно быть и то, въ чемъ нѣтъ ничего дурного. А такое существо, въ которомъ нѣтъ ничего дурного, и есть только одно: Богъ.

14.

Если бы Богъ не любилъ самъ себя въ тебѣ, ты никогда не могъ бы любить ни себя, ни Бога, ни ближняго.

Ангелусъ.

15.

Если и разное иногда говорятъ люди о томъ, что такое Богъ, то зато уже всѣ тѣ, кто точно вѣрятъ въ Бога, всегда одинаково понимаютъ то, чего Богъ хочетъ отъ нихъ.

16.

Богъ любить уединеніе. Онъ войдетъ въ твое сердце только тогда, когда Онъ будетъ въ немъ одинъ, когда ты будешь думать только о Немъ одномъ.

По Ангелусу.

17.

Есть такой арабскій разсказъ: разсказываютъ, что будто бы Моисей, странствуя въ пустынь, услышалъ, какъ одинъ пастухъ молился Богу. Пастухъ молился такъ: «О, Господи, какъ бы мнѣ сойтись съ Тобой и сдѣлаться Твоимъ рабомъ! Съ какой бы радостью я обувалъ Тебя, мылъ бы Твои ноги и цѣловалъ бы ихъ, расчесывалъ бы Тебѣ волосы, стиралъ бы Тебѣ одежду, убиралъ бы Твое жилище и приносилъ бы Тебѣ молоко отъ моего стада! Желаетъ Тебя мое сердце». Услыхалъ такія слова Моисей, разсердился на пастуха и сказалъ: «Ты богохульникъ. У Бога нѣтъ тѣла,—Ему не нужно ни одежды, ни жилища, ни прислуги. Ты дурно говоришь». И пастухъ опечалился. Не могъ онъ представить себѣ Бога безъ тѣла и безъ тѣлесныхъ нуждъ, и не могъ онъ больше молиться и служить Богу, и пришелъ въ отчаяніе. Тогда Богъ сказалъ Моисею: «Зачѣмъ ты отогналъ отъ Меня вѣрнаго раба Моего? У всякаго человѣка свои мысли и свои рѣчи. Что для одного нехорошо, то для другого хорошо; что для тебя ядъ, то для другого медъ сладкій. Слова ничего не значать. Я вижу сердце того, кто ко Мнѣ обращается».

18.

Люди разное говорятъ про Бога, но чувствуютъ и понимаютъ Его все одинаково.

19.

Человѣку такъ же нельзя не вѣрить въ Бога, какъ нельзя не ходить на двухъ ногахъ; вѣра эта можетъ у людей мѣняться, можетъ и вовсе заглухнуть, но безъ этой вѣры человѣкъ не можетъ понимать самого себя.

По Лихтенбергу.

20.

Если человѣкъ и не знаетъ, что онъ дышитъ воздухомъ, онъ знаетъ, что когда онъ задыхается, у него чего-то нѣтъ

такого, безъ чего онъ жить не можетъ. То же бываетъ и съ человѣкомъ, когда онъ теряетъ Бога, хотя онъ и не знаетъ, отъ чего страдаетъ.

II.

Разумному человѣку нельзя не признавать Бога.

1.

Люди говорятъ про Бога, что Онъ живетъ на небѣ. Говорятъ также и то, что Онъ живетъ въ человѣкѣ. И то и другое правда. Онъ и на небѣ, то-есть въ безконечномъ мірѣ, и въ душѣ человѣка.

2.

Сознавая въ своемъ отдѣльномъ тѣлѣ духовное и нераздѣльное существо—Бога и видя того же Бога во всемъ живомъ, человѣкъ спрашиваетъ себя: для чего Богъ, существо духовное, единое и нераздѣльное, заключилъ Себя въ отдѣльныя тѣла существъ—и въ меня, и въ тѣла отдѣльныхъ существъ? Для чего существо духовное и единое какъ бы раздѣлилось само въ себѣ? Для чего духовное и нераздѣльное стало отдѣльнымъ и тѣлеснымъ? Для чего бессмертное связало себя съ смертнымъ?

И отвѣтъ на это дастъ только тотъ человѣкъ, который исполняетъ волю Того, Кто послалъ его въ жизнь.

«Все это сдѣлано для моего блага,—говоритъ такой человѣкъ.—Благодарю за него и больше ничего не спрашиваю».

3.

То, что мы называемъ Богомъ, мы видимъ и въ небесахъ, и въ каждомъ человѣкѣ.

Посмотришь зимней ночью на небо и увидишь звѣзды, звѣзды, звѣзда за звѣздой и конца имъ нѣтъ. И когда подумаешь, что каждая изъ этихъ звѣздъ во много-много разъ

больше той земли, на которой мы живемъ, и что за тѣми звѣздами, какія мы видимъ, еще сотни, тысячи, миллионы такихъ же и еще большихъ звѣздъ, и что ни звѣздамъ, ни небу конца нѣтъ, то поймешь, что есть то, чего мы понять не можемъ.

Когда же заглянемъ въ себя и видимъ въ себѣ то, что мы называемъ собою, своей душой, когда мы видимъ въ себѣ что-то такое, чего мы такъ же понять не можемъ, но что знаемъ тверже, чѣмъ все другое, и черезъ что знаемъ все, что есть, то и въ своей душѣ мы видимъ что-то еще болѣе понятное и великое, чѣмъ то, что видимъ въ небесахъ.

Вотъ это-то, то, что мы видимъ въ небесахъ, и то, что сознаемъ въ самихъ себѣ—въ своей душѣ, мы и называемъ Богомъ.

4.

Во всѣ времена, у всѣхъ народовъ была вѣра въ то, что какая-то невидимая сила держитъ міръ.

У древнихъ сила эта называлась: всемірный разумъ, природа, жизнь, вѣчность; у христіанъ эта сила называется—духъ, Отецъ, Господь, разумъ, истина.

Міръ видимый, перемѣнный, какъ бы тѣнь этой силы.

Какъ Богъ вѣченъ, такъ и видимый міръ, тѣнь его, вѣченъ. Но видимый міръ только тѣнь. Истинно существуетъ только невидимая сила—Богъ.

Сковорода.

5.

Есть существо, безъ котораго не было бы ни неба, ни земли. Существо это спокойно, безтѣлесно, свойства его называютъ любовью, разумомъ, но само существо не имѣетъ имени. Оно самое отдаленное и самое близкое.

Лао-Тсе.

6.

У одного человѣка спросили: почему онъ знаетъ, что есть Богъ? Онъ отвѣчалъ: «Развѣ нужна свѣча, чтобы видѣть зарю?»

7.

Если человекъ считаетъ что-либо великимъ, то это значитъ, что онъ не смотритъ на вещи съ высоты Бога.

Ангелусъ.

8.

Можно не думать о томъ, что такое весь міръ безъ конца во всѣ стороны, и что такое моя душа, которая знаетъ сама себя; но если только подумать объ этомъ, то нельзя не признать того, что мы называемъ Богомъ.

9.

Есть въ Америкѣ отъ рожденія слѣпая, глухая и нѣмая дѣвочка. Ее выучили оцупью читать и писать. Когда учительница объяснила ей, что есть Богъ, дѣвочка сказала, что она всегда знала это, но только не знала, какъ это называется.

III.

Воля Бога.

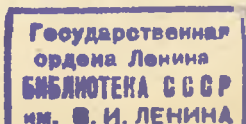
1:

Мы узнаемъ Бога не столько разумомъ, сколько тѣмъ, что чувствуемъ себя во власти Его, въ родѣ того, что чувствуетъ грудной ребенокъ на рукахъ матери.

Ребенокъ не знаетъ, кто держать, кто грѣть, кто кормить его, но знаетъ, что есть этотъ кто-то, и мало того, что знаетъ,—любить того, во власти кого онъ находится. То же и съ человекомъ.

2.

Чѣмъ больше человекъ исполняетъ волю Бога, тѣмъ больше онъ и знаетъ Его.

Если человекъ совсѣмъ не исполняетъ воли Бога, онъ совсѣмъ не знаетъ Бога, хотя бы и говорилъ, что знаетъ Его, и молился бы Ему.

3.

Какъ всякую вещь можно узнать, только ближе подойдя къ ней, такъ и Бога узнаешь только, когда приблизишься къ Нему. А приблизиться къ Богу можно только добрыми дѣлами. И чѣмъ больше приучаетъ себя человекъ къ доброй жизни, тѣмъ ближе узнаетъ онъ Бога. И чѣмъ больше узнаетъ Бога, тѣмъ больше любить людей. Одно помогаетъ другому.

4.

Бога мы не можемъ знать. Одно, что мы знаемъ про Него—это Его законъ, волю Его, какъ сказано въ Евангеліи. Изъ того, что мы знаемъ Его законъ, мы выводимъ то, что существуетъ и Тотъ, Кто далъ законъ, но Его самого мы не можемъ знать. Мы знаемъ вѣрно только то, что въ жизни мы должны исполнять данный намъ Богомъ законъ, и что наша жизнь тѣмъ лучше, чѣмъ точнѣе мы исполняемъ Его законъ.

5.

Человекъ не можетъ не чувствовать, что его жизнью что-то дѣлается, что онъ чье-то орудіе. А если онъ орудіе чье-то, то есть и тотъ, кто работаетъ этимъ орудіемъ. Вотъ этотъ тотъ, кто имъ работаетъ, и есть Богъ.

6.

Удивительно, какъ я могъ не видѣть прежде той простой истины, что за этимъ міромъ и нашей жизнью въ немъ есть Кто-то, Что-то, знающее, для чего существуетъ этотъ міръ и для чего мы въ немъ, какъ въ кипяткѣ пузыри, вскакиваемъ, лопаемся и исчезаемъ.

Да, дѣлается что-то въ этомъ мірѣ, и дѣлается всѣми жи-

выми существами, и дѣлается мной, моей жизнью. Иначе для чего бы было это солнце, эти весны, зимы, и для чего эти страданія, рожденія, смерти, благодѣянія, злодѣйства, для чего всѣ эти отдѣльныя существа, очевидно, не имѣющія для меня смысла и вмѣстѣ съ тѣмъ живущія во всю силу, такъ хранящія свою жизнь, существа, въ которыхъ такъ крѣпко за-
винчена жизнь. Жизнь этихъ существъ болѣе всего меня убѣждаетъ, что все это нужно для какого-то дѣла, разумнаго, добраго, но не доступнаго мнѣ.

7.

Духовное мое «я» не сродно моему тѣлу, — стало-быть, оно въ тѣлѣ не по своей волѣ, а по чьей-то высшей волѣ.

Вотъ эта-то воля и есть то, что мы понимаемъ и называемъ Богомъ.

8.

Ни почитать, ни хвалить Бога нельзя. О Богѣ можно только молчать и служить Ему.

Ангелусъ.

9.

Пока человѣкъ поетъ, кричитъ, при всѣхъ говоритъ: «О, Господи, Господи!» знай, что онъ не нашелъ Господа. Тотъ, кто нашелъ Его, молчитъ.

Рама - Кришна.

10.

Въ дурныя минуты не чувствуешь Бога, сомнѣваешься въ Немъ. И спасеніе всегда одно, и вѣрное: перестать думать о Богѣ, а думать только объ Его законѣ и исполнять его, любить всѣхъ, — и сейчасъ кончается сомнѣніе, и опять найдешь Бога.

IV.

Бога нельзя познать разумомъ.

1.

Чувствовать Бога въ себѣ можно и нетрудно. Познать же Бога, что Онъ такое—невозможно и ненужно.

2.

Нельзя разумомъ понять, что есть Богъ и что есть душа въ человѣкѣ; и также нельзя понять того, что нѣтъ Бога и что нѣтъ души въ человѣкѣ.

П а с к а л ь.

3.

Для чего я отдѣленъ отъ всего остального и зачѣмъ знаю, что есть *все* то, отъ чего я отдѣленъ, и почему не могу понимать, что такое это Все? Зачѣмъ мое «я» не переставая измѣняется? Я не могу понять ничего этого. Но не могу не думать, что во всемъ этомъ есть смыслъ,—не могу не думать, что есть такое существо, для котораго все это понятно, которое знаетъ, зачѣмъ все это.

4.

Чувствовать Бога можетъ всякій, но познать Его не можетъ никто. И потому не старайся познавать Его, а старайся, исполняя Его волю, все живѣе и живѣе чувствовать Его въ самомъ себѣ.

5.

Богъ, котораго мы познали, уже не Богъ: познанный Богъ уже становится такимъ же конечнымъ, какъ мы сами. Бога нельзя знать. Онъ всегда непознаваемый.

По Вивеканандѣ.

6.

Если глаза твои слѣпнутъ отъ солнца, то ты не говоришь, что нѣтъ солнца. Не скажешь ты и того, что нѣтъ Бога

оттого, что твой разумъ путается и теряется, когда ты хочешь понять начало и причину всего.

По Ангелусу.

7.

«Зачѣмъ ты спрашиваешь объ имени Моемъ?—говорить Богъ Моисею.—Если позади того, что движется, ты можешь видѣть то, что всегда было, есть и будетъ, то ты знаешь Меня. Мое имя такое же, какъ Моя сущность. Я—сущій. Я то, что есть.

Кто желаетъ знать Мое имя, тотъ не знаетъ Меня».

Сковорода.

8.

Разумъ, который можно уразумѣть, не есть вѣчный разумъ; существо, которое можно назвать, не есть высшее существо.

Лао-Тсе.

9.

Богъ для меня это—то, къ чему я стремлюсь, то, въ стремленіи къ чему и состоитъ моя жизнь, и который поэтому и *есть* для меня, но есть непременно такой, что я Его понять, назвать не могу. Если бы я Его понялъ, я бы дошелъ до Него, и стремиться бы некуда было, и жизни бы не было. Но я Его понять и назвать не могу, а вмѣстѣ съ тѣмъ знаю Его,—знаю направленіе къ Нему, и даже изо всѣхъ моихъ знаній это самое достовѣрное.

Странно, что я не знаю Его, а вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ всегда страшно, когда я безъ Него, и только тогда не страшно, когда я съ Нимъ. Еще страннѣе то, что знать Его больше и лучше, чѣмъ я Его знаю теперь, въ моей теперешней жизни, мнѣ и не нужно. Приблизиться мнѣ къ Нему можно и хочется, и въ этомъ моя жизнь, но приближеніе нисколько не увеличиваетъ и не можетъ увеличить моего знанія. Всякая попытка воображенія о томъ, что я познаю Его (напримѣръ, что Онъ творецъ или милосердъ, или что-нибудь подобное), удаляетъ меня отъ Него и прекращаетъ мое приближеніе къ Нему. Даже мѣстоименіе «Онъ», относимое къ Богу, уже

нѣсколько нарушаетъ для меня все значеніе Его. Слово «Онъ» какъ-то умаляетъ Его.

10.

Все, что можно сказать о Богѣ, не похоже на Него. Словами нельзя выразить Бога.

Ангелусъ.

V.

О невѣріи въ Бога.

1.

Разумный человѣкъ находитъ въ себѣ понятіе своей души, себя и души всемірной—Бога, и сознавая невозможность довести эти понятія до полной ясности, съ покорностью останавливается передъ ними и не дотрагивается до покрова.

Но были и есть всегда люди съ утонченнымъ умомъ и ученостью, которые хотятъ словами выяснять понятіе Бога. Я не осуждаю этихъ людей. Но они неправы, когда говорятъ, что нѣтъ Бога. Я признаю, что можетъ случиться, что люди и хитрыя продѣлки людей могутъ на время убѣдить людей, что нѣтъ Бога, но такое безбожіе не можетъ продолжаться. И, такъ или иначе, человѣкъ будетъ всегда нуждаться въ Богѣ. Если бы божество проявилось намъ съ еще большей ясностью, чѣмъ теперь, я увѣренъ, что люди, противные Богу, придумали бы новыя тонкости, чтобы отрицать Его. Разумъ всегда подчиняется тому, чего требуетъ сердце.

Руссо.

2.

Думать, что нѣтъ Бога, это, по ученію Лао-Тсе, все равно, что вѣрить въ то, что если дуешь мѣхомъ, то духъ идетъ изъ мѣха, а не изъ воздуха, и что мѣхъ могъ бы дуть и тамъ, гдѣ не было бы воздуха.

3.

Когда люди, живя дурной жизнью, говорятъ, что нѣтъ Бога, они правы: Богъ есть только для тѣхъ, кто глядитъ въ Его сторону и приближается къ Нему. Для того же, кто отвернулся отъ Него и идетъ прочь отъ Него, нѣтъ и не можетъ быть Бога.

4.

Два рода людей знаютъ Бога: люди со смиреннымъ сердцемъ,—все равно, умные ли они или глупые,—и люди истинно разумные. Только люди гордые и средняго разума не знаютъ Бога.

Паскаль.

5.

Можно не называть Бога, не говорить этого слова, но не признавать Его нельзя. Ничего нѣтъ, если Его нѣтъ.

6.

Нѣтъ Бога только для того, кто не ищетъ Его. Ищи Его, и Онъ откроется тебѣ.

7.

Моисей говорилъ Богу: «Гдѣ я найду Тебя, Господи?»—Богъ отвѣтилъ: «Ты уже нашелъ Меня, когда ищешь Меня».

8.

Если войдетъ тебѣ въ голову мысль о томъ, что все, что ты думалъ о Богѣ, неправда, что нѣтъ Бога,—не смущайся этимъ, а знай, что это было и бываетъ со всѣми людьми. Но не думай только того, что если ты пересталъ вѣрить въ того Бога, въ котораго ты вѣрилъ, то это сдѣлалось оттого, что нѣтъ Бога. Если ты не вѣришь въ того Бога, въ котораго вѣрилъ, то это только оттого, что въ вѣрѣ твоей было что-нибудь неправильное.

Если дикарь пересталъ вѣрить въ своего деревяннаго бога, то это не значить то, что Бога нѣтъ, а только то, что Богъ

не деревянный. Понять Бога мы не можемъ, но можемъ все больше и больше сознать Его. II потому, если мы откидываемъ грубое понятіе о Богѣ, то это намъ на пользу. Дѣлается это для того, чтобы мы все лучше и выше признавали то, что мы называемъ Богомъ.

9.

Доказывать, что есть Богъ! Можетъ ли быть что-нибудь глупѣе мысли,—доказывать Бога. Доказывать Бога—все равно, что доказывать свою жизнь. Доказывать кому? Чѣмъ? Для чего? Если нѣтъ Бога, то ничего нѣтъ. Какъ же Его доказывать?

10.

Богъ есть. Намъ не нужно этого доказывать. Доказывать Бога—кощунство; отрицать Его—безуміе. Богъ живетъ въ нашей совѣсти, въ сознаніи всего человѣчества, въ окружающей насъ вселенной. Отрицать Бога подъ сводомъ звѣзднаго неба, у гроба дорогихъ людей или при радостной смерти казнамаго мученика можетъ только или очень жалкій, или очень развращенный человѣкъ.

Мадзини.

VI.

Любовь къ Богу.

«Я не понимаю, что значить любовь Бога. Развѣ можно любить что-то непонятное и неизвѣстное? Любить можно ближняго—это понятно и хорошо, но любить Бога—это только пустыя слова». Такъ говорятъ и думаютъ многіе. Но говорящіе и думающіе такъ люди грубо ошибаются, не понимая того, что значить любить ближняго,—не пріятнаго и полезнаго намъ человѣка, а одинаково всякаго человѣка, хотя бы это былъ самый непріятный, враждебный намъ человѣкъ. Такъ любить ближняго можетъ только тотъ, кто любитъ Бога, того Бога, который одинъ во всѣхъ людяхъ. Такъ что непонятна не любовь къ Богу, а непонятна любовь къ ближнему безъ любви къ Богу.

III.

Д у ш а.

Неосязаемое, невидимое, безтѣлесное, дающее жизнь всему существующему, само въ себѣ мы называемъ Богомъ. То же неосязаемое, невидимое, безтѣлесное начало, отдѣленное тѣломъ отъ всего остального и сознаваемое нами собою, мы называемъ душою.

I.

Что такое душа.

1.

Человѣкъ, если прожилъ долгій вѣкъ, то прожилъ много перемѣнъ,—былъ сначала младенцемъ, потомъ дитя, потомъ взрослымъ, потомъ старымъ. Но какъ ни перемѣнялся человѣкъ, онъ всегда говорилъ про себя «я». И этотъ «я» былъ въ немъ всегда одинъ и тотъ же. Тотъ же «я» былъ и въ младенцѣ, и въ взросломъ, и въ старикѣ. Вотъ это-то непременное «я» и есть то, что мы называемъ душой.

2.

Если человѣкъ думаетъ, что все, что онъ видитъ вокругъ себя, весь безконечный міръ, точно таковъ, какимъ онъ его

видить, то онъ очень ошибается. Все тѣлесное человѣкъ знаетъ только потому, что у него такое, а не иное зрѣніе, слухъ, осязаніе. Будь эти чувства другія,—и весь міръ былъ бы другой. Такъ что мы не знаемъ и не можемъ знать, каковъ тотъ тѣлесный міръ, въ которомъ мы живемъ. Одно, что мы вѣрно и вполне знаемъ, это нашу душу.

II.

„Я“ духовно.

1.

Когда мы говоримъ «я», то говоримъ мы это не про наше тѣло, а про то, чѣмъ живетъ наше тѣло. Что же такое это «я»? Словами мы не можемъ сказать, что такое это «я», но знаемъ мы это «я» лучше всего того, что знаемъ. Мы знаемъ, что не будь въ насъ этого «я», то мы ничего бы не знали, не было бы для насъ ничего на свѣтѣ и насъ самихъ бы не было.

2.

Когда я размышляю, то мнѣ труднѣе понять, что такое мое тѣло, чѣмъ то, что такое моя душа. Какъ ни близко тѣло, оно все-таки *чужое*, только душа *своя*.

3.

Если человѣкъ не сознаетъ въ себѣ душу, это не значитъ то, что въ немъ нѣтъ души, а только то, что онъ не научился еще сознать душу въ себѣ.

4.

Пока мы не познали, что въ насъ, какая намъ польза знать, что внѣ насъ? Да и можно ли, не познавъ себя, познать міръ? Можетъ ли тотъ, кто слѣпъ дома, быть зрячимъ въ гостяхъ?

Сковорода.

5.

Какъ свѣча не можетъ горѣть безъ огня, такъ человѣкъ не можетъ жить безъ духовной силы. Духъ живетъ во всѣхъ людяхъ, но не всѣ люди знаютъ это.

Радостна жизнь того, кто знаетъ это, и несчастна жизнь того, кто не знаетъ этого.

Браминская мудрость.

III.

Душа и вещественный міръ.

1.

Мы измѣрили землю, солнце, звѣзды, морскія глубины, лѣземъ въ глубь земли за золотомъ, отыскивали рѣки и горы на лунѣ, открываемъ новыя звѣзды и знаемъ ихъ величину, засыпаемъ пропасти, строимъ хитрыя машины; что ни день, то все новыя и новыя выдумки. Чего мы только не умѣемъ! Чего не можемъ! Но чего-то, и самого важнаго, все-таки не хватаетъ намъ. Чего именно, мы и сами не знаемъ. Мы похожи на маленькаго ребенка: онъ чувствуетъ, что ему нехорошо, а почему нехорошо—онъ не знаетъ.

Нехорошо намъ оттого, что мы знаемъ много лишняго, а не знаемъ самого нужнаго: самихъ себя. Не знаемъ того, кто живетъ въ насъ. Если бы мы знали и помнили то, что живетъ въ каждомъ изъ насъ, то жизнь наша была бы совсѣмъ другая.

По Гр. Сковородѣ.

2.

Все то, что вещественно въ этомъ мірѣ, мы не можемъ знать, каково оно въ самомъ дѣлѣ. Вполнѣ извѣстно намъ только то, что духовно въ насъ самихъ, то, что мы сознаемъ собою и что не зависитъ ни отъ нашихъ чувствъ, ни отъ нашихъ мыслей.

3.

Міру во всѣ стороны нѣтъ конца и не можетъ быть: какъ бы ни было что-нибудь далеко, за самымъ далекимъ есть еще болѣе далекое. То же и во времени: за тѣмъ, что было тысячи лѣтъ назадъ, были еще тысячи и тысячи лѣтъ безъ конца. И потому ясно, что человѣку никакъ нельзя понять, что такое вещественный міръ теперь и что такое онъ былъ и что будетъ.

Что же можетъ понять человѣкъ? А одно то, для чего не нужно ни мѣста, ни времени—свою душу.

4.

Часто люди думаютъ, что только то и есть, что они могутъ оцупать руками. Напротивъ того, по-настоящему есть только то, чего нельзя ни видѣть, ни слышать, ни оцупать, то, что мы называемъ своимъ «я»—своей душой.

5.

Конфуцій говорилъ: небо и земля велики, но они имѣютъ цвѣтъ, образъ, величину. Въ человѣкѣ же есть то, что думаетъ обо всемъ, что есть, и что не имѣетъ ни цвѣта, ни образа, ни величины. Такъ что, если бы весь міръ былъ мертвъ, то то, что есть въ человѣкѣ, одно давало бы жизнь міру.

6.

Желѣзо тверже камня, камень тверже дерева, дерево тверже воды, вода тверже воздуха. То же, чего нельзя оцупать, чего не видно и не слышно, тверже всего. Одно оно было, есть, будетъ и никогда не пропадетъ.

Что же это такое?

Это душа въ человѣкѣ.

7.

Хорошо бываетъ человѣку подумать о томъ, что онъ такое со своимъ тѣломъ. Тѣло это кажется большимъ, если сравнить

его съ блохой, и крошечнымъ, если сравнить его съ землей. Хорошо подумать еще о томъ, что и земля-то вся наша — песчинка въ сравненіи съ солнцемъ, и солнце — песчинка въ сравненіи съ звѣздой Сиріусомъ, а Сиріусъ — ничто въ сравненіи съ другими, еще большими звѣздами, и такъ безъ конца.

Ясно, что человѣкъ съ своимъ тѣломъ ничто въ сравненіи съ этимъ солнцемъ и звѣздами. А если подумать еще о томъ, что о каждомъ изъ насъ и помина не было, когда за сто, за тысячи, за много тысячъ лѣтъ жили на землѣ такіе же люди, какъ и я, такъ же рожались, росли, старѣлись и умирали, что отъ миллионовъ миллионовъ людей, такихъ же, какъ я теперь, не только костей, но и праха отъ костей не осталось, и что послѣ меня будутъ жить такіе же, какъ я, миллионы миллионовъ людей, изъ моего праха вырастетъ трава и траву поѣдятъ овцы, а овецъ съѣдятъ люди, и отъ меня никакой ни пылинки, ни памяти не останется! Развѣ не ясно, что я ничто?

Ничто-то ничто, да только ничто это понимаетъ себя и свое мѣсто въ мірѣ. А если оно понимаетъ, то пониманіе-то это не ничто, а что-то такое, что важнѣе всего этого безконечнаго міра, потому что безъ этого пониманія во мнѣ и другихъ подобныхъ мнѣ существахъ не было бы и всего того, что я называю этимъ безконечнымъ міромъ.

IV.

Духовное и тѣлесное въ человѣкѣ.

1.

Кто ты?—Человѣкъ.—Какой человѣкъ? Чѣмъ отличаешься отъ другихъ?—Я такихъ-то родителей сынъ, дочь, я старый, я молодой, я богатый, я бѣдный.

Каждый изъ насъ особенный отъ всѣхъ другихъ людей человѣкъ: мужчина, женщина, старикъ, мальчикъ, дѣвочка; и въ каждомъ изъ насъ, особенномъ человѣкѣ, живетъ во всѣхъ одно и то же во всѣхъ духовное существо, такъ что каждый

изъ насъ вмѣстѣ и Иванъ, и Наталья, и одно и то же во всѣхъ духовное существо. И когда мы говоримъ: *я хочу*, то иногда это значить то, что хочетъ этого Иванъ или Наталья, — иногда же то, что хочетъ этого то духовное существо, которое во всѣхъ одно. Такъ что бываетъ такъ, что Иванъ или Наталья хотять чего-нибудь одного, а духовное существо, которое живетъ въ нихъ, не хочетъ этого, а хочетъ совсѣмъ другого.

2.

Кто-то подходитъ къ двери. Я спрашиваю: Кто тамъ? Отвѣчаютъ: — Я. — Кто я? — Да я, — отвѣчаетъ тотъ, кто пришелъ. А пришелъ крестьянскій мальчикъ. Онъ удивляется тому, что можно спрашивать о томъ, кто это *я*. Онъ удивляется потому, что чувствуетъ въ себѣ то единое духовное существо, которое одно во всѣхъ, и потому удивляется тому, что можно спрашивать о томъ, что должно быть извѣстно всякому. Онъ отвѣчаетъ о духовномъ *я*, я же спрашиваю о томъ окошкѣ, черезъ которое смотреть это *я*.

3.

Говорить, что то, что мы называемъ собою, есть только тѣло, что и мой разумъ, и моя душа, и моя любовь, все только отъ тѣла, говорить такъ, все равно, что говорить, что то, что мы называемъ нашимъ тѣломъ, есть только та пища, которой питается тѣло. Правда, что тѣло мое это только передѣланная тѣломъ пища и что безъ пищи не было бы тѣла, но тѣло мое не пища. Пища это то, что нужно для жизни тѣла, но не тѣло.

То же и про душу. Правда, что безъ моего тѣла не было бы того, что я называю душой, но все-таки душа моя не тѣло. Тѣло только нужно для души, но тѣло не душа. Не было бы души, я бы и не зналъ, что такое мое тѣло.

Начало жизни не въ тѣлѣ, а въ душѣ.

4.

Когда мы говоримъ: «это было, это будетъ или можетъ быть», то мы говоримъ про жизнь тѣлесную. Но, кромѣ жизни

тѣлесной, которая была и будетъ, мы знаемъ въ себѣ еще другую жизнь: жизнь духовную. А духовная жизнь не была, не будетъ, а сейчасъ есть. Эта жизнь и есть настоящая жизнь. И хорошо человѣку, когда онъ живетъ этой духовной, а не тѣлесной жизнью.

5.

Христосъ научаетъ человѣка тому, что въ немъ есть то, что поднимаетъ его выше этой жизни съ ея суетой, страхами и похотями. Человѣкъ, познавшій ученіе Христа, испытываетъ то же, что испытала бы птица, если бы она не знала того, что у нея есть крылья, и вдругъ поняла бы, что она можетъ летать, быть свободной и ничего не бояться.

V.

Совѣсть—голосъ души.

1.

Въ каждомъ человѣкѣ живутъ два человѣка: одинъ слѣпой, тѣлесный, а другой зрячій, духовный. Одинъ—слѣпой человѣкъ—ѣстъ, пьетъ, работаетъ, отдыхаетъ, плодится и дѣлаетъ все это, какъ заведенные часы. Другой—зрячій, духовный человѣкъ—самъ ничего не дѣлаетъ, а только одобряетъ или не одобряетъ то, что дѣлаетъ слѣпой, животный человѣкъ.

Зрячую, духовную часть человѣка называютъ совѣстью. Эта духовная часть человѣка, совѣсть, дѣйствуетъ такъ же, какъ стрѣлка компаса. Стрѣлка компаса двигается съ мѣста только тогда, когда тотъ, кто несетъ ее, сходить съ того пути, который она показываетъ. То же и съ совѣстью: она молчитъ, пока человѣкъ дѣлаетъ то, что должно. Но стоитъ человѣку сойти съ настоящаго пути, и совѣсть показываетъ человѣку, куда и насколько онъ сбился.

2.

Когда мы слышимъ про то, что человѣкъ сдѣлалъ что-нибудь дурное, мы говоримъ: совѣсти у него нѣтъ.

Что же такое совѣсть?

Совѣсть это голосъ того единого духовнаго существа, которое живетъ во всѣхъ.

3.

Совѣсть это—сознаніе того духовнаго существа, которое живетъ во всѣхъ людяхъ. И только тогда, когда она такое сознаніе, она вѣрный руководитель жизни людей. А то часто люди считаютъ за совѣсть не сознаніе этого духовнаго существа, а то, что считается хорошимъ или дурнымъ тѣми людьми, съ которыми они живутъ.

4.

Голосъ страстей можетъ быть громче голоса совѣсти, но голосъ страстей совсѣмъ другой, чѣмъ тотъ спокойный и упорный голосъ, которымъ говоритъ совѣсть. И какъ ни громко кричатъ страсти, онѣ все-таки робѣютъ передъ тихимъ, спокойнымъ и упорнымъ голосомъ совѣсти. Голосомъ этимъ говоритъ Вѣчное, божественное, живущее въ человѣкѣ.

Ч а н н и н гъ.

5.

Философъ Кантъ говорилъ, что двѣ вещи больше всего удивляютъ его. Одно: это звѣзды на небѣ, а другое: это законъ добра въ душѣ человѣка.

6.

Истинное добро въ тебѣ самомъ, въ твоей душѣ. Кто ищетъ добро не въ самомъ себѣ, дѣлаетъ то же, что дѣлаетъ пастухъ, когда ищетъ въ стадѣ того ягненка, который у него за пазухой.

И н д і й с к а я В и м а н а.

VI.

Божественность души.

1.

Прежде всего пробуждается въ человѣкѣ сознание своей отдѣленности отъ всего остального вещества, то-есть своего тѣла. Потомъ 'сознание того, что отдѣлено, то-есть своей души, и потомъ сознание того, отъ чего отдѣлена эта духовная основа жизни—сознание Всего—Бога.

Вотъ это-то то, что сознаетъ свое отдѣленіе отъ Всего, отъ Бога, и есть то единое духовное существо, которое живетъ въ каждомъ человѣкѣ.

2.

Сознать себя *отдѣленнымъ* существомъ значить познать существованіе того, отъ чего отдѣленъ, познать существованіе Всего—Бога.

3.

«Истинно, истинно говорю вамъ: слушающій слово Мое и вѣрующій въ Пославшаго Меня имѣетъ жизнь вѣчную, и на судъ не приходитъ, но перешелъ отъ смерти въ жизнь. Истинно, истинно говорю вамъ: наступаетъ время, и настало уже, когда мертвые услышатъ гласъ Сына Божія и услышавши оживутъ. Ибо, какъ Отецъ имѣетъ жизнь въ Самомъ Себѣ, такъ и Сыну далъ имѣть жизнь въ Самомъ Себѣ».

Ин. V, 24—26.

4.

Капля, попадая въ море, становится моремъ. Душа, соединяясь съ Богомъ, становится Богомъ.

Ангелусъ.

5.

Когда истина высказывается человѣкомъ, то это не значитъ того, чтобы истина эта исходила изъ человѣка. Всякая истина

отъ Бога. Она только проходить черезъ человѣка. Если она проходить черезъ этого, а не другого человѣка, то это только отъ того, что этотъ человѣкъ сумѣлъ сдѣлать себя настолько прозрачнымъ, чтобы истина могла проходить черезъ него.

Паскаль.

6.

Богъ говоритъ: «Я былъ никому неизвѣстнымъ сокровищемъ. И Я пожелалъ быть извѣстнымъ. И вотъ Я создалъ человѣка».

Магометъ.

7.

Бога никакъ нельзя понять умомъ. Мы знаемъ, что Онъ есть, только потому, что знаемъ Его не умомъ, а тѣмъ, что сознаемъ Его въ себѣ.

Для того, чтобы человѣку быть настоящимъ человѣкомъ, ему надо сознать Бога въ себѣ.

Спрашивать, есть ли Богъ, все равно, что спрашивать: есть ли я? То, чѣмъ я живу, это и есть Богъ.

8.

Тѣло—это пища души, это лѣса, посредствомъ которыхъ строится истинная жизнь.

Самая большая радость, какую можетъ узнать человѣкъ, это радость познанія въ себѣ свободного, разумнаго, любящаго и потому блаженнаго существа, познаніе въ себѣ Бога.

9.

Если человѣкъ не знаетъ самого себя, то нельзя совѣтовать ему, чтобы онъ постарался узнать Бога. Можно совѣтовать это только такому человѣку, который знаетъ себя. Прежде, чѣмъ узнать Бога, человѣкъ долженъ узнать самого себя.

10.

Если я растоплюсь на Божьемъ огнѣ, то Богъ оттиснетъ на мнѣ Свой образъ.

Ангелусъ.

11.

Душа—стекло. Богъ—это свѣтъ, проходящій черезъ стекло.

12.

Не надо думать, что живу я. Живу не я, а живетъ то духовное существо, которое живетъ во мнѣ. Я—это только то отверстіе, черезъ которое проявляется это существо.

13.

Есть только я и Ты. Если бы не было насъ двоихъ, то не было бы ничего на свѣтѣ.

Ангелусъ.

14.

Я знаю Бога не тогда, когда вѣрю тому, что мнѣ сказали о Немъ, а когда сознаю Его такъ же, какъ сознаю свою душу.

15.

Я для Бога—другой Онъ. Онъ во мнѣ находитъ то, что вѣчно будетъ подобно Ему.

Ангелусъ.

16.

Человѣкъ какъ будто всегда слышитъ за собой голосъ, но не можетъ повернуть голову и увидеть того, кто говоритъ. Голосъ этотъ говоритъ на всѣхъ языкахъ, управляетъ всѣми людьми, но никто никогда не видалъ того, кто говоритъ. Если только человѣкъ станетъ точно повиноваться этому голосу, приметъ его въ себя такъ, что не будетъ въ мысляхъ отдѣлять себя отъ него, онъ почувствуетъ, что этотъ голосъ и онъ одно и то же. И чѣмъ больше человѣкъ будетъ считать этотъ голосъ собою, тѣмъ ему будетъ лучше. Голосъ этотъ откроетъ ему блаженную жизнь, потому что голосъ этотъ—голосъ Бога въ человѣкѣ.

По Эмерсону.

17.

Богъ желаетъ блага всему, и потому, если ты желаешь блага всему, то-есть любишь, то въ тебѣ живетъ Богъ.

18.

Человѣкъ, не оставайся человѣкомъ. Дѣлайся Богомъ, — только тогда ты сдѣлаешь съ собой то, что должно.

Ангелусъ.

19.

Говорятъ: *спасать душу*. Спасать можно только то, что можетъ погибнуть. Душа не можетъ погибнуть, потому что она одна только существуетъ. Не спасать надо душу, а очищать ее отъ того, что затемняетъ, оскверняетъ ее, просвѣщать ее для того, чтобы Богъ все больше и больше проходилъ черезъ нее.

20.

Говорятъ: «или ты Бога забылъ?» Это хорошее слово. Забылъ Бога—значитъ забылъ Того, кто живетъ въ тебѣ и къмъ ты живешь.

21.

Какъ Богъ нуженъ мнѣ, такъ и я нуженъ Богу.

Ангелусъ.

22.

Когда ослабѣваешь и становится тяжело, надо вспомнить, что у тебя есть душа и что ты можешь жить ею. А мы вмѣсто этого думаемъ, что такіе же люди, какъ мы сами, могутъ поддержать насъ.

Эмерсонъ.

23.

Изъ всякаго труднаго положенія сейчасъ же выйдешь, если только вспомнишь, что живешь не тѣломъ, а душою, вспомнишь, что въ тебѣ есть то, что сильнѣе всего на свѣтѣ.

24.

Кто соединенъ съ Богомъ, тотъ не можетъ бояться Бога. Богъ не можетъ сдѣлать зло Самому Себѣ.

25.

Человѣкъ можетъ всякую минуту спросить себя, что я такое и что я сейчасъ дѣлаю, думаю, чувствую, и можетъ отвѣтить себѣ: сейчасъ я дѣлаю, думаю, чувствую то-то и то-то. Но если человѣкъ спросить себя: что же такое то, что во мнѣ сознаетъ то, что я дѣлаю, думаю, чувствую?—то онъ ничего не можетъ отвѣтить другого, какъ только то, что это сознаніе себя. Вотъ это-то сознаніе себя и есть то, что мы называемъ душою.

26.

Услышали разъ рыбы въ рѣкѣ, что люди говорятъ, будто рыбы могутъ жить только въ водѣ. И рыбы удивились и стали спрашивать другъ у дружки, не знаетъ ли кто, что такое вода? Тогда одна умная рыба сказала: «Говорятъ, въ морѣ живетъ старая, мудрая рыба, она все знаетъ; поплывемъ къ ней и спросимъ у нея, что такое вода?» И вотъ поплыли рыбы въ море къ тому мѣсту, гдѣ жила мудрая рыба, и спросили ее, что такое вода? И старая мудрая рыба сказала: «Вода—это то, чѣмъ мы живемъ, въ чемъ живемъ. Вы оттого и не знаете воды, что живете въ ней и живете ею».

Такъ и людямъ иногда кажется, что они не знаютъ, что такое Богъ, а сами живутъ въ Немъ.

Суфн

VII.

Жизнь человѣка не въ тѣлѣ, а въ душѣ, и не въ тѣлѣ и душѣ, а только въ душѣ.

1.

«Пославшій Меня есть истиненъ, и что Я слышалъ отъ Него, то и говорю міру».

Не поняли, что Онъ говорилъ имъ объ Отцѣ.

Итакъ, Иисусъ сказалъ имъ: когда вознесете Сына Человѣческаго, тогда узнаете, что это Я, и что ничего не дѣлаю отъ Себя, но какъ научилъ Меня Отецъ Мой, такъ и говорю» (Ин. VIII, 26—28).

Вознести Сына Человѣческаго значитъ познать въ себѣ духъ, живущій въ насъ, и возвысить его надъ тѣломъ.

2.

Душа и тѣло—вотъ что человѣкъ считаетъ своимъ, о чемъ безпрестанно печется. Но надо знать, что настоящее «ты»—это не твое тѣло, а душа. Помни это, вознеси душу свою выше плоти, соблюдай ее отъ всякой житейской грязи, не давай плоти подавлять ее,—тогда хорошо проживешь жизнь.

Маркъ Авреліи

3.

Говорятъ, что не надо любить себя. Но безъ любви къ себѣ не было бы жизни. Дѣло только въ томъ, что любить въ себѣ: свою душу или свое тѣло.

4.

Нѣтъ такого крѣпкаго и здороваго тѣла, которое никогда не болѣло бы; нѣтъ такихъ богатствъ, которыя бы не пропадали; нѣтъ такой власти, которая не кончалась бы. Все это непрочно. Если человѣкъ положить жизнь свою въ томъ, чтобы быть здоровымъ, богатымъ, важнымъ человѣкомъ, если даже онъ и получить то, чего добивается, онъ все-таки будетъ беспокоиться, бояться и огорчаться, потому что будетъ видѣть, какъ все то, во что онъ положилъ жизнь, уходитъ отъ него, будетъ видѣть, что онъ самъ понемногу старѣется и приближается къ смерти.

Какъ же сдѣлать такъ, чтобы не тревожиться, не бояться?

Есть только одно средство: средство это въ томъ, чтобы жизнь полагать не въ томъ, что проходить, а въ томъ, что

не погибаетъ и не можетъ погибнуть, въ томъ духѣ, который живетъ въ человѣкѣ.

5.

Дѣлай то, чего хочеть отъ тебя твое тѣло: добивайся славы, почестей, богатства, и жизнь твоя будетъ адомъ. Дѣлай то, что хочеть отъ тебя духъ, живущій въ тебѣ: добивайся смиренія, милосердія, любви, и тебѣ не нужно будетъ никакого рая. Рай будетъ въ душѣ твоей.

6.

Есть обязанности къ ближнему и есть у каждаго человѣка обязанности къ себѣ, къ тому духу, который живетъ въ немъ: обязанность эта въ томъ, чтобы не осквернять, не уничтожать, не заглушать этотъ духъ и не переставая растить его.

7.

Въ мірскихъ дѣлахъ никогда не знаешь навѣрное, нужно ли дѣлать то, что дѣлаешь, и выйдетъ ли изъ твоего дѣла то, чего хочешь. Но не то, когда живешь для души. Живи для души, и ты навѣрное будешь знать, что надо дѣлать именно то, чего требуетъ душа, навѣрное будешь знать и то, что выйдетъ только хорошее изъ того, что ты дѣлаешь.

8.

Какъ только почувствуешь страсть, похоть, страхъ, злобу, вспомни, кто ты: вспомни, что ты не тѣло, а душа, и тотчасъ же затихнетъ то, что взволновало тебя.

9.

Всѣ наши бѣды оттого, что мы забываемъ про то, что живетъ въ насъ, и продаемъ свою душу за чечевичную похлебку тѣлесныхъ радостей.

10.

Для того, чтобы увидеть истинный свѣтъ, каковъ онъ есть, надо самому стать истиннымъ свѣтомъ.

Ангелусъ.

VIII.

Истинное благо человѣка только благо духовное.

1.

Человѣкъ живетъ духомъ, а не тѣломъ. Если человѣкъ знаетъ это и жизнь свою полагаетъ не въ тѣлѣ, а въ духѣ, то закуй его въ цѣпи, посади на желѣзные запоры, онъ все-таки свободенъ.

2.

Каждый человѣкъ знаетъ въ себѣ двѣ жизни: тѣлесную и духовную. Тѣлесная жизнь, какъ только дойдетъ до полноты, такъ начинаетъ ослабѣвать. И все больше и больше слабѣетъ и приходитъ къ смерти. Духовная же жизнь, напротивъ, отъ рожденія до смерти все растетъ и крѣпнетъ.

Живи человѣкъ одной тѣлесной жизнью, онъ и вся жизнь его есть жизнь человѣка, приговореннаго къ смерти. Живи человѣкъ для души, то то, въ чемъ онъ полагаетъ свое благо, съ каждымъ днемъ его жизни все увеличивается и увеличивается, и смерть не страшна ему.

3.

Для того, чтобы жить доброй жизнью, нѣтъ надобности знать о томъ, откуда ты явился и что будетъ на томъ свѣтѣ. Думай только о томъ, чего хочешь не твое тѣло, а твоя душа, и тебѣ не нужно будетъ знать ни о томъ, откуда ты явился, ни о томъ, что будетъ послѣ смерти. Не нужно будетъ знать этого потому, что ты будешь испытывать то полное благо, для котораго не существуютъ вопросы ни о прошедшемъ, ни о будущемъ.

4.

Когда міръ началъ существовать, разумъ сдѣлался его матерью. Тотъ, кто сознаетъ, что основа жизни его—духъ, знаетъ, что онъ находится внѣ всякой опасности. Когда онъ закроетъ уста и затворитъ врата чувствъ въ концѣ жизни, онъ не испытаетъ никакого безпокойства.

Лао-Тсе.

5.

Для безсмертной души нужно такое же и дѣло безсмертное, какъ она сама. И дѣло это — безконечное совершенствованіе себя и міра—и дано ей.

IV.

Одна душа во всѣхъ.

Всѣ живыя существа тѣлами своими отдѣлены другъ отъ друга, но то, что даетъ имъ жизнь,—одно и то же во всѣхъ.

I.

Сознаніе божественности души соединяетъ людей.

1.

Ученіе Христа открываетъ людямъ то, что во всѣхъ нихъ живетъ одно и то же духовное начало и что они всѣ братья, и тѣмъ соединяетъ ихъ для радостной общей жизни.

Ламенэ.

2.

Мало сказать, что въ каждомъ человѣкѣ такая же душа, какъ и во мнѣ: въ каждомъ человѣкѣ живетъ то же самое, что живетъ во мнѣ. Всѣ люди отдѣлены другъ отъ друга своими тѣлами, но всѣ соединены тѣмъ однимъ духовнымъ началомъ, которое даетъ жизнь всему.

3.

Быть въ единеніи съ людьми это большое благо, но какъ сдѣлать такъ, чтобы соединиться со всѣми? Ну, я соединяюсь съ своими семейными, а съ остальными какъ же? Ну, соединяюсь съ своими друзьями, со всѣми русскими, со всѣми едиповѣрцами. Ну, а какъ же съ тѣми, кого я не знаю, съ другими народами, съ иновѣрцами? Людей такъ много, и всѣ они такіе разные. Какъ же быть?

Одно только средство: забыть о людяхъ, не думать о томъ, чтобы соединяться съ ними, а думать о томъ, чтобы соединиться съ тѣмъ единымъ духовнымъ существомъ, которое живетъ во мнѣ и во всѣхъ людяхъ.

4.

Когда подумаешь про тѣ миллионы и миллионы людей, которые живутъ такой же, какъ и я, жизнью, гдѣ-то за десятки тысячъ верстъ, про которыхъ я никогда ничего не узнаю и которые ничего не знаютъ про меня, то невольно спрашиваешь себя: неужели между нами нѣтъ никакой связи, и мы такъ и умремъ, не узнавъ другъ друга? Не можетъ этого быть!

И правда, что этого не можетъ быть. Какъ ни странно это, я чувствую, знаю, что есть связь между мною и всѣми людьми міра, и живыми и умершими.

Въ чемъ эта связь, я не могу ни понять, ни высказать, но знаю, что она есть.

5.

Помню, что кто-то сказалъ мнѣ, что въ каждомъ человѣкѣ есть много и очень хорошаго, и очень человѣколюбиваго, и много очень дурного и недоброжелательнаго, и смотря по тому, какъ расположенъ человѣкъ, проявляется то одно, то другое. Это совершенно вѣрно.

Видь чужихъ страданій вызываетъ не только въ разныхъ людяхъ, но и въ одномъ человѣкѣ часто совершенно противо-

положныя чувства: иногда состраданіе, а иногда что-то въ родѣ удовольствія, которое усиливается временами до самаго жестокаго злорадства.

Я на себѣ замѣчалъ, что на всѣ существа я смотрю иногда съ задушевнымъ состраданіемъ, иногда съ величайшимъ равнодушіемъ, и подчасъ съ ненавистью и даже злорадствомъ.

Это явно показываетъ то, что у насъ есть два различныхъ и прямо противоположныхъ способа познанія: одинъ, когда мы признаемъ себя отдѣльными существами, когда всѣ существа кажутся намъ совершенно чужими, когда они всѣ—не я. И тогда мы не можемъ къ нимъ чувствовать ничего, кромѣ равнодушія, зависти, ненависти, злорадства. И другой способъ познанія—посредствомъ сознанія нашего единства со всѣми. При этомъ способѣ познанія всѣ существа кажутся намъ тѣмъ же, чѣмъ и наше «я», и потому видъ ихъ вызываетъ въ насъ любовь.

Одинъ способъ познанія раздѣляетъ насъ другъ отъ друга непробиваемой стѣной, другой убираетъ стѣну, и мы сливаемся въ одно. Одинъ способъ научаетъ насъ признавать то, что всѣ другія существа не «я», а другой учитъ тому, что всѣ существа то же самое «я», какое я сознаю въ себѣ.

Шопенгауэръ.

6.

Чѣмъ больше живетъ человѣкъ для души, тѣмъ больше онъ чувствуетъ свое единство со всѣми живыми существами. Живи для тѣла, и ты одинъ среди чужихъ; живи для души, и тебѣ всѣ родня.

7.

Рѣка не похожа на прудъ, и прудъ не похожъ на бочку, и бочка не похожа на ковшъ съ водой. А и въ прудѣ, и въ рѣкѣ, и въ бочкѣ, и въ ковшѣ одна и та же вода. Такъ же и всѣ люди разные, но духъ, живущій въ нихъ, во всѣхъ одинъ и тотъ же.

8.

Только тогда человѣкъ понимаетъ свою жизнь, когда онъ въ каждомъ человѣкѣ видитъ себя.

9.

Поговори съ человѣкомъ, взглядишь хорошенько въ его глаза, и ты почувствуешь, что ты родня ему, что ты какъ будто прежде, давно зналъ его. Отчего это? Оттого, что то, чѣмъ ты живешь, одно и то же въ тебѣ и въ немъ.

10.

Въ каждомъ человѣкѣ живетъ тотъ духъ, выше чего нѣтъ ничего на свѣтѣ, и потому, чѣмъ бы ни былъ человѣкъ въ мірѣ: вельможей или каторжникомъ, архіереемъ или нищимъ,— всѣ равны, потому что въ каждомъ живетъ то, что выше всего въ мірѣ. Цѣнить и уважать вельможу больше, чѣмъ нищаго, все равно, что цѣнить и уважать одну золотую монету больше другой, потому что одна завернута въ бѣлую, другая въ черную бумажку. Нужно всегда помнить, что въ каждомъ человѣкѣ та же душа, что и во мнѣ, и что поэтому обращаться съ людьми надо со всѣми одинаково, съ осторожностью и уваженіемъ.

11.

Главное въ ученіи Христа это то, что Онъ всѣхъ людей признавалъ братьями. Онъ видѣлъ въ человѣкѣ брата и потому любилъ всякаго, кто бы онъ ни былъ и какой бы онъ ни былъ. Онъ смотрѣлъ не на внѣшнее, а на внутреннее. Онъ не смотрѣлъ на тѣло, а сквозь наряды богатаго и лохмотья нищаго видѣлъ безсмертную душу. Въ самомъ развращенномъ человѣкѣ Онъ видѣлъ то, что могло этого самаго падшаго человѣка превратить въ самаго великаго и святаго человѣка, такого же великаго и святаго, какимъ былъ Онъ самъ.

12.

Дѣти мудрѣе взрослыхъ. Ребенокъ не разбираетъ званія людей, а всей душой чувствуетъ, что въ каждомъ человѣкѣ живетъ то, что одно и то же и въ немъ, и во всѣхъ людяхъ.

13.

Если человѣкъ не видитъ въ каждомъ ближнемъ тотъ же духъ, который соединяетъ его со всѣми людьми міра, онъ живетъ какъ во снѣ. Только тотъ проснулся и живетъ по-настоящему, кто во всякомъ ближнемъ видитъ и себя и Бога.

II.

Одно и то же духовное начало живетъ не только во всѣхъ людяхъ, но и во всемъ живомъ.

1.

Мы сердцемъ чувствуемъ, что то, чѣмъ мы живемъ, то, что мы называемъ своимъ настоящимъ «я», то же самое не только въ каждомъ человѣкѣ, но и въ собакѣ, и въ лошади, и въ мыши, и въ курицѣ, и въ воробѣ, и въ пчелѣ, даже и въ растеніи.

2.

Если сказать, что птицы, лошади, собаки, обезьяны со-всѣмъ чужіе намъ, то почему же не сказать, что и дикіе, черные и желтые люди чужіе намъ? А если признать такихъ людей чужими, то съ такимъ же правомъ могутъ черные и желтые люди признать чужими бѣлыхъ. Кто же ближній? На это есть только одинъ отвѣтъ: не спрашивай, кто ближній, а дѣлай всему живому то, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали.

3.

Все живое боится мученія, все живое боится смерти; познай самого себя не только въ человѣкѣ, но во всякомъ жи-

вомъ существѣ, не убивай и не причиняй страданія и смерти.

Все живое хочеть того же, чего и ты; пойми же самого себя во всякомъ живомъ существѣ.

Буддѣйская мудрость.

4.

Человѣкъ не потому выше животныхъ, что можетъ мучить ихъ, а потому, что онъ способенъ жалѣть ихъ. А жалѣеть человѣкъ животныхъ потому, что чувствуетъ, что въ нихъ живетъ то же, что живетъ и въ немъ.

5.

Жалость ко всему живому нужнѣе всего для того, чтобы подвигаться въ добродѣтели. Кто жалостливъ, тотъ и не обидитъ, и не оскорбитъ, и проститъ. Добрый человѣкъ не можетъ быть нежалостливъ. А если человѣкъ несправедливъ и золь, то такой человѣкъ навѣрное нежалостливъ. Безъ жалости ко всему живому не можетъ быть добродѣтели.

Шопенгауэръ.

6.

Можно отучить себя отъ свойственной всѣмъ людямъ жалости къ животнымъ. Это особенно замѣтно на охотѣ. Добрые люди, пріучаясь къ охотѣ, мучаютъ и убиваютъ животныхъ, не замѣчая своей жестокости.

7.

Не убій относится не къ человѣку только, но и ко всему живому. Заповѣдь эта была записана въ сердцѣ человѣка прежде, чѣмъ она была записана на скрижаляхъ.

8.

Люди не считаютъ дурнымъ ѣсть животныхъ оттого, что ихъ увѣрили въ томъ, что Богъ разрѣшилъ это. Это неправда.

Въ какихъ бы книгахъ ни было написано, что не грѣхъ убивать животныхъ и ѣсть ихъ, въ сердцѣ человѣка написано яснѣе, чѣмъ въ какихъ бы то ни было книгахъ, что животныхъ надо жалѣть и нельзя убивать, такъ же, какъ и людей. Мы всѣ знаемъ это, если не заглушаемъ въ себѣ совѣсти.

9.

Если бы только всѣ тѣ, кто ѣдятъ животныхъ, сами убивали ихъ, большая половина людей отказалась бы отъ мяса.

10.

Мы удивляемся на то, что были, да и теперь есть, люди, которые убиваютъ людей, чтобы ѣсть ихъ мясо. Но придетъ время, и наши внуки будутъ удивляться тому, что ихъ дѣды убивали каждый день миллионы животныхъ для того, чтобы съѣдать ихъ, хотя можно было вкусно и здорово, безъ убійства, питаться плодами земными.

11.

Можно отучить себя отъ жалости даже къ людямъ, и можно приучить себя къ жалости даже къ насѣкомымъ.

Чѣмъ больше въ человѣкѣ жалости, тѣмъ лучше для души его.

12.

То, что во всѣхъ насъ, людяхъ, есть одно и то же, мы всѣ живо чувствуемъ; то, что это одно и то же есть и въ животныхъ, мы уже не такъ живо чувствуемъ. Еще менѣе чувствуемъ это въ насѣкомыхъ. Но стоитъ вдуматься въ жизнь и этихъ мелкихъ тварей, и почувствуешь, что то же самое живетъ и въ нихъ.

13.

«Но неужели не убивать мухъ, блохъ? Каждымъ движеніемъ нашимъ мы невольно губимъ жизни незамѣтныхъ намъ су-

ществъ», такъ говорятъ обыкновенно, думая этимъ оправдать людскую жестокость къ животнымъ. Тѣ, кто говорятъ такъ, забываютъ то, что человѣку ни въ чемъ не дано достигнуть совершенства. Дѣло человѣка только приближаться къ совершенству. То же и въ дѣлѣ состраданія къ животнымъ. Мы не можемъ жить, не причиняя смерти другимъ существамъ, но мы можемъ быть болѣе или менѣе сострадательны. Чѣмъ сострадательнѣе мы будемъ ко всѣмъ животнымъ, тѣмъ лучше будетъ для души нашей.

III.

Тѣмъ лучше жизнь людей, чѣмъ яснѣе они сознаютъ единство того божественнаго начала, которое живетъ въ нихъ.

1.

Людамъ кажется, что они всѣ отдѣлены другъ отъ друга. А между тѣмъ, если бы точно каждый человѣкъ жилъ только своей отдѣленной отъ всѣхъ жизнью, то жизнь людей не могла бы продолжаться. Возможна человѣческая жизнь только оттого, что во всѣхъ людяхъ живетъ одинъ и тотъ же Духъ Божій, и что они знаютъ это.

2.

Иные люди думаютъ, что живутъ по-настоящему только они одни, что они—это все, а всѣ другіе—ничто. И такихъ людей много. Но бываютъ и такіе люди, разумные и добрые, которые понимаютъ, что жизнь другихъ людей, и даже животныхъ, такая же сама по себѣ важная, какъ и ихняя. Такие люди живутъ не въ одномъ своемъ «я», а и въ другихъ людяхъ, даже и въ животныхъ. Такимъ людямъ бываетъ легко жить и легко умирать. Когда они умираютъ, въ нихъ умираетъ только то, чѣмъ они жили въ себѣ; то же, чѣмъ они жили въ другихъ, остается. Тѣмъ же, которые живутъ только

въ одномъ себѣ, бываетъ и жить тѣсно, и умирать мучительно, потому что, умирая, такіе люди думаютъ, что въ нихъ умираетъ все то, чѣмъ они жили.

По Шопенгауэру.

3.

Помни, что въ каждомъ человѣкѣ живетъ тотъ же духъ, какой живетъ и въ тебѣ, и потому что, какъ святыню, и свою душу, и душу каждого человѣка.

4.

Отчего намъ бываетъ хорошо на душѣ послѣ всякаго дѣла любви? А оттого, что всякое такое дѣло утверждаетъ насъ въ томъ, что наше истинное «я» не въ одной нашей личности, а во всемъ живомъ.

Если живешь только для себя, то живешь одной частичкой своего истиннаго «я». Если же живешь для другихъ, то чувствуешь, какъ твое «я» расширяется.

Живи только для себя, и будешь чувствовать себя среди враговъ, будешь чувствовать, что благо каждого мѣшаетъ твоему благу. Живи для другихъ, и будешь чувствовать себя среди друзей, и благо каждого станетъ твоимъ собственнымъ благомъ.

По Шопенгауэру.

5.

Счастье свое человѣкъ находитъ только въ служеніи ближнимъ. А находитъ онъ счастье въ служеніи ближнимъ потому, что, служа ближнимъ, онъ соединяется съ тѣмъ Духомъ Божиимъ, который живетъ въ нихъ.

6.

Вполнѣ понятенъ становится намъ тотъ божественный духъ, которымъ мы живемъ, только тогда, когда мы любимъ ближнихъ.

7.

Всякое истинное доброе дѣло, такое, когда человѣкъ забываетъ себя и думаетъ только о чужой нуждѣ, есть дѣло уди-

вительное и необъяснимое, если бы оно не было намъ такъ естественно и привычно. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ человѣку лишать себя чего-либо, беспокоиться, тревожиться не для себя, а для человѣка, котораго онъ не знаетъ, и такого, какихъ много на свѣтѣ? Объяснить это можно только тѣмъ, что тотъ, кто дѣлаетъ добро не себѣ, а другимъ, знаетъ, что тотъ, кому онъ дѣлаетъ добро, не отдѣльное отъ него существо, а то же самое существо, какимъ живетъ и онъ, только въ другомъ видѣ.

По Шопенгауэру.

8.

Все, что мы познаемъ, мы познаемъ или нашими пятью чувствами, то-есть тѣмъ, что видимъ, слышимъ, ощупываемъ вещи, или тѣмъ, что переносимся въ другія существа, живемъ ихъ жизнью. Если бы мы познавали вещи только пятью чувствами, міръ былъ бы намъ совсѣмъ непонятенъ. То, что мы знаемъ о мірѣ, мы знаемъ только потому, что мы можемъ посредствомъ любви переноситься въ другія существа и жить ихъ жизнью. Люди тѣлами своими раздѣлены и не могутъ понимать другъ друга. Любовью же они всѣ соединены. И въ этомъ великое благо.

9.

Если живешь духовной жизнью, то при всякомъ разъединеніи съ людьми чувствуешь духовное страданіе. Для чего это страданіе? А для того, что какъ боль тѣлесная указываетъ на опасность, угрожающую тѣлесной жизни, такъ это духовное страданіе указываетъ на опасность, угрожающую духовной жизни человѣка.

10.

Индійскій мудрецъ говорилъ: «Въ тебѣ, во мнѣ, во всѣхъ существахъ живетъ одинъ и тотъ же духъ жизни, а ты сердишься на меня, не любишь меня. Помни, что мы съ тобой одно. Кто бы ты ни былъ, ты и я—одно».

11.

Какъ бы ни былъ дурень, несправедливъ, глупъ, непріятель человѣкъ, помни, что, переставая уважать его, ты этимъ обрываешь свою связь не съ нимъ однимъ, а со всѣмъ духовнымъ міромъ.

12.

Для того, чтобы было легко жить съ каждымъ человѣкомъ, думай о томъ, что тебя соединяетъ, а не о томъ, что тебя разъединяетъ съ нимъ.

13.

Считается большимъ, непростительнымъ грѣхомъ надругаться надъ предметами внѣшняго почитанія людей, и не считается грѣхомъ надругательство надъ человѣкомъ. А между тѣмъ, въ человѣкѣ, въ самомъ испорченномъ, живетъ то, что выше всего человѣческаго, всѣ же предметы внѣшняго почитанія— только произведенія рукъ человѣческихъ.

14.

Легко переносить горе, когда оно не отъ людей, а отъ болѣзней, пожаровъ, наводненій, землетрясеній. Но особенно больно бываетъ человѣку, когда онъ страдаетъ отъ людей, отъ братьевъ. Онъ знаетъ, что людямъ надо бы любить его, а вотъ они вмѣсто этого его мучаютъ. «Люди, всѣ люди вѣдь то же, что я, — думаетъ такой человѣкъ. — Зачѣмъ же они мучаютъ меня?» Отъ этого-то и бываетъ легче переносить горе отъ болѣзней, пожаровъ, засухъ, чѣмъ отъ недоброты людской.

IV.

Послѣдствія сознанія единства души во всѣхъ людяхъ.

1.

Понимаемъ ли мы наше духовное братство? Понимаемъ ли то, что одно и то же божественное начало въ душахъ всѣхъ людей, такъ же, какъ и въ нашей душѣ? Нѣтъ, мы еще не понимаемъ этого. А, между тѣмъ, это только одно можетъ дать намъ истинную свободу и благо. Не можетъ быть и не будетъ свободы и блага до тѣхъ поръ, пока не поймутъ люди своего единства. А, между тѣмъ, признай только люди эту основную истину христіанства—единство въ людяхъ духовнаго начала — и измѣнилась бы вся жизнь людей и установились бы между людьми такія отношенія, которыя мы не можемъ представить себѣ теперь. Тогда тѣ оскорбленія, огорченія, угнетенія, которыя мы теперь дѣлаемъ людямъ-братьямъ, не замѣчая ихъ, возмущали бы насъ больше, чѣмъ теперешнія величайшія преступленія. Да, намъ нужно новое откровеніе, не о раѣ и адѣ, а о томъ духѣ, который живетъ въ насъ.

Ч а п п и н г ѣ .

2.

Если человѣкъ хочетъ отличиться отъ другихъ богатствомъ, почетомъ, чинами, то сколько бы онъ ни возвеличивался, ему никогда не будетъ довольно, и онъ никогда не будетъ спокоенъ и радостенъ. Если же онъ пойметъ, что въ немъ живетъ то божественное начало, которое живетъ во всѣхъ людяхъ, то онъ тотчасъ же станетъ и спокоенъ и радостенъ, въ какомъ бы онъ ни былъ положеніи, потому что будетъ понимать, что въ немъ есть то, что выше всего на свѣтѣ.

3.

Чѣмъ больше живутъ люди, тѣмъ все больше и больше понимаютъ они то, что жизнь ихъ только тогда истинная и

счастливая, когда они признають свое единство въ одномъ и томъ же духѣ, живущемъ во всѣхъ.

4.

Любовь вызываетъ любовь. И это не можетъ быть иначе оттого, что Богъ, проснувшись въ тебѣ, пробуждаетъ Себя и въ другомъ человѣкѣ.

5.

Хорошо при встрѣчѣ съ каждымъ человѣкомъ, хотя бы онъ казался самымъ непріятнымъ и противнымъ тебѣ, вспомнить, что ты имѣешь черезъ этого человѣка возможность общенія съ тѣмъ духовнымъ началомъ, которое живетъ въ немъ, въ тебѣ и во всемъ мірѣ, и потому ты долженъ не тяготиться этимъ общеніемъ, а быть благодарнымъ за то, что имѣешь это благо.

6.

Вѣтвь, отрѣзанная отъ своего сучка, тѣмъ самымъ отдѣлилась отъ цѣлаго дерева. Такъ и человѣкъ при раздорѣ съ другимъ человѣкомъ отрывается и отъ всего человѣчества. Но вѣтвь отсѣкается чужой рукой, человѣкъ же самъ своей ненавистью отрѣзаетъ себя отъ ближняго своего и не думаетъ о томъ, что онъ этимъ отрываетъ себя отъ всего человѣчества.

Маркъ Аврелій.

7.

Нѣтъ такого дурного дѣла, за которое былъ бы наказанъ только тотъ, кто сдѣлалъ. Мы не можемъ такъ уединиться, чтобы то зло, которое есть въ насъ, не переходило на другихъ людей. Наши дѣла, и добрыя и злыя, какъ и наши дѣти: живутъ и дѣйствуютъ уже не по нашей волѣ, а сами по себѣ.

Джоржъ Эллиотъ.

8.

Жизнь людей бываетъ тяжелая только оттого, что они не знаютъ, что та душа, которая живетъ въ каждомъ изъ нихъ,

живетъ и во всѣхъ людяхъ. Отъ этого вражда людей между собою; отъ этого одни богаты, другіе бѣдны, одни хозяева, другіе работники; отъ этого зависть и злоба, отъ этого всѣ мученія людскія.

9.

Тѣло человѣка хочетъ добра себѣ одному, и люди поддаются этому обману. А какъ только человѣкъ живетъ для одного своего тѣла, а не для души, такъ онъ расходится съ людьми и съ Богомъ и не получаетъ того добра, котораго ищетъ.

V.

Любовь.

Душа человѣческая, будучи отдѣлена тѣломъ отъ Бога и душъ другихъ существъ, стремится къ соединенію съ тѣмъ, отъ чего она отдѣлена. Соединяется душа съ Богомъ все бѣльшимъ и бѣльшимъ сознаніемъ въ себѣ Бога, съ душами же другихъ существъ—все бѣльшимъ и бѣльшимъ проявленіемъ любви.

I.

Любовь соединяетъ людей и съ Богомъ и съ другими существами.

1.

«Иисусъ сказалъ ему (законнику): возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ. Сія есть первая и наибольшая заповѣдь».

«Вторая же, подобная ей: возлюби ближняго своего, какъ самого себя», сказалъ Христу законникъ. И на это Иисусъ сказалъ: «правильно ты отвѣчалъ, такъ поступай», то-есть люби Бога и ближняго—и будешь жить.

2.

Несчастливы вы, мірскіе люди! Горести и тревоги у васъ надъ головою и подъ ногами, и направо и налево, и сами

вы для самихъ себя загадки. И такими загадками останетесь вы навсегда, если не сдѣлаетесь радостными и любовными, какъ дѣти. Только тогда вы познаете Меня,—и познавъ Меня, познаете себя, и тогда только будете управлять собою.

И только тогда, глядя изъ своей души на міръ, все вамъ будетъ благо, и въ мірѣ, и въ васъ самихъ.

Буддійскія Сутты.

3.

Любить можно только совершенство. И потому для того, чтобы любить, надо одно изъ двухъ: или считать совершеннымъ то, что несовершенно, или любить совершенство, то-есть Бога. Если считать совершеннымъ то, что несовершенно, то ошибка рано или поздно окажется, и любовь кончится. Любовь же къ Богу, то-есть къ совершенству, не можетъ кончиться.

4.

Богъ есть любовь; пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ. Бога никто не видитъ нигдѣ; но если мы любимъ другъ друга, то Онъ пребываетъ въ насъ, и любовь Его въ насъ совершилась. Если кто говоритъ: люблю Бога, но брата своего ненавижу, тотъ лжець, ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ онъ любить Бога, Котораго не видитъ? Братья, будемъ любить другъ друга, любовь отъ Бога, и любящій каждый отъ Бога и знаетъ Бога, потому что Богъ есть любовь.

По I посл. Іоанна IV.

5.

Сойтись по-настоящему могутъ люди только въ Богѣ. Для того, чтобы людямъ сойтись, имъ не нужно итти навстрѣчу другъ другу, а нужно всѣмъ итти къ Богу.

Если бы былъ такой огромный храмъ, въ которомъ свѣтъ шелъ бы сверху только въ самой серединѣ, то для того, чтобы сойтись людямъ въ этомъ храмѣ, имъ всѣмъ надо было бы

только итти на свѣтъ въ середину. То же и въ мірѣ. Иди всѣ люди къ Богу, и всѣ сойдутся.

6.

«Братья, будемъ любить другъ друга. Любовь отъ Бога, и любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога. Не любящій не знаетъ Бога, потому что Богъ есть любовь», сказалъ Іоаннъ апостоль.

Любить всѣхъ людей кажется трудно. Но кажется труднымъ каждое дѣло, когда не научился его дѣлать. Люди всему учатся: и шить, и ткать, и пахать, и косить, и ковать, и читать, и писать. Также надо учиться и тому, чтобы любить всѣхъ людей.

И выучиться этому не трудно, потому что любовь людей другъ къ другу вложена намъ въ душу.

«Бога никто не видѣлъ нигдѣ, но если мы любимъ другъ друга, то Онъ пребываетъ въ насъ».

А если Богъ—любовь и пребываетъ въ насъ, то выучиться любви не трудно. Надо только стараться избавиться отъ того, что мѣшаетъ любви, избавиться отъ того, что не выпускаетъ ее наружу. И только начни такъ дѣлать—и скоро научишься самой важной и нужной на свѣтѣ наукѣ: любви къ людямъ.

7.

Нѣтъ ничего радостнѣе того, какъ то, когда мы знаемъ, что люди любятъ насъ. Но удивительное дѣло: для того, чтобы люди любили насъ, надо не угождать имъ, а надо только приближаться къ Богу. Только приближайся къ Богу и не думай о людяхъ, и люди полюбятъ тебя.

8.

Не просите Бога о томъ, чтобы Онъ соединилъ васъ. Онъ уже соединилъ васъ тѣмъ, что вложилъ во всѣхъ одинъ и тотъ же духъ Свой. Только откидывайте то, что раздѣляетъ васъ, и вы будете едины.

9.

Человѣку кажется, что онъ желаетъ блага только себѣ. Но это только кажется: желаетъ въ человѣкѣ блага себѣ тотъ Богъ, который живетъ въ человѣкѣ. Богъ же желаетъ блага всѣмъ людямъ.

10.

Тотъ, кто говоритъ, что любить Бога, но не любить ближняго, тотъ обманываетъ людей. Тотъ же, кто говоритъ, что любить ближняго, но не любить Бога, тотъ обманываетъ самого себя.

11.

Говорятъ, надо бояться Бога. Это неправда. Бога надо любить, а не бояться. Нельзя любить того, кого боишься. Да, кромѣ того, нельзя бояться Бога оттого, что Богъ есть любовь. Какъ же бояться любви? Не бояться Бога надо, а сознать Его въ себѣ. А если будешь сознать Бога въ себѣ, то не будешь бояться ничего на свѣтѣ.

12.

Говорятъ, что въ послѣдній день будетъ общій судъ и что добрый Богъ будетъ гнѣваться. Но отъ благого Бога не можетъ ничего произойти, кромѣ добра.

Какія бы ни были на свѣтѣ вѣры, истинная вѣра только та одна, что Богъ—любовь. А отъ любви не можетъ быть ничего, кромѣ добра.

Не бойся: и въ жизни и послѣ жизни ничего не можетъ быть и не будетъ, кромѣ добра.

Съ персидскаго.

13.

Жить по-Божьи значить быть подобнымъ Богу. А чтобы быть подобнымъ Богу, надо ничего не бояться и ничего не желать для себя. А для того, чтобы ничего не бояться и ничего не желать для себя, надо только любить.

Одни говорятъ: войди въ самого себя, и ты найдешь покой.— Въ этомъ еще не вся правда.

Другіе, напротивъ, говорятъ: выйди изъ самого себя; по-старайся забыться и найти счастье въ удовольствіяхъ.—И это неправда. Ужъ оттого неправда, что удовольствіями не избавишься отъ болѣзней. Покой и счастье—не внутри насъ и не внѣ насъ, они—въ Богѣ. А Богъ и внутри насъ и внѣ насъ.

Люби Бога и въ Богѣ найдешь то, чего ищешь.

П а с к а л ь.

II.

Какъ тѣло человѣка требуетъ пищи и страдаетъ безъ нея, такъ душа человѣка требуетъ любви и безъ нея страдаетъ.

1.

Всѣ вещи тянутся къ землѣ и тянутся другъ къ другу. Точно такъ же и всѣ души тянутся къ Богу и другъ къ другу.

2.

Живы всѣ люди не тѣмъ, что они сами себя обдумываютъ, а тѣмъ, что есть любовь въ людяхъ.

Для того, чтобы люди не жили врозь, а всѣ заодно, Богъ не открылъ имъ того, что каждому для себя нужно, а только то, что имъ всѣмъ для всѣхъ нужно.

Для того же, чтобы люди знали, что имъ всѣмъ для всѣхъ нужно, Онъ вошелъ въ ихъ душу и въ душахъ ихъ сказался любовью.

3.

Всѣ бѣды людей не отъ неурожая, не отъ пожаровъ, не отъ злодѣевъ, а только отъ того, что они живутъ врозь. А живутъ они врозь потому, что не вѣрятъ тому голосу любви, который живетъ въ нихъ и влечетъ ихъ къ единенію.

4.

Человѣку, пока онъ живетъ животной жизнью, кажется, что если онъ отдѣленъ отъ другихъ людей, то это такъ и надо и не можетъ быть иначе. Но какъ только человѣкъ начнетъ жить духовно, такъ ему становится странно, непонятно, даже больно, зачѣмъ онъ отдѣленъ отъ другихъ людей, и онъ старается соединиться съ ними. А соединяетъ людей только любовь.

5.

Всякій человѣкъ знаетъ, что ему нужно дѣлать не то, что разъединяетъ его съ людьми, а то, что соединяетъ его съ ними,—знаетъ это человѣкъ не оттого, что это повелѣно ему кѣмъ-то, но оттого, что чѣмъ больше онъ соединяется съ людьми, тѣмъ ему лучше жить, и напротивъ: тѣмъ хуже живетъ ему, чѣмъ больше онъ разъединяется.

6.

Жизнь каждаго человѣка только въ томъ, чтобы становиться съ каждымъ годомъ, мѣсяцемъ, днемъ все лучше и лучше. И чѣмъ люди становятся лучше, тѣмъ они ближе соединяются другъ съ другомъ. А чѣмъ ближе соединяются люди, тѣмъ жизнь ихъ лучше.

7.

Чѣмъ больше любишь человѣка, тѣмъ меньше чувствуешь свое отдѣленіе отъ него. Кажется, что онъ—то же, что я, а я—то же, что онъ.

8.

Если бы мы только твердо держались того, чтобы соединяться съ людьми въ томъ, въ чемъ мы согласны съ ними, и не требовать отъ нихъ согласія съ тѣмъ, съ чѣмъ они не согласны, мы бы были гораздо ближе къ Христу, чѣмъ тѣ люди, которые, называя себя христіанами, во имя Христа

отдѣляютъ себя отъ людей другихъ вѣрь, требуя отъ нихъ согласія съ тѣмъ, что ими считается истиной.

9.

Любите враговъ вашихъ, и не будетъ у васъ враговъ.

Ученіе 12 апостоловъ.

10.

Путь къ единенію человѣкъ узнаетъ такъ же легко, какъ мы узнаемъ проходъ, проложенный досками черезъ трясины. Только сверни прочь съ пути—и завязнешь въ трясинѣ мірской суеты, раздора и злобы.

III.

Любовь только тогда истинна, когда она
любовь ко всѣмъ.

1.

Богъ хотѣлъ, чтобы мы были счастливы, и для того вложилъ въ насъ потребность счастья, но Онъ хотѣлъ, чтобы мы были счастливы всѣ, а не отдѣльные люди, и для того вложилъ въ насъ потребность любви. Оттого и счастливы могутъ быть люди только тогда, когда они всѣ будутъ любить другъ друга.

2.

Римскій мудрецъ Сенека говорилъ, что все, что мы видимъ, все живое, все это — одно тѣло: мы всѣ, какъ руки, ноги, желудокъ, кости—члены этого тѣла. Мы всѣ одинаково родились, всѣ мы одинаково желаемъ себѣ добра, всѣ мы знаемъ, что намъ лучше помогать другъ другу, чѣмъ губить другъ друга, и во всѣхъ насъ заложена одна и та же любовь другъ къ другу. Мы, какъ камни, сложены въ такой сводъ, что всѣ сейчасъ же погибнемъ, если не будемъ поддерживать другъ друга.

3.

Всякій старается сдѣлать себѣ какъ можно больше добра, а самое большое добро на свѣтѣ въ томъ, чтобы быть въ любви и согласіи со всѣми людьми. Какъ же получить это добро, когда чувствуешь, что однихъ людей любишь, а другихъ не любишь? Надо научиться любить тѣхъ, кого не любишь. Человѣкъ учится самымъ труднымъ искусствамъ, учится читать, писать, всякой наукѣ, ремеслу. Если бы только человѣкъ учился любить такъ же усердно, какъ онъ учится наукамъ и ремесламъ, онъ скоро и легко научился бы тому, чтобы любить всѣхъ людей, даже тѣхъ, которые непріятны намъ.

4.

Если ты понялъ, что главное дѣло въ жизни—любовь, то, сойдясь съ человѣкомъ, ты будешь думать не о томъ, чѣмъ можетъ быть полезенъ тебѣ этотъ человѣкъ, а о томъ, какъ и чѣмъ ты можешь быть полезенъ ему. Дѣлай только такъ, и ты во всемъ будешь успѣвать больше, чѣмъ если бы ты заботился о себѣ.

5.

Если мы любимъ тѣхъ, кто намъ нравится, кто насъ хвалить, кто дѣлаетъ намъ добро, то мы любимъ такъ для себя, для того, чтобы намъ лучше было. Настоящая любовь та, когда мы любимъ не для себя, не себѣ желаемъ добра, а тѣмъ, кого любимъ, и любимъ не потому, что люди пріятны или полезны намъ, а потому, что мы въ каждомъ человѣкѣ признаемъ тотъ же духъ, какой живетъ въ насъ.

Только когда мы такъ любимъ, мы можемъ любить, какъ училъ Христосъ, не однихъ любящихъ насъ, но ненавидящихъ насъ, враговъ нашихъ.

6.

Надо уважать всякаго человѣка, какой бы онъ ни былъ жалкій и смѣшной. Надо помнить, что во всякомъ человѣкѣ

живеть тотъ же духъ, какой и въ насъ. Даже тогда, когда человѣкъ отвратителенъ и душой и тѣломъ, надо думать такъ: «Да, на свѣтѣ должны быть и такіе уроды, и надо терпѣть ихъ». Если же мы показываемъ такимъ людямъ наше отвращеніе, то, во-первыхъ, мы несправедливы, а во-вторыхъ, вызываемъ такихъ людей на войну не на животъ, а на смерть.

Какой онъ ни есть, онъ не можетъ передѣлать себя. Что же ему больше дѣлать, какъ только бороться съ нами, какъ съ смертельнымъ врагомъ, если мы выказываемъ къ нему вражду. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ: мы хотимъ быть съ нимъ добры, если онъ перестанетъ быть такимъ, какой онъ есть. А этого онъ не можетъ. И потому надо быть добрымъ со всякимъ человѣкомъ, каковъ бы онъ ни былъ, и не требовать отъ него того, чего онъ не можетъ сдѣлать: не требовать отъ человѣка того, чтобы онъ пересталъ быть собой.

По Шопенгауэру.

7.

Постарайся полюбить того, кого ты не любилъ, осуждалъ, кто оскорбилъ тебя. И если это удастся тебѣ сдѣлать, ты узнаешь новое, радостное чувство. Какъ свѣтъ яркій свѣтитъ послѣ темноты, такъ и, освободившись отъ нелюбви, свѣтъ любви сильнѣе и радостнѣе разгорится въ тебѣ.

8.

Лучшій изъ людей тотъ, кто любитъ *всѣхъ* и дѣлаетъ *всѣмъ* добро безъ разбора, хороши ли они или дурны.

Магометъ.

9.

Отчего такъ тяжело бываетъ несогласіе съ другимъ человекомъ и еще тяжелѣе нелюбовь къ другому человеку? Оттого, что мы *всѣ* чувствуемъ, что то, что въ насъ дѣлаетъ насъ людьми, одно во *всѣхъ*. Такъ что, не любя другихъ, мы расходимся съ *тѣмъ*, что одно во *всѣхъ*, расходимся сами съ собою.

10.

«Мнѣ тяжело или скучно, одиноко». Да кто же тебѣ велѣлъ уйти отъ всѣхъ людей и запереть себя въ тюрьму твоего одного скучнаго и ничтожнаго «я»?

11.

Поступай такъ, чтобы ты могъ сказать каждому: поступай такъ же, какъ я.

По Канту.

12.

До тѣхъ поръ, пока я не увижу того, чтобы соблюдалось важнѣйшее правило Христа—любовь къ врагамъ, до тѣхъ поръ я не повѣрю въ то, что тѣ, кто называютъ себя христіанами, дѣйствительно христіане.

Лессингъ.

IV.

Любить истинно можно только душу.

1.

Человѣкъ любить себя. Но если онъ любить въ себѣ свое тѣло, то онъ ошибается, и отъ этой любви ему ничего не будетъ, кромѣ страданій. Любовь къ себѣ только тогда хороша, когда человѣкъ любить въ себѣ свою душу. Душа же одна и та же во всѣхъ людяхъ. И потому, если человѣкъ любить свою душу, онъ будетъ любить и души другихъ людей.

2.

Всѣ люди только одного хотятъ и объ одномъ хлопочутъ: о томъ, чтобы жить хорошо. И потому съ самыхъ старинныхъ временъ всегда и вездѣ святые и мудрые люди думали и поучали людей о томъ, какъ имъ надо жить, чтобы жизнь ихъ была не дурная, а хорошая. И всѣ эти мудрые и свя-

тые люди въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время учили людей одному и тому же ученію.

Ученіе это коротко и просто.

Оно все въ томъ, что всѣ люди живутъ однимъ и тѣмъ же духомъ, что всѣ люди одно и то же, но всѣ раздѣлены въ этой жизни своими тѣлами, и потому, если они понимаютъ, что живутъ однимъ и тѣмъ же во всѣхъ духомъ, то имъ надо соединяться другъ съ другомъ любовью. Если же люди не понимаютъ этого и думаютъ, что живутъ только своими отдѣльными тѣлами, то враждуютъ другъ съ другомъ и бываютъ несчастливы.

И потому ученіе все въ томъ, чтобы дѣлать то, что соединяетъ людей, и не дѣлать того, что разъединяетъ ихъ. Ученію этому легко вѣрить, потому что ученіе это въ сердцахъ каждого человѣка.

3.

Если человѣкъ живетъ только тѣлесной жизнью, онъ все равно, что запираетъ самъ себя въ тюрьму. Только жизнь для души отворяетъ дверь тюрьмы и выводитъ человѣка въ радостную и свободную жизнь, общую со всѣми.

4.

Тѣло хочетъ блага только себѣ, хотя бы во вредъ душѣ; душа же хочетъ блага себѣ, хотя бы во вредъ тѣлу. Борьба эта кончается только тогда, когда человѣкъ пойметъ, что жизнь его не въ тѣлѣ, а въ душѣ, и что тѣло—это только то, надъ чѣмъ должна работать его душа.

5.

Если два человѣка идутъ изъ Москвы въ Кіевъ, то какъ бы далеко они ни были другъ отъ друга,—пускай одинъ подходитъ къ Кіеву, а другой только вышелъ изъ Москвы,—они все же идутъ въ одно мѣсто и рано или поздно сойдутся. Но какъ бы близко ни были люди, но если одинъ идетъ въ Кіевъ, а другой въ Москву, они всегда будутъ врозь.

Такъ и люди. Святой человѣкъ, если онъ живетъ для своей души, и самый слабый, грѣшный человѣкъ, если только онъ тоже живетъ для души, живутъ однимъ и тѣмъ же и рано или поздно сойдутся. Если же два человѣка живутъ вмѣстѣ, но одинъ живетъ для тѣла, а другой для души, то имъ не миновать расходиться все дальше и дальше.

6.

Трудно жить людямъ, когда они не знаютъ, зачѣмъ живутъ, а есть такіе люди, которые такъ увѣрены въ томъ, что это никакъ нельзя знать, что даже хвастаются этимъ.

А знать это и необходимо и легко: смыслъ жизни въ одномъ—въ томъ, чтобы все больше и больше освобождать душу отъ тѣла и соединять ее съ другими существами и началомъ всего—Богомъ.

Люди думаютъ и говорятъ, что они не знаютъ этого, только потому, что живутъ они не такъ, какъ учатъ ихъ жить не только ученія всѣхъ мудрецовъ міра, но и въ нихъ самихъ ихъ разумъ и совѣсть.

V.

Любовь свойственна людямъ.

1.

Человѣку естественно быть любовнымъ такъ же, какъ водѣ естественно течь сверху внизъ. Восточная мудрость.

2.

Пчелѣ, чтобы жить по своему закону, надо летать, змѣѣ ползать, рыбѣ плавать, а человѣку любить. И потому, если человѣкъ, вмѣсто того, чтобы любить людей, дѣлаетъ зло людямъ, онъ поступаетъ такъ же странно, какъ если бы птица стала плавать, а рыба летать.

3.

Лошадь спасается отъ врага своимъ быстрымъ бѣгомъ. И она несчастна не тогда, когда не можетъ пѣть пѣтухомъ, а тогда, когда потеряла то, что ей дано—свой быстрый бѣгъ.

У собаки самое дорогое—чутье; когда она теряетъ его, она несчастна, но не тогда, когда она не можетъ летать.

Точно такъ же и человѣкъ несчастенъ не тогда, когда онъ не можетъ осилить медвѣдя, или льва, или злыхъ людей, а тогда, когда онъ теряетъ то, что ему дано самага дорогого—свою духовную природу, свою способность любить.

Не то жалко, что человѣкъ умеръ, что онъ потерялъ свои деньги, что у него нѣтъ дома, имѣнія,—все это не принадлежитъ человѣку. А то жалко, когда человѣкъ потерялъ свою истинную собственность, свое высшее благо: свою способность любить.

По Эпиктету.

4.

Когда слѣпой, глухой и нѣмой дѣвчкѣ, которую выучили читать и писать по-ощупи, учительница объясняла, что такое любовь, она сказала: да, я понимаю,—это то, что люди всегда чувствуютъ другъ къ другу.

5.

У китайскаго мудреца спросили: что такое наука? Онъ сказалъ: то, чтобы знать людей.

У него спросили: а что такое добродѣтель? Онъ сказалъ: то, чтобы любить людей.

6.

Одинъ только есть у всѣхъ существъ вѣрный руководитель. Руководитель этотъ—Всемірный Духъ, который заставляетъ каждое существо дѣлать то, что ему должно дѣлать: Духъ этотъ въ деревѣ велитъ ему расти къ солнцу, въ цвѣткѣ велитъ ему переходить въ сѣмя, въ сѣмени велитъ ему упасть

въ землю и прорасти. Въ человѣкѣ Духъ этотъ велитъ ему соединяться любовью съ другими существами.

7.

Одинъ индійскій мудрецъ говорилъ: «Какъ мать бережетъ свое единственное дѣтище, ухаживаетъ за нимъ, оберегаетъ его и воспитываетъ его, такъ и ты, всякій человѣкъ, расти, воспитывай и оберегай въ себѣ самое дорогое, что есть на свѣтѣ: любовь къ людямъ и ко всему живому». Этому учатъ всѣ вѣры: и браминская, и буддійская, и еврейская, и китайская, и христіанская, и магометанская. И потому самое нужное на свѣтѣ это—выучиться любить.

8.

У китайцевъ были мудрецы: Конфуцій, Лао-Тсе и еще одинъ мало извѣстный мудрецъ Ми-Ти. Ми-Ти училъ тому, что надо людямъ внушать уваженіе не къ силѣ, не къ богатству, не къ храбрости, а только къ любви. Онъ говорилъ: воспитываютъ людей такъ, что они дороже всего считаютъ богатство, славу, и они заботятся только о томъ, чтобы добыть какъ можно больше славы, богатства, а надо воспитывать ихъ такъ, чтобы они выше всего считали любовь и въ жизни своей заботились бы о томъ, чтобы приучить себя къ любви къ людямъ, и они всѣ силы свои будутъ полагать на то, чтобы выучиться любить.

Ми-Ти не послушали. Ученикъ Конфуція Мендзе спорилъ съ Ми-Ти и говорилъ, что нельзя жить одной любовью. И китайцы послушали Мендзе. Прошло 500 лѣтъ послѣ этого, и Христосъ училъ людей тому же, чему училъ Ми-ти, но еще лучше, сильнѣе и понятнѣе, чѣмъ Ми-Ти. Но и теперь, хотя и никто не споритъ противъ ученія любви, ученики Христа все еще не исполняютъ Его ученія. Но придетъ время — и оно подходитъ, что не миновать людямъ исполнить это ученіе, потому что ученіе это вложено въ сердца всѣхъ людей, неисполненіе же его заставляетъ людей страдать все больше и больше.

9.

Перестанутъ же когда-нибудь люди драться, воевать, казнить людей, а будутъ всѣ любить другъ друга. Времени этому не миновать притти, потому что въ душѣ всѣхъ людей заложена не ненависть, а любовь другъ къ другу.

Давайте же дѣлать все, что можемъ, для того, чтобы поскорѣе пришло это время.

VI.

Только любовь даетъ истинное благо.

1.

Ты хочешь добра? Ты и получишь то, чего хочешь, если только будешь хотѣть того добра, которое добро для всѣхъ. А такое добро дается только любовью.

2.

«Кто хочетъ жизнь свою сберечь, тотъ потеряетъ ее; а кто отдаетъ жизнь свою ради добра, тотъ сохранить ее. Нѣтъ пользы человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ». Такъ говорилъ Христосъ. Такъ же говорилъ язычникъ, римскій императоръ Маркъ Аврелій. «Когда же ты, душа моя,—говорилъ онъ самъ себѣ,—станешь главою надъ тѣломъ? Когда же ты освободишься отъ всякихъ мірскихъ желаній и печалей и перестанешь нуждаться въ томъ, чтобы люди служили тебѣ своей жизнью или смертью? Когда поймешь ты, что истинное благо всегда въ твоей власти, что оно въ одномъ: въ любви ко всѣмъ людямъ?»

3.

«Кто говоритъ, что онъ во свѣтѣ, а ненавидитъ брата своего, тотъ еще во тьмѣ. Кто любитъ брата своего, тотъ пребываетъ во свѣтѣ, и нѣтъ въ немъ соблазна. А кто не-

навидить брата своего, тотъ находится во тьмѣ и во тьмѣ ходить и не знаетъ, куда идетъ, потому что тьма ослѣпила ему глаза... Станемъ любить не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиной. И вотъ по чему узнаемъ, что мы отъ истины, и успокаиваемъ сердца наши».

Изъ I посл. Іоанна.

4.

Правы ли тѣ или другіе вѣроучители, я не знаю и не могу вѣрно знать, но то, что лучшее, что я могу сдѣлать, это то, чтобы увеличивать въ себѣ любовь,—это я знаю навѣрное и никакъ не могу въ этомъ сомнѣваться. Не могу сомнѣваться потому, что увеличеніе любви тотчасъ же увеличиваетъ мое благо.

5.

Если бы всѣ люди соединились въ одно, то не было бы того, что мы понимаемъ, какъ свою особенную отъ другихъ жизнь, потому что жизнь наша есть только все большее и большее соединеніе разъединеннаго. Въ этомъ, все большемъ и большемъ, соединеніи разъединеннаго—и истинная жизнь и одно истинное благо жизни людей.

6.

Мы все находимъ, только самихъ себя не умѣемъ найти. Удивительное дѣло! Человѣкъ живетъ на свѣтѣ много лѣтъ и не можетъ замѣтить за собою, когда онъ чувствуетъ себя лучше всего. Только бы замѣчалъ это человѣкъ, и ему ясно станеть, въ чемъ его истинное благо; ясно станеть то, что хорошо ему бываетъ только тогда, когда въ душѣ его любовь къ людямъ.

Видно, мы мало размышляемъ наединѣ, что до сихъ поръ не знаемъ этого.

Мы извратили нашъ умъ и не стараемся познать то, что одно намъ нужно.

Если бы мы хоть на время остановились въ нашей суетѣ

жизни, вникнули бы въ себя, мы бы поняли, въ чемъ наше благо.

Тѣло наше слабо, нечисто, смертно, но въ немъ скрыто сокровище, безсмертный Духъ Божій. Стоитъ намъ сознать этотъ Духъ въ себѣ, и мы полюбимъ людей, а если полюбимъ людей, то получимъ все то, чего желаетъ наше сердце: будемъ счастливы.

Сковорода.

7.

Только когда человѣкъ пойметъ всю непрочность и бѣдственность тѣлесной жизни, пойметъ онъ и все то благо, какое даетъ ему любовь.

8.

Благо тѣлесное, всякія удовольствія, мы добываемъ, только отнимая это у другихъ. Благо духовное, благо любви, мы добываемъ, напротивъ, только тогда, когда увеличиваемъ благо другихъ.

9.

Всѣ наши усовершенствованія жизни: и желѣзныя дороги, и телеграфы, и всякія машины могутъ быть полезны для соединенія людей, а потому и для приближенія Царства Божія. Но горе въ томъ, что люди увлеклись этими усовершенствованіями и думаютъ, что если они много настроятъ разныхъ машинъ, то это приблизитъ ихъ къ Царству Божію. Это такая же ошибка, какъ та, какую сдѣлалъ бы человѣкъ, если бы все пахалъ одну и ту же землю и ничего бы не сѣялъ на ней. Для того, чтобы всѣ эти машины принесли свою пользу, нужно, чтобы люди усовершенствовали свою душу, воспитали бы въ себѣ любовь. А безъ любви телефоны, телеграфы, летательныя машины не соединяютъ, а, напротивъ, все больше и больше разъединяютъ людей.

10.

Жалокъ и смѣшонъ человѣкъ, когда онъ ищетъ того, что у него виситъ за спиной. Такъ же жалокъ и смѣшонъ чело-

вѣкъ, если онъ ищетъ добра и не знаетъ того, что оно въ той любви, которая вложена ему въ сердце.

Не смотрите на міръ и на дѣла людей, а взгляните въ свою душу, и вы найдете въ ней то благо, котораго ищете тамъ, гдѣ его нѣтъ, — найдете любовь, а найдя любовь, узнаете, что благо это такъ велико, что тотъ, кто имѣетъ его, не будетъ желать уже ничего другого.

К р и ш на.

11.

Когда тебѣ тяжело, когда ты боишься людей, когда жизнь твоя запуталась, скажи себѣ: давай, перестану заботиться о томъ, что со мною будетъ, буду любить всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ схожусь, и больше ничего, а тамъ будь что будетъ. Только попробуй жить такъ, и увидишь, какъ вдругъ все распутается, и тебѣ нечего будетъ ни бояться, ни желать.

12.

Дѣлай добро друзьямъ, чтобы они еще больше любили тебя; дѣлай добро врагамъ, чтобы они сдѣлались твоими друзьями.

К л с о в у л ь.

13.

Какъ вся вода вытечетъ изъ ведра, если въ немъ будетъ хоть одна дырочка, такъ и всѣ радости любви не удержатся въ душѣ человѣка, если въ немъ будетъ нелюбовь хоть къ одному человѣку.

14.

Говорятъ: какой же расчетъ дѣлать добро людямъ, когда они за добро платятъ зломъ? Но если ты любишь того, кому дѣлаешь добро, то ты уже получилъ награду въ любви къ нему и еще бо́льшую награду получишь въ душѣ своей, если съ любовью къ нему перенесешь то зло, которое онъ тебѣ дѣлаетъ.

15.

Если доброе дѣло дѣлается для чего-нибудь, то оно уже не доброе дѣло. По-настоящему любишь только тогда, когда не знаешь, зачѣмъ и для чего.

16.

Часто люди думаютъ, что если они любятъ ближнихъ, то они этимъ заслужили передъ Богомъ. А дѣло совсѣмъ напротивъ. Если любишь ближнихъ, то не ты заслужилъ передъ Богомъ, а Богъ далъ тебѣ то, чего ты не заслужилъ, далъ самое большее благо въ жизни—любовь.

17.

Мы знаемъ, что мы перешли отъ смерти въ жизнь, если любимъ брата своего. Не любящій брата своего не имѣетъ жизни вѣчной, пребывающей въ немъ.

По I посл. Иоан. III.

18.

Да, придетъ время, и скоро придетъ то самое время, про которое говорилъ Христосъ, что Онъ томится въ ожиданіи его,—придетъ то время, когда люди будутъ гордиться не тѣмъ, что они завладѣли силою людьми и ихъ трудами, и радоваться не тому, что они внушаютъ страхъ и зависть людямъ, а гордиться тѣмъ, что они любятъ всѣхъ, и радоваться тому, что, несмотря на всѣ огорченія, причиняемыя имъ людьми, они испытываютъ это чувство, освобождающее ихъ отъ всего дурного.

19.

Есть такая притча о любви:

Жилъ одинъ человѣкъ такъ, что никогда не думалъ и не заботился о себѣ, а думалъ и заботился только о ближнихъ.

И жизнь этого человѣка была такъ удивительна, что не-

видимые духи любовались его доброй жизнью и радовались на нее.

Одинъ разъ одинъ изъ этихъ духовъ сказалъ другому: «Человѣкъ этотъ святъ, и, странное дѣло, онъ не знаетъ этого. Мало на свѣтѣ такихъ людей. Давайте, спросимъ его, чѣмъ мы можемъ служить ему и какими дарами онъ хочетъ, чтобы мы одарили его». — «Хорошо», — сказали всѣ другіе духи. И вотъ одинъ изъ духовъ неслышно и невидимо, но явственно, понятно сказалъ доброму человѣку: «Мы видимъ твою жизнь и святость и хотѣли бы знать, чѣмъ мы можемъ одарить тебя? Скажи, чего ты желаешь? То ли, чтобы ты могъ облегчить бѣдность и нужду всѣмъ, кого видишь и о комъ жалѣешь? Мы это можемъ сдѣлать. Или хочешь, мы дадимъ тебѣ такую силу, что ты будешь избавлять людей отъ болѣзней и страданій, такъ, чтобы тѣ, кого ты пожалѣешь, не будутъ умирать прежде времени? И это въ нашей власти. Или ты желаешь того, чтобы всѣ люди на свѣтѣ — мужчины, женщины, дѣти — любили тебя? Мы можемъ и это сдѣлать. Скажи, чего ты желаешь?»

И святой сказалъ: «Ничего изъ этого не желаю, потому что Господу Богу подобаетъ избавлять людей отъ того, что Онъ посылаетъ имъ: отъ нужды и страданій, отъ болѣзней и отъ преждевременной смерти. Любви же отъ людей я боюсь. Боюсь, какъ бы любовь людская не соблазнила меня, не помѣшала мнѣ въ одномъ главномъ моемъ дѣлѣ, въ томъ, чтобы увеличить въ себѣ любовь къ Богу и людямъ».

И всѣ духи сказали: «Да, этотъ человѣкъ святъ истинной святостью и истинно любить Бога».

Любовь даетъ, но ничего не желаетъ.

VI.

Грѣхи, соблазны, суевѣрія.

Жизнь человѣческая была бы непрерывающимъ благомъ, если бы суевѣрія, соблазны и грѣхи людей не лишали ихъ этого возможнаго и доступнаго имъ блага. Грѣхъ — это по-творство тѣлеснымъ похотямъ; соблазны — это ложное представленіе человѣка о своемъ отношеніи къ міру; суевѣрія — это принятое на вѣру ложное ученіе.

I.

Истинная жизнь — не въ тѣлѣ, а въ духѣ.

1.

Грѣхомъ въ пахотѣ называется то, когда пахарь не удержалъ плугъ, и онъ выскочилъ изъ борозды и не захватилъ того, что должно. То же и въ жизни. Грѣхъ это то, когда человѣкъ не удержалъ тѣла, — оно сорвалось съ пути и сдѣлало не то, что должно.

2.

Въ молодости люди, не зная истинной цѣли жизни — единенія любовью, ставятъ себѣ цѣлью жизни удовлетвореніе похотей тѣла. Хорошо бы было, если бы это заблужденіе оста-

валось только заблужденіемъ ума; но дѣло въ томъ, что удовлетвореніе похотей тѣла загрязняетъ душу, такъ что чловѣкъ, загрязнившій похотливой жизнью свою душу, уже теряетъ способность находить свое благо въ любви. Это подобно тому, что бы сдѣлалъ чловѣкъ, который для того, чтобы добыть чистую воду для питья, опоганилъ бы тотъ сосудъ, которымъ ему придется черпать эту воду.

3.

Ты хочешь доставить какъ можно большее удовольствіе твоему тѣлу. Но долго ли будетъ жить твое тѣло? Заботиться о благѣ тѣла — это все равно, что строить себѣ домъ на льду. Какая радость можетъ быть въ такой жизни, какое спокойствіе? Не опасаясь ли ты постоянно, что рано или поздно ледъ растаетъ — рано или поздно придется тебѣ оставить смертное твое тѣло.

Перенеси же домъ твой на твердую почву — работай надъ тѣмъ, что не умираетъ: улучшай свою душу, освобождайся отъ грѣховъ, соблазновъ и суетвѣрій.

По Гр. Сковородѣ.

4.

Ребенокъ еще не чувствуетъ въ себѣ душу, и потому съ нимъ не бываетъ того, что бываетъ со взрослымъ чловѣкомъ, когда въ немъ въ одно и то же время говорятъ два несогласныхъ голоса. Одинъ говоритъ: съѣшь самъ, а другой: отдай тому, кто проситъ. Одинъ говоритъ: отплати, а другой говоритъ: прости. Одинъ говоритъ: вѣрь тому, что говорятъ, а другой говоритъ: самъ подумай.

И чѣмъ старше становится чловѣкъ, тѣмъ все чаще слышитъ онъ эти два несогласные голоса: одинъ — голосъ тѣла, а другой — голосъ духа. И хорошо будетъ тому чловѣку, который приучитъ себя слушаться голоса души, а не голоса тѣла.

5.

Одни люди полагають жизнь въ чревоугодіи, другіе—въ по-
ловой похоти, третьи—во власти, четвертые—въ славѣ людской,
и на все это тратять свои силы, а нужно всегда и всѣмъ
людямъ только одно: *растить* душу. Только одно это даетъ
людямъ то истинное благо, такое благо, какого никто отнять
не можетъ.

6.

«Никто не можетъ служить двумъ господамъ: ибо или од-
ного будетъ ненавидѣть, а другого любить, или одному ста-
нетъ усердствовать, а о другомъ нерадѣть. Не можете слу-
жить Богу и маммонѣ».

Мѡ. VI 24

7.

Нельзя заботиться за разъ и о душѣ своей и о мірскихъ
благахъ. Если хочешь мірскихъ благъ,—откажись отъ души;
если хочешь уберечь свою душу,—отрекись отъ мірскихъ
благъ. Иначе будешь только раздѣргиваться и не получишь
ни того, ни другого.

8.

Люди хотять добиться свободы тѣмъ, чтобы оградить себя,
свое тѣло, отъ всего того, что можетъ связать тѣло и помѣ-
шать ему дѣлать все, что ему захочется. Въ этомъ большая
ошибка. То самое, чѣмъ люди ограждаютъ свое тѣло отъ вся-
кихъ стѣсненій: богатство, высокое положеніе, добрая слава,
это самое не даетъ желаемой свободы, а, напротивъ, только
больше связываетъ. Для того, чтобы добиться большей сво-
боды, люди изъ своихъ грѣховъ, соблазновъ и суевѣрій стро-
ятъ себѣ тюрьму и садятся въ нее.

9.

Дѣло нашей жизни на этомъ свѣтѣ двойное. Одно—возра-
стить въ себѣ свою душу, и другое—устанавливать Царство

Божіе на землѣ. Дѣлаемъ мы и то и другое однимъ и тѣмъ же: тѣмъ, что освобождаемъ въ себѣ тотъ божественный свѣтъ, который заложенъ намъ въ душу.

10.

Истинный путь прямой и свободный и не споткнешься, если идешь по немъ. Какъ только почувствуешь, что ноги путаются въ заботахъ земной жизни, знай, что ты сбился съ истиннаго пути.

II.

Что такое грѣхи.

1.

По ученію буддистовъ, есть пять главныхъ заповѣдей. Первая: не убивай умышленно какое живое существо. Вторая: не присваивай себѣ то, что другой человѣкъ считаетъ своей собственностью. Третья: будь цѣломудренъ. Четвертая: не говори неправды. Пятая: не одурманивай себя ни пьяными напитками, ни куреньями. И потому грѣхами у буддистовъ считаются: убійство, воровство, блудъ, пьянство, ложь.

2.

По ученію евангельскому, есть только двѣ заповѣди любви. Когда «законникъ, искушая Его, спросилъ, говоря: Учитель! какая наибольшая заповѣдь въ законѣ? Іисусъ сказалъ ему: возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ: сія есть первая и наибольшая заповѣдь; вторая же подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя» (Мѣ. XXII, 35—39).

И потому, по христіанскому ученію, грѣхъ все то, что не согласно съ этими двумя заповѣдями.

3.

Люди наказываются не за грѣхи, а наказываются самими грѣхами. И это самое тяжелое и самое вѣрное наказаніе.

Бываетъ, что человѣкъ обманщикъ, обидчикъ, проживаетъ жизнь и умираетъ въ богатствѣ и почетѣ, но это не значитъ, чтобы онъ ушелъ отъ наказаній за свои грѣхи. Наказанія эти будутъ не гдѣ-то тамъ, гдѣ никто не бывалъ и не будетъ, а наказанія эти здѣсь. Здѣсь уже человѣкъ этотъ наказанъ тѣмъ, что съ каждымъ новымъ грѣхомъ онъ все больше и больше отдаляется отъ истиннаго блага — любви и становится все меньше и меньше радостнымъ. Все равно, какъ пьяница, будетъ ли онъ или не будетъ наказанъ за свое пьянство отъ людей, онъ уже всегда навѣрное наказанъ, кромѣ головной боли и похмелья, уже тѣмъ, что чѣмъ чаще онъ напивается, тѣмъ тѣлу и душѣ его становится все хуже и хуже.

4.

Если люди думаютъ, что можно въ этой жизни освободиться отъ грѣховъ, то они очень ошибаются. Человѣкъ можетъ быть болѣе или менѣе грѣшенъ, но никогда не можетъ быть безгрѣшенъ. Не можетъ живой человѣкъ быть безгрѣшенъ потому, что въ освобожденіи отъ грѣховъ вся жизнь человѣческая, и только въ этомъ освобожденіи и истинное благо жизни.

III.

Соблазны и суевѣрія.

1.

Дѣло человѣка въ этой жизни въ томъ, чтобы исполнять волю Бога. Воля Бога въ томъ, чтобы человѣкъ увеличивалъ въ себѣ любовь и проявлялъ ее въ мірѣ. Что же можетъ дѣлать человѣкъ для того, чтобы проявлять въ себѣ любовь?

Одно: устранять все то, что мѣшаетъ ей проявленію. Что же мѣшаетъ этому? Грѣхи мѣшаютъ проявленію любви.

Такъ что дѣлать человѣку для исполненія воли Бога нужно одно: освободиться отъ грѣховъ.

2.

Грѣшить — дѣло человѣческое, оправдывать грѣхи — дѣло дьявольское.

3.

Пока у человѣка нѣтъ разума, онъ живетъ какъ животное, и хорошо ли, дурно ли ему, онъ не виноватъ въ этомъ. Но приходитъ время, когда человѣкъ можетъ разсудить, что ему должно и чего не должно дѣлать. И вотъ тутъ-то человѣкъ часто вмѣсто того, чтобы понять, что разумъ ему данъ для того, чтобы познавать то, что должно, и то, чего не должно дѣлать, употребляетъ свой разумъ на то, чтобы оправдать то дурное, что ему пріятно и что онъ привыкъ дѣлать.

Вотъ это-то и приводитъ людей къ тѣмъ соблазнамъ и суетвѣріямъ, отъ которыхъ болѣе всего страдаетъ міръ.

4.

Плохо, если человѣкъ думаетъ, что въ немъ нѣтъ грѣховъ и ему незачѣмъ работать надъ собой. Но такъ же плохо, когда человѣкъ думаетъ, что онъ родился весь въ грѣхахъ и въ грѣхахъ умереть, и что поэтому ему и незачѣмъ надъ собой работать. Оба заблужденія одинаково губительны.

5.

Плохо, когда человѣкъ, живя среди грѣшныхъ людей, не видитъ ни своихъ грѣховъ, ни грѣховъ другихъ людей, но еще хуже положеніе такого человѣка, когда онъ видитъ грѣхи тѣхъ людей, среди которыхъ живетъ, но не видитъ только своихъ.

6.

Въ первое время жизни человѣка растеть въ немъ одно тѣло, и человѣкъ считаетъ собою только свое тѣло. Даже и тогда, когда въ человѣкѣ пробуждается сознаніе своей души, онъ все-таки исполняетъ желанія тѣла, противныя желанію души, и этимъ дѣлаетъ себѣ вредъ, ошибается, грѣшитъ. Но чѣмъ дольше живетъ человѣкъ, тѣмъ громче и громче говоритъ голосъ души, и все дальше и дальше расходятся желанія тѣла и желанія души. И приходитъ время, когда тѣло старѣется, слабѣетъ, все меньшаго и меньшаго требуетъ, духовное же «я» все больше и больше растеть. И тогда-то люди, привыкшіе служить своему тѣлу, чтобы не отречься отъ прошедшей жизни, придумываютъ соблазны и суевѣрія, которые даютъ имъ возможность жить въ грѣхахъ. Но какъ бы ни старались люди защитить тѣло отъ духовнаго «я», духовное «я» всегда побѣждаетъ, хотя бы въ послѣднія минуты жизни.

7.

Всякая ошибка, всякій грѣхъ, когда ты въ первый разъ его сдѣлалъ, связываетъ тебя. Но когда только-что сдѣлалъ его, онъ связываетъ тебя легко, какъ паутина. Если же повторишь тотъ же грѣхъ, паутина становится ниткой, потомъ бечевкой. Если еще и еще повторяешь тотъ же грѣхъ, онъ затягиваетъ тебя сначала веревкой, а потомъ и цѣпью.

Сначала грѣхъ въ твоей душѣ чужой, потомъ гость, а когда ты привыкъ къ этому грѣху, онъ уже въ твоей душѣ, какъ хозяинъ въ домѣ.

8.

Такое состояніе души, при которомъ человѣкъ не сознаетъ того зла, которое дѣлаетъ, бываетъ у человѣка тогда, когда онъ или не желаетъ провѣрять разумомъ свое поведеніе или, еще хуже, употребляетъ свой разумъ на оправданіе своихъ поступковъ, когда онъ подпалъ соблазнамъ и связаннымъ съ ними суевѣріямъ.

9.

Кто согрѣшитъ въ первый разъ, тотъ всегда чувствуетъ свою виноватость; тотъ же, кто много разъ повторяетъ тотъ же грѣхъ, — въ особенности когда люди вокругъ него находятся въ томъ же грѣхѣ, — тотъ впадаетъ въ соблазнъ и перестаетъ чувствовать свой грѣхъ.

10.

Молодые люди, начинающіе жить, выходятъ на новые, незнакомые имъ пути и находятъ направо и налѣво незнакомыя дорожки, — гладкія, заманчивыя, веселыя. Стоитъ только пойти по нимъ — и покажется сначала такъ весело и хорошо идти по нимъ, что зайдешь по нимъ такъ далеко, что когда и захочешь вернуться съ нихъ на старую, коренную дорогу, уже и не знаешь, какъ вернуться, и идешь все дальше и дальше и заходишь въ погибель.

11.

Когда человѣкъ сдѣлалъ грѣхъ и понялъ, что онъ согрѣшилъ, ему двѣ дороги: одна та, чтобы признать грѣхъ и думать о томъ, какъ бы не повторять его, другая та, чтобы, не вѣря своей совѣсти, справиться о томъ, какъ люди смотрятъ на тотъ грѣхъ, который онъ сдѣлалъ, и если люди не осуждаютъ, продолжать грѣшить, не сознавая своихъ грѣховъ.

«Всѣ такъ, отчего же мнѣ не дѣлать того же, что и люди».

Какъ только человѣкъ пошелъ по этой второй накатанной дорожкѣ, онъ и не замѣтитъ, какъ укатится далеко отъ доброй жизни.

12.

Соблазны и суевѣрія со всѣхъ сторонъ окружаютъ человека.

Итти въ жизни среди этихъ опасностей все равно, какъ итти по болоту, постоянно погрязая и постоянно выбираясь.

13.

«Соблазнамъ должно прійти въ міръ», сказалъ Христось. Я думаю, что смыслъ этого изреченія тотъ, что познаніе истины недостаточно для того, чтобы отвратить людей отъ зла и привлечь къ добру. Для того, чтобы большинство людей узнало истину, имъ необходимо, благодаря грѣхамъ, соблазнамъ и суевѣріямъ, быть доведенными до послѣдней степени заблужденія и вытекающаго изъ заблужденія страданія.

14.

Отъ тѣла—грѣхи, отъ миѣнія людей—соблазны, отъ недо-
вѣрія къ своему разуму—суевѣрія.

15.

Чисто обутый человѣкъ осторожно обходитъ грязь, но разъ оступился, запачкалъ обувь, онъ уже меньше остерегается, а когда видитъ, что обувь вся испачкапа, уже смѣло шлепаетъ по грязи, пачкаясь все больше и больше.

Такъ и человѣкъ смолоду, пока онъ еще чистъ отъ дурныхъ и развратныхъ дѣлъ, бережется и сторонится отъ всего дурного, но стоитъ разъ-другой ошибиться, и онъ думаетъ: берегись, не берегись, все то же будетъ, и пускается во всѣ пороки. Не дѣлай такъ. Запачкался—вытирайся, и будь еще осторожнѣе; согрѣшишь—кайся, и еще больше берегись грѣха.

16.

Грѣхи тѣлесные ослабѣвають съ годами, но не ослабѣвають, а, напротивъ, усиливаются съ годами соблазны и суевѣрія.

IV.

Главное дѣло жизни человѣка въ освобожденіи себя отъ грѣховъ, соблазновъ и суевѣрій.

1.

Человѣкъ радуется, когда тѣло его освобождается изъ плѣна или тюрьмы. Какъ же не радоваться человѣку, когда онъ освобождается отъ грѣховъ, соблазновъ и суевѣрій, которые держали въ плѣну его душу?

2.

Представить себѣ, что люди живутъ одной животной жизнью, не борются со своими страстями, — какая бы была ужасная жизнь, какая бы была ненависть всѣхъ противъ всѣхъ людей, какое бы было распутство, какая жестокость! Только то, что люди знаютъ свои слабости и страсти и борются съ своими грѣхами, соблазнами и суевѣріями, дѣлаетъ то, что люди могутъ жить вмѣстѣ.

3.

Тѣло человѣка связываетъ тотъ духъ, который живетъ въ немъ. Но духъ пробивается черезъ тѣло и все больше и больше освобождается. Въ этомъ — жизнь.

4.

Жизнь человѣка, хочетъ ли онъ этого или не хочетъ, ведетъ къ все большему и большему освобожденію его отъ грѣховъ. Человѣкъ, понимающій это, помогаетъ своими усиліями тому, что дѣлается его жизнью, и жизнь такого человѣка легка, потому что согласна съ тѣмъ, что дѣлается съ нимъ.

5.

Дѣти еще не привыкли къ грѣхамъ, и всякій грѣхъ противенъ имъ. Взрослые уже попали въ соблазны и грѣшатъ и не замѣчаютъ этого.

6.

Если человекъ не признаетъ своихъ грѣховъ, то онъ, какъ плотно закупоренная посуда, не можетъ принять въ себя того, что освобождаетъ отъ грѣховъ. Смириться, покаяться, это значитъ открыть посуду, сдѣлать себя способнымъ къ освобожденію отъ грѣховъ.

7.

Каяться — значитъ сознавать свои грѣхи и готовиться къ борьбѣ съ ними, и потому хорошо каяться, пока еще въ силахъ. Надо подливать масла, пока еще не погасла свѣтильня.

8.

Пришли двѣ женщины къ старцу за поученіемъ. Одна считала себя великой грѣшницей. Она въ молодости измѣнила мужу и, не переставая, мучилась. Другая же, проживъ всю жизнь по закону, ни въ какомъ особенномъ грѣхѣ не упрекала себя и была довольна собою.

Старецъ разспросилъ обѣихъ женщинъ объ ихъ жизни. Одна со слезами призналась ему въ своемъ великомъ грѣхѣ. Она считала свой грѣхъ столь великимъ, что не ожидала за него прощенія; другая же сказала, что не знаетъ за собой никакихъ особенныхъ грѣховъ. Старецъ сказалъ первой:

— Поди ты, раба Божія, за ограду и найди ты мнѣ большой камень — такой, какой поднять можешь, и принеси... А ты, — сказалъ онъ той, которая не знала за собой большихъ грѣховъ, — принеси мнѣ тоже каменьевъ, сколько осилишь, только все мелкихъ.

Женщины пошли и исполнили приказаніе старца. Одна принесла большой камень, другая — полный мѣшокъ мелкихъ каменьевъ.

Старецъ осмотрѣлъ камни и сказалъ:

— Теперь вотъ что сдѣлайте: снесите вы назадъ камни и положите на тѣ самыя мѣста, гдѣ взяли, и когда положите, приходите ко мнѣ.

И женщины пошли исполнять приказаніе старца. Первая

легко нашла то мѣсто, съ котораго взяла камень, и положила его, какъ онъ былъ; но другая никакъ не могла вспомнить, съ какого мѣста брала какой камень, и такъ, не исполнивъ приказанія, съ тѣмъ же мѣшкомъ вернулась къ старцу.

— Такъ вотъ,—сказалъ старецъ,—то же бываетъ и съ грѣхами. Ты легко положила большой и тяжелый камень на прежнее мѣсто, потому что помнила, откуда взяла его.

А ты не могла, потому что не помнила, гдѣ взяла мелкіе камни. То же и съ грѣхами.

Ты помнила свой грѣхъ, несла за него укоры людей и своей совѣсти, смирялась и потому освобождалась отъ послѣдствій грѣха.

Ты же,—обратился старецъ къ женщинѣ; принесшей назадъ мелкіе камни,—грѣша мелкими грѣхами, не помнила ихъ, не каялась въ нихъ, привыкла къ жизни въ грѣхахъ и, осуждая грѣхи другихъ, все глубже и глубже завязала въ своихъ.

9.

Человѣкъ рожденъ въ грѣхахъ. Отъ тѣла всѣ грѣхи, но духъ живетъ въ человѣкѣ и борется съ тѣломъ. Вся жизнь человѣка это—борьба духа съ тѣломъ. И хорошо тому чело-вѣку, который въ борьбѣ этой на сторонѣ не тѣла,—того тѣла, которое навѣрное будетъ побѣждено, а на сторонѣ духа,—того духа, который навѣрное побѣдитъ, хотя бы въ послѣдній часъ жизни.

10.

Большая ошибка думать, что отъ грѣха можно освободиться вѣрою или прощеніемъ отъ людей. Отъ грѣха ничѣмъ нельзя освободиться. Можно только сознавать свой грѣхъ и стараться не повторять его.

11.

Никогда не робѣй передъ грѣхомъ, не говори себѣ: я не могу не грѣшить, я привыкъ, я слабъ. Пока живъ, всегда можешь и бороться съ грѣхомъ и побороть его, не нынче, такъ завтра, не завтра, такъ послѣзавтра, не послѣзавтра, такъ

уже навѣрное передъ смертью. Если же впередъ отказываешься отъ борьбы, то отказываешься отъ самаго главнаго дѣла жизни.

12.

Нельзя заставить себя любить. Но то, что ты не любишь, не значитъ то, что въ тебѣ нѣтъ любви, а только то, что въ тебѣ есть что-то такое, что мѣшаетъ любви. Какъ ни переворачивай и сколько ни тряси бутылку, если въ ней зашла пробка, ничего не выльется, пока не вынешь пробку. То же и съ любовью. Душа твоя полна любовью, но любовь эта не можетъ проявиться, потому что грѣхи твои не даютъ ей хода. Освободи душу отъ того, что засоряетъ ее, и ты полюбишь всѣхъ, и даже того, кого называлъ врагомъ и ненавидѣлъ.

13.

Горе тому человѣку, который скажетъ себѣ, что освободился отъ грѣховъ.

14.

Безгрѣшно то, въ чемъ нѣтъ сознанія единаго съ Богомъ и со всѣмъ живымъ духа. Отъ этого безгрѣшно животное, растеніе.

Человѣкъ же сознаетъ въ себѣ въ одно и то же время и животное и Бога, и потому не можетъ быть безгрѣшнымъ. Мы называемъ безгрѣшными дѣтей, это—невѣрно. Ребенокъ не безгрѣшенъ. Въ немъ меньше грѣховъ, чѣмъ во взросломъ, но уже есть грѣхи тѣла. Также не безгрѣшенъ человѣкъ самой святой жизни. Въ святомъ меньше грѣховъ, но грѣхи есть—безъ грѣховъ нѣтъ жизни.

15.

Для того, чтобы приучить себя къ борьбѣ съ грѣхами, полезно время отъ времени переставать дѣлать то, къ чему привыкъ, для того, чтобы знать, что ты властенъ надъ тѣломъ, а не тѣло надъ тобой.

V.

Значеніе грѣховъ, соблазновъ, суевѣрій и лжеученій для проявленія духовной жизни.

1.

Тѣ люди, которые вѣрятъ въ то, что Богъ сотворилъ міръ, часто спрашиваютъ: зачѣмъ же сотворилъ Богъ людей такъ, что они должны грѣшить, не могутъ не грѣшить? Спрашивать объ этомъ все равно, что спрашивать о томъ, зачѣмъ Богъ сотворилъ матерей такъ, что для того, чтобы имъ имѣть дѣтей, имъ надо мучиться, рожать, выкармливать, воспитывать дѣтей? Не проще ли было бы, если бы Богъ сразу далъ матерямъ готовыхъ дѣтей, безъ родовъ, безъ кормленія, безъ трудовъ, заботъ, страховъ? Никакая мать не спроситъ этого, потому что ребенокъ и дорогъ ей потому, что и въ мукахъ родовъ, и въ кормленіи, и въ выращиваніи, и въ заботахъ о дѣтяхъ была ея лучшая радость жизни.

То же и съ человѣческою жизнью: грѣхи, соблазны и суевѣрія, борьба съ ними и побѣда надъ ними, — въ этомъ и смыслъ и радость человѣческой жизни.

2.

Тяжело бываетъ человѣку знать про свои грѣхи, но и зато большая радость чувствовать, что освобождаешься отъ нихъ. Не было бы ночи, мы не радовались бы свѣту солнца. Не было бы грѣха, не зналъ бы человѣкъ радости праведности.

3.

Если бы въ человѣкѣ не было души, онъ не зналъ бы грѣховъ тѣла, а если бы не было грѣховъ тѣла, онъ не зналъ бы, что у него есть душа.

4.

Съ тѣхъ поръ, какъ есть люди, разумныя существа, они различали добро отъ зла и пользовались тѣмъ, что до нихъ въ этомъ различеніи сдѣлали люди,—боролись со зломъ, искали истинный наилучшій путь и медленно, но неотступно двигались на этомъ пути. И всегда, заграждая этотъ путь, становились передъ людьми различные соблазны, суевѣрія и ложныя ученія, говорившіе людямъ, что этого не нужно дѣлать, что не нужно ничего искать, что имъ и такъ хорошо и нужно жить, какъ живетъся.

5.

Грѣхи, соблазны и суевѣрія—это та земля, которая должна покрывать сѣмена любви для того, чтобы они могли взойти.

VII.

Излишество.

Единое, истинное благо человека въ любви. Лишается же человекъ этого блага, когда онъ вмѣсто того, чтобы увеличить въ себѣ любовь, увеличиваетъ въ себѣ потребности тѣла, потокая имъ.

I.

Все лишнее для тѣла вредно и тѣлу и душѣ.

1.

Служить тѣлу надо только тогда, когда оно требуетъ этого. Употреблять же свой разумъ на то, чтобы придумывать удовольствія тѣлу—значить жить наизусть: не тѣло заставлять служить душѣ, а душу тѣлу.

2.

Чѣмъ меньше потребностей, тѣмъ счастливѣе жизнь,—старая, но далеко не признанная всѣми людьми истина.

3.

Чѣмъ больше ты приучаешь себя къ роскоши, тѣмъ больше подвергаешься рабству: потому что чѣмъ въ большемъ ты бу-

дешь нуждаться, тѣмъ больше сократишь свою свободу. Совершенная свобода въ томъ, чтобы вовсе ни въ чемъ не нуждаться, а слѣдующая за нею—нуждаться въ немногомъ.

Іоаннъ Златоустъ.

4.

Есть грѣхи противъ людей и есть грѣхи противъ себя. Грѣхи противъ людей бываютъ оттого, что человѣкъ не уважаетъ Духъ Божій въ другомъ человѣкѣ. Грѣхи противъ себя—оттого, что человѣкъ не уважаетъ Духъ Божій въ самомъ себѣ.

5.

Хочешь жить спокойно и свободно—отучай себя отъ того, безъ чего можешь обойтись.

6.

Все, что точно нужно для тѣла, легко добывается. Трудно добывается только то, что не нужно.

7.

Хорошо имѣть то, чего желаешь, но еще лучше ничего не желать, кромѣ того, что имѣешь.

Мелетемъ.

8.

Если ты здоровъ да поработалъ до усталости, то хлѣбъ съ водой тебѣ слаще покажется, чѣмъ богачу всѣ его приправы. солома для постели мягче всякихъ пружинныхъ кроватей и кафтанъ рабочій пріятнѣе на тѣлѣ всякихъ бархатныхъ и мѣховыхъ одеждъ.

9.

Будешь слишкомъ угождать тѣлу, — ослабишь его; будешь слишкомъ утруждать его, — тоже ослабишь. Если ужъ выбирать одно изъ двухъ, то лучше изнурять, чѣмъ нѣжить тѣло, — потому лучше, что, если не доѣлъ, не доспалъ, переработалъ,

тѣло сейчасъ же покажетъ тебѣ ошибку. Если же слишкомъ изнѣжилъ тѣло, то оно, не сейчасъ, но гораздо позже, покажетъ тебѣ твою ошибку тѣмъ, что будетъ слабое и больное.

10.

Сократъ самъ воздерживался отъ всего того, что ѣдятъ не для утоленія голода, а для вкуса, и уговаривалъ своихъ учениковъ дѣлать такъ же. Онъ говорилъ, что не только для тѣла, но и для души большой вредъ отъ лишней ѣды или питья, и совѣтовалъ выходить изъ-за стола, пока еще ѣсть хочется. Онъ напоминалъ своимъ ученикамъ сказку о мудромъ Улиссѣ: какъ волшебница Цирцея не могла заколдовать Улисса оттого только, что онъ не сталъ обѣдаться, а товарищей его, какъ только они набросились на ея сладкія кушанья, всѣхъ обратила въ свиней.

11.

Казалось бы, ученымъ, богатымъ людямъ, тѣмъ, кто называетъ себя просвѣщенными, надо бы понимать, что въ обжорствѣ, въ пьянствѣ, въ нарядахъ нѣтъ ничего хорошаго; а именно эти-то люди и придумываютъ сладкія кушанья, пьяные напитки и всякіе наряды и, кромѣ того, что этимъ сами себя портятъ, развращаютъ своимъ примѣромъ и рабочихъ людей.

«Если ученые люди находятъ радость въ роскошной жизни, то значить, что такъ и надо», говорятъ рабочіе люди, и портятъ свою жизнь, подражая богатымъ.

12.

Въ наше время большая часть людей думаетъ, что благо жизни въ служеніи тѣлу. Это видно изъ того, что самое распространенное въ наше время ученіе, это—ученіе социалистовъ. По этому ученію, жизнь съ малыми потребностями есть жизнь скотская, и увеличеніе потребностей это первый признакъ образованнаго человѣка, признакъ сознанія имъ своего человеческого достоинства. Люди нашего времени такъ вѣрятъ этому

ложному ученію, что только глумятся надъ тѣми мудрецами, которые въ уменьшеніи потребностей видѣли благо человѣка.

13.

Посмотрите на то, какъ хочетъ жить рабъ. Прежде всего онъ хочетъ, чтобы его отпустили на волю. Онъ думаетъ, что безъ этого онъ не можетъ быть ни свободнымъ, ни счастливымъ. Онъ говоритъ такъ: если бы меня отпустили на волю, я сейчасъ бы былъ вполне счастливъ, я не былъ бы принужденъ угождать и прислуживаться моему хозяину, я могъ бы говорить съ кѣмъ угодно, какъ съ равнымъ себѣ, могъ бы итти, куда хочу, не спрашиваясь ни у кого.

А какъ только отпустятъ его на волю, онъ сейчасъ же разыскиваетъ, къ кому бы подольститься, чтобы получше пообѣдать. Для этого онъ готовъ итти на всякія мерзости. А пристроившись къ какому-нибудь богатому человѣку, онъ попадаетъ опять въ то рабство, изъ котораго такъ хотѣлъ выйти.

Если такой человѣкъ начнетъ богатѣть, то онъ заводитъ себѣ любовницу и попадаетъ къ ней, къ этой любовницѣ, въ еще худшее рабство. Если онъ разбогатѣетъ, то у него еще меньше свободы. И вотъ онъ начинаетъ страдать и плакать. Когда же ему приходится особенно трудно, онъ вспоминаетъ о прежнемъ своемъ рабствѣ и говоритъ:

— А вѣдь мнѣ недурно было у своего хозяина! Не я о себѣ заботился, а меня одѣвали, обували, кормили; и когда я боленъ бывалъ, заботились обо мнѣ. Да и служба была нетрудная. А теперь сколько дѣлъ! Былъ у меня одинъ хозяинъ, а теперь сколько ихъ стало у меня! Сколькимъ людямъ долженъ я угождать!

Эпиктетъ.

II.

Ненасытность похотей тѣла.

1.

Для поддержанія жизни тѣлу нужно немного, но прихотямъ тѣла нѣтъ конца.

2.

Потребности тѣла, одного тѣла, легко удовлетворяются. Нужно особенное несчастье, чтобы у человѣка не было одежды прикрыть тѣло и куска хлѣба, чтобы наѣсться. Но никакими силами нельзя добыть всего того, чего можетъ пожелать человѣкъ.

3.

Несмышленный ребенокъ плачетъ и кричитъ, пока ему не дадутъ того, что нужно его тѣлу. Но какъ только ему дали то, что нужно его тѣлу, онъ успокаивается и ничего больше не просить. Но не то съ взрослыми людьми, когда они полагаютъ свою жизнь не въ духѣ, а въ тѣлѣ. Такіе люди никогда не успокаиваются, имъ всегда еще чего-нибудь нужно.

4.

Потакать тѣлу, давать ему лишнее, сверхъ того, что ему нужно,—большая ошибка уже потому, что отъ роскошной жизни не прибавляется, а уменьшается удовольствіе отъ ѣды, отъ отдыха, отъ сна, отъ одежды, отъ помѣщенія. Сталь ѣсть лишнее, сладкое, не проголодавшись, разстраивается желудокъ, и нѣтъ охоты къ ѣдѣ и удовольствіямъ. Сталь ѣздить тамъ, гдѣ могъ пѣшкомъ пройти, привыкъ къ мягкой постели, къ нѣжной, сладкой пицѣ, къ роскошному убранству въ домѣ, привыкъ заставлять дѣлать другихъ, что самъ можешь сдѣлать,—и нѣтъ радости отдыха послѣ труда, тепла послѣ холода, нѣтъ крѣпкаго сна и все больше ослабляешь себя и не прибавляешь, а убавляешь радости и спокойствія и свободы.

5.

Людямъ надо бы учиться у животныхъ тому, какъ надо обходиться съ своимъ тѣломъ. Какъ только у животнаго есть то, что ему нужно для его тѣла, оно успокаивается; человѣку же мало того, что онъ утолил свой голодъ, укрылся отъ

непогоды, согрѣлся, — онъ придумываетъ все разныя сладкія питья и кушанья, строить дворцы и готовить лишнія одежды и всякія ненужныя роскоши, отъ которыхъ ему не лучше, а только хуже живется.

III.

Грѣхъ объяденія.

1.

Если бы люди ѣли только тогда, когда они голодны, и питались простой, чистой и здоровой пищей, то они не знали бы болѣзней и имъ легче было бы бороться со страстями.

2.

Мудрецъ говорилъ: благодарю Бога за то, что Онъ сдѣлалъ все нужное легкимъ, а все ненужное труднымъ. Это особенно вѣрно въ пищѣ. Та пища, которая нужна человѣку для того, чтобы онъ былъ здоровъ и способенъ работать, проста и дешева: хлѣбъ, плоды, коренья, вода. Все это вездѣ есть. Трудно только дѣлать всякія хитрыя кушанья, въ родѣ мороженаго лѣтомъ и т. п.

Всѣ эти хитрыя кушанья мало того, что трудны, еще и вредны. Такъ что не тѣмъ здоровымъ людямъ, которые ѣдятъ хлѣбъ съ водой и кашу, надо завидовать хворымъ богачамъ съ ихъ хитрыми кушаньями, а богачамъ завидовать бѣднякамъ и учиться ихъ питанію.

3.

Рѣдко умираютъ отъ голода. Гораздо чаще болѣютъ и умираютъ оттого, что слишкомъ сладко ѣдятъ и не работаютъ.

4.

Надо ѣсть для того, чтобы жить, а не жить для того, чтобы ѣсть.

5.

«Щей горшокъ, да самъ большой», — хорошая пословица, надо держаться ея.

6.

Если бы не жадность, ни одна птица не попала бы въ сѣти, и птицеловъ не поймалъ бы ни одной птицы. На ту же приманку ловятъ и людей. Брюхо — это цѣпь на руки и кандалы на ноги. Рабъ брюха всегда рабъ. Хочешь быть свободенъ, прежде всего освобождай себя отъ брюха. Борись съ нимъ. Ъшь для того, чтобы утолить голодъ, а не для того, чтобы получить удовольствіе.

По Саадн.

7.

Что выгоднѣе: потратить въ недѣлю 4 часа на приготовленіе хлѣба и потомъ питаться всю недѣлю этимъ хлѣбомъ съ водой, или тратить 21 часъ въ недѣлю на приготовленіе вкусной и утонченной пищи? Что дороже: лишніе 17 часовъ въ недѣлю или сладкая пища?

IV.

Грѣхъ мясояденія.

1.

Греческій мудрецъ Пифагоръ не ѣлъ мяса. Когда у Плутарха, греческаго писателя, писавшаго жизнь Пифагора, спрашивали, почему и зачѣмъ Пифагоръ не ѣлъ мяса, Плутархъ отвѣчалъ, что его не то удивляетъ, что Пифагоръ не ѣлъ мяса, а удивляетъ то, что еще теперь есть люди, которые могли бы сытно питаться зернами, овощами и плодами, и которые, вмѣсто этого, ловятъ живыя существа, рѣжутъ ихъ и ѣдятъ.

2.

Еще съ самыхъ древнихъ временъ мудрецы учили тому, что не надо ѣсть мяса животныхъ, а питаться растеніями, но мудрецамъ не вѣрили, и всѣ ѣли мясо. Но въ наше время съ каждымъ годомъ находится все больше и больше людей, которые считаютъ грѣхомъ ѣсть мясо и не ѣдятъ его.

Мы удивляемся на то, что были люди, которые ѣли мясо убитыхъ людей, и что есть еще и теперь такіе въ Африкѣ. Но подходитъ время, когда будутъ такъ же удивляться на то, какъ могли люди убивать животныхъ и ѣсть ихъ.

3.

Десять лѣтъ кормила корова тебя и твоихъ дѣтей, одѣвала и грѣла тебя овца своей шерстью. Какая же имъ за это награда? Перерѣзать горло и съѣсть.

4.

«Не убій» относится не къ одному убійству человѣка, но и къ убійству всего живого. И заповѣдь эта была записана въ сердцахъ человѣка прежде, чѣмъ она была записана на Синаѣ.

5.

Состраданіе къ животнымъ такъ тѣсно связано съ добротою характера, что можно съ увѣренностью утверждать, что кто жестокъ съ животными, не можетъ быть добрымъ человѣкомъ.

Шопенгауэръ.

6.

Не поднимай руки противъ брата твоего и не проливай крови никакихъ другихъ существъ, населяющихъ землю,—ни людей, ни домашнихъ животныхъ, ни звѣрей, ни птицы; въ глубинѣ твоей души вѣщій голосъ тебѣ запрещаетъ ее проливать, ибо кровь—это жизнь, а жизнь ты не можешь вернуть.

Ламартинъ.

7.

Тѣ радости, которыя даетъ человѣку чувство жалости и состраданія къ животнымъ, окупаютъ ему въ сто кратъ тѣ удовольствія, которыхъ онъ лишается отказомъ отъ охоты и употребленія мяса.

V.

Грѣхъ одурманенія виномъ, табакомъ, опиумомъ и проч.

1.

Для того, чтобы люди могли жить хорошо, имъ нужныѣ всего ихъ разумъ, и потому имъ надо бы дорожить больше всего своимъ разумомъ, а между тѣмъ люди находятъ удовольствіе именно въ томъ, чтобы заглушать этотъ разумъ табакомъ, виномъ, водкой, опиумомъ. Отчего это? А оттого, что люди хотятъ жить дурной жизнью, а разумъ, если онъ не заглушенъ, показываетъ, что жизнь ихъ дурная.

2.

Если бы вино, табакъ, опиумъ не дѣйствовали на разумъ, заглушая его, и потому не давали бы волю дурнымъ желаніямъ, никто не сталъ бы пить или вдыхать горькій напитокъ или дымъ.

3.

Отчего у разныхъ людей есть разныя привычки, а привычки куренія и пьянства однѣ и тѣ же у всѣхъ, и у богатыхъ, и у бѣдныхъ? А оттого, что большинство людей недовольно своею жизнью. А недовольны люди своей жизнью оттого, что всѣ ищутъ удовольствій тѣла. А тѣло никогда не довольно, и отъ этого недовольства люди, какъ бѣдные, такъ и богатые, стараются забыться въ куреніи или пьянствѣ.

4.

Человѣкъ идетъ ночью съ фонаремъ и съ трудомъ разбираетъ дорогу, сбивается и опять справляется. И вотъ человѣку надоѣло разбирать дорогу, и онъ задуваетъ свѣтъ въ фонарь и идетъ, куда попало.

Развѣ не то же самое дѣлаетъ человѣкъ, когда одурманиваетъ себя табакомъ, виномъ, опиумомъ? Трудно разбирать въ жизни путь, чтобы не сбиваться, и когда сбился, опять выбираться на дорогу. И вотъ люди, чтобы не трудиться разбирать путь, тушатъ въ себѣ единственный свѣтъ — разумъ — куреніемъ, пьянствомъ.

5.

Если человѣкъ ѣсть лишнее, объѣдается, то трудно ему не быть лѣнивымъ. Если же пьетъ хмельное, то трудно ему быть цѣломудреннымъ.

6.

Ни вино, ни опиумъ, ни табакъ не нужны для жизни людей. Всѣ знаютъ, что и вино, и опиумъ, и табакъ вредны и тѣлу и душѣ. А между тѣмъ, чтобы производить эти яды, тратятся труды милліоновъ людей. Зачѣмъ же дѣлаютъ это люди? Дѣлаютъ это люди оттого, что, впавъ въ грѣхъ служенія тѣлу и видя, что тѣло никогда не можетъ быть удовлетворено, они придумали такія вещества, какъ вино, опиумъ, табакъ, которыя одуряютъ ихъ настолько, что они забываютъ про то, что у нихъ нѣтъ того, чего они желаютъ.

7.

Если человѣкъ положилъ свою жизнь въ тѣлесныхъ удовольствіяхъ и не можетъ получить всего того, чего онъ желаетъ, то онъ старается обмануть самъ себя: поставить себя въ такое положеніе, въ которомъ ему казалось бы, что онъ имѣетъ то, чего желаетъ: онъ одуряетъ себя табакомъ, виномъ, опиумомъ.

8.

Никто никогда не напивался и не накуривался для того, чтобы дѣлать хорошее дѣло: работать, обдумать вопросъ, ходить за больнымъ, молиться Богу. Большинство же злыхъ дѣлъ дѣлаются въ пьяномъ видѣ.

Одурманеніе себя чѣмъ бы то ни было не есть еще преступленіе, но приготовленіе себя ко всякаго рода преступленіямъ.

9.

Троица проклятій: пьянство, мясояденіе и куреніе.

10.

Трудно себѣ представить, какая счастливая переменѣна произошла бы въ нашей жизни, если бы люди перестали одурманивать и отравлять себя водкой, виномъ, табакомъ, опиумомъ.

VI.

Служеніе тѣлу вредитъ душѣ.

1.

Если у одного человѣка есть много лишняго, то у многихъ другихъ не достаетъ нужнаго.

2.

Лучше, чтобы одежда была впору совѣсти, чѣмъ, чтобы она была впору только тѣлу.

3.

Для того, чтобы нѣжить свое тѣло, нужно огрубѣть душою.

4.

Кому изъ двухъ людей лучше: тому ли, кто самъ своимъ трудомъ себя кормитъ, такъ, чтобы только не быть голоднымъ,

одѣваетъ себя такъ, чтобы не быть голымъ, обстраиваетъ себя такъ, чтобы не быть мокрымъ и холоднымъ, или тому, кто или попрошайничествомъ, или прислуживаніемъ, или, что самое обыкновенное, мошенничествомъ, или насиліемъ добываетъ себѣ и сладкую пищу, и богатую одежду, и богатое помѣщеніе?

5.

Не расчетъ приучать себя къ роскоши, потому что чѣмъ больше тебѣ для твоего тѣла нужно, тѣмъ больше надо трудиться тѣломъ же для того, чтобы лучше накормить, одѣть, помѣстить свое тѣло. Ошибка эта незамѣтна только для такихъ людей, которые тѣмъ или другимъ обманомъ сумѣли такъ устроиться, чтобы другіе должны были не на себя, а на нихъ работать, такъ что для такихъ людей, для богатыхъ, это уже, кромѣ того, что не расчетъ, еще и дурное дѣло.

6.

Если бы мы, люди, не придумали себѣ роскошныхъ жилищъ, одеждъ, пищи, всѣ нуждающіеся теперь могли бы жить безъ нужды, а богатые—безъ страха за себя и свои богатства.

7.

Какъ первое правило мудрости—познаніе самого себя, потому что только знающій себя можетъ знать и другихъ, такъ и первое правило милосердія въ томъ, чтобы довольствоваться малымъ, потому что только такой довольный малымъ можетъ быть милосерднымъ.

Дж. Рёскинъ.

8.

Жить только для своего тѣла это значить дѣлать то, что сдѣлалъ тотъ рабочій, который хозяйскія деньги, вмѣсто того, чтобы купить, какъ велѣлъ хозяинъ, нужны для самого рабочаго вещи, промоталъ на свои потѣхи.

Богъ далъ намъ Духъ Свой для того, чтобы мы могли

исполнять дѣло Божье и чтобы намъ самимъ было хорошо. А мы этотъ Духъ Божій тратимъ на служеніе своему тѣлу. И дѣла Божьяго не исполняемъ, и себѣ дѣлаемъ худо.

9.

То, что человѣку несвойственно предаваться сластолюбію, а свойственно всегда бороться съ нимъ, всякій можетъ на опытѣ узнать изъ того, что чѣмъ больше человѣкъ удовлетворяетъ требованіямъ тѣла, тѣмъ слабѣе становятся его духовныя силы. И наоборотъ. Великіе мудрецы и святые были воздержны и цѣломудренны.

10.

Какъ дымъ изгоняетъ пчелъ изъ улья, такъ обжорство и пьянство изгоняютъ всѣ лучшія духовныя силы.

Василій Великій.

11.

Не бѣда, когда тѣло страдаетъ отъ духовной работы, но плохо то, когда самое дорогое въ человѣкѣ—душа—пострадаетъ отъ страстей тѣла.

12.

Не умерщвляйте своихъ сердецъ излишней пищей и питьемъ.

Магометъ.

13.

«Гдѣ будетъ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше», сказано въ Евангеліи. Если сокровищемъ своимъ человѣкъ будетъ считать свое тѣло, онъ и будетъ полагать свои силы на то, чтобы у него для тѣла были вкусныя кушанья, покойныя помѣщенія, красивая одежда и всякія удовольствія. А чѣмъ больше полагаетъ человѣкъ свои силы на тѣло, тѣмъ меньше у него останется ихъ для жизни духовной.

VII.

Свободенъ только тотъ, кто властенъ надъ похотями своего тѣла.

1.

Если человѣкъ живетъ не для души, а для тѣла, то онъ дѣлаетъ то же, что дѣлала бы птица, если бы она передвигалась съ мѣста на мѣсто пѣшкомъ своими слабыми ногами, а не летала бы на своихъ крыльяхъ туда, куда ей надо.

2.

Сладкую ѣду, богатая одежды, всякую роскошь—вы называете счастьемъ. А я думаю, что ничего не желать—это самое большое блаженство, и для того, чтобы приблизиться къ этому высшему счастью, надо пріучить себя нуждаться въ немногомъ.

Сократъ.

3.

Чѣмъ меньше потакать тѣлу въ ѣдѣ, одеждѣ, помѣщеніи, увеселеніи, тѣмъ свободнѣе жизнь. И напротивъ, только попустишь улучшать ѣду, одежду, помѣщеніе, увеселенія—и не будетъ конца трудамъ и заботамъ.

4.

Бѣднымъ лучше быть, чѣмъ богатымъ, потому что богатые больше завязаютъ въ грѣхахъ, чѣмъ бѣдные. Да и грѣхи богатыхъ мудренѣе и запутаннѣе, и трудно разобраться въ нихъ. У бѣдняковъ грѣхи не хитрые, и легче отъ нихъ освободиться.

5.

Никто никогда не раскаивался, что жилъ слишкомъ просто.

6.

Богатые люди такъ привыкли къ грѣху служенія тѣлу, что не видятъ его, и, полагая, что дѣлаютъ то, что должно для блага дѣтей, съ первыхъ лѣтъ приучаютъ ихъ къ объяденію, роскоши, праздности, то-есть, развращая ихъ, готовятъ для нихъ тяжелыя страданія.

7.

То, что бываетъ съ желудкомъ, когда объѣшься, бываетъ и съ весельемъ. Чѣмъ больше стараются люди увеличить удовольствіе ѣды, придумывая утонченныя кушанья, тѣмъ больше ослабляется желудокъ и уменьшается удовольствіе принятія пищи. Чѣмъ больше стараются люди увеличить удовольствія увеселеній утонченными, хитрыми играми, тѣмъ больше ослабляется способность истиннаго веселья.

8.

Страдать можно только тѣломъ; духъ не знаетъ страданій. Чѣмъ слабѣе духовная жизнь, тѣмъ сильнѣе страданія. И потому, если не хочешь страдать, живи больше душою, а меньше тѣломъ.

VIII.

Половая похоть.

Во всѣхъ людяхъ—женщинахъ и мужчинахъ—живетъ Духъ Божій. Какой же грѣхъ смотрѣть на носителя Духа Божія, какъ на средство удовольствія! Всякая женщина для мужчины прежде всего должна быть сестрою, и всякій мужчина для женщины—братомъ.

I.

Необходимо стремиться къ полному цѣломудрію.

1.

Хорошо жить въ честномъ бракѣ, но лучше никогда не жениться. Рѣдкіе люди могутъ это. Но хорошо тому, кто можетъ.

2.

Если люди женятся, когда могутъ не жениться, то они дѣлаютъ то же, что дѣлалъ бы человѣкъ, если бы падалъ, не споткнувшись. Если споткнулся и упалъ, то что же дѣлать, а если не споткнулся, то зачѣмъ же нарочно падать? Если можешь безъ грѣха прожить цѣломудренно, то лучше не жениться.

3.

Неправда, что цѣломудріе противно природѣ человѣка. Цѣломудріе возможно и даетъ несравненно больше блага, чѣмъ даже счастливый бракъ.

4.

Губительны для доброй жизни излишества въ пищѣ, также еще болѣе губительны для доброй жизни излишества половыя. И потому, чѣмъ меньше отдается человѣкъ тому и другому, тѣмъ лучше для его истинно духовной жизни. Разница между тѣмъ и другимъ, однако, большая. Отказавшись совсѣмъ отъ пищи, человѣкъ уничтожаетъ свою жизнь; отказавшись же отъ половой жизни, человѣкъ не прекращаетъ ни своей жизни, ни жизни рода, которая зависитъ не отъ него одного.

5.

«Неженатый заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу; а женатый заботится о мірскомъ, какъ угодить женѣ. Есть разность между замужнею и дѣвицею: незамужняя заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу, чтобы быть святой и тѣломъ и духомъ; а замужняя заботится о мірскомъ, какъ угодить мужу».

І Кор. 7, 38.

6.

Если люди, женившись, думаютъ, что они своимъ бракомъ служатъ Богу и людямъ тѣмъ, что продолжаютъ родъ людской, то они сами себя обманываютъ. Такимъ людямъ вмѣсто того, чтобы жениться для увеличенія числа дѣтскихъ жизней, гораздо проще поддерживать и спасать тѣ миллионы дѣтскихъ жизней, которыя гибнутъ отъ нужды и заброшенности.

7.

Хотя только рѣдкіе люди могутъ вполне быть цѣломудренны, пусть всякій человѣкъ понимаетъ и помнитъ, что онъ всегда можетъ быть болѣе цѣломудренъ, чѣмъ онъ былъ прежде, и

можетъ вернуться къ нарушенному цѣломудрію, и что чѣмъ больше приблизится человѣкъ къ полному цѣломудрію, тѣмъ больше онъ получитъ самъ для себя истиннаго блага и тѣмъ болѣе онъ будетъ въ состояніи служить благу ближнихъ.

8.

Говорятъ, что если всѣ будутъ цѣломудренны, то прекратится родъ человѣческій. Но вѣдь по церковному вѣрованію долженъ наступить конецъ свѣта; по наукѣ точно такъ же должны кончиться и жизнь человѣка на землѣ и сама земля; почему же то, что нравственная, добрая жизнь тоже приведетъ къ концу родъ человѣческій, такъ возмущаетъ людей?

Главное же то, что прекращеніе или не прекращеніе рода человѣческаго не наше дѣло. Дѣло cadaго изъ насъ одно: жить хорошо. А жить хорошо по отношенію половой похоти значить стараться жить какъ можно болѣе цѣломудренно.

9.

Одинъ ученый сдѣлалъ расчетъ, что если человѣчество будетъ удваиваться каждыя 50 лѣтъ, какъ оно удваивается теперь, то черезъ 7000 лѣтъ отъ одной пары разведется людей столько, что если бы ихъ тѣсно прижать плечо съ плечомъ по всему земному шару, то помѣстится на всемъ земномъ шарѣ только одна двадцать седьмая часть всѣхъ людей.

Для того, чтобы этого не было, нужно только одно—то самое, что высказывалось всѣми мудрецами міра и что вложено въ душу всѣхъ людей,—цѣломудріе, стремленіе къ наибольшему цѣломудрію.

10.

«Вамъ сказано (сказалъ Христосъ, поминая слова закона Моисея): не прелюбодѣйствуй. А Я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ ней въ сердцѣ своемъ» (Мф. V, 27—28).

Слова эти не могутъ означать ничего другого, какъ только

то, что, по ученію Христа, человѣкъ вообще долженъ стремиться къ полному цѣломудрію.

Какъ же это можетъ быть?—скажутъ на это.—Держись люди полнаго цѣломудрія, уничтожится родъ человѣческій. Но, говоря такъ, люди забываютъ то, что указывать совершенство, къ которому мы должны стремиться, не означаетъ того, что человѣкъ долженъ достигнуть полнаго совершенства. Человѣку ни въ чемъ не дано достигнуть полнаго совершенства. Назначеніе человѣка въ приближеніи къ совершенству.

II.

Грѣхъ блуда.

1.

Неиспорченному человѣку всегда бываетъ и отвратительно и стыдно думать и говорить о половыхъ сношеніяхъ. Береги это чувство. Оно не даромъ вложено въ душу людей. Чувство это помогаетъ человѣку удержаться отъ грѣха блуда и соблюсти свое цѣломудріе.

2.

Называютъ однимъ и тѣмъ же словомъ любовь духовную,—любовь къ Богу и ближнему, и любовь плотскую мужчины къ женщинѣ или женщины къ мужчинѣ. Это большая ошибка. Нѣтъ ничего общаго между этими двумя чувствами. Первое—духовная любовь къ Богу и ближнему—есть голосъ Бога, второе—любовь между мужчиной и женщиной—голосъ животнаго.

3.

Законъ Бога въ томъ, чтобы любить Бога и ближняго, то есть всѣхъ людей безъ различія. Въ половой же любви мужчина любить больше всѣхъ другихъ одну женщину и женщина одного мужчину, и потому половая любовь чаще всего отвлекаетъ человѣка отъ исполненія закона Бога.

III.

Бѣдствія, порождаемая половой распущенностью.

1.

Пока ты не уничтожилъ до самаго корня похотливую привязанность свою къ женщинѣ, до тѣхъ поръ духъ твой будетъ привязанъ къ земному, какъ сосунокъ-теленочъ привязанъ къ своей матери.

Люди, захваченные похотью, мечутся, какъ заяцъ въ западнѣ. Какъ только они завязли въ путахъ похотливой страсти, они уже надолго не выбьются изъ страданій.

Буддійская мудрость.

2.

Ночная бабочка летитъ на огонь, потому что не знаетъ того, что обожжетъ крылья; и рыба глотаетъ червяка на удочкѣ, потому что не знаетъ того, что это губитъ ее. А мы знаемъ, что блудная похоть навѣрное опутаетъ и погубитъ насъ, а все-таки отдаемся ей.

3.

Какъ свѣтляки надъ болотомъ заводятъ людей въ трясины, а сами пропадаютъ, такъ же обманываютъ людей прелести половой похоти. Люди запутаются, испортятъ себѣ жизнь, а когда опомнятся и оглянутся, то уже нѣтъ и того, ради чего они погубили свою жизнь.

По Шопенгауэру.

IV.

Преступное отношеніе къ грѣху блуда со стороны руководящихъ жизнью людей.

1.

Для того, чтобы ясно понять всю безнравственность, все антихристіанство жизни христіанскихъ народовъ, довольно

только вспомнить о томъ, что повсюду допускается и упорядочивается положеніе женщинъ, живущихъ развратомъ.

2.

Среди богатыхъ людей сложилось поддерживаемое ложной наукой убѣжденіе о томъ, что половое общеніе необходимо для здоровья, и что такъ какъ женитьба не всегда возможна, то и половое общеніе внѣ брака, не обязывающее мужчинъ ни къ чему, кромѣ денежной платы, есть дѣло совершенно естественное. Убѣжденіе это до такой степени стало общимъ и твердымъ, что родители, по совѣту врачей, устраиваютъ развратъ для своихъ дѣтей; учрежденія же, единственный смыслъ которыхъ состоитъ въ заботѣ о благосостояніи своихъ гражданъ, разрѣшаютъ существованіе сословія женщинъ, должествующихъ погибать тѣлесно и душевно для удовлетворенія распущенности мужчинъ.

3.

Говорить о томъ, полезно или вредно для здоровья мужчины половое общеніе съ женщинами, съ которыми онъ не будетъ жить, какъ мужъ съ женой, все равно, что говорить, полезно или вредно человѣку для его здоровья пить кровь другихъ людей.

V.

Борьба съ грѣхомъ блуда.

1.

Человѣку, какъ животному, нужно бороться съ другими существами и плодиться, чтобы увеличить свою породу; но какъ разумному, любящему существу, ему нужно не бороться съ другими существами, а любить всѣхъ, и не плодиться, чтобы увеличить свою породу, а быть цѣломудреннымъ. Изъ соединенія этихъ двухъ противныхъ стремленій: стремленія къ

борьбѣ и къ половой похоти и стремленія къ любви и цѣломудрію, и слагается жизнь человѣка такою, какою она должна быть.

2.

Что дѣлать чистымъ юношѣ и дѣвушкѣ, когда въ нихъ пробудилось половое чувство? Чѣмъ руководиться?

Соблюдать себя чистыми и стремиться къ все большему и большему цѣломудрію мыслей и желаній.

Что дѣлать юношѣ и дѣвушкѣ, подпавшимъ соблазнамъ, поглощеннымъ мыслями о безпредметной любви или о любви къ извѣстному лицу?

Все то же: не попускать себя на паденіе, зная, что такое поущеніе не освободитъ отъ соблазна, а только усилить его, и все такъ же стремиться къ большему и большему цѣломудрію.

Что дѣлать людямъ, когда они не осилили борьбы и пали?

Смотрѣть на свое паденіе не какъ на законное наслажденіе, какъ смотрять теперь, когда оно оправдывается церемоніей брака, и не какъ на случайное удовольствіе, которое можно повторять съ другими, а также и не какъ на несчастье, когда паденіе совершается съ неровней и безъ церемоніала, а смотрѣть на это первое паденіе какъ на вступленіе въ неразрывный бракъ.

Что дѣлать мужчинѣ и женщинѣ, вступившимъ въ бракъ?

Все то же: стремиться вмѣстѣ къ освобожденію себя отъ половой похоти.

3.

Главное средство борьбы съ похотью—это сознаніе человѣкомъ своей духовности. Стоитъ человѣку вспомнить, кто онъ, для того, чтобы половая страсть представилась ему тѣмъ, что она и есть: унижительнымъ животнымъ свойствомъ.

4.

Борьба съ половой похотью необходима. Но надо заранѣе знать всю силу врага, не обольщать себя обманчивой надеждой на скорую побѣду: бой съ этимъ врагомъ бываетъ тяже-

лый. Но не надо падать духомъ. Пусть будутъ паденія—все-таки не унывай. Ребенокъ, когда учится ходить, падаетъ сотни разъ, ушибается, плачетъ, опять встаетъ и опять падаетъ, но въ концѣ концовъ все-таки выучивается. Не паденіе страшно, а *страшно оправданіе паденія*, страшна та ложь, которая выставляетъ эти паденія чѣмъ-то роковымъ, неизбѣжнымъ или чѣмъ-то прекраснымъ и высокимъ. Пусть, идя по пути къ освобожденію себя отъ скверны, къ совершенству, мы по слабости и собьемся съ него, все же будемъ всѣми силами стараться итти по немъ. Не будемъ говорить, что грязь—нашъ удѣлъ, не будемъ «философски» или «поэтически» лгать, оправдывая себя,—будемъ твердо помнить, что зло есть зло, и мы не хотимъ дѣлать его.

Н а ж и в н ы ъ .

5.

Борьба съ половой похотью—самая трудная борьба, и нѣтъ положенія и возраста, кромѣ перваго дѣтства и самой глубокой старости, когда человѣкъ былъ бы свободенъ отъ нея. И потому взрослому и не старому еще человѣку, какъ мужчинѣ, такъ и женщинѣ, надо всегда быть на-сторожѣ противъ врага, выжидающаго только удобнаго случая нападенія.

6.

Всѣ страсти зарождаются въ мысляхъ и поддерживаются мыслями. Но никакая страсть не поддерживается и не усиливается такъ мыслью, какъ страсть сладострастія. Не останавливайся на сладострастныхъ мысляхъ, а отгоняй ихъ.

7.

Какъ въ пищѣ приходится людямъ въ воздержаніи учиться у животныхъ—ѣсть только, когда голоденъ, и не переѣдать, когда сытъ, такъ приходится людямъ и въ половомъ общеніи учиться у животныхъ: такъ же, какъ животныя, воздерживаться до полной зрѣлости, приступать къ общенію только тогда,

когда неудержимо влечешься къ нему, и воздерживаться отъ полового общенія, какъ только появился зародышъ.

8.

Одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ признаковъ того, что человѣкъ точно хочетъ жить доброй жизнью, это—строгость къ себѣ въ половой жизни.

VI.

Б р а к ъ.

1.

«Хорошо человѣку не касаться женщины. Но, во избѣжаніе блуда, каждый имѣй свою жену, и каждая имѣй своего мужа».

І Кор. VII, 1—2.

2.

Христіанское ученіе не даетъ одинакихъ правилъ для всѣхъ; оно во всемъ только указываетъ то совершенство, къ которому надо приближаться; то же и въ половомъ вопросѣ: совершенство—это полное цѣломудріе. Всякое же, посредствомъ усилія, большее или меньшее приближеніе къ полному цѣломудрію есть большее или меньшее исполненіе ученія.

3.

Бракъ—это обѣщаніе двухъ людей, мужчины и женщины, имѣть дѣтей только другъ отъ друга. Тотъ изъ двухъ, кто не исполняетъ этого обѣщанія, дѣлаетъ грѣхъ, отъ котораго всегда ему же самому бываетъ хуже.

4.

Для того, чтобы попасть въ цѣль, надо бить дальше ея. Такъ и для того, чтобы бракъ былъ неразрывенъ и оба супруга оставались вѣрны другъ другу, надо, чтобы оба стремились къ цѣломудрію.

5.

Очень ошибаются тѣ люди, которые думаютъ, что совершенный надъ ними перемоніаль брака освобождаетъ ихъ отъ необходимости воздержанія въ половомъ общеніи для достиженія и въ брачномъ союзѣ все большаго и большаго цѣломудрія.

6.

Если человѣкъ будетъ, какъ это бываетъ среди насъ, видѣть въ половомъ общеніи, хотя бы въ бракѣ, наслажденіе, то неизбѣжно попадетъ въ развратъ.

7.

Сожительство, послѣдствіемъ котораго можетъ быть дѣторожденіе, есть истинный, дѣйствительный бракъ; всякія же внѣшнія церемоніи, заявленія, условія не составляютъ брака и употребляются большей частью для того, чтобы признать изъ многихъ сожительствъ только одно бракомъ.

8.

Такъ какъ въ истинномъ христіанскомъ ученіи нѣтъ никакихъ основаній для учрежденія брака, то люди нашего христіанскаго міра, чувствуя, что это учрежденіе не имѣетъ основанія въ христіанскомъ ученіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ не видя передъ собою, закрытаго господствующимъ ученіемъ, идеала Христа—полнаго цѣломудрія, остаются по отношенію брака безъ всякаго руководства. Отъ этого-то и происходитъ то кажущееся сначала страннымъ явленіе, что у народовъ, признающихъ религіозныя ученія гораздо болѣе низкаго уровня, чѣмъ христіанство, но имѣющихъ точныя внѣшнія опредѣленія брака, семейное начало, супружеская вѣрность несравненно тверже, чѣмъ у такъ называемыхъ христіанъ. У народовъ, признающихъ болѣе низкія, чѣмъ христіанское, вѣроученія, есть опредѣленное наложничество и многоженство и многомужество,

ограниченное извѣстными предѣлами, но нѣтъ той полной распущенности, проявляющейся въ наложничествѣ, многоженствѣ и многомужествѣ, царящей среди людей христіанскаго міра и скрывающейся подъ видомъ воображаемаго единобрачія.

9.

Если цѣль обѣда—питаніе тѣла, то тотъ, кто съѣстъ сразу два обѣда, достигнетъ, можетъ-быть, большаго удовольствія, но не достигнетъ цѣли, ибо оба обѣда не переварятся желудкомъ. Если цѣль брака есть семья, то тотъ, кто захочетъ имѣть много женъ и мужей, можетъ-быть, получить много удовольствія, но ни въ какомъ случаѣ не будетъ имѣть главной радости оправданія брака—семьи. Хорошее, достигающее своей цѣли, питаніе бываетъ только тогда, когда человѣкъ не ѣстъ больше того, что можетъ переварить его желудокъ. Точно такъ же и хорошій, достигающій своей цѣли, бракъ бываетъ только тогда, когда мужъ не имѣетъ больше женъ, а жена больше мужей, чѣмъ сколько ихъ нужно для того, чтобы правильно воспитать дѣтей, а это возможно только тогда, когда у мужа одна жена, а у жены одинъ мужъ.

10.

У Христа спросили: можно ли человѣку оставлять жену и брать другую? Онъ на это сказалъ, что этого не должно быть, что человѣкъ, сойдясь съ женою, долженъ соединиться съ ней такъ, чтобы они двое были какъ одно тѣло. И что таковъ законъ Бога, и что то, что Богъ соединилъ, человѣкъ не долженъ раздѣлять.

На это ученики сказали, что жить такъ съ женой слишкомъ трудно. А Іисусъ сказалъ имъ, что человѣкъ можетъ и не жениться, но что если человѣкъ не женится, то онъ долженъ жить чистой жизнью.

11.

Для того, чтобы бракъ былъ разумнымъ и нравственнымъ дѣломъ, нужно:

Во-первыхъ, не думать, какъ теперь думаютъ, что каждому человѣку, мужчинѣ и женщинѣ, нужно непременно вступить въ бракъ, а, напротивъ, думать такъ, что каждому человѣку—мужчинѣ и женщинѣ—лучше всего соблюсти чистоту для того, чтобы ничто не мѣшало отдать всѣ свои силы на служеніе Богу.

Во-вторыхъ, смотрѣть на вступленіе въ половое общеніе кого бы то ни было и съ кѣмъ бы то ни было, какъ на вступленіе въ неразрывный бракъ. (См. Мѡ. XIX, 4—7).

Въ-третьихъ, не смотрѣть на бракъ, какъ теперь, какъ на разрѣшеніе удовлетворенія плотской похоти, а какъ на грѣхъ, требующій своего искупленія, состоящаго въ исполненіи обязанностей семьи.

12.

Разрѣшеніе для двухъ людей разныхъ половъ жить въ бракѣ половой жизнью не только несогласно съ христіанскимъ ученіемъ о цѣломудріи, но прямо противно ему.

Цѣломудріе по христіанскому ученію есть то совершенство, къ которому свойственно приближаться человѣку, живущему христіанской жизнью. И потому все то, что препятствуетъ этому приближенію къ цѣломудрію, какъ разрѣшеніе въ бракѣ половых сношеній, противно требованіямъ христіанской жизни.

13.

Когда на бракосочетаніе смотрятъ, какъ на освобожденіе со времени совершенія брака отъ стремленія къ цѣломудрію, то бракъ становится не средствомъ ограниченія похоти, а, напротивъ, поощреніемъ ея. Къ сожалѣнію, именно такъ и смотритъ на бракъ большинство людей.

14.

Подумайте 10, 20, 100 разъ, прежде чѣмъ жениться. Связать свою жизнь съ жизнью другого человѣка половой связью—дѣло великой важности.

VII.

Дѣти—искупленіе полового грѣха.

1.

Если бы люди достигли совершенства и стали бы цѣломудренны, родъ человѣческій прекратился бы, и незачѣмъ ему было бы жить на землѣ, потому что люди стали бы какъ ангелы, которые не женятся и замужъ не идутъ, какъ это сказано въ Евангеліи. Но пока люди не достигли совершенства, они должны производить потомство, для того, чтобы потомство это, совершенствуясь, достигало того совершенства, котораго должны достигнуть люди.

2.

Бракъ, настоящій бракъ, состоящій въ рожденіи и воспитаніи дѣтей, есть посредственное служеніе Богу—служеніе Богу черезъ дѣтей. «Если я не сдѣлалъ того, что могъ и долженъ былъ сдѣлать, такъ вотъ на смѣну мнѣ мои дѣти,—они будутъ дѣлать».

Отъ этого-то люди, вступающіе въ бракъ, имѣющій цѣлью дѣторожденіе, всегда испытываютъ чувство какъ будто нѣкотораго успокоенія, облегченія. Люди чувствуютъ, что они передаютъ часть своихъ обязанностей своимъ будущимъ дѣтямъ. Но чувство это законно только тогда, когда соединенные бракомъ супруги стараются воспитать дѣтей такъ, чтобы они не были помѣхой дѣлу Божьему, а работниками Его. Сознаніе того, что если я самъ не могъ или сама не могла вполне отдаться служенію Богу, то я сдѣлаю все возможное для того, чтобы дѣти мои сдѣлали это,—сознаніе это даетъ и браку и воспитанію духовный смыслъ.

3.

Благословенно дѣтство, которое среди жестокости земли даетъ хоть немного неба. Эти восемьдесятъ тысячъ ежедневныхъ

рожденій, о которыхъ говорить статистика, составляютъ какъ бы изліянія невинности и свѣжести, которыя борются не только противъ уничтоженія рода, но и противъ человѣческой испорченности и всеобщаго зараженія грѣхомъ. Всѣ добрыя чувства, вызываемыя около колыбели и дѣтства, составляютъ одну изъ тайнъ великаго Провидѣнія; уничтожьте вы эту освѣжающую росу, и вихрь эгонистическихъ страстей какъ огнемъ высушить человѣческое общество.

Если предположить, что человѣчество состояло бы изъ милліарда безсмертныхъ существъ, число которыхъ не могло бы ни увеличиваться, ни уменьшаться, гдѣ бы мы были и что бы мы были, великій Боже! Мы стали бы, безъ сомнѣнія, въ тысячу разъ ученѣе, но и въ тысячу разъ хуже.

Благословенно дѣтство за то благо, которое оно даетъ само, и за то добро, которое оно производитъ, не зная и не желая этого, только заставляя, позволяя, себя любить. Только благодаря ему, мы видимъ на землѣ частичку рая. Благословенна и смерть. Ангелы не могутъ нуждаться ни въ рожденіи, ни въ смерти для того, чтобы жить; но для людей необходимо, неизбѣжно и то и другое.

Амьель.

4.

Бракъ оправдывается и освящается только дѣтьми, тѣмъ, что если мы не можемъ сами сдѣлать всего того, чего хочетъ отъ насъ Богъ, то мы хоть черезъ дѣтей, воспитавъ ихъ, можемъ послужить дѣлу Божію. И потому бракъ, въ которомъ супруги не хотятъ имѣть дѣтей, хуже прелюбодѣянія и всякаго разврата.

5.

Среди людей богатыхъ, гдѣ дѣти представляются или помѣхою для наслажденія, или несчастной случайностью, или своего рода наслажденіемъ, когда ихъ рождается впередъ опре-

дѣленное количество, дѣти эти воспитываются не въ виду тѣхъ задачъ человѣческой жизни, которыя предстоятъ имъ, какъ разумнымъ и любящимъ существамъ, а только въ виду тѣхъ удовольствій, которыя они могутъ доставить родителямъ. Дѣти такихъ родителей воспитываются большею частью такъ, что главная забота родителей не въ томъ, чтобы приготовить ихъ къ достойной человѣка дѣятельности, а только въ томъ (въ чемъ поддерживаются родители ложной наукой, называемой медициной), чтобы какъ можно лучше напитать ихъ, увеличить ихъ ростъ, сдѣлать ихъ чистыми, бѣлыми, сытыми, красивыми и потому изнѣженными и чувственными. Наряды, чтенія, зрѣлища, музыка, танцы, сладкая пища, вся обстановка жизни, отъ картинокъ на коробкахъ до романовъ и повѣстей и поэмъ, еще болѣе разжигаютъ эту чувственность, и вслѣдствіе этого самые гадкіе половые пороки и болѣзни дѣлаются обычными условіями возрастанія этихъ несчастныхъ дѣтей богатыхъ сословій.

6.

Для людей, смотрящихъ на плотскую любовь, какъ на удовольствіе, рожденіе дѣтей потеряло свой смыслъ и, вмѣсто того, чтобы быть цѣлью и оправданіемъ супружескихъ отношеній, стало помѣхой для пріятнаго продолженія удовольствій, и потому и внѣ брака и въ бракѣ стало распространяться употребленіе средствъ, лишающихъ женщину возможности дѣторожденія. Такіе люди лишаютъ себя не только той единственной радости и искупленія, которыя даются дѣтьми, но и человѣческаго достоинства и образа.

7.

Во всей животной жизни, и особенно въ рожденіи дѣтей, человѣку надо быть выше скота, а никакъ уже не ниже его. Люди же именно въ этомъ самомъ большею частью ниже животнаго. Животныя сходятся самецъ съ самкой только тогда, когда отъ нихъ можетъ быть плодъ. Люди же, мужчина съ

женщиной, сходятся ради удовольствія, не думая о томъ, будутъ или не будутъ отъ этого дѣти.

8.

Разсуждать о томъ, благо или не благо рожденіе дѣтей, не наше дѣло. Наше дѣло въ томъ, чтобы исполнять по отношенію ихъ тѣ обязанности, которыя ихъ, происшедшее отъ насъ, рожденіе возлагаетъ на насъ.

IX.

Тунеядство.

Несправедливо брать отъ людей больше того труда, какой даешь имъ. Но такъ какъ никакъ нельзя взвѣсить, больше ли ты даешь людямъ или берешь отъ нихъ, и, кромѣ того, всякій часъ ты можешь обезсилѣть, заболѣть, и придется брать, а не давать, то, пока есть силы, старайся работать на людей какъ можно больше, а брать отъ нихъ работы какъ можно меньше.

I.

Большой грѣхъ дѣлаетъ человѣкъ, если, пользуясь трудами людей, самъ не работаетъ.

1.

Кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь.

Апостоль Павелъ.

2.

Пользуясь какой бы то ни было вещью, помни, что это—произведеніе человѣческаго труда, и что, тратя, уничтожая, портя эту вещь, ты тратишь трудъ, иногда жизнь человѣческую.

3.

Кто не кормится собственной работой, а заставляет других прокармливать себя, тотъ людоедъ. Восточная мудрость.

4.

Вся христіанская нравственность въ практическомъ ея приложеніи сводится къ тому, чтобы считать всѣхъ братьями, со всѣми быть равнымъ, а для того, чтобы исполнить это, надо прежде всего перестать заставлять другихъ работать на себя, а при нашемъ устройствѣ міра—пользоваться какъ можно менѣе работой, произведеніями другихъ,—тѣмъ, что пріобрѣтается за деньги,—какъ можно менѣе тратить денегъ, жить какъ можно проще.

5.

То, что можешь сдѣлать самъ, не заставляй дѣлать другого. Всякій пусть мететъ передъ своей дверью. Если каждый будетъ дѣлать такъ, вся улица будетъ чиста.

6.

Какая самая лучшая пища? Та, какую вы сами заработали.

Магометъ.

7.

Очень полезно бываетъ людямъ богатымъ хоть на короткое время выйти изъ своей роскошной жизни и прожить хоть немного времени такъ же, какъ живутъ рабочіе, своими руками дѣлая для себя все, что у богатыхъ людей дѣлаютъ наемные рабочіе. Только сдѣлай это богатый человекъ, и онъ увидитъ тотъ великій грѣхъ, который онъ дѣлалъ прежде. Только поживи такъ,—онъ пойметъ всю неправду жизни людей богатыхъ.

8.

Люди привыкли думать, что стряпать, шить, нянчить дѣтей—дѣло женское, и что дѣлать это мужчинѣ даже стыдно. А

между тѣмъ, напротивъ того, стыдно мужчинѣ, часто незанятому, проводить время за пустяками или ничего не дѣлать въ то время, какъ усталая, часто слабая, беременная женщина черезъ силу стряпаетъ, стираетъ, нянчить.

9.

Людамъ, которые живутъ роскошной жизнью, нельзя любить людей. Нельзя имъ любить, потому что все то, чѣмъ они пользуются, сдѣлано поневолѣ, отъ нужды, часто съ проклятіями, тѣми людьми, которыхъ они заставляютъ служить себѣ. Для того, чтобы имъ можно было любить людей, имъ надо прежде перестать мучить ихъ.

10.

Спасался одинъ монахъ въ пустынѣ. И не переставалъ читать молитвы и ночью вставалъ два раза, чтобы молиться. Пищу ему приносилъ крестьянинъ. И нашло на него сомнѣніе: хорошо ли такое его житіе? И пошелъ онъ къ старцу посоветоваться. Пришелъ онъ къ старцу и рассказалъ ему про свою жизнь, про то, какъ онъ молится, и какими словами, и какъ по ночамъ встаетъ, и какъ кормится подаваніемъ, и спросилъ: хорошо ли онъ такъ дѣлаетъ?—Все это хорошо,—сказалъ старецъ,—но сходи и посмотри, какъ живетъ тотъ крестьянинъ, который носить тебѣ пищу. Можетъ-быть, научишься чему-нибудь у него.

Монахъ пошелъ къ крестьянину и провелъ съ нимъ день и ночь. Крестьянинъ вставалъ рано утромъ и только говорилъ: «Господи», и шелъ на работу, и пахалъ цѣлый день. Къ ночи онъ возвращался и, когда ложился спать, во второй разъ говорилъ: «Господи».

Посмотрѣлъ монахъ такъ на жизнь крестьянина. «Нечему мнѣ учиться тутъ», подумалъ онъ и подивился, зачѣмъ старецъ послалъ его къ крестьянину.

Вернулся монахъ къ старцу и сказалъ ему все: что онъ былъ у крестьянина, но не нашелъ ничего поучительнаго.

«Онъ не думаетъ о Богѣ и только два раза въ день поминаетъ Его».

Тогда старецъ сказалъ: «Возьми ты эту чашу, полную масла, и обойди вокругъ деревни и вернись, но смотри, чтобы ни капли масла не пролилось на землю».

Монахъ сдѣлалъ такъ, какъ ему было сказано, и когда вернулся, старецъ спросилъ его:

«Скажи, сколько разъ вспомнилъ ты Бога, пока несъ чашу?»

Монахъ признался, что ни разу не вспомнилъ. «Я,— говорить,— только о томъ и думалъ, какъ бы не пролить масла».

И старецъ сказалъ: «Это одна чаша съ масломъ такъ заняла тебя, что ты ни разу не вспомнилъ о Богѣ. А крестьянинъ и себя, и семью, и тебя кормить своими трудами и заботами, и то два раза въ день вспоминаетъ о Богѣ».

II.

Исполненіе закона труда не трудно, а радостно.

1.

«Въ потѣ лица снѣси хлѣбъ твой». Это неизмѣнный законъ тѣлесный. Какъ женщинѣ данъ законъ въ мукахъ родить, такъ мужчинѣ данъ законъ труда. Женщина не можетъ освободиться отъ своего закона. Если она усыновить не ею рожденнаго ребенка, это будетъ все-таки чужой ребенокъ, и она лишится радости материнства. То же съ трудами мужчинъ. Если мужчина ѣстъ хлѣбъ, выработанный не имъ, онъ лишаетъ себя радости труда.

Бондаревъ.

2.

Человѣкъ боится смерти и подлежить ей. Человѣкъ, не знающій добра и зла, кажется счастливѣе, но онъ неудержимо

стремится къ этому познанію. Человѣкъ любитъ праздность и удовлетвореніе похотей безъ страданій, и вмѣстѣ съ тѣмъ только трудъ и страданія даютъ жизнь ему и его роду.

3.

Какая страшная ошибка думать, что души людей могутъ жить высокою духовною жизнью въ то время, какъ тѣла ихъ остаются въ праздности и роскоши! Тѣло всегда первый ученикъ души.

Торо.

4.

Если человѣкъ, живя одинъ, уволить себя отъ закона труда, онъ тотчасъ же казнится тѣмъ, что тѣло его чахнетъ и ослабляется. Если же человѣкъ уволить себя отъ этого закона тѣмъ, что заставить другихъ людей трудиться вмѣсто него, то онъ тотчасъ же казнится тѣмъ, что душа его затемняется и умалается.

5.

Человѣкъ живетъ и тѣлесной и духовной жизнью. И есть законъ тѣлесной и законъ духовной жизни. Законъ тѣлесной жизни—трудъ. Законъ духовной жизни—любовь. Если человѣкъ нарушилъ законъ тѣлесной жизни—законъ труда, онъ неизбѣжно нарушитъ и духовный—законъ любви.

6.

Какъ ни прекрасны одежды, жалованныя царемъ, свои домо-дѣльныя лучше, и какъ ни вкусны кушанья богатыхъ, хлѣбъ своего стола самое лучшее кушанье.

Саади.

7.

Если много работаешь на другихъ, не тяготись такой работой и не желай себѣ за нее похвалы, а знай, что трудъ твой, если ты, любя, дѣлаешь его для другихъ, полезенъ всего для настоящаго тебя, для души твоей.

8.

Сила Божія уравниваетъ людей, отнимаетъ у тѣхъ, у кого много, и даетъ тѣмъ, у кого мало. У богатаго человѣка больше вещей, но меньше радости отъ нихъ. У бѣднаго меньше вещей, но больше радостей. Вода изъ ручья и корка хлѣба во много разъ вкуснѣе бѣдному, потрудившемуся работнику, чѣмъ самыя дорогія кушанья и напитки богатому, праздному человѣку. Богачу все пріѣлось и прискучило, и нѣтъ ни отъ чего радости. Потрудившемуся работнику и пища, и питье, и отдыхъ всякій разъ новая радость.

9.

Адъ скрытъ за наслажденіями, а рай—за трудами и бѣдствіями.

Магометъ.

10.

Безъ ручного труда не бываетъ здороваго тѣла, не бываетъ и здравыхъ мыслей въ головѣ.

11.

Хочешь всегда быть въ добромъ духѣ—трудись до усталости, но не черезъ силу. Отъ праздности люди бываютъ и недовольны и сердиты. То же бываетъ и отъ работы черезъ силу.

12.

Одна изъ лучшихъ и чистыхъ радостей это отдыхъ послѣ труда.

Кантъ.

III.

Самый лучшій земельный трудъ—трудъ земледѣльческій.

1.

Всѣ люди признають со временемъ истину, давно уже постигнутую передовыми людьми всѣхъ народовъ, а именно

ту, что главная добродѣтель человѣчества состоитъ въ подчиненіи законамъ Высшаго Существа. «Прахъ ты и въ прахъ возвратишься», это первый законъ, который мы познаемъ о своей жизни; второй же законъ въ томъ, чтобы воздѣлывать ту землю, изъ которой мы взяты и въ которую возвратимся. При этомъ воздѣлываніи и при той любви, которая нужна при этомъ къ животнымъ и растеніямъ, лучше всего понимаетъ человѣкъ свою жизнь и проживаетъ ее.

Джонъ Рёскинъ.

2.

Земледѣліе не есть *одно* изъ занятій, свойственныхъ человѣку. Земледѣліе есть занятіе, *свойственное всѣмъ людямъ*; трудъ этотъ даетъ больше всего свободы и больше всего блага людямъ.

3.

Кто не работаетъ землю, тому земля говоритъ: за то, что ты не работаешь меня правой и лѣвой рукой, вѣчно будешь ты стоять у чужихъ дверей вмѣстѣ со всѣми попрошайками, вѣчно будешь пользоваться отбросами богатыхъ.

Зороастръ.

4.

Жизнь людей нашего міра сложилась такъ, что наибольшее вознагражденіе получается за пустой, бесполезный трудъ: за работу въ кондитерскихъ, табачныхъ фабрикахъ, аптекахъ, банкахъ, за торговля дѣла, за писательство, за музыку и т. п., и наименьшее за земледѣльческія работы. Если приписывать важность денежному вознагражденію, то это очень несправедливо. Если же обращать главное вниманіе на радость труда и на вліяніе его на тѣлесное здоровье и естественную привлекательность его, то это совершенно справедливо.

5.

Ручной трудъ, и особенно земледѣльческій, полезенъ не только для тѣла, но и для души. Людямъ, не работающимъ

руками, бываетъ трудно здраво понимать вещи. Такіе люди не переставая думаютъ, говорятъ, слушаютъ или читаютъ. Уму нѣтъ отдыха, и умъ раздражается и путается. Земледѣльческій же трудъ полезенъ человѣку тѣмъ, что трудъ, кромѣ того отдыха, который онъ даетъ ему, трудъ этотъ помогаетъ человѣку просто, ясно и разумно понимать положеніе человека въ жизни.

6.

Я люблю мужиковъ. Они недостаточно учены, чтобы рассуждать превратно.

Монтань.

IV.

То, что называется раздѣленіемъ труда, есть только оправданіе тунеядства.

1.

Въ послѣднее время много говорятъ о томъ, что одна изъ главныхъ причинъ успѣха людей въ производствѣ вещей—это раздѣленіе труда. Мы говоримъ: раздѣленіе труда, но такое выраженіе неправильно. Въ нашемъ обществѣ не трудъ раздѣленъ, но люди раздѣлены на частицы людей, разломлены на маленькіе кусочки, на крошки: на фабрикѣ одинъ человекъ дѣлаетъ только одну маленькую частицу предмета, такъ что та малая часть разсудка, которая оставлена въ человекѣ, недостаточна, чтобы дѣлать цѣлую булавку или цѣлый гвоздь, и истощается на то, чтобы сдѣлать кончикъ булавки или шляпку гвоздя. Правда, что хорошо и желательно дѣлать много булавокъ въ день, но если бы только мы могли видѣть, какимъ пескомъ мы отчищаемъ ихъ, мы бы подумали о томъ, что это тоже и невыгодно. Невыгодно это потому, что отчищаемъ мы ихъ пескомъ души человеческой.

Можно заковывать, мучить людей, запрягать ихъ, какъ скоть, убивать ихъ, какъ лѣтнихъ мухъ, и все-таки такіе люди,

въ извѣстномъ смыслѣ, въ самомъ лучшемъ смыслѣ, могутъ оставаться свободными. Но давить въ нихъ безсмертныя души, душить и превращать людей въ двигателей машинъ,—вотъ въ чемъ истинное рабство. Только это униженіе и превращеніе человѣка въ машину заставляетъ рабочихъ безумно, разрушительно и тщетно бороться за свободу, сущности которой они сами не понимаютъ. Озлобленіе ихъ вызвано не давленіемъ голода, не уколами оскорбленной гордости (эти двѣ причины производили свое дѣйствіе всегда, но основы общества не были никогда такъ распатаны, какъ теперь). Дѣло не въ томъ, что люди дурно питаются, но въ томъ, что они не испытываютъ удовольствія отъ той работы, посредствомъ которой они добываютъ хлѣбъ, и потому они смотрятъ на богатство какъ на единственное средство удовольствія.

Не въ томъ дѣло, что люди страдаютъ отъ презрѣнія къ нимъ высшихъ классовъ, но въ томъ, что они не могутъ переносить свое собственное къ себѣ презрѣніе за то, что чувствуютъ, что трудъ, къ которому они приговорены, унижителенъ, развращаетъ ихъ, дѣлаетъ ихъ чѣмъ-то меньше людей.

Никогда высшіе классы не проявляли столько любви и симпатіи къ низшимъ, какъ теперь, а между тѣмъ никогда они не были такъ ненавидимы ими.

Джонъ Рёскинъ.

2.

Человѣку, какъ всякому животному, нужно трудиться, работать руками и ногами. Человѣкъ можетъ заставить другихъ людей дѣлать то, что ему нужно, но ему все-таки нужно будетъ на что-нибудь тратить свои тѣлесныя силы. Если онъ не будетъ работать нужное, разумное, онъ будетъ работать ненужное и глупое. Такъ это и происходитъ среди богатыхъ классовъ.

3.

Праздныя сословія оправдываютъ свое тунеядство тѣмъ, что они производятъ для народа нужныя имъ науку и искусство.

Они берутся все это доставлять рабочему народу, но, къ сожалѣнію, то, что они доставляютъ народу подѣ видомъ науки и искусства, бываетъ и ложная наука, и ложное искусство. Такъ что вмѣсто того, чтобы чѣмъ-нибудь отплатить народу за его труды, они тѣмъ, что даютъ народу, только обманываютъ и развращаютъ его.

4.

Европеецъ восхваляетъ передъ китайцемъ преимущество машиннаго производства: «Оно освобождаетъ человѣка отъ труда»,—говоритъ европеецъ. «Освобожденіе отъ труда было бы великимъ бѣдствіемъ»,—отвѣчаетъ китаецъ.—Безъ труда не можетъ быть счастья».

5.

Только тремя средствами человѣкъ можетъ добывать богатство: трудомъ, нищенствомъ или кражей. Трудящіеся получаютъ такъ мало именно потому, что слишкомъ много приходится на долю нищихъ и воровъ.

Генри Джорджъ.

6.

Всѣ люди, которые сами не трудятся, а живутъ трудами другихъ людей,—какъ они ни называй себя,—если они сами не работаютъ, отбираютъ труды другихъ людей, всѣ такіе люди—грабители. И грабители эти бываютъ трехъ родовъ: одни не видятъ и не хотятъ видѣть того, что они грабители, и съ спокойнымъ духомъ грабятъ своихъ братьевъ; другіе видятъ, что они не правы, но думаютъ, что они будто бы могутъ оправдать свой грабежъ тѣми невещественными трудами, которые они считаютъ полезными для народа, и продолжаютъ грабить. Есть и третьи, и такихъ, слава Богу, становится все больше и больше, которые знаютъ свой грѣхъ и стараются избавиться отъ него.

V.

Дѣятельность людей, освободившихъ себя отъ закона труда, всегда бываетъ пуста и бесполезна.

1.

Занятія праздныхъ людей бываютъ большею частью такія, что занятія эти не только не облегчаютъ труды рабочихъ людей, но, напротивъ, накладываютъ на нихъ новые труды.

2.

Какъ лошадь на рушильномъ, покатомъ колесѣ не можетъ остановиться, а должна итти, такъ и человѣкъ не можетъ ничего не дѣлать. И потому въ томъ, что человѣкъ работаетъ, заслуги столько же, какъ и въ томъ, что лошадь передвигаетъ ноги, стоя на покатомъ колесѣ. Важно не то, что человѣкъ что-то дѣлаетъ, а важно то, что онъ дѣлаетъ.

3.

Достоинство человѣка, его священный долгъ и обязанность употреблять данныя ему руки и ноги на то, для чего онѣ даны, и поглощаемую пищу употреблять на трудъ, производящій эту пищу, а не на то, чтобы онѣ атрофировались, не на то, чтобы ихъ мыть и чистить и употреблять только на то, чтобы посредствомъ ихъ совать себѣ въ ротъ пищу, питье и папирсы.

4.

Люди, освободившіе себя отъ ручного труда, бываютъ умны, но рѣдко бываютъ разумны. Если такъ много пустяковъ и глупостей пишется, печатается и преподается въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, если всѣ наши писанія, музыка, картины такъ утонченны и малопонятны для всѣхъ, то происходитъ это отъ того, что всѣ тѣ, кто занимается этими дѣлами,

освободили себя отъ ручного труда и живутъ разслабленной, праздной жизнью.

По Эмерсону.

5.

Ручной трудъ особенно важенъ тѣмъ, что онъ мѣшаетъ шатанію ума: думанію о пустякахъ.

6.

Мозгъ празднаго человѣка—любимое мѣстопробываніе дьявола.

7.

Люди ищутъ удовольствія, бросаясь изъ стороны въ сторону только потому, что чувствуютъ пустоту своей жизни, но не чувствуютъ еще пустоты той новой потѣхи, которая ихъ привлекаетъ.

Паскаль.

8.

Никто еще не составилъ расчета тѣхъ тяжелыхъ, напряженныхъ милліоновъ рабочихъ дней и сотенъ, можетъ-быть, и тысячъ жизней, которые тратятся въ нашемъ мірѣ на приготовленіе увеселеній. Оттого и не веселы увеселенія въ нашемъ мірѣ.

9.

Человѣкъ, какъ и всякое животное, такъ сотворенъ, что ему надо работать для того, чтобы не умереть отъ голода и холода. И работа эта, какъ для всякаго животнаго, такъ и для человѣка, не мученіе, а радость, если никто не мѣшаетъ этой работѣ.

Но люди такъ устроили свою жизнь, что одни, сами ничего не работая, заставляютъ другихъ за себя работать, и скучая отъ этого, выдумываютъ всякія глупости и гадости, чтобы занять себя; другіе же люди работаютъ черезъ силу и скучаютъ работой, главное, отъ того, что имъ приходится работать не на себя, а на другихъ.

Не хорошо и тѣмъ и другимъ. Первымъ, не работающимъ, худо отъ того, что они отъ праздности губятъ свои души; вторымъ же худо то, что они черезъ силу тратятъ тѣло.

Но работающимъ все-таки лучше, чѣмъ неработающимъ. Душа дороже тѣла.

VI.

Вредъ праздности.

1.

Стыдиться можно и должно не какой-либо работы, хотя бы самой нечистой, а только одного: праздной жизни.

2.

Уважать людей надо не по ихъ званію и богатству, а по той работѣ, которую они дѣлаютъ. Чѣмъ полезнѣе эта работа, тѣмъ почтениѣ люди. Въ мірѣ же бываетъ напротивъ: уважаютъ праздныхъ, богатыхъ людей, а не уважаютъ тѣхъ, кто дѣлаетъ самыя полезныя всѣмъ дѣла: земледѣльцевъ, рабочихъ.

3.

Праздные, богатые люди заботятся о томъ, чтобы своей роскошью пускать пыль въ глаза. Они чувствуютъ, что безъ этого всѣ бы презирали ихъ, такъ какъ они того заслуживаютъ.

4.

Стыдно человѣку, когда ему совѣтуютъ въ трудолюбіи подражать муравью. И еще вдвойнѣ стыдно то, когда онъ совѣту этому не слѣдуетъ.

Т а л м у д ѣ .

5.

Одно изъ самыхъ удивительныхъ заблужденій—заблужденіе о томъ, что счастье человѣка въ томъ, чтобы ничего не дѣлать.

6.

Надобно бы въ муки ада включить вѣчную праздность, а ее-то, напротивъ, помѣстили среди радостей рая.

Монтень.

7.

У того, кто ничего не дѣлаетъ, всегда много помощниковъ.

8.

«Раздѣленіе труда» есть большею частью предлогъ къ тому, чтобы, ничего не дѣлая или дѣлая какіе-нибудь пустяки, сваливать на другихъ всю нужную для тебя работу. Тѣ, кто распоряжается этимъ раздѣленіемъ, всегда берутъ себѣ ту работу, которая кажется имъ самой пріятною, ту же, которая кажется имъ тяжелою, предоставляютъ другимъ. И удивительное дѣло: люди эти всегда ошибаются, такъ что кажущаяся имъ пріятной работа оказывается подъ конецъ самой тяжелой, а та, которой они избѣгали, самой пріятной.

9..

Никогда не безпокой другого тѣмъ, что ты можешь самъ сдѣлать.

10.

Сомнѣнія, печаль, уныніе, негодованіе, отчаяніе,—всѣ эти бѣсы караулятъ человѣка и, какъ только онъ ведетъ праздную жизнь, тотчасъ же нападаютъ на него. Самое вѣрное спасеніе отъ всѣхъ этихъ бѣсовъ—тѣлесная упорная работа. Возьмется человѣкъ за такую работу, и всѣ бѣсы не смѣютъ подойти къ нему, и только издали ворчатъ на него.

Карлейль.

11.

Дьяволъ, ловя людей на свою уду, насаживаетъ разныя приманки. Но для празднаго человѣка не нужно никакихъ,—онъ идетъ на голый крючокъ.

12.

Есть двѣ пословицы: «Отъ работы будешь горбатъ, а не будешь богатъ», и еще: «Отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ». Пословицы эти несправедливы, потому что лучше быть горбатымъ, чѣмъ быть неправедно богатымъ, и труды праведные много лучше, чѣмъ палаты каменные.

13.

Лучше взять веревку и пойти въ лѣсъ за дровами и продать вязанку дровъ на пищу, чѣмъ просить людей, чтобы кормили васъ. Если они не дадутъ вамъ,—вамъ будетъ досадно, а если дадутъ,—будетъ еще хуже: будетъ стыдно.

Магометъ.

14.

Были два брата: одинъ служилъ у вельможи, а другой кормился трудомъ рукъ своихъ. Богатый братъ сказалъ разъ бѣдному:

— Зачѣмъ ты не поступаешь на служеніе къ вельможѣ,—ты бы не зналъ тяжелаго труда.

На это бѣдный сказалъ:

— А зачѣмъ ты не трудишься: ты бы не зналъ униженія, рабства.

Мудрецы говорили, что лучше спокойно ѣсть хлѣбъ своего труда, чѣмъ носить золотой поясъ и быть слугою другого. Лучше мѣсить руками известъ и глину, чѣмъ складывать ихъ на груди въ знакъ покорности.

Саади.

15.

Не стоять у дверей богатаго и не говорить голосомъ просителя—это лучшая жизнь. А для того, чтобы этого не было, надо не бояться работы.

Инд. Готопадесе.

16.

Если не хочешь трудиться, то или унижайся, или насилуй.

17.

Милостыня тогда доброе дѣло, когда подаешь отъ своихъ трудовъ.

Пословица говоритъ: сухая рука прижимиста, потная рука таровата. Такъ и въ «Ученіи 12 Апостоловъ» сказано: пусть милостыня твоя по́томъ выходитъ изъ руки твоей.

18.

Лепта бѣдной вдовы не только равноцѣнна богатѣйшимъ дарамъ, но только эта лепта и есть настоящее милосердіе.

Только бѣдные, трудящіеся могутъ имѣть счастье милосердія. Богатые, праздные лишены этого.

19.

Было у одного богача все, что желаютъ люди: милліоны денегъ, и разубранный дворецъ, и красавица жена, и сотни слугъ, и роскошные обѣды, и всякія закуски, и вина, и полна конюшня дорогихъ коней. И все это такъ прискучило ему, что онъ цѣлый день сидѣлъ въ своихъ богатыхъ палатахъ и вздыхалъ и жаловался на скуку. Только ему и было дѣла и радости, что ѣда. Просыпался онъ—ждалъ завтрака, отъ завтрака ждалъ обѣда, отъ обѣда ужина. Но и этой утѣхи онъ скоро лишился. Ёлъ онъ такъ много и такъ сладко, что испортился у него желудокъ, и позыва на ѣду не стало. Призвалъ онъ докторовъ. Доктора дали лѣкарства и велѣли ходить каждый день по два часа.

И вотъ ходить онъ одинъ разъ свои положенные два часа и все думаетъ о своемъ горѣ, что нѣтъ охоты къ ѣдѣ. И подошелъ къ нему нищій.

— Подай,—говорить,—Христа ради, бѣдному человѣку.

Богачъ все о своемъ горѣ думаетъ, что ему ѣсть не хочется, и не слушаетъ нищаго.

— Пожалѣй, баринъ, день цѣлый не ѣлъ.

Услыхалъ богачъ про ѣду, остановился.

— Что же, хочется ѣсть?

— Какъ не хотѣть, баринъ, страсть хочется!

«То-то счастливый человѣкъ», подумалъ богачъ. И поза-видовалъ бѣдняку.

Бѣдные завидуютъ богачамъ, а богачи завидуютъ нищимъ.

Всѣмъ равно. Бѣднымъ лучше тѣмъ, что бѣдные часто не виноваты въ своей бѣдности, а богачи всегда сами виноваты въ своемъ богатствѣ.

Х.

Корыстолюбіе.

Грѣхъ корыстолюбія состоитъ въ приобрѣтеніи все большаго и большаго количества предметовъ или денегъ, нужныхъ другимъ людямъ, и въ удержаніи въ своей власти этихъ предметовъ или денегъ для того, чтобы пользоваться по своему желанію чужими трудами.

I.

Въ чемъ грѣхъ богатства.

1.

Человѣкъ въ нашемъ обществѣ не можетъ спать, не платя за то мѣсто, на которомъ онъ спитъ. Воздухъ, вода, солнечный свѣтъ принадлежатъ ему только на большой дорогѣ... Единственное право, признанное у насъ, это ходить по этой большой дорогѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не зашатается отъ усталости, потому что онъ не можетъ остановиться, а долженъ ходить.

Грантъ Алень.

2.

Десять добрыхъ людей улягутся и мирно выспятся на одномъ войлокѣ, а два богача не уживутся въ десяти ком-

натахъ. Если доброму человѣку достанется краюха хлѣба, то половиной ея онъ подѣлится съ голоднымъ. Но если завоеватель завоюетъ одну часть свѣта, онъ не успокоится, пока не захватить еще другой такой же.

3.

У богатыхъ на три человѣка 15 комнатъ, и нельзя пустить согрѣться и переночевать нищаго.

У крестьянина 7-ми-аршинная изба на 7 душъ, и онъ охотно пускаетъ странника и говоритъ: Богъ велитъ пополамъ дѣлить.

4.

Богатые и бѣдные дополняютъ другъ друга. Если есть богачи, то должны быть и есть бѣдняки. Если есть безумная роскошь, то есть и не можетъ не быть и та страшная нужда, которая заставляетъ неимущихъ служить безумной роскоши.

Христосъ любилъ бѣдныхъ и удалялся отъ богатыхъ. И въ царствѣ правды, которое Онъ проповѣдывалъ, богатые и бѣдные были бы одинаково невозможны.

Генри Джорджъ.

5.

Бродяга—необходимое дополненіе къ милліонеру.

Генри Джорджъ.

6.

Удовольствія богачей добываются слезами бѣдняковъ.

7.

Когда богатые люди говорятъ объ общественномъ благѣ, я знаю, что это не что иное, какъ заговоръ богачей, ищущихъ своей выгоды подъ именемъ и подъ предлогомъ общаго блага.

Томасъ Мооръ.

8.

Честные люди не бывают богаты. Богатые люди не бывают честны.

Лао-Тсе.

9.

«Не будь грабителемъ бѣднаго, потому что онъ бѣденъ», говоритъ Соломонъ. А между тѣмъ, «это ограбленіе бѣднаго, потому что онъ бѣденъ»,—самое обыкновенное дѣло: богатый всегда пользуется нуждой бѣднаго для того, чтобы заставить его на себя работать, или купить то, что онъ продаетъ, по самой низкой цѣнѣ.

Ограбленіе богатаго на большихъ дорогахъ за то, что онъ богатъ, гораздо рѣже встрѣчается, потому что грабить богатаго опасно, бѣднаго же можно грабить, ничѣмъ не рискуя.

По Дж. Рѣскину.

10.

Люди рабочаго народа часто стараются перейти въ сословіе людей достаточныхъ, живущихъ чужимъ трудомъ. Они называютъ это выйти въ хорошіе люди. А надо бы называть это, напротивъ,—уйти изъ хорошихъ людей въ плохіе.

11.

Богатство передъ Богомъ великій грѣхъ, а бѣдность передъ людьми.

Пословица.

II.

Человѣкъ и земля.

1.

Такъ какъ я рожденъ для земли, то земля и дана мнѣ для того, чтобы брать изъ нея, что мнѣ нужно для обработки и посадки, и я имѣю право требовать себѣ свою долю.

Покажите же мнѣ, гдѣ она.

Эмерсонъ.

2.

Земля—общая намъ мать; она кормить насъ, даетъ намъ пріютъ, радуется и любовно обогрѣваетъ насъ; съ минуты рожденія и пока мы не успокоимся вѣчнымъ сномъ на ея материнской груди, она постоянно своими нѣжными объятіями лелѣетъ насъ.

И вотъ, несмотря на это, люди толкуютъ объ ея продажѣ, и дѣйствительно, въ нашъ продажный вѣкъ земля представляется на рынокъ для оцѣнки и для такъ называемой продажи. Но продажа земли, созданной небеснымъ Творцомъ, является дикой нелѣпностью. Земля можетъ принадлежать только всемогущему Богу и всѣмъ сынамъ человѣческимъ, работающимъ на ней, или тѣмъ, кто будетъ на ней работать.

Она представляетъ собственность не одного какого-либо поколѣнія, но всѣхъ прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ поколѣній, работающихъ на ней.

Карлейль.

3.

Мы занимаемъ островъ, на которомъ живемъ трудами рукъ своихъ. Разбитый въ кораблекрушеніи морякъ выброшенъ на нашъ берегъ. Имѣетъ ли онъ такое же, какъ и мы, естественное право на томъ же основаніи, какъ и мы, занимать частицу земли для того, чтобы кормиться на ней своимъ трудомъ? Казалось бы, право это несомнѣнно. А между тѣмъ, сколько людей рождается на нашей планетѣ-землѣ, которымъ живущіе на ней люди отказываютъ въ этомъ правѣ.

Лавелэ.

III.

Вредныя послѣдствія богатства.

1.

Люди жалуются на бѣдность и всякими средствами стараются добыть богатства, а между тѣмъ нужда и бѣдность при-

даютъ людямъ твердость и силу, и, напротивъ, излишество и роскошь приводятъ людей къ слабости и гибели.

Напрасно хотятъ бѣдные люди перемѣнить полезную для тѣла и души бѣдность на вредное для тѣла и души богатство.

2.

Нужда и кормить, и мучить, и учить. Богатство пучить.

Пословица.

3.

Бѣдному горе, а богатому вдвое.

4.

Богатому плохо живется и оттого, что онъ не можетъ быть спокоенъ, а всегда боится за свое богатство, и оттого, что чѣмъ больше богатства, тѣмъ больше заботъ и дѣлъ. А, главное, оттого плохо живется богатому, что ему можно сходиться только съ немногими людьми, съ такими же, какъ онъ, богатыми. Съ остальными же, съ бѣдными, ему нельзя сходиться. Если сойтись съ бѣдными, слишкомъ ясно виденъ его грѣхъ. И ему не можетъ не быть стыдно.

5.

Богатство съ золотомъ, а бѣдность съ весельемъ.

Пословица.

6.

Богатство приучаетъ людей къ гордости, жестокости, самодовольному невѣжеству и разврату.

Мѣнье.

7.

Нечувствителенъ и равнодушенъ къ чужому горю бываетъ человѣкъ богатый.

Талмудъ.

8.

Жизнь людей богатыхъ, свободныхъ отъ необходимаго для жизни труда, не можетъ не быть безумна. Люди, не работая, то-есть не исполняя одинъ изъ законовъ жизни всѣхъ людей, не могутъ не шалѣть. Съ ними дѣлается то же, что съ домашними животными: лошадьми, собаками, свиньями. Они прыгаютъ, дерутся, носятся съ мѣста на мѣсто, сама не зная зачѣмъ.

9.

Съ нужды умнѣють, отъ богатства дурѣють. Съ жиру и собака бѣсится.

Пословица.

10.

Жалостливый не бываетъ богатъ. Богатый навѣрное не жалостливъ.

Манджурская поговорка.

11.

Люди ищутъ богатства, а если бы они только знали, сколько добра теряютъ люди, наживая богатство и живя въ немъ, они бы старались избавиться отъ богатства съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ они стараются добиться его.

12.

Придетъ время и скоро, когда люди перестанутъ вѣрить въ то, что богатство даетъ счастье, и поймутъ, наконецъ, ту простую правду, что, наживая и удерживая богатство, они не улучшаютъ, а ухудшаютъ не только чужую, но и свою жизнь.

IV.

Нужно не завидовать богатству, а стыдиться его.

1.

Не уважать надо богатыхъ, не завидовать имъ, а удаляться отъ ихъ жизни, жалѣть ихъ. Богатому же надо не гордиться своимъ богатствомъ, а стыдиться его.

2.

Хорошо, когда богатые видятъ грѣхъ своего богатства и не осуждаютъ бѣдныхъ за ихъ зависть и недоброжелательство. Но плохо, если они осуждаютъ бѣдныхъ за ихъ недоброжелательство, а не видятъ своего грѣха. И такъ же хорошо, когда бѣдные видятъ свой грѣхъ въ зависти и недоброжелательности къ богатымъ, и не осуждаютъ богатыхъ, а жалѣютъ ихъ. И плохо, когда они осуждаютъ богатыхъ и не видятъ своего грѣха.

3.

Если бѣдный завидуетъ богатому, то онъ не лучше богатаго.

4.

Нехорошо самодовольство богатыхъ. Но не менѣе дурна зависть бѣдныхъ. Какъ много бываетъ такихъ бѣдныхъ, которые, осуждая богатыхъ, дѣлаютъ то же самое, за что осуждаютъ богатыхъ, съ тѣми, кто бѣднѣе ихъ самихъ.

V.

Оправданіе богатства.

1.

Если ты получаешь доходъ, не зарабатывая его, то на-вѣрное кто-нибудь работаетъ, не получая дохода.

Мемпонида.

2.

Только человѣкъ, увѣренный въ томъ, что онъ не такой же человѣкъ, какъ всѣ, а лучше ихъ, только такой человѣкъ можетъ съ спокойной совѣстью владѣть богатствомъ среди бѣдныхъ. Только мыслью о томъ, что онъ лучше другихъ людей, можетъ такой человѣкъ оправдывать самъ передъ собою свое богатство среди бѣдныхъ. И что удивительнѣе всего, это—то, что обладаніе богатствами,—то, что должно бы было стыдить человѣка,—служить ему главнымъ доказательствомъ его превосходства надъ другими людьми. «Я пользуюсь богатствомъ потому, что я лучше другихъ. И я лучше другихъ потому, что пользуюсь богатствомъ», говоритъ такой человѣкъ.

3.

Ничто такъ явно не показываетъ ложность той вѣры, которая исповѣдуется среди насъ, какъ то, что люди, считающіе себя христіанами, могутъ среди нуждающихся не только владѣть богатствомъ, но и гордиться имъ.

4.

Люди могутъ кормить себя только тремя способами: или грабежомъ, или милостыней, или трудомъ. Легко отличить отъ остальныхъ тѣхъ, которые кормятся трудомъ; такъ же легко замѣтны и тѣ, которые кормятся милостыней.

.
.

5.

Одна изъ самыхъ обычныхъ и важныхъ ошибокъ, которыя дѣлаютъ люди въ своихъ сужденіяхъ, та, что люди считаютъ хорошимъ то, что любятъ. Люди любятъ богатство и потому, хотя, казалось бы, очевидно зло богатства, стараются увѣрить себя, что оно хорошо.

6.

Богатымъ людямъ нашего міра, казалось бы, нельзя уже увѣрять себя и другихъ, что они не знали того, что тѣ люди рабочаго народа, которые вынуждены работать подъ землей, въ водѣ, пеклѣ, по 10 — 14 часовъ въ сутки, и по ночамъ на разныхъ фабрикахъ и заводахъ, работаютъ такую мучительную работу потому, что только при такой работѣ богатые люди даютъ имъ возможность существованія. Казалось бы, невозможно отрицать того, что такъ очевидно. А между тѣмъ богатые люди не видятъ этого и такъ же, какъ дѣти, зажимаются для того, чтобы не видѣть того, что имъ страшно.

7.

Развѣ Богъ далъ что-нибудь одному, не давъ того же другому? Развѣ всеобщій Отецъ исключилъ кого-нибудь изъ Своихъ дѣтей? Вы, требующіе исключительнаго права пользоваться Его дарами, покажите то завѣщаніе, по которому Онъ лишилъ Своего наслѣдства другихъ братьевъ?

Ламена.

8.

Правда, что богатство — скопленіе труда; но обыкновенно одинъ человѣкъ производитъ трудъ, а другой — скопленіе. И это-то учеными людьми называется «раздѣленіемъ» труда.

Съ а'нглійскаго.

9.

Для язычниковъ богатство — и добро и слава, для истинныхъ христіанъ богатство — и зло и срамъ.

Сказать: «богатый христіанинъ» — все равно, что сказать: «жидкій ледъ».

10.

Казалось бы, зная всю мучительную бѣдность рабочаго люда, умирающаго отъ недостатковъ и сверхсильной работы (а не znать этого невозможно), людямъ богатымъ, пользующимся

этимъ, стоящимъ человѣческихъ жизней, трудомъ, невозможно ни одной минуты оставаться спокойными. А между тѣмъ такіе богатые, либеральные, гуманные люди, очень чувствительные къ страданіямъ не только людей, но и животныхъ, не переставая пользуются такимъ трудомъ, стараются все больше и больше богатѣть, то-есть пользоваться все больше и больше такимъ трудомъ, и, пользуясь имъ, остаются совершенно спокойными.

Происходитъ это оттого, что явилось новое объясненіе въ видѣ науки политической экономіи, открывшей законы, по которымъ выходитъ, что распредѣленіе труда и пользованіе имъ зависитъ отъ спроса и предложенія, отъ капитала, ренты, заработной платы, цѣнности, прибыли и т. д.

На тему эту въ короткое время было написано множество книгъ и брошюръ и прочитано множество лекцій, и теперь не переставая пишутся горы брошюръ и книгъ и читаются лекціи.

Большинство людей нашего міра хотя и не знаетъ подробности этихъ успокоительныхъ объясненій науки, все-таки знаетъ, что объясненіе это есть, что ученые, умные люди продолжаютъ доказывать, что теперешній порядокъ вещей таковъ, какимъ онъ и долженъ быть, и что поэтому можно спокойно жить въ этомъ порядкѣ вещей, не стараясь измѣнить его.

Этимъ только можно объяснить то удивительное затменіе, въ которомъ находятся добрые люди нашего общества, искренно желающіе блага животнымъ, но съ спокойной совѣстью поѣдающіе жизни своихъ братьевъ.

VI.

Человѣку для своего блага нужно заботиться не объ увеличеніи своего имущества, а объ увеличеніи въ себѣ любви.

1.

«Не припасайте себѣ припасовъ на землѣ. На землѣ и червь точить, и ржавчина ѣсть, и воры крадутъ, а припа-

сайте себѣ богатство небесное. Небесное богатство ни червь не точитъ, ни ржавчина не ѣстъ, ни воры не крадутъ. Гдѣ будетъ богатство ваше, тамъ будетъ и сердце ваше».

Припасать богатство небесное значить увеличивать въ себѣ любовь. А любовь не только не согласна съ богатствомъ, но прямо противна ему. Человѣкъ, живущій любовью, не можетъ ни наживать богатства, ни удерживать, если оно есть у него.

2.

Наживи себѣ такое богатство, чтобы никто не могъ отнять его отъ тебя, чтобы оно и по смерти осталось за тобою и никогда бы не убавлялось и не тлѣло. Богатство это — твоя душа.

Индійская поговорка.

3.

Люди въ тысячу разъ больше хлопчутъ о томъ, чтобы прибавить себѣ богатства, нежели о томъ, чтобы прибавить себѣ разума. А кажется, всякій можетъ понимать, что для счастья человѣка гораздо важнѣе то, что есть въ немъ, чѣмъ то, что есть у него.

По Шопенгауэру.

4.

«И сказалъ имъ притчу: у одного богатаго человѣка былъ хорошій урожай въ полѣ; и онъ разсуждалъ самъ съ собою: что мнѣ дѣлать? некуда мнѣ собрать плодовъ моихъ. И сказалъ: вотъ что сдѣлаю: сломаю житницы мои и построю бѣльшя, и соберу туда весь хлѣбъ мой и все добро мое, и скажу душѣ моей: душа! много добра лежитъ у тебя на многіе годы: покойся, ѣшь, пей, веселись. Но Богъ сказалъ ему: безумный! въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя; кому же достанется то, что ты заготовилъ?»

Лука XII, 16—20.

5.

Отчего человѣку хочется быть богатымъ? Отчего ему нужны дорогія лошади, хорошія одежды, прекрасныя комнаты, право

на входъ въ публичныя мѣста, увеселенія? Только отъ недостатка духовной жизни.

Дайте этому человѣку внутреннюю духовную жизнь, и ему ничего этого не будетъ нужно. Эмерсонъ.

6.

Какъ тяжелая одежда мѣшаетъ движеніямъ тѣла, такъ и богатство мѣшаетъ движенію души. Демофилъ.

VII.

Борьба съ грѣхомъ корыстолюбія.

1.

Съ какими усиліями и грѣхами наживается и бережется богатство! А между тѣмъ только одну радость можемъ мы получить отъ нажитаго богатства. Радость эта въ томъ, чтобъ, понявъ все зло богатства, отказаться отъ него.

2.

Если хочешь милости Божіей, то покажи дѣла. Но, можетъ-быть, и теперь кто-нибудь, какъ богатый юноша, скажетъ: «Я все исполнилъ: не кралъ, не убивалъ, не любо-дѣйствовалъ». Но Христосъ сказалъ, что нужно не это только, а еще что-то другое. Что же это такое? Продай, говорить, имѣніе твое и дай нищимъ и иди за Мною (Мѡ. XIX, 21). Итти за Нимъ значитъ подражать Ему въ дѣлахъ. Въ какихъ дѣлахъ? Въ любви къ ближнему; а если юноша, живя въ такомъ изобиліи, могъ не раздать свое имѣніе бѣднымъ, то какъ же онъ могъ сказать, что возлюбилъ ближняго? Если любовь сильна, и не на однихъ словахъ, то надо показать ее на дѣлѣ. А богатому показать на дѣлѣ любовь значитъ отказаться отъ богатства.

3.

Кто имѣетъ меньше, чѣмъ желаетъ, тотъ долженъ знать, что онъ имѣетъ больше, чѣмъ заслуживаетъ.

Дихтенбергъ.

4.

Двумя средствами можно избавиться отъ бѣдности: одно—увеличивать свое богатство, другое—пріучать себя довольствоваться малымъ. Увеличивать богатство не всегда можно и почти всегда нечестно; уменьшать же свои прихоти всегда въ нашей власти и всегда хорошо для души.

5.

Худшій воръ не тотъ, кто взялъ себѣ то, что ему нужно, а тотъ, кто держитъ, не отдавая другимъ, то, что ему не нужно, а необходимо другимъ.

6.

«Кто имѣетъ достатокъ въ мірѣ, но, видя брата своего въ нуждѣ, затворяетъ отъ него сердце свое, — какъ пребываетъ въ томъ любовь Божія? Дѣти мои! станемъ любить не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиной».

(I Иоан. III, 17—18.)

А для того, чтобы богатому любить не словомъ или языкомъ, а дѣломъ и истиной, надо давать просящему, какъ сказалъ Христосъ. А если давать просящему, то какъ бы много имѣнія ни было у человѣка, онъ скоро перестанетъ быть богатъ. А какъ только перестанетъ быть богатъ, такъ и случится съ нимъ то самое, что Христосъ сказалъ богатому юношѣ, то-есть не будетъ уже того, что мѣшало богатому юношѣ идти за Нимъ.

7.

Китайскіе мудрецы говорятъ: «Хоть и нехорошо, но простиительно бѣдному завидовать богатому, но непростительно богатому величаться своимъ богатствомъ и не дѣлиться съ бѣдными».

8.

Милосердіе только тогда истинное, когда то, что ты даешь, ты оторвалъ отъ себя. Только тогда получающій вещественный даръ получаетъ и духовный даръ.

Если же это не жертва, а излишекъ, то это только раздражаетъ получающаго.

9.

Богатые благотворители не видятъ того, что то, чѣмъ они благодарятъ бѣднаго, они вырвали изъ рукъ часто еще болѣе бѣдныхъ.

10.

«Нельзя служить вмѣстѣ двумъ хозяевамъ. Одному угодишь, другого обидишь. Нельзя служить Богу и плоти. Либо земной жизни будешь работать, либо Богу. Поэтому не заботьтесь о томъ, что будете ѣсть и пить и чѣмъ одѣваться. Вѣдь жизнь мудренѣе пищи и одежды, а Богъ далъ вамъ ее.

«Посмотрите на тварь Божию, на птицъ. Онѣ не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ, а Богъ питаетъ ихъ. Человѣкъ не хуже птицы. Если Богъ далъ жизнь человѣку, то сумѣетъ и пропитать его. А вѣдь вы сами знаете, что какъ вы ни хлопочите, вы ничего не можете для себя сдѣлать. Не можете ни на часъ увеличить своего вѣка. И объ одеждѣ зачѣмъ вамъ заботиться. Цвѣты полевые не работаютъ, не прядутъ, а разукрашены такъ, что и Соломонъ во всей роскоши своей никогда такъ не разукрасилъ себя. Что же, если Богъ траву ту, что нынче растетъ, а завтра скосятъ, такъ разукрасилъ, то что же Онъ васъ не одѣнетъ?»

«Не заботьтесь и не хлопочите, не говорите, что надо подумать о томъ, что будемъ ѣсть и чѣмъ одѣнемся. Это всѣмъ людямъ нужно, и Богъ знаетъ эту нужду вашу. Такъ и не заботьтесь о будущемъ. Живите настоящимъ днемъ. Заботьтесь о томъ, чтобы быть въ волѣ Отца. Желайте того, что одно важно, а остальное все само придетъ. Старайтесь только быть въ волѣ Отца. Такъ и не заботьтесь о будущемъ. Когда придетъ будущее, тогда будетъ и забота».

Такъ говорилъ Іисусъ, и справедливость словъ этихъ всякій человекъ можетъ проверить въ своей жизни.

XI.

Г н ѣ в ъ.

I.

Въ чемъ грѣхъ недоброжелательства?

1.

«Вы слышали, что сказано древнимъ: не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду (Исх. 20, 13). А Я говорю вамъ, что всякій гнѣвающійся на брата своего подлежитъ суду».

Мѣ. V, 21—22.

2.

Если чувствуешь боль въ тѣлѣ, то знаешь, что что-нибудь неладно: либо дѣлаешь то, чего не надо дѣлать, либо не дѣлаешь того, что надо дѣлать. То же и въ духовной жизни. Если чувствуешь тоску, раздраженіе, то знай, что что-нибудь неладно: либо любишь то, чего не надо любить, либо не любишь того, что надо любить.

3.

Грѣхи обьяденія, праздности, сладострастія дурны сами по себѣ. Но больше всего дурны эти грѣхи тѣмъ, что отъ нихъ заводится самый дурной грѣхъ—недоброжелательства, нелюбви къ людямъ.

4.

Страшны не грабежи, не убійства, не казни. Что такое грабежи? Это переходы имущества отъ однихъ людей къ другимъ. Это всегда было и будетъ, и въ этомъ нѣтъ ничего страшнаго. Что такое казни, убійства? Это переходы людей отъ жизни къ смерти. Переходы эти всегда были, есть и будутъ, и въ нихъ тоже нѣтъ ничего страшнаго. Самое страшное не самые грабежи и убійства, а страшны чувства тѣхъ людей, которые ненавидятъ другъ друга, страшна ненависть людей, которые изъ-за нея грабятъ, убиваютъ, казнятъ.

II.

Безсмысленность гнѣва.

1.

Буддисты говорятъ, что всякій грѣхъ отъ глупости. Это справедливо обо всѣхъ грѣхахъ, особенно же о недоброжелательствѣ. Рыбакъ или птицеловъ сердится на рыбу или птицу за то, что онъ не поймалъ ея, а я на человѣка за то, что онъ дѣлаетъ для себя то, что ему нужно, а не то, что я хотѣлъ бы отъ него. Развѣ это не одинаково глупо?

2.

Человѣкъ обидѣлъ тебя, ты разсердился на него. Дѣло прошло. Но въ сердцѣ у тебя засѣла злоба на этого человѣка, и когда ты думаешь о немъ, ты злишься. Какъ будто дьяволъ, который стоитъ всегда у двери твоего сердца, воспользовался тѣмъ часомъ, когда ты почувствовалъ къ человѣку злобу, и открылъ эту дверь, вскочилъ въ твое сердце и сидитъ въ немъ хозяиномъ. Выгони его. И впередъ будь осторожниѣе, не отворяй той двери, черезъ которую онъ входитъ.

3.

Была одна дурочка; она ослѣпла отъ болѣзни и никакъ не могла понять, что она слѣпа, и сердилась на то, что, куда она ни пойдётъ, все на дорогѣ ей мѣшаетъ, толкаетъ ее. Она думала, что не она толкается о вещи, а вещи толкаютъ ее.

То же бываетъ и съ людьми, когда они слѣпнутъ для духовной жизни. Имъ кажется, что все, что съ ними случается, дѣлается имъ назло, и они сердятся на людей, а не понимаютъ того, что имъ, какъ той дурочкѣ, нехорошо не отъ другихъ людей, а отъ того, что они слѣпы для духовной жизни и живутъ для тѣла.

4.

Чѣмъ выше считаетъ себя человѣкъ, тѣмъ онъ легче держитъ зло на людей. Чѣмъ человѣкъ смиреннѣе, тѣмъ онъ добрѣе и меньше сердится.

5.

Не думай, что добродѣтель въ храбрости и силѣ: если ты можешь стать выше гнѣва, простить и полюбить того, кто обидѣлъ тебя, то ты дѣлаешь лучшее, что можетъ сдѣлать человѣкъ.

Персидскій Джербелотъ.

6.

Правда, что ты, можетъ-быть, не въ силахъ не разсердиться на того, кто оскорбилъ, обидѣлъ тебя. Но ты всегда можешь сдержаться отъ того, чтобы ни словомъ, ни дѣломъ не показать своего сердца.

7.

Злость—всегда отъ безсилья.

8.

Человѣкъ бранить, оскорбляетъ тебя — не поддавайся ему, не становись на тотъ путь, на который онъ хочетъ завести тебя, не дѣлай того же, что онъ.

Маркъ Аврелій.

III.

Гнѣвъ на братьевъ-людей неразуменъ потому, что во всѣхъ людяхъ живетъ одинъ и тотъ же Богъ.

1.

«Будь остороженъ, когда хочешь въ человѣкѣ бить по дьяволу,—какъ бы не задѣть въ немъ Бога». Это значить то, что, осуждая человѣка, не забывай того, что въ немъ Духъ Божій.

2.

Съ самаго утра надо слѣдить за собой и сказать себѣ: сейчасъ можетъ случиться, что придется имѣть дѣло съ дерзкимъ, наглымъ, лицемѣрнымъ, докучливымъ, озлобленнымъ человѣкомъ. Часто бываютъ такіе люди. Люди эти не знаютъ, что хорошо и что дурно. Но если я самъ твердо знаю, въ чемъ добро и зло, понимаю, что зло для меня только то дурное дѣло, если я самъ его сдѣлаю,—если я знаю это, то никакой злой человѣкъ не можетъ повредить мнѣ. Никто вѣдь не можетъ заставить меня дѣлать зло. Если же я помню еще и то, что всякій человѣкъ не по плоти и крови, а по духу близокъ мнѣ, что въ каждомъ изъ насъ живетъ одинъ и тотъ же Духъ Божій, то я не могу сердиться на такое близкое мнѣ существо. Я вѣдь знаю, что мы сотворены другъ для друга, призваны помогать другъ другу, какъ рука рукѣ, нога ногѣ, какъ глаза и зубы помогаютъ другъ другу и всему тѣлу,—какъ же мнѣ отворачиваться отъ ближняго, если онъ, противно своей истинной природѣ, дѣлаетъ мнѣ зло?

Маркъ Аврелій.

3.

Если ты разсердился на человѣка, то это значить, что ты жилъ не божеской, а тѣлесной жизнью. Если бы ты жилъ

божеской жизнью, никто бы не могъ обидѣть тебя, потому что Бога нельзя обидѣть, и Богъ, тотъ Богъ, который въ тебѣ, не можетъ сердиться.

4.

Для того, чтобы хорошо жить съ людьми, надо, когда сходишься съ ними, помнить, что важно не то, что *мнѣ* нужно, и не то, что нужно *тому*, съ кѣмъ я сошелся, а то, что отъ насъ обоихъ нужно тому Богу, который живетъ въ насъ обоихъ.

Только вспомни про это, когда поднимется недоброе чувство къ человѣку, и тотчасъ освободишься отъ него.

5.

Не надо ни особенно презирать, ни особенно почитать никакого человѣка. Будешь презирать человѣка — не оцѣнишь того добра, которое есть въ немъ. Будешь слишкомъ почитать человѣка, будешь слишкомъ много требовать отъ него. Для того, чтобы не ошибиться, надо презирать, такъ же какъ и въ себѣ, тѣлесное человѣка и уважать его какъ духовное существо, въ которомъ живетъ Духъ Божій.

IV.

Чѣмъ ниже понимаетъ себя человѣкъ, тѣмъ онъ бываетъ добрѣе.

1.

Говорятъ, что хорошему человѣку нельзя не сердиться на дурныхъ. Но если такъ, то чѣмъ человѣкъ лучше противъ другихъ людей, тѣмъ сердитѣе ему надо быть, а бываетъ на-противъ: хорошій человѣкъ, чѣмъ онъ лучше, тѣмъ онъ мягче и добрѣе ко всѣмъ людямъ. Бываетъ это отъ того, что хорошій человѣкъ помнить, какъ часто онъ самъ погрѣшалъ, и

что если ему сердиться на дурныхъ, то ему прежде всего надо сердиться на самого себя.

Сенека.

2.

Разумному человѣку нельзя сердиться на злыхъ и безразсудныхъ людей.

— Да какъ же не сердиться, если они воры и мошенники?—говоришь ты.

— А что такое воръ и мошенникъ? Вѣдь это человѣкъ заблудшій. А такого человѣка жалѣть надо, а не сердиться на него. Если ты можешь, то убѣди его въ томъ, что для него самого нехорошо такъ жить, какъ онъ живетъ, и онъ перестанетъ дѣлать зло. А если онъ еще не понимаетъ этого, то не удивительно, что онъ дурно живетъ.

Но ты скажешь, что такихъ людей надо наказывать.

Если у человѣка глаза заболѣли и онъ ослѣпъ, то вѣдь ты не скажешь, что его надо за это наказывать. Такъ почему же ты хочешь наказать такого человѣка, который лишенъ того, что дороже глазъ, лишенъ самага большаго блага—умѣнія жить разумно? Не сердиться нужно на такихъ людей, а только жалѣть ихъ.

Пожалѣй же этихъ несчастныхъ и старайся, чтобы ихъ заблужденія не обозляли тебя. Вспомни, какъ часто ты самъ заблуждался и согрѣшалъ, и сердись лучше на себя за то, что въ душѣ твоей такъ много недоброты и злости.

Эпиктетъ.

3.

Ты говоришь, что вокругъ тебя все дурные люди. Если ты такъ думаешь, то это вѣрный признакъ того, что ты самъ очень плохъ.

4.

Часто люди думаютъ выказать себя тѣмъ, что подмѣчаютъ недостатки людей. А они этимъ только выказываютъ свою слабость.

Чѣмъ человѣкъ умнѣе и добрѣе, тѣмъ больше онъ видитъ добра въ людяхъ, а чѣмъ глупѣе и злѣе, тѣмъ больше онъ видитъ недостатковъ въ другихъ.

5.

Правда, что трудно быть добрымъ съ человѣкомъ развратнымъ, съ лгуномъ, особенно если еще онъ оскорбляетъ насъ, но съ нимъ-то, съ этимъ именно человѣкомъ, и нужно быть добрымъ и для него, и для себя.

6.

Когда сердишься на кого-нибудь, то обыкновенно ищешь оправданій своему сердцу и стараешься видѣть только дурное въ томъ, на кого сердишься. И этимъ усиливаешь свое недоброжелательство. А надо совсѣмъ напротивъ: чѣмъ больше сердишься, тѣмъ внимательнѣе искать всего того хорошаго, что есть въ томъ, на кого сердишься, и если удастся найти хорошее въ человѣкѣ и полюбить его, то не только ослабишь свое сердце, но и почувствуешь особенную радость.

7.

Жалко человѣка, когда онъ раздѣтъ, холоденъ, голоденъ, но во сколько разъ больше надо жалѣть человѣка, если онъ обманщикъ, пьяница, воръ, грабитель, убійца! Тотъ человѣкъ страдаетъ тѣломъ, а этотъ тѣмъ, что дороже всего на свѣтѣ— душою.

Хорошо пожалѣть бѣднаго и помочь ему, но самое хорошее то, чтобы не осудить развратнаго, а пожалѣть его и помочь ему.

8.

Если хочешь упрекать человѣка за его несообразности, то не называй его поступки или слова глупостями, не говори и не думай, что то, что онъ сдѣлалъ или сказалъ, не имѣть

никакого смысла. Наоборотъ, всегда предполагай, что онъ хотѣлъ сдѣлать или сказать что-нибудь разумное, и старайся найти это. Надо постараться найти тѣ ложныя представленія, которыя обманули человѣка, и показать ихъ ему такъ, чтобы онъ самъ своимъ разумомъ рѣшилъ, что онъ ошибается. Вѣдь убѣдить человѣка можно только его же разумомъ. Точно такъ же и убѣдить человѣка въ безнравственности его поступка можно только его же нравственнымъ чувствомъ. Не надо предполагать того, чтобы самый безнравственный человѣкъ не могъ сдѣлаться нравственнымъ, свободнымъ существомъ.

По Канту.

9.

Если ты разсердился на человѣка за то, что онъ сдѣлалъ то, что мы считаемъ дурнымъ, постарайся узнать, зачѣмъ человѣкъ сдѣлалъ то, что считаешь дурнымъ. А какъ только поймешь это, то сердиться на человѣка уже нельзя будетъ, такъ же нельзя, какъ нельзя сердиться на то, что камень падаетъ книзу, а не кверху.

V.

Необходимость любви для общенія съ людьми.

1.

Для того, чтобы общеніе съ людьми не было страданіемъ для тебя и для нихъ, не вступай въ общеніе съ людьми, если не чувствуешь любви къ нимъ.

2.

Безъ любви можно обращаться только съ вещами: безъ любви можно рубить деревья, дѣлать кирпичи, ковать желѣзо, но съ людьми нельзя обращаться безъ любви, такъ же какъ нельзя обращаться съ пчелами безъ осторожности. Свойство

пчелъ таково, что если станешь обращаться съ ними безъ осторожности, то имъ повредишь и себѣ. То же и съ людьми.

Не чувствуешь любви къ людямъ, сиди смирно, занимайся собою, вещами, чѣмъ хочешь, но только не людьми. Только позволь себѣ обращаться съ людьми безъ любви, и не успѣешь оглянуться, какъ станешь не человѣкомъ, а звѣремъ, и людямъ повредишь и себя замучаешь.

3.

Если ты обиженъ человѣкомъ, то на обиду ты можешь отвѣчать, какъ собака, какъ корова, какъ лошадь: либо бѣжать отъ обидчика, если обидчикъ сильнѣе тебя, либо огрызаться, бодаться, брыкаться. А можешь отвѣчать на обиду какъ разумный человѣкъ, — можешь сказать себѣ: человѣкъ этотъ обидѣлъ меня, это его дѣло; мое же дѣло — дѣлать то, что я считаю хорошимъ: дѣлать ему то, чего я себѣ желаю.

4.

Когда видишь людей, всегда всѣмъ недовольныхъ, всѣхъ и все осуждающихъ, хочется сказать имъ: «Вѣдь вы не затѣмъ живете, чтобы понять нелѣпость жизни, осудить ее, посердиться и умереть. Не можетъ этого быть. Подумайте: не сердиться вамъ надо, не осуждать, а трудиться, чтобы исправить то дурное, которое вы видите.

«Устранить же то дурное, которое вы видите, вы можете никакъ не раздраженіемъ, а только тѣмъ чувствомъ доброжелательства ко всѣмъ людямъ, которое всегда живетъ въ васъ и которое вы сейчасъ же почувствуете, какъ только перестанете заглушать его».

5.

Надо привыкать къ тому, чтобы быть недовольнымъ другимъ человѣкомъ только такъ же, какъ бываешь недоволенъ собою. Собою бываешь недоволенъ только такъ, что недоволенъ

своимъ поступкомъ, но не своей душой. Такъ же надо быть и съ другимъ человѣкомъ: осуждать его поступки, а его любить.

6.

Для того, чтобы не дѣлать ближнему своему дурного—любить его, нужно приучать себя не говорить ни ему, ни о немъ дурного, а для того, чтобы приучить себя къ этому, надо приучить себя не думать о немъ дурного, не допускать въ свою душу чувство недоброжелательства даже въ мысляхъ.

7.

Можешь ли ты сердиться на человѣка за то, что у него гнойныя раны? Онъ не виноватъ, что видъ его ранъ тебѣ непріятенъ. Точно такъ же относись и къ чужимъ порокамъ.

—Но ты скажешь, что у человѣка есть разумъ для того, чтобы онъ могъ сознать и исправлять свои пороки. Это вѣрно. Стало-быть, и у тебя есть разумъ, и ты можешь обсудить то, что тебѣ не сердиться надо на человѣка за его пороки, а, напротивъ, стараться разумнымъ и добрымъ обхожденіемъ безъ гнѣва, нетерпѣнія и надменности пробудить въ человѣкѣ его совѣсть.

Маркъ Аврелій.

8.

Есть такіе люди, что любятъ быть сердитыми. Они всегда чѣмъ-нибудь заняты и всегда рады случаю оборвать, обругать того, кто къ нимъ обратится за какимъ-нибудь дѣломъ. Такіе люди бываютъ очень непріятны. Но надо помнить, что они очень несчастны, не зная радости добраго расположенія духа, и потому надо не сердиться на нихъ, а жалѣть ихъ.

9.

Ничѣмъ нельзя смягчить гнѣва, даже справедливаго, такъ быстро, какъ сказавши гнѣвающемуся про того, на кого онъ гнѣвается: «Да вѣдь онъ несчастный!» Что дождь для огня, то и состраданіе для гнѣва.

10.

Стоить только человѣку, желающему сдѣлать зло своему врагу, живо представить себѣ, что онъ сдѣлалъ уже то зло, которое хотѣлъ, и что врагъ его страдаетъ уже тѣлесно или духовно: отъ ранъ, болѣзни, униженія, нищеты,—стоитъ только человѣку представить себѣ это и понять, что это дѣло его рукъ,—и самый злой человѣкъ перестанетъ злиться, представивъ себѣ живо страданія врага.

Шопенгауэръ.

11.

Помилуй Богъ притворяться, что любишь и жалѣешь, когда не любишь и не жалѣешь. Это хуже ненависти. Но избави Богъ не уловить и не раздуть въ себѣ искру жалости и божеской любви къ врагу, когда Богъ посылаетъ тебѣ ее. Вѣдь драгоцѣннѣе этого ничего нѣтъ.

VI.

Борьба съ грѣхомъ недоброжелательства.

1.

Меня осуждаютъ, мнѣ непріятно, тяжело. Какъ избавиться отъ этого непріятнаго чувства? Прежде всего *смирениемъ*: когда знаешь свою слабость, не будешь сердиться за то, что другіе указываютъ на нее. Это нелюбезно съ ихъ стороны, но они правы. Потомъ *разсужденіемъ*: въ томъ, что въ концѣ концовъ останешься все-таки тѣмъ, чѣмъ былъ, и если слишкомъ уважалъ себя, то приходится только измѣнить о себѣ мнѣніе. Главное же — *прощеніемъ*: есть только одно средство не ненавидѣть тѣхъ, которые дѣлаютъ намъ зло и обиды,—это дѣлать имъ добро; если и не перемѣнишь ихъ, то зато себя обуздаешь.

Аміель.

2.

Если немного разсердился, то прежде, чѣмъ что-нибудь сдѣлать или сказать, сочти десять. Если очень разсердился, сочти сто.

Если вспомнишь объ этомъ, когда разсердился, то и не придется считать.

3.

Самое лучшее на свѣтѣ питье это то, когда у человѣка злое слово уже во рту, а онъ не выпустилъ, а проглотилъ его.

Магометъ.

4.

Чѣмъ больше живетъ человѣкъ для души, тѣмъ меньше ему бываетъ помѣхъ во всѣхъ дѣлахъ его, и потому тѣмъ меньше онъ будетъ сердиться.

5.

Пойми хорошенько и помни, что всякій человѣкъ всегда поступаетъ такъ, какъ ему кажется лучше для себя.

Если ты будешь постоянно помнить это, то ты ни на кого не станешь сердиться, никого не будешь ни попрекать, ни бранить, потому что если человѣку точно лучше дѣлать то, что тебѣ непріятно, то онъ правъ и не можетъ поступать иначе. Если же онъ ошибается и дѣлаетъ то, что для него не лучше, а хуже, то ему же хуже, и можно о немъ сожалѣть, но нельзя на него сердиться.

Эпиктетъ.

6.

Глубокая рѣка не возмутится отъ того, что въ нее бросить камень; также и человѣкъ. Если человѣкъ возмущается отъ оскорбленій, то онъ не рѣка, а лужа.

7.

Будемъ помнить, что всѣ мы вернемся въ землю, и будемъ смиренны и кротки.

По Саади.

VII.

Недоброжелательство вреднѣе всего тому, кто его испытываетъ.

1.

Какъ ни вреденъ гнѣвъ для другихъ людей, онъ болѣе всего вреденъ тому, кто гнѣвается. И всегда гнѣвъ вреднѣе того, изъ-за чего гнѣваешься.

2.

Есть такіе люди, которые любятъ сердиться, и сердятся и вредятъ людямъ безъ всякой причины. Можно понять, зачѣмъ скупой человѣкъ обижаетъ другихъ: онъ хочетъ завладѣть имуществомъ, чтобы самому обогатиться; онъ вредитъ людямъ для своей пользы. Злой же человѣкъ вредитъ другимъ безъ всякой для себя выгоды. Какое безумство!

По Сократу.

3.

Не дѣлать зла даже врагамъ—въ этомъ великая добродѣтель.

Навѣрное погибаетъ тотъ, кто обдумываетъ гибель другого.

Не дѣлай зла. Бѣдность не можетъ служить оправданіемъ зла. Если будешь дѣлать зло, станешь еще бѣднѣе.

Люди могутъ избѣжать послѣдствій злобы своихъ враговъ, но никогда не избѣгнуть послѣдствій своихъ грѣховъ. Эта тѣнь ихъ будетъ преслѣдовать по пятамъ до тѣхъ поръ, пока не погубитъ ихъ.

Пусть не дѣлаетъ зла другому тотъ, кто не хочетъ жить въ печали и горести.

Если человѣкъ любитъ себя, пусть онъ не дѣлаетъ зла, какъ бы мало оно ни было.

Индійскій Куранъ.

4.

Быть добродѣтельнымъ значить быть свободнымъ душой. Люди, постоянно гнѣвающіеся на кого-нибудь, безпрестанно боящіеся чего-нибудь и отдающіеся страстямъ, не могутъ быть свободны душой. Кто не можетъ быть свободнымъ душой, тотъ—видя не увидить, слыша не услышитъ, вкушая не различить вкуса.

Конфуцій.

5.

Ты думаешь, что тотъ, на кого ты сердишься, твой врагъ, а, межъ тѣмъ, твой главный врагъ это тотъ гнѣвъ, который запаль тебѣ въ сердце. И потому скорѣ мирись съ врагомъ своимъ, потуши въ себѣ это мучительное для тебя чувство.

6.

Капля за каплей наполняется ведро; такъ и человѣкъ становится полонъ зла, хотя бы онъ собиралъ его понемногу, если онъ позволяетъ себѣ сердиться на людей. Зло возвращается на того, кто его сдѣлалъ, такъ же какъ пыль, брошенная противъ вѣтра.

Ни на небѣ, ни въ морѣ, ни въ глубинѣ горъ, нѣтъ во всемъ мірѣ мѣста, въ которомъ человѣкъ могъ бы освободиться отъ того зла, которое въ его сердцѣ.

Помни это.

Джампада.

7.

Въ индійскомъ законѣ сказано такъ: какъ вѣрно то, что зимою бываетъ холодно, а лѣтомъ тепло, такъ же вѣрно и то, что злему человѣку бываетъ дурно, а доброму хорошо. Пусть никто не входитъ въ ссору, хотя бы онъ и былъ обиженъ и страдалъ, пусть не оскорбляетъ никого ни дѣломъ, ни словомъ, ни мыслью. Все это лишаетъ человѣка истиннаго блага.

8.

Если я знаю, что гнѣвъ лишаетъ меня истиннаго блага, то я не могу уже сознательно враждовать съ другими людьми,

не могу, какъ я дѣлалъ это прежде, радоваться на свой гнѣвъ, гордиться имъ, разжигать, оправдывать его, признавать себя важнымъ и умнымъ, а другихъ людей ничтожными—потерянными и безумными, не могу уже теперь при первомъ напоминаніи о томъ, что я поддаюсь гнѣву, не признавать себя одного виноватымъ и не искать примиренія съ тѣми, кто враждуетъ со мной.

Но этого мало. Если я знаю теперь, что гнѣвъ мой это зло для души моей, то я знаю еще и то, что приводитъ меня къ этому злу. Приводитъ меня къ этому то, что я забываю то, что во всѣхъ людяхъ живетъ то же, что и во мнѣ. Я вижу теперь, что это отдѣленіе себя отъ людей и признаніе себя выше другихъ людей—одна изъ главныхъ причинъ моей вражды съ людьми. Вспоминая свою прежнюю жизнь, я вижу теперь, что я никогда не позволялъ разгораться своему враждебному чувству на тѣхъ людей, которыхъ считалъ выше себя, и никогда не оскорблялъ ихъ; но зато малѣйшій непріятный для меня поступокъ человѣка, котораго я считалъ ниже себя, вызывалъ мой гнѣвъ па него и оскорбленіе, и чѣмъ выше я считалъ себя передъ такимъ человѣкомъ, тѣмъ легче я оскорблялъ его; иногда даже одна воображаемая мною низость положенія человѣка уже вызывала съ моей стороны оскорбленіе ему.

9.

Однажды зимою Францискъ шелъ съ братомъ Львомъ изъ Перузы къ Порціонкюлю; было такъ холодно, что они дрожали отъ стужи. Францискъ позвалъ Льва, который шелъ впереди, и сказалъ ему: «О, братъ Левъ, дай Богъ, чтобы наши братья подавали по всей землѣ примѣръ святой жизни; запиши однако, что не въ этомъ радость совершенная».

Пройдя немного далѣе, Францискъ опять позвалъ Льва и сказалъ:

«И запиши еще, братъ Левъ, что если наши братья будутъ исцѣлять больныхъ, изгонять бѣсовъ, будутъ дѣлать слѣ-

пыхъ зрячими или будутъ воскрешать четырехдневно умершихъ, — запиши, что и въ этомъ не будетъ радости совершенной».

Пройдя еще далѣе, Францискъ опять позвалъ Льва и сказалъ: «И еще запиши, братъ Левъ, овечка Божія, что если бы мы научились говорить на языкахъ ангельскихъ, если бы узнали теченіе звѣздъ, и если бы намъ открылись всѣ клады земли, и мы познали бы всѣ тайны жизни птицъ, рыбъ, всѣхъ животныхъ, людей, деревьевъ, камней и водъ, — запиши, что и это не было бы радостью совершенной».

И, пройдя еще немного, Францискъ опять позвалъ брата Льва и сказалъ ему: «Запиши еще, что если бы мы были такими проповѣдниками, что обратили бы всѣхъ язычниковъ въ вѣру Христа, — запиши, что и въ этомъ не было бы радости совершенной».

Тогда братъ Левъ сказалъ Франциску: «Въ чемъ же, братъ Францискъ, радость совершенная?»

И Францискъ отвѣчалъ: «А вотъ въ чемъ. Въ томъ, что если когда мы придемъ въ Порціонкюль грязные, мокрые, окоченѣлые отъ холода и голодные и попросимся пустить насъ, а привратникъ скажетъ намъ: «Что вы, бродяги, шатаетесь по свѣту, соблазняете народъ, крадете милостыню бѣдныхъ людей, — убирайтесь отсюда!» и не отворитъ намъ. И если мы тогда не обидимся и со смиреніемъ и любовью подумаемъ, что привратникъ правъ, и мокрые, холодные и голодные пробудемъ въ снѣгу и въ водѣ до утра безъ ропота на привратника, — тогда, братъ Левъ, только тогда будетъ радость совершенная».

XII.

Гордость.

Бываетъ трудно освободиться отъ грѣховъ, главное, оттого, что соблазны поддерживаютъ ихъ. Таковъ соблазнъ гордости.

I.

Безсмысленность и глупость гордости.

1.

Гордые люди такъ заняты тѣмъ, чтобы поучать другихъ, что имъ некогда подумать о себѣ, да и незачѣмъ: они и такъ хороши. И потому, чѣмъ больше они поучаютъ другихъ, тѣмъ все ниже и ниже сами падаютъ.

2.

Какъ человѣкъ не можетъ самъ поднять себя, такъ не можетъ человѣкъ самъ возвеличить себя.

3.

Гордость тѣмъ гадка, что люди гордятся тѣмъ, чего надо стыдиться: богатствомъ, славой, почестями.

4.

Если вы сильнѣе, богаче, ученѣе другихъ, то старайтесь служить людямъ тѣмъ, что у васъ есть лишняго противъ другихъ. Если вы сильнѣе, помогайте слабымъ; если умнѣе, помогайте неумнымъ; если учены—неученымъ; если богаты—бѣднымъ. Но не такъ думаютъ гордые люди. Они думаютъ, что если у нихъ есть то, чего нѣтъ у другихъ, то имъ надо не дѣлиться этимъ съ людьми, а только величаться передъ ними.

5.

Нехорошо, когда человѣкъ, вмѣсто того, чтобы любить братьевъ, сердится на нихъ. Но еще хуже, когда человѣкъ увѣряетъ самъ себя, что самъ онъ не такой человѣкъ, какъ всѣ, а лучше другихъ людей, и потому можетъ обходиться съ другими не такъ, какъ хотѣлъ бы, чтобы обходились съ нимъ.

6.

Глупо, когда люди гордятся своимъ лицомъ, своимъ тѣломъ; еще глупѣе то, когда люди гордятся своими родителями, предками, своими пріятелями, своимъ сословіемъ, своимъ народомъ.

Большая часть зла на свѣтѣ отъ этой глупой гордости. Отъ нея и ссоры людей съ людьми и семей съ семьями, и войны народовъ съ народами.

7.

Считать себя умнѣе, добрѣе, лучше другихъ людей никто не можетъ уже по одному тому, что никто не можетъ знать цѣны ни своего ума, ни своихъ добродѣтелей, а еще меньше можетъ знать настоящую цѣну ума и добродѣтелей другихъ людей.

8.

Гордые люди считают однихъ себя лучше другихъ людей. Другіе же гордые люди считают не себя, а своихъ друзей.

мыми лучшими людьми. Но гордые люди не смущаются этимъ и вполне увѣрены, что всѣ тѣ, кто считаетъ себя выше ихъ, ошибаются и что правы только они.

9.

Смѣшно видѣть двухъ гордыхъ людей, когда они сходятся и каждый изъ нихъ считаетъ себя выше всѣхъ людей на свѣтѣ. Со стороны это смѣшно, а самимъ этимъ двумъ гордецамъ не смѣшно: они ненавидятъ другъ друга и мучаются отъ этого.

10.

Глупость можетъ быть и безъ гордости, но гордость не можетъ быть безъ глупости.

11.

Почитесь отъ водъ въ глубинахъ морей и въ горныхъ ущельяхъ: шумно бѣгутъ ручейки, но безбрежное море безмолвно, едва колыхается.

Буддійскія Сутты.

12.

Чѣмъ легче и менѣе плотно вещество, тѣмъ болѣе оно занимаетъ мѣста. Такъ же и гордость.

13.

Плохое колесо громче визжитъ, пустой колосъ выше стоитъ. Такъ же и плохой, пустой человѣкъ.

14.

Чѣмъ больше человѣкъ доволенъ собой, тѣмъ меньше въ немъ того, чѣмъ можно быть довольнымъ.

15.

Гордый человѣкъ точно обрастаетъ ледяной корой. Сквозь кору эту нѣтъ хода никакому доброму чувству.

16.

Легче просвѣтить самаго глупаго человѣка, чѣмъ человѣка гордаго.

17.

Если бы только гордые люди могли знать то, что о нихъ думаютъ тѣ люди, которые пользуются ихъ гордостью для своихъ выгодъ, то они перестали бы гордиться.

18.

Чѣмъ гордѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе тѣ, которые пользуются имъ, считаютъ его глупымъ, и не ошибаются, потому что самымъ явнымъ образомъ обманываютъ его, и онъ не видитъ это. Гордость непремѣнно глупость.

. II.

Народная гордость.

1.

Считать себя самого лучше всѣхъ—дурно и глупо. Это мы всѣ знаемъ. Считать свою семью лучше всѣхъ другихъ—это еще хуже и глупѣе, но мы часто не только не знаемъ этого, но видимъ въ этомъ особенное достоинство. Считать свой народъ лучше всѣхъ другихъ—уже глупѣе всего, что только можетъ быть. Но этого не только не считаютъ дурнымъ, но считаютъ великой добродѣтелью.

2.

Въ любви къ себѣ одному уже есть начало гордости. Гордость это несдерживаемое себялюбіе.

3.

Люди враждуютъ другъ съ другомъ и знаютъ, что это не хорошо. И вотъ, чтобы обмануть себя и заглушить въ себѣ совѣсть, придумываютъ оправданія своей враждебности. Одно изъ такихъ оправданій это то, что я лучше другихъ людей, а они не понимаютъ этого, и вотъ отъ этого я не могу сходиться съ ними; другое оправданіе это то, что моя семья лучше другихъ семей; третье—что мое сословіе лучше другихъ сословій четвертое—что мой народъ лучше другихъ народовъ.

Ничто такъ не разъединяетъ людей, какъ гордость, и личная, и семейная, и сословная, и народная.

4.

Гордымъ людямъ мало считать каждому самого себя лучше всѣхъ людей, они даже и свой народъ: нѣмецъ нѣмца, русскій русскаго, полякъ поляка, еврей еврея, считаютъ лучше всѣхъ народовъ. И какъ ни вредна гордость отдѣльныхъ людей, эта гордость народная еще во много разъ вреднѣе. Отъ нея гибли и гибнуть милліоны и милліоны людей.

III.

Превознесеніе себя однимъ человѣкомъ надъ другимъ не имѣетъ разумнаго основанія, потому что во всѣхъ людяхъ живетъ одинъ и тотъ же Духъ Божій.

1.

Человѣкъ считаетъ себя лучше другихъ людей только тогда, когда онъ живетъ тѣлесной жизнью. Тѣло одно можетъ быть сильнѣе, больше, лучше другого, но если человѣкъ живетъ духовной жизнью, то ему нельзя считать себя лучше другихъ, потому что душа одна и та же у всѣхъ.

2.

Называютъ людей: кого ваше превосходительство, ваше сіятельство, ваше благородіе, милостивый государь, батюшка, сударь, а одно только названіе ко всѣмъ подходитъ и никому не обидно. Названіе это: братъ, сестра.

Названіе это тѣмъ еще хорошо, что оно напоминаетъ намъ про Того Отца, по которому мы всѣ братья и сестры.

3.

Люди считаютъ однихъ людей выше, другихъ ниже себя. Стоитъ только вспомнить о томъ, что одинъ и тотъ же Духъ живетъ во всѣхъ людяхъ, чтобы увидать, какъ это несправедливо.

4.

Человѣкъ правъ, если онъ вѣритъ тому, что нѣтъ на свѣтѣ ни одного человѣка выше его; но онъ очень ошибается, если думаетъ, что есть на свѣтѣ хоть одинъ человѣкъ ниже его.

5.

Хорошо, когда человѣкъ уважаетъ самъ себя за то, что въ немъ живетъ Духъ Божій; но бѣда, когда человѣкъ гордится тѣмъ, что въ немъ человѣческое: своимъ умомъ, ученостью, знатностью, богатствомъ, своими добрыми дѣлами.

6.

Человѣкъ хорошъ, когда онъ высоко держитъ свое духовное божественное я; но когда онъ хочетъ поднять надъ людьми свое животное, тщеславное, честолюбивое, исключительное я, тогда онъ ужасенъ.

7.

Если человѣкъ гордится внѣшними отличіями, то онъ показываетъ этимъ только то, что онъ не понимаетъ того своего

внутренняго достоинства, въ сравненіи съ которымъ всѣ внѣшнія отличія то же, что свѣчи при свѣтѣ солнца.

8.

Нельзя превозноситься одному человѣку передъ другими. Нельзя потому, что самое драгоцѣнное въ человѣкѣ это душа, а цѣну человѣческой души никто не знаетъ, кромѣ Бога.

9.

Гордость совсѣмъ не то, что сознаніе человѣческаго достоинства. Гордость увеличивается отъ ложныхъ почестей и ложной похвалы людской; сознаніе же достоинства увеличивается, напротивъ, отъ ложнаго униженія и осужденія.

IV.

Послѣдствія соблазна гордости.

1.

Гордость защищаетъ не только сама себя, но и всѣ другіе грѣхи человѣка. Возвеличивая себя, человѣкъ уже не видитъ свой грѣхъ, и грѣхи его срастаются съ нимъ.

2.

Какъ бурьянъ, когда вырастаетъ въ пшеницѣ, вытягиваетъ влагу, соки изъ земли и заслоняетъ пшеницу отъ солнца, такъ же и гордость забираетъ въ себя всѣ силы человѣка и заслоняетъ отъ него свѣтъ истины.

3.

Сознаніе грѣха часто для человѣка полезнѣе, чѣмъ доброе дѣло: сознаніе грѣха смиряетъ человѣка, доброе же дѣло часто раздуваетъ его гордость.

Бакстеръ.

4.

Много есть наказаній гордому человѣку, но главное и самое тяжелое наказаніе то, что, какія бы ни были у него достоинства и какъ бы онъ объ этомъ ни старался, люди не любятъ его.

5.

Только-что порадовался на себя: какой, молъ, я хорошій,—такъ и готовъ, въ ямъ.

6.

Если человѣкъ гордъ, то онъ выдѣляетъ себя отъ другихъ людей и этимъ лишаетъ себя лучшей радости жизни—свободнаго и радостнаго общенія со всѣми людьми.

7.

Гордый человѣкъ боится всякаго осужденія. А боится онъ потому, что чувствуетъ, что величіе его не твердо, что оно держится только до тѣхъ поръ, пока не сдѣлана хоть маленькая дырка въ томъ пузырьѣ, которымъ онъ надутъ.

8.

Еще понятна могла бы быть гордость, если бы она нравилась людямъ и привлекала ихъ къ себѣ. А то нѣтъ свойства болѣе отталкивающаго, какъ гордость.

И люди все-таки продолжаютъ гордиться.

9.

Самоувѣренность сначала озадачиваетъ людей. И въ первое время люди приписываютъ самоувѣренному человѣку то самое значеніе, которое онъ самъ себѣ приписываетъ. Но озадаченіе это проходитъ скоро. И люди очень скоро разочаровываются и за испытанный ими обманъ оплачиваютъ презрѣніемъ.

10.

Человѣкъ знаетъ, что живетъ дурно, но, вмѣсто того, чтобы переимѣнить свою жизнь къ лучшему, онъ старается увѣрить себя, что онъ не такой человѣкъ, какъ всѣ, а выше другихъ, и что поэтому ему надо жить именно такъ, какъ онъ живетъ. Отъ этого и бываетъ то, что если люди живутъ дурно, они бываютъ и горды.

V.

Борьба съ соблазномъ гордости.

1.

Много меньше бы было зла на свѣтѣ, если бы не было гордости. Какъ же избавиться отъ этой причины зла? Для того, чтобы избавиться отъ нея, есть только одно средство — работа каждаго надъ самимъ собой. Соблазны гордости уничтожатся только тогда, когда мы сами уничтожимъ въ самихъ себѣ этотъ глубокій корень зла. Пока онъ живъ въ нашемъ сердцѣ, какъ можемъ мы надѣяться на то, что онъ умретъ въ сердцахъ другихъ людей? И потому одно, что мы можемъ дѣлать и для своего блага, и для блага всѣхъ людей, это то, чтобы уничтожить въ себѣ этотъ источникъ зла, отъ котораго страдаютъ люди. Никакое улучшеніе невозможно, пока каждый не начнетъ это улучшеніе съ самого себя. По Ламенъ.

2.

Очень трудно уничтожить гордость людскую: только заштопавъ одну дыру, не успѣвъ оглянуться, она снова выглядываетъ изъ другой, а заткнешь эту, она торчитъ изъ третьей, и т. д.

Лихтенбергъ.

3.

Грѣхъ гордости можетъ быть уничтоженъ только признаніемъ единства духа, живущаго во всѣхъ людяхъ. Понявши

это, человекъ не можетъ уже считать ни себя, ни своихъ близкихъ, ни свой народъ выше и лучше другихъ людей.

4.

Только тогда легко жить съ человекомъ, когда не считаешь ни себя выше, лучше его, ни его выше и лучше себя.

5.

Главное дѣло жизни въ улучшеніи своей души. Гордый же человекъ считаетъ себя всегда вполне хорошимъ. Отъ этого-то гордость особенно вредна. Она мѣшаетъ человеку въ главномъ дѣлѣ жизни людей, въ томъ, чтобы становиться лучше.

6.

Жизнь для души тѣмъ отличается отъ жизни мірской, что тотъ, кто живетъ для души, не можетъ быть доволенъ собой, что бы онъ ни сдѣлалъ хорошаго; онъ считаетъ, что сдѣлалъ только то, что нужно, и то далеко не все, и потому можетъ только укорять себя, а никакъ не гордиться, не быть довольнымъ собою.

7.

«Большій изъ васъ да будетъ вамъ слуга: ибо кто возвышаетъ себя, тотъ униженъ будетъ; а кто унижаетъ себя, тотъ возвысится» (Мѡ. XXIII, 11—12).

Униженъ будетъ тотъ, кто возвышаетъ себя въ мнѣніи людей, потому что кого считаютъ хорошимъ, умнымъ, добрымъ, тотъ не будетъ уже стараться быть лучше, умнѣе, добрѣе.

Тотъ же, кто унижаетъ себя, тотъ возвысится, потому что тотъ, кто считаетъ себя плохимъ, будетъ стараться быть лучше, добрѣе, разумнѣе.

Гордые люди дѣлаютъ то же, что дѣлали бы пѣшеходы, если бы вмѣсто того, чтобы идти ногами, взлѣзли на ходули. На ходуляхъ и выше, и грязь не достаетъ, и шаги больше,

да горе въ томъ, что на ходуляхъ далеко не уйдешь, да еще, того гляди, свалишься въ грязь и людей насмѣшишь и отъ людей отстанешь.

То же бываетъ съ гордецами. Они и далеко отстаютъ отъ тѣхъ, кто не поднимаетъ себя выше своего роста, и, кромѣ того, часто сваливаются съ своихъ ходуль и становятся посмѣшищемъ людей.

XIII.

Неравенство.

Основа жизни человѣка есть живущій въ немъ Духъ Божій,—одинъ и тотъ же во всѣхъ людяхъ. И потому люди не могутъ не быть всѣ равны между собою.

I.

Сущность соблазна неравенства.

1.

Въ старину люди вѣрили въ то, что люди рождаются разной породы, черной и бѣлой кости, Іафетова и Хамова отродья, и что одни люди должны быть господами, а другіе рабами. Люди признавали такое дѣленіе людей на господъ и рабовъ, потому что вѣрили, что такое дѣленіе установлено Богомъ. Грубое и губительное суевѣріе это, хотя и въ другомъ видѣ, признается и до сихъ поръ.

2.

Стоить взглянуть на жизнь христіанскихъ народовъ, раздѣленныхъ на людей, проводящихъ всю жизнь въ одуряющемъ, убивающемъ, ненужномъ имъ трудѣ, и другихъ, пресыщен-

ныхъ праздностью и всякаго рода наслажденіями, чтобы быть пораженнымъ той ужасной степенью неравенства, до которой дошли люди, исповѣдующіе законъ христіанства, и въ особенности той ложью проповѣди равенства при устройствѣ жизни, ужасающей самымъ жестокимъ и очевиднымъ неравенствомъ.

3.

Одна изъ самыхъ древнихъ, самыхъ глубокихъ по мысли вѣръ была вѣра индусовъ. Причиной того, что она не стала вѣрой всемірной и не дала для жизни людей тѣхъ плодовъ, какіе она могла дать, было то, что учителя ея признали людей неравными и раздѣлили ихъ на касты. Для людей, признающихъ себя неравными, не можетъ быть истинной вѣры.

4.

Можно бы было понять то, что люди считаютъ себя неравными потому, что одинъ сильнѣе, больше тѣломъ, чѣмъ другой, или умнѣе, или бойчѣе, или больше знаетъ, или добрѣе, чѣмъ другой. Но обыкновенно не по этому раздѣляютъ людей и считаютъ однихъ людей выше, а другихъ ниже. Неравными считаютъ людей потому, что одинъ называется графомъ, а другой мужикомъ, одинъ въ дорогой одеждѣ, а другой въ лаптяхъ.

5.

Люди нашего времени понимаютъ уже, что неравенство людей есть суевѣріе, и въ душѣ осуждаютъ его. Но они, тѣ, кому оно выгодно, не рѣшаются разстаться съ нимъ; тѣ же, кому оно не выгодно, не знаютъ, какъ уничтожить его.

6.

Люди привыкли въ мысляхъ своихъ дѣлить людей на знатныхъ и незнатныхъ, благородныхъ и подлыхъ, образованныхъ и необразованныхъ, и такъ привыкли къ такому дѣленію людей,

что въ самомъ дѣлѣ думаютъ, что одни люди могутъ быть лучше другихъ людей, что однихъ можно больше уважать, чѣмъ другихъ, только потому, что одни люди причислены людьми же къ одному разряду, а другіе къ другому.

7.

Уже одинъ принятый богатыми людьми обычай говорить однимъ людямъ ты, другимъ вы, однимъ подавать, другимъ не подавать руку, однихъ звать въ гостиную, другихъ принимать въ передней, показываетъ, какъ далеки люди отъ признанія равенства людей.

8.

Не будь суевѣрія неравенства, люди никогда не могли бы дѣлать всѣхъ тѣхъ злодѣяній, которыя они дѣлали и теперь не переставая дѣлаютъ только оттого, что не признаютъ всѣхъ людей равными.

II.

Оправданія неравенства.

1.

Ничто не даетъ такой увѣренности для совершенія дурныхъ поступковъ, какъ товарищество, то-есть то, чтобы, выдѣлившись отъ всѣхъ остальныхъ, соединяться только между собою нѣсколькимъ людямъ.

2.

Въ неравенствѣ людей виноваты столько же тѣ, которые величаютъ себя передъ другими, сколько и тѣ, которые признаютъ себя низшими передъ тѣми, кто величаетъ себя.

3.

Мы удивляемся на то, какъ то, что теперь называется христіанствомъ, далеко отъ того, что проповѣдывалъ Іисусъ, и

какъ жизнь наша далека отъ христіанства. А между тѣмъ, развѣ это могло быть иначе съ ученіемъ, которое, среди людей, вѣровавшихъ въ то, что Богъ раздѣлилъ людей на господъ и рабовъ, на вѣрныхъ и невѣрныхъ, на богатыхъ и бѣдныхъ, учило людей истинному равенству, тому, что всѣ люди сыны Бога, что всѣ—братья, что жизнь всѣхъ одинаково священна. Людямъ, принявшимъ ученіе Христа, оставалось одно изъ двухъ: или измѣнить весь прежній порядокъ жизни, или извратить ученіе. Они избрали послѣднее.

III.

Всѣ люди — братья.

1.

Глупо, когда одинъ человѣкъ считаетъ себя лучше другихъ людей; но еще глупѣе, когда цѣлый народъ считаетъ себя лучше другихъ народовъ. А каждый народъ, большинство каждаго народа, живетъ въ этомъ ужасномъ, глупомъ и зловредномъ суевѣріи.

2.

Хорошо было еврею, греку, римлянину не только отстаивать независимость своего народа убійствомъ, но и убійствомъ же подчинять себѣ другіе народы, когда онъ твердо вѣрилъ тому, что его народъ одинъ настоящій, хорошій, добрый, любимый Богомъ народъ, а всѣ остальные — филистимляне, варвары. Могли вѣрить еще въ это и люди средневѣковые, могли вѣрить недавно, еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Но мы уже не можемъ вѣрить этому.

3.

Человѣкъ, понимающій смыслъ и назначеніе жизни, не можетъ не чувствовать свое равенство и братство съ людьми не одного своего, но и всѣхъ народовъ.

4.

Всякій человѣкъ, прежде чѣмъ быть австрійцемъ, сербомъ, туркомъ, китаецемъ, — *человѣкъ*, то-есть разумное, любящее существо, призваніе котораго только въ одномъ: въ исполненіи своего человѣческаго назначенія въ тотъ короткій срокъ, который предназначено ему прожить въ этомъ мірѣ. А назначеніе это одно и очень опредѣленное: любить *всѣхъ* людей.

5.

Ребенокъ встрѣчаетъ другого ребенка, какого бы онъ ни былъ сословія, вѣры и народности, одинаково доброжелательной, выражающей радость, улыбкой. Взрослый же человѣкъ, который долженъ бы быть разумнѣе ребенка, прежде чѣмъ сойтись съ человѣкомъ, уже соображаетъ, какого сословія, вѣры, народа тотъ человѣкъ, и, смотря по сословію, вѣрѣ, народности, такъ или иначе обходится съ нимъ. Не даромъ говорилъ Христосъ: будьте какъ дѣти.

6.

Христосъ открылъ людямъ то, что раздѣленіе между своими и чужими народами есть обманъ и зло. И, познавъ это, христіанинъ уже не можетъ имѣть чувство недоброжелательства къ чужимъ народамъ, не можетъ оправдывать, какъ онъ прежде дѣлалъ, жестокіе поступки противъ чужихъ народовъ тѣмъ, что другіе народы хуже его народа. Христіанинъ не можетъ не знать того, что раздѣленіе его съ другими народами есть зло, что раздѣленіе это соблазнъ, и потому не можетъ уже, какъ онъ дѣлалъ это прежде, сознательно служить этому соблазну.

Христіанинъ не можетъ не знать, что благо его связано съ благомъ людей не одного его народа, а съ благомъ всѣхъ людей міра; онъ знаетъ, что единство его со всѣми людьми міра не можетъ быть нарушено чертою границы и распоряженіями о принадлежности его къ такому или другому народу. Онъ знаетъ, что всѣ люди вездѣ братья и потому всѣ равны.

IV.

Всѣ люди равны.

1.

Равенство, это—признаніе за всѣми людьми міра одинаковыхъ правъ на пользованіе естественными благами міра, одинаковыхъ нравъ на блага, происходящія отъ общей жизни, и одинаковыхъ правъ на уваженіе личности человѣка.

2.

Законъ равенства людей заключаетъ въ себѣ всѣ нравственные законы; это—точка, которой эти законы не могутъ достигъ, но къ которой всѣ они приближаются.

Э. Карпентеръ.

3.

Настоящее «я» человѣка духовно. И это «я» одно во всѣхъ. Такъ какъ же могутъ быть неравны между собою люди?

4.

«И пришли разъ къ Іисусу Христу мать и братья Его и не могли никакъ свидѣться, потому что много было народу около Іисуса. И одинъ человѣкъ увидалъ ихъ, подошелъ къ Іисусу и говорить: Твои семейные, Мать и братья, стоятъ наружи, хотятъ съ Тобой повидаться.

«И Іисусъ сказалъ: Мать Моя и братья Мои — тѣ, кто понялъ волю Отца и исполняетъ ее».

Слова Іисуса значатъ то, что для разумнаго человѣка, понимающаго свое назначеніе, не можетъ быть различія между людьми и какого-либо преимущества однихъ передъ другими.

5.

Сыновья Заведеевы хотятъ быть такими же, какъ и Іисусъ Христосъ, такими же мудрыми. Онъ говоритъ имъ: зачѣмъ

вамъ это? Жить и переродиться духомъ вы можете такъ же, какъ и Я; стало-быть, вамъ нужно быть такими же, какъ Я, для того, чтобы быть важнѣе, больше другихъ. По Моему ученію, нѣтъ большаго и малаго, важнаго и неважнаго. Правителямъ, чтобы управлять народами, тѣмъ нужно быть больше и важнѣе другихъ, а вамъ этого не нужно, потому что, по Моему ученію, лучше человѣку быть меньше, чѣмъ больше другихъ. По Моему ученію, кто меньше, тотъ больше. По Моему ученію, надо быть слугою всѣхъ.

6.

Никто, какъ дѣти, не осуществляетъ въ жизни истинное равенство. И какъ преступны взрослые, нарушая въ дѣтяхъ это святое чувство, научая ихъ тому, что есть знатные люди, богачи, знаменитости, къ которымъ должно относиться съ уваженіемъ, и есть слуги, рабочіе, нищіе, къ которымъ должно относиться только съ снисхожденіемъ! «И кто соблазнить единаго изъ малыхъ сихъ...»

7.

Мы оттого бываемъ недовольны жизнью, что ищемъ блага не тамъ, гдѣ оно дано намъ.

Въ этомъ причина всѣхъ соблазновъ.

Намъ дано ни съ чѣмъ не сравнимое благо жизни со всѣми радостями. И мы говоримъ: мало радостей. Намъ даютъ величайшія радости жизни — общеніе съ людьми міра, а мы говоримъ: я хочу отдѣльнаго блага своего, своей семьи, своего народа.

8.

Какъ бы ни былъ въ наше время человѣкъ образованъ, ученъ, будь онъ самый образованный, будь онъ простой рабочій, будь онъ философъ, ученый, будь онъ невѣжда, будь онъ богачъ, будь онъ нищій, — всякій человѣкъ нашего времени знаетъ, что люди всѣ имѣютъ одинаковыя права на жизнь

и блага міра, что одни люди не лучше и не хуже другихъ, что всѣ люди равны. А между тѣмъ всякій живетъ такъ, какъ будто не знаетъ этого. Такъ сильно еще между людьми заблужденіе о неравенствѣ людей.

V.

Почему всѣ люди равны.

1.

Какіе бы ни были сами люди и какіе бы ни были ихъ отцы и дѣды, всѣ люди такъ же равны, какъ двѣ капли воды, потому что во всѣхъ живетъ одинъ и тотъ же Духъ Божій.

2.

Только тотъ, кто не знаетъ того, что въ немъ живетъ Богъ, можетъ считать однихъ людей болѣе важными, чѣмъ другихъ.

3.

Когда человѣкъ однихъ людей любитъ больше, чѣмъ другихъ, онъ любитъ любовью человѣческой. Для любви Божеской всѣ люди равны.

4.

То особенное одно и то же чувство умиленія, которое мы испытываемъ при видѣ только-что рожденнаго и только-что умершаго человѣческаго существа, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, показываетъ намъ наше врожденное сознаніе равенства всѣхъ людей.

5.

«Будь остороженъ, когда хочешь въ человѣкѣ бить по дьяволу, — какъ бы не задѣть въ немъ Бога». Это значитъ то, что, осуждая человѣка, не забывай того, что въ немъ Духъ Божій.

6.

То, чтобы считать всѣхъ людей равными себѣ, не значить того, чтобы ты былъ такъ же силенъ, ловокъ, уменъ, ученъ, добръ, какъ другіе, но значить то, что въ тебѣ есть то, что важнѣе всего на свѣтѣ и что есть одно и то же во всѣхъ людяхъ—Духъ Божій.

7.

Сказать, что люди не равны, все равно, что сказать, что огонь въ печи, на пожарѣ, въ свѣчѣ не равны между собой. Въ каждомъ человѣкѣ живетъ Духъ Божій. Какъ же мы можемъ дѣлать различіе съ носителями одного и того же Духа Божія?

Одинъ огонь разгорѣлся, другой только разгорается, но огонь одинъ, и ко всякому огню мы относимся одинаково.

VI.

Признаніе равенства всѣхъ людей возможно, и человѣчество приближается къ этому признанію.

1.

Люди заботятся о томъ, чтобы установить равенство передъ своимъ закономъ, а не хотятъ знать о томъ равенствѣ, которое установлено вѣчнымъ закономъ и которое они нарушаютъ своимъ закономъ.

2.

Не должны ли мы стремиться къ такому устройству жизни, при которомъ возвышеніе по ступенямъ общественной лѣстницы будетъ не плѣнять, а страшить людей, потому что такое возвышеніе лишаетъ одного изъ главныхъ благъ жизни—одинаковаго отношенія ко всѣмъ людямъ. По Дж. Рёскину.

3.

Говорять, равенство невозможно. Надо сказать напротивъ: неравенство невозможно среди христіанъ.

Нельзя сдѣлать высокаго человѣка равнымъ съ малорослымъ, и сильнаго съ слабымъ, и быстроумнаго съ тупоумнымъ, и горячаго съ холоднымъ, но можно и должно одинаково уважать и любить и малаго, и большого, и сильнаго, и слабого, и умнаго, и глупаго.

4.

Говорять, всегда будутъ одни люди сильнѣе, другіе слабѣе, одни умнѣе, другіе глупѣе. Именно поэтому-то, потому, что одни люди сильнѣе, умнѣе другихъ, говорить Лихтенбергъ, особенно-то и нужно равенство правъ людей. Если бы, кромѣ неравенства ума и силы, было еще неравенство правъ, то угнетеніе слабыхъ сильными было бы еще больше.

5.

Не вѣрь тому, что равенство невозможно или что оно можетъ быть только въ далекомъ будущемъ. Учись у дѣтей. Оно сейчасъ можетъ быть для cadaго человѣка. Ты самъ въ своей жизни можешь установить равенство со всѣми людьми, съ которыми сходишься. Только не оказывай особеннаго уваженія тѣмъ, которые себя считаютъ великими и высокими, а, главное, оказывай такое же, какъ ко всѣмъ, уваженіе тѣмъ, которыхъ считаютъ маленькими и низкими.

VII.

Всѣ люди равны для человѣка, живущаго духовной жизнью.

1.

Считать людей однихъ выше, другихъ ниже, неравными между собою, могутъ только люди, живущіе одной тѣлесной

жизнью. Если человекъ живетъ духовной жизнью, для него не можетъ быть неравенства.

2.

Христосъ открылъ людямъ то, что они всегда знали, то, что всѣ люди равны между собой, равны потому, что одинъ и тотъ же духъ живетъ во всѣхъ нихъ. Но люди съ давнихъ временъ такъ раздѣлились между собою на вельможъ, богачей, и рабочихъ, и нищихъ, что хотя и знаютъ, что они всѣ равны, они все-таки живутъ такъ, какъ будто не знаютъ этого, и говорятъ, что нельзя всѣмъ быть равными. Не вѣрь этому. Учись у дѣтей. Ребенокъ уважаетъ самаго важнаго въ странѣ человека столько же, сколько и простаго человека. Дѣлай такъ же, какъ онъ. Сходись со всѣми людьми съ любовью и лаской, и со всѣми одинаково. Если люди возвышаютъ себя, не уважай ихъ больше другихъ. Если же люди унижаютъ, то этихъ-то унижаемыхъ особенно старайся уважать, какъ равныхъ всѣмъ другимъ людямъ. Помни, что во всѣхъ одинаково живетъ Духъ Божій, выше котораго мы ничего не знаемъ.

3.

Для христіанина любовь такое чувство, которое желаетъ блага всѣмъ людямъ. Для многихъ людей слово «любовь» означаетъ чувство совсѣмъ противное этому. Любовь очень часто въ представленіи такихъ людей, признающихъ жизнь въ животной личности, есть то самое чувство, вслѣдствіе котораго для блага своего ребенка мать отнимаетъ, посредствомъ найма кормилицы, у другого ребенка молоко его матери; то чувство, по которому отецъ отнимаетъ послѣдній кусокъ у голодающихъ людей, чтобы обезпечить своихъ дѣтей; то чувство, по которому любящій женщину страдаетъ отъ этой любви и заставляетъ ее страдать, соблазняя ее, или изъ ревности губить себя и ее; то чувство, по которому люди одного, любимаго ими, товарищества наносятъ вредъ чуждымъ или враждебнымъ его товариществу людямъ; то чувство, по кото-

рому человекъ мучить самъ себя надъ «любимымъ» занятіемъ и этимъ же занятіемъ причиняетъ горе и страданія окружающимъ его людямъ; то чувство, по которому люди, не стерпѣвъ оскорбленія странѣ, въ которой живутъ, устилаютъ поля убитыми и ранеными, своими и чужими. Чувства эти не любовь, потому что тѣ люди, которые испытываютъ ихъ, не признаютъ всѣхъ людей равными. А безъ признанія равенства людей не можетъ быть и истинной любви къ людямъ.

4.

Нельзя соединить неравенство съ любовью. Любовь только тогда любовь, когда она, какъ лучи солнца, падаетъ одинаково на все, что подпадаетъ подъ лучи ея. Когда же она можетъ обращаться на одно, а исключать другое, то это показываетъ только то, что это уже не любовь, а нѣчто только похожее на нее.

5.

Трудно любить одинаково всѣхъ людей, но отъ того, что это трудно, нельзя говорить, что этого не надо добиваться. Все хорошее трудно.

6.

Чѣмъ болѣе неравны люди по своимъ качествамъ, тѣмъ нужнѣе стараться одинаково относиться къ нимъ.

7.

Въ тебѣ, во мнѣ, во всякомъ другомъ пребываетъ Богъ жизни. Напрасно ты сердиться на меня, не переносишь моего приближенія: знай, что мы всѣ равны.

Индійская Махмудъ Гаша.

XIV.

Насиліе.

Одна изъ главныхъ причинъ бѣдствій людей—это ложное представленіе о томъ, что одни люди могутъ насиліемъ улучшать, устраивать жизнь другихъ людей.

I.

Насиліе человѣка надъ человѣкомъ.

1.

Заблужденіе о томъ, что одни люди могутъ насиліемъ устраивать жизнь себѣ подобныхъ людей, произошло не оттого, что кто-нибудь придумалъ этотъ обманъ, а оттого, что люди, отдаваясь своимъ страстямъ, начали насиловать людей и потомъ старались придумать оправданіе своему насилію.

2.

Люди видятъ, что въ ихъ жизни что-то нехорошо и что что-то надо улучшить. Улучшать же человѣкъ можетъ только одно, что въ его власти,—самого себя. Но для того, чтобы улучшить самого себя, надо прежде всего признать, что я не хорошъ, а этого не хочется. И вотъ все вниманіе обращается

не на то, что всегда въ твоей власти,—не на себя, а на тѣ виѣшнія условія, которыя не въ нашей власти и измѣненіе которыхъ такъ же мало можетъ улучшить положеніе людей, какъ взбалтываніе вина и переливаніе его въ другой сосудъ не можетъ измѣнить его качества. И начинается, во-первыхъ, праздная, а во-вторыхъ, вредная, гордая (мы исправляемъ другихъ людей) и злая (можно убить людей, мѣшающихъ общему благу), развращающая дѣятельность.

3.

Думаютъ насиліемъ заставить людей жить доброй жизнью. А сами первые этимъ самымъ насиліемъ показываютъ людямъ примѣръ дурной жизни. Люди въ грязи, и вмѣсто того, чтобы самими выбираться изъ нея, учатъ людей, какъ имъ не загрязниться.

4.

Заблужденіе о возможности устройства среди людей порядковъ насиліемъ тѣмъ особенно вредно, что оно переходитъ изъ рода въ родъ. Люди, выросшіе въ насильническомъ устройствѣ, уже не спрашиваютъ себя, нужно ли, хорошо ли принуждать людей силою, и твердо вѣрятъ, что безъ насилія нельзя жить людямъ.

5.

Устраивать жизнь другихъ людей легко оттого, что если и плохо устроишь ее, будетъ худо не тебѣ, а имъ.

6.

Думаютъ, что устраивать жизнь другихъ людей можно только насиліемъ, а насиліе не устраиваетъ, а разстраиваетъ жизнь людей.

7.

Только тотъ, кто не вѣритъ въ Бога, можетъ вѣрить въ то, что такіе же люди, какъ и онъ самъ, могутъ устроить его жизнь такъ, чтобы она была лучше.

8.

Заблужденіе о томъ, что есть люди, которые могутъ устраивать жизнь другихъ людей, тѣмъ ужасно, что при этой вѣрѣ люди цѣнятся тѣмъ выше, чѣмъ они безнравственнѣе.

9.

Существующій порядокъ держится не насиліемъ, а общественнымъ мнѣніемъ; общественное же мнѣніе нарушается насиліемъ. И потому дѣятельность насилія ослабляетъ, нарушаетъ то самое, что оно хочетъ поддерживать.

10.

Когда люди говорятъ, что всѣмъ надо жить мирно, никого не обижать, а сами не миромъ, а силою заставляютъ людей жить по своей волѣ, то они какъ будто говорятъ: дѣлайте то, что мы говоримъ, а не то, что мы дѣлаемъ. Можно бояться такихъ людей, но нельзя имъ вѣрить.

11.

До тѣхъ поръ, пока люди будутъ неспособны устоять противъ соблазновъ страха, одурѣнія, корысти, честолюбія, тщеславія, которые поработаютъ однихъ и развращаютъ другихъ, они всегда сложатся въ общество насилующихъ, обманывающихъ и насилуемыхъ и обманываемыхъ. Для того, чтобы этого не было, каждому человѣку надо сдѣлать нравственное усиліе надъ самимъ собой. Люди сознаютъ это въ глубинѣ души, но имъ хочется какъ-нибудь помимо личнаго усилія достигнуть того, что достигается только такимъ усиліемъ.

Выяснить своими усиліями свое отношеніе къ міру и держаться его, установить свое отношеніе къ людямъ на основаніи вѣчнаго закона дѣланія другому того, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, подавлять въ себѣ тѣ дурныя страсти, которыя подчиняютъ насъ власти другихъ людей, не быть ничьимъ господиномъ и ничьимъ рабомъ, не притворяться, не лгать,

ни ради страха ни выгоды, не отступать отъ требованій вышшаго закона своей совѣсти,—все это требуетъ усилій; вообразить же себѣ, что установленіе извѣстныхъ порядковъ какимъ-то таинственнымъ путемъ приведетъ всѣхъ людей, въ томъ числѣ и меня, ко всякой справедливости и добродѣтели. и для достиженія этого, не дѣлая усилій мысли, повторять то, что говорятъ всѣ люди одной партіи, суетиться, спорить, лгать, притворяться, браниться, драться,—все это дѣлается само собой, для этого не нужно усилія. И вотъ является ученіе объ улучшеніи общественной жизни посредствомъ измѣненія внѣшнихъ порядковъ. По этому ученію выходитъ то, что люди могутъ безъ усилія достигнуть плодовъ усилія. Такое ученіе произвело и производитъ ужасныя бѣдствія и болѣе всего другого задерживаетъ истинное совершенствованіе чело-вѣчества.

II.

Борьба со зломъ посредствомъ насилія недопустима, потому что зло опредѣляется людьми по-разному.

I.

Казалось бы, какъ несомнѣнно ясно, что такъ какъ всѣ люди каждый по-своему опредѣляютъ зло, то противленіе предполагаемому различными людьми злу зломъ можетъ только увеличить, а не уменьшить зло. Если то, что дѣлаетъ Петръ, считается Иваномъ зломъ, и онъ считаетъ себя въ правѣ дѣлать зло Петру, то на такомъ же основаніи и Петръ можетъ дѣлать зло Ивану, и зло отъ этого можетъ только увеличиться.

Но удивительное дѣло: люди понимаютъ отношеніе звѣздъ между собою, а этого не понимаютъ. Отчего это? Оттого, что люди *впяты* въ благодѣтельность насилія.

2.

Если я могу силой заставлять человека дѣлать то, что считаю хорошимъ, то точно такъ же другой человекъ можетъ заставлять меня силой дѣлать то, что онъ считаетъ хорошимъ, хотя бы то, что мы, я съ нимъ, считаемъ хорошимъ, было совсѣмъ противно одно другому.

3.

Ученіе о томъ, что человекъ никогда не можетъ и не долженъ дѣлать насилія ради того, что онъ считаетъ добромъ, справедливо уже по одному тому, что то, что считается добромъ и зломъ, не одно и то же у всѣхъ людей. То, что одинъ человекъ считаетъ зломъ, есть зло сомнительное (другіе считаютъ его добромъ); насиліе же, которое онъ совершаетъ во имя уничтоженія этого зла—побои, увѣчья, лишеніе свободы, смерть—уже навѣрное зло.

4.

На вопросъ о томъ, какъ разрѣшить постоянные между людьми споры о томъ, что добро и что зло, ученіе Христа отвѣчаетъ тѣмъ, что такъ какъ человекъ не можетъ несомнѣнно опредѣлить зло, то онъ и не долженъ стараться зломъ насилія побѣждать то, что онъ считаетъ зломъ.

5.

Главный вредъ суевѣрія устроительства жизни другихъ людей насиліемъ въ томъ, что какъ только человекъ допустилъ возможность совершить насиліе надъ однимъ человекомъ во имя блага многихъ, такъ нѣтъ предѣловъ того зла, которое можетъ быть совершено имъ во имя такого предположенія. На такомъ же предположеніи основывались въ прежнія времена пытки, инквизиціи, рабство, въ наше время войны, отъ которыхъ гибнутъ милліоны.

III.

Недѣйствительность насилія.

1.

Заставлять силою людей переставать дѣлать худое — все равно, что запрудить рѣку и радоваться, что рѣка на время ниже плотины мелѣетъ. Какъ рѣка, когда придетъ время, перелется черезъ плотину и будетъ течь все такъ же, такъ и люди, дѣлающіе худое, не перестанутъ его дѣлать, а только выждутъ время.

2.

Принуждающій насъ силою какъ бы лишаетъ насъ нашихъ правъ, и мы потому ненавидимъ его. Какъ благодѣтелей нашихъ, мы любимъ тѣхъ, кто умѣетъ убѣдить насъ. Не мудрый, а грубый, непросвѣщенный человѣкъ прибѣгаетъ къ насилію. Чтобы употребить силу, надо многихъ соучастниковъ; чтобы убѣдить, не надо никакихъ. Тотъ, кто чувствуетъ достаточно силы въ самомъ себѣ, чтобы владѣть умами, не станетъ прибѣгать къ насилію. Прибѣгаютъ къ насилію именно тѣ, которые сознаютъ свое безсиліе убѣдить людей въ своей необходимости.

По Сократу.

3.

Заставить людей силою дѣлать то, что мнѣ кажется хорошимъ, это самое лучшее средство внушить имъ отвращеніе къ тому, что мнѣ кажется хорошимъ.

4.

Всякій по себѣ знаетъ, какъ трудно измѣнить свою жизнь и стать такимъ, какимъ хотѣлъ бы быть. Когда же дѣло идетъ о другихъ, то кажется, что стоитъ только приказать и припугнуть, и другіе сдѣлаются такими, какими мы хотимъ, чтобы они были.

5.

Сила есть то орудіе, посредствомъ котораго невѣжество заставляетъ своихъ послѣдователей дѣлать тѣ дѣла, къ которымъ они по природѣ не склонны; и (подобно попыткѣ заставить воду итти выше своего уровня) въ тотъ моментъ, когда орудіе это перестанетъ дѣйствовать, прекращаются и его послѣдствія. Есть только два средства направлять человѣческую дѣятельность. Одно въ томъ, чтобы завладѣть склонностью, убѣдить разсужденіемъ, и другое въ томъ, чтобы заставить человѣка дѣйствовать противно его склонностямъ и сужденіямъ. Одинъ способъ подтверждается опытомъ и всегда увѣнчивается успѣхомъ, другой употребляется невѣжествомъ, и послѣдствія его — разочарованіе. Когда ребенокъ кричитъ, чтобы ему дали погремушку, онъ хочетъ силой получить ее. Когда родители бьютъ своихъ дѣтей, то это съ тѣмъ, чтобы силою заставить ихъ вести себя хорошо. Когда пьяный мужъ бьетъ свою жену, то онъ дѣлаетъ это въ виду исправленія ея силою. Когда одни люди наказываютъ другихъ, то это дѣлается для того, чтобы улучшить міръ силою. Когда одинъ человѣкъ судится съ другимъ, то это съ тѣмъ, чтобы достигнуть справедливости посредствомъ силы. Когда патеръ говоритъ объ ужасахъ адскихъ мученій, онъ дѣлаетъ это съ цѣлью направить своихъ слушателей на небо силою. Когда одинъ народъ воюетъ съ другимъ, то цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы пріобрѣсти желательное положеніе силою. И удивительное дѣло: и до сихъ поръ невѣжество вело и ведетъ человѣчество тѣмъ самымъ путемъ насилія, который всегда ведетъ къ разочарованію.

К о м б ѣ.

6.

Всякій человѣкъ знаетъ, что всякое насиліе зло. И вотъ, чтобы отучить людей отъ насилія, мы ничего лучше не можемъ придумать, какъ то, что мы, люди, требующіе къ себѣ высшаго уваженія, дѣлаемъ для этой цѣли самыя ужасныя насилія.

Изъ того, что возможно насиліемъ подчинить людей справедливости, вовсе не слѣдуетъ, чтобы было справедливо подчинять людей насиліемъ.

Паскаль.

IV.

Заблужденіе устройства жизни, основаннаго на насиліи.

1.

Какъ удивительно заблужденіе о томъ, что одни люди могутъ заставить другихъ людей дѣлать то, что они считаютъ хорошимъ для этихъ людей, а не то, что эти люди сами для себя считаютъ хорошимъ! А между тѣмъ на этомъ удивительномъ заблужденіи основываются всѣ устройства жизни. Одни люди заставляютъ другихъ притворяться, что они дѣлаютъ охотно то, что имъ предписано, угрожая всякаго рода насиліемъ за прекращеніе этого притворства, и вполнѣ увѣрены, что они дѣлаютъ нѣчто полезное и даже достойное восхваленія всѣми людьми, даже и тѣми, кого они насилуютъ.

2.

На алтарь бога насилія столько уже принесено жертвъ, что этихъ жертвъ хватило бы на заселеніе 20 планетъ такихъ, какъ земля, а достигнута ли хотя бы малѣйшая часть цѣли?

Ничего нѣтъ, кромѣ того, что положеніе народовъ становится все хуже и хуже. И все же насиліе остается богомъ толпы. Передъ его залитымъ запекшейся кровью алтаремъ человѣчество какъ будто порѣшило преклоняться вовѣки подъ звукъ барабана, подъ грохотъ орудій и подъ стонъ окровавленнаго человѣчества.

Адинъ Бау.

3.

«Самосохраненіе—первый законъ природы»,—говорятъ отрицатели закона о непротивленіи.

«Согласенъ, что жъ изъ этого слѣдуетъ?»—спрашиваю я.

«Слѣдуетъ то, что закономъ природы будетъ и самозащита отъ всего того, что угрожаетъ уничтоженіемъ. А изъ этого выводъ тотъ, что борьба, и, какъ послѣдствіе всякой борьбы, гибель слабѣйшаго, есть законъ природы, а этимъ закономъ, несомнѣнно, оправдывается и война, и насиліе, и возмездіе; такъ что прямой выводъ и послѣдствіе закона самосохраненія—тотъ, что самозащита законна, а потому ученіе о неупотребленіи насилія невѣрно, такъ какъ оно противно природѣ и непримѣнимо къ условіямъ жизни на землѣ».

«Согласенъ съ тѣмъ, что самосохраненіе — первый законъ природы, что онъ побуждаетъ къ самозащитѣ. Согласенъ съ тѣмъ, что люди, обыкновенно, по примѣру низшихъ организмовъ, борются другъ съ другомъ, обижаютъ и даже убиваютъ другъ друга подъ предлогомъ самозащиты или возмездія. Но вижу въ этомъ только то, что люди, большинство ихъ, къ сожалѣнію, несмотря на то, что законъ ихъ высшей человѣческой природы открыть имъ, все еще продолжая жить по закону животной природы, этимъ лишаютъ себя самаго дѣйствительнаго средства самозащиты: воздаянія добромъ за зло, которымъ они могли бы пользоваться, если бы слѣдовали не животному закону насилія, а человѣческому закону любви».

Адинъ Балу.

4.

Понятно, что насиліе и убійство возмущаютъ человѣка, и онъ, по первому влеченію, естественно, противъ насилія и убійства употребляетъ насиліе и убійство. Такая дѣятельность, хотя и близка къ животнымъ и неразумна, но не имѣетъ въ себѣ ничего бессмысленнаго и противорѣчиваго. Но не то съ оправданіями такой дѣятельности. Какъ только устраивающіе нашу жизнь люди хотятъ оправдать такую дѣятельность разум-

ными основаніями, тотчасъ же становится необходимымъ, чтобы не видна была безсмысленность такой попытки, нагроможденіе хитрыхъ и сложныхъ выдумокъ.

Главное средство оправданія сводится къ воображаемому разбойнику, который мучить и убиваетъ на нашихъ глазахъ невинныхъ.

«Собой, молъ, вы можете еще пожертвовать ради убѣжденія о незаконности насилія, но здѣсь вы жертвуете жизнью другого», говорятъ защитники насилія.

Но, во-первыхъ, такой разбойникъ есть исключительный случай; многіе люди могутъ прожить сотни лѣтъ, никогда не встрѣтивъ такого, на ихъ глазахъ убивающаго невинныхъ, разбойника. Зачѣмъ же я буду правило своей жизни основывать на этой выдумкѣ? Разсуждая о дѣйствительной жизни, а не о выдумкахъ, мы видимъ совсѣмъ другое. Мы видимъ людей, и даже самихъ себя, совершающихъ самыя жестокія дѣла, во-первыхъ, не въ-одиночку, какъ этотъ воображаемый разбойникъ, а всегда въ связи съ другими людьми, и не потому, что мы злодѣи, какъ этотъ разбойникъ, а потому, что мы находимся подъ вліяніемъ суевѣрія о законности насилія. Во-вторыхъ, мы видимъ, что самыя жестокія дѣла происходятъ не отъ воображаемаго разбойника, а отъ людей, которые основываютъ свои правила жизни на предположеніи воображаемаго разбойника. Такъ что человѣкъ, разсуждающій о жизни, не можетъ не видѣть, что причина зла людей никакъ не лежитъ въ воображаемомъ разбойникѣ, а въ заблужденіяхъ людей, изъ которыхъ одно изъ самыхъ жестокихъ состоитъ въ томъ, чтобы во имя воображаемаго зла совершать дѣйствительное. И потому человѣкъ, понявшій это, направивъ свою дѣятельность на причину зла, на искорененіе заблужденій въ себѣ и другихъ и посвятивъ на это свои силы, увидитъ передъ собой такую огромную и плодотворную дѣятельность, что никакъ не пойметъ даже, зачѣмъ ему для его дѣятельности выдумка о разбойникѣ.

V.

Губительныя послѣдствія суевѣрія насилія.

1.

То зло, отъ котораго люди думаютъ защититься насиліемъ, несравненно меньше того, которое они дѣлаютъ себѣ, защищаясь насиліемъ.

2.

Не одинъ Христосъ, но всѣ мудрецы міра, и брамины, и буддисты, и таосисты, и мудрецы греческіе, учили тому, что разумнымъ людямъ надо не зломъ, а добромъ платить за зло. Но тѣ люди, которые сами живутъ насиліемъ, говорятъ, что этого нельзя, что отъ этого жизнь будетъ не лучше, а хуже. И они правы для себя, но не для насилуемыхъ. Въ мірскомъ отношеніи для нихъ дѣйствительно будетъ хуже, но для всѣхъ будетъ лучше.

3.

Все ученіе Христа въ томъ, чтобы любить людей. Любить же людей значитъ поступать съ ними такъ же, какъ ты хочешь, чтобы другіе поступали съ тобой. А такъ какъ никто не хочетъ, чтобы его насилывали, то, поступая съ другими, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой, ни въ какомъ случаѣ нельзя насиловать ихъ. И потому говорить, что мы, исповѣдуя и исполняя ученіе Христа, считаемъ, что христіанину все-таки можно насиловать людей, все равно, что, имѣя ключъ, засовывать его въ замокъ не до того мѣста, гдѣ онъ поворачивается, и говорить, что мы употребляемъ ключъ по его назначенію. Безъ признанія того, что человекъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ сдѣлать надъ другими насилія, все ученіе Христа—только пустыя слова.

При такомъ пониманіи ученія возможно мучить, грабить, убивать тысячами на войнахъ, какъ это и дѣлаютъ теперь народы, называющіе себя христіанами, но невозможно признавать себя христіанами.

4.

Слѣдовать ученію непротивленія трудно, но легко ли слѣдовать ученію борьбы и возмездія?

Для полученія отвѣта на этотъ вопросъ раскройте исторію любого народа и прочтите описаніе одного изъ тѣхъ ста тысячъ сраженій, которыя вели люди въ угоду закона борьбы. На этихъ войнахъ убито нѣсколько миллиардовъ людей, такъ что въ каждомъ изъ тѣхъ сраженій загублено больше жизней, перенесено больше страданій, чѣмъ бы ихъ накопилось вѣками по причинѣ непротивленія злу.

А д и н ѣ Б а л у .

5.

Употребленіе насилія вызываетъ злобу людей, и тотъ, кто употребляетъ насиліе для своей защиты, большею частью не только не обезпечиваетъ себя, но, напротивъ, подвергается большимъ опасностямъ, такъ что употреблять насиліе для своего обезпеченія—это и несообразительно и нерасчетливо.

6.

Всякое насиліе не укрощаетъ человѣка, а только раздражаетъ его. И потому явно, что не насиліемъ можно исправлять жизнь людей.

7.

Если бы былъ поставленъ вопросъ, какъ сдѣлать такъ, чтобы человѣкъ совершенно освободилъ себя отъ нравственной отвѣтственности и дѣлалъ бы самыя дурныя дѣла, не чувствуя себя виноватымъ, то нельзя придумать для этого болѣе дѣйствительнаго средства, какъ суевѣріе о томъ, что насиліе можетъ содѣйствовать благу людей.

8.

Заблужденіе о томъ, что одни люди могутъ насиліемъ устраивать жизнь другихъ людей, тѣмъ особенно вредно, что

люди, подпавшіе этому заблужденію, перестаютъ различать добро отъ зла.

9.

Насиліе производитъ только подобіе справедливости, но удаляетъ людей отъ возможности жить справедливо безъ насилія.

10.

Отчего такъ извращено христіанство, отчего такъ пала нравственность? Одна причина: вѣра въ благодѣтельность насильническаго устройства.

11.

Мы не видимъ всей преступности насилія только потому, что подчиняемся ему.

Насиліе же по существу своему неизбѣжно ведетъ къ убійству.

Если одинъ человѣкъ говоритъ другому: сдѣлай то-то и то-то, и если не сдѣлаешь, я силою заставлю тебя исполнить мое приказаніе, то это значитъ только то, что если ты не сдѣлаешь точно, чего я хочу, то въ концѣ концовъ я убью тебя.

12.

Ничто такъ не задерживаетъ осуществленія Царства Божія на землѣ, какъ то, что люди хотятъ установить его дѣлами, противными ему: насиліемъ.

VI.

Только непротивленіе злу насиліемъ приводитъ человѣчество къ замѣнѣ закона насилія закономъ любви.

1.

Значеніе словъ: «Вы слышали, что сказано: око за око, зубъ за зубъ. А Я говорю вамъ: не противься злему. И кто

ударить тебя» и т. д., совершенно ясно и не требует никаких разъясненій и толкованій. Нельзя не понимать, что слова эти значатъ то, что Христосъ, отвергая прежній законъ насилія: око за око, зубъ за зубъ, отвергаетъ этимъ и все то устройство міра, которое основывается на этомъ законѣ, и устанавливаетъ новый законъ любви ко всѣмъ безъ различія людямъ, устанавливаетъ этимъ самымъ новое устройство міра, основанное уже не на насиліи, а на этомъ законѣ любви ко всѣмъ безъ различія людямъ. И вотъ, одни люди, понявъ это ученіе во всемъ его истинномъ смыслѣ и предвидя, вслѣдствіе примѣненія къ жизни этого ученія, уничтоженіе всѣхъ тѣхъ выгодъ и преимуществъ, которыми они пользовались и пользуются, распяли Христа и потомъ распинали и до сихъ поръ распинаютъ Его учениковъ. Другіе же люди, также понявъ ученіе въ его истинномъ смыслѣ, шли и идутъ на распятіе, все ближе и ближе подвигая время новаго устройства міра на законѣ любви.

2.

Ученіе о непротивленіи злу насиліемъ не есть какой-либо новый законъ, а есть только указаніе на неправильно допускаемое людьми отступленіе отъ закона любви, есть только указаніе на то, что всякое допущеніе насилія противъ ближняго, во имя ли возмездія или предполагаемаго избавленія себя или ближняго отъ зла, несовмѣстимо съ любовью.

3.

Ничто такъ не мѣшаетъ улучшенію жизни людей, какъ то, что они хотятъ улучшить свою жизнь дѣлами насилія. Насиліе же людей надъ людьми болѣе всего отвлекаетъ людей отъ того одного, что можетъ улучшить ихъ жизнь, а именно отъ того, чтобы стараться самимъ становиться лучше.

4.

Только тѣ люди, которымъ выгодно устраивать жизнь другихъ людей, могутъ вѣрить въ то, что насиліе можетъ улуч-

шить жизнь людей. Людямъ же, не подпавшимъ этому суевѣрію, должно бы быть ясно видно, что жизнь людей можетъ измѣниться къ лучшему только отъ ихъ внутренняго душевнаго измѣненія, а никакъ не отъ тѣхъ насилій, которыя надъ ними дѣлаются.

5.

Чѣмъ меньше человѣкъ доволенъ собою и своею внутреннею жизнью, тѣмъ больше онъ проявляетъ себя во виѣшней, общественной жизни.

Для того, чтобы не впадать въ эту ошибку, человѣкъ долженъ понимать и помнить, что онъ такъ же не властенъ и не призванъ устраивать жизнь другихъ, какъ и другіе не властны и не призваны устраивать его жизнь, что онъ и всѣ люди призваны только къ одному своему внутреннему совершенствованію, въ этомъ одномъ всегда властны и этимъ однимъ могутъ воздѣйствовать на жизнь другихъ людей.

6.

Люди очень часто живутъ дурно только оттого, что они заботятся о томъ, какъ устроить жизнь другихъ людей, а не свою собственную. Имъ кажется, что своя жизнь только одна, и потому устройство ея не такъ важно, какъ важно устройство многихъ, всѣхъ жизней. Но они забываютъ при этомъ то, что въ устройствѣ своей жизни они властны, а устраивать чужую жизнь они не могутъ.

7.

Если бы то время и тѣ силы, которыя расходуются людьми теперь на устройство жизни людей, расходовались бы каждымъ на дѣло борьбы съ своими грѣхами, то то самое, чего желаютъ достигнуть люди—наилучшее устройство жизни,—было бы очень скоро достигнуто.

8.

Человѣку дана власть только надъ самимъ собою. Только свою жизнь можетъ устраивать человѣкъ такъ, какъ онъ счи-

таетъ для себя хорошимъ и нужнымъ. А почти всѣ люди заняты тѣмъ, чтобы устраивать жизнь другихъ людей, и изъ-за этой заботы объ устройствѣ жизни людей сами подчиняются тому устройству, которое приготавливаютъ для нихъ другіе люди.

9.

Устройство общей жизни людей посредствомъ дѣлъ, поддерживаемыхъ насиліемъ, безъ внутренняго совершенствованія, это все равно, что перекладывать безъ извести изъ неотесанныхъ камней на новый ладъ развалившееся зданіе. Какъ ни клади, все не будетъ толку, и зданіе все будетъ разваливаться.

10.

Когда мудреца Сократа спрашивали, гдѣ онъ родился? онъ говорилъ: на землѣ. Когда его спрашивали, какого онъ государства? онъ говорилъ: всемірнаго.

Надо помнить, что передъ Богомъ мы всѣ—жители одной и той же земли и всѣ подъ высшей властью закона Божьяго.

Законъ Божескій всегда одинъ и тотъ же для всѣхъ людей.

11.

Ни одинъ человѣкъ не можетъ быть ни орудіемъ, ни цѣлью. Въ этомъ состоятъ его достоинство. И какъ онъ не можетъ располагать собою ни за какую цѣну (что было бы противно его достоинству), такъ же не имѣетъ онъ права распоряжаться жизнями другихъ людей, то-есть онъ обязанъ въ дѣйствительности признать достоинство человѣческаго званія въ каждомъ человѣкѣ и потому долженъ выражать это уваженіе къ каждому человѣку.

К а н т ѣ.

12.

Для чего же разумъ у людей, если на нихъ можно воздѣйствовать только насиліемъ?

13.

Люди—разумныя существа и потому могутъ жить, руководясь разумомъ, и неизбѣжно должны замѣнить насиліе свободнымъ согласіемъ. Всякое же насиліе отдаляетъ это время.

14.

Странно! Человѣкъ возмущается зломъ, исходящимъ извнѣ, отъ другихъ, — тѣмъ, чего устранить онъ не можетъ, а не борется съ своимъ собственнымъ зломъ, хотя это всегда въ его власти.

Маркъ Аврелій.

15.

Учить людей можно тѣмъ, чтобы открывать имъ истину и показывать примѣръ добра, а никакъ не тѣмъ, чтобы заставлять ихъ силою дѣлать то, что намъ хочется.

16.

Когда бы люди захотѣли, вмѣсто того, чтобы спасать міръ, спасать себя; вмѣсто того, чтобы освобождать человѣчество, себя освобождать,—какъ много бы они сдѣлали для спасенія міра и для освобожденія человѣчества!

Герценъ.

17.

Исполняя свое внутреннее назначеніе, живя для души, человѣкъ невольно и самымъ дѣйствительнымъ образомъ служить улучшенію общественной жизни.

18.

Въ молодыхъ годахъ люди вѣрятъ, что назначеніе человѣчества въ постоянномъ совершенствованіи и что возможно и даже легко исправить все человѣчество, уничтожить всѣ пороки и несчастія. Мечты эти не смѣшны, а, напротивъ, въ нихъ гораздо больше истины, чѣмъ въ сужденіяхъ старыхъ,

завязшихъ въ соблазнахъ людей, когда люди эти, проведеніе всю жизнь не такъ, какъ это свойственно человѣку, совѣтуютъ людямъ ничего не желать, не искать, а жить, какъ животное.

Ошибка мечтаній молодости только въ томъ, что совершенствованіе себя, своей души юноши переносятъ на другихъ.

Дѣлай свое дѣло жизни, совершенствуя и улучшая свою душу, и будь увѣренъ, что только этимъ путемъ ты будешь самымъ плодотворнымъ образомъ содѣйствовать улучшенію общей жизни.

19.

Если ты видишь, что устройство общества дурно, и ты хочешь исправить его, то знай, что для этого есть только одно средство: то, чтобы всѣ люди стали лучше; а для того, чтобы люди стали лучше, въ твоей власти только одно: самому сдѣлаться лучше.

20.

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ употребляется насиліе, прилагай разумное убѣжденіе, и ты рѣдко потеряешь въ мірскомъ смыслѣ и всегда будешь въ большемъ выигрышѣ въ духовномъ.

21.

Жизнь наша стала бы прекрасна, если бы мы только увидели то, что нарушаетъ наше благо. А нарушаетъ наше благо болѣе всего суевѣріе о томъ, что насиліе можетъ дать его.

22.

Безопасность и благо общества обезпечиваются только нравственностью его членовъ. Нравственность же основывается на любви, исключаящей насиліе.

23.

Предстоящее измѣненіе устройства жизни людей нашего христіанскаго міра состоитъ въ замѣнѣ насилія любовью, въ

признаніи возможности, легкости, блаженства жизни, основанной не на насиліи и страхѣ его, а на любви. И потому произойти это измѣненіе никакъ не можетъ отъ насилія.

24.

Можно жить по Христу и можно жить по сатанѣ. Жить по Христу значитъ жить по-человѣчески, любить людей, дѣлать добро и за зло воздавать добромъ. Жить по сатанѣ значитъ жить по-звѣриному, любить только себя и за зло воздавать зломъ. Чѣмъ больше мы будемъ стараться жить по Христу, тѣмъ больше будетъ любви и счастья между людьми. Чѣмъ больше мы будемъ жить по сатанѣ, тѣмъ жизнь наша будетъ бѣдственнѣе.

Заповѣдь о любви показываетъ два пути: путь истины, путь Христовъ, добра—путь жизни, и другой путь: путь обмана, путь лицемѣрія—путь смерти. И пусть страшно отречься отъ всякой защиты себя насиліемъ, но мы знаемъ, что въ этомъ отреченіи дорога спасенія.

Отказаться отъ насилія не значитъ, что нужно отказаться и отъ охраны жизни и трудовъ своихъ и другихъ людей, а значитъ только, что охранять все это надо такъ, чтобы охрана эта не была противна разуму и любви. Охранять жизнь и труды людей и свои нужно тѣмъ, чтобы стараться пробудить въ нападающемъ злодѣй добрыя чувства. А для того, чтобы человѣкъ могъ это сдѣлать, надо, чтобы онъ самъ былъ добръ и разуменъ. Если я вижу, напримѣръ, что одинъ человѣкъ намѣренъ убить другого, то лучшее, что я могу сдѣлать, это поставить самого себя на мѣсто убиваемаго и защитить, накрыть собою человѣка и, если можно, спасти, утѣшить, спрятать его,—все равно, какъ я сталъ бы спасать человѣка изъ пламени пожара или утопающаго: либо самому погибнуть, либо спасти. Если же я не могу этого сдѣлать, потому что я самъ заблудшій грѣшникъ, то это не значитъ то, что я долженъ быть звѣремъ и, дѣлая зло, оправдывать себя.

VII.

Извращеніе заповѣди Христа о непротивленіи злу насиліемъ.

1.

Основа общественнаго устройства язычниковъ было возмездіе и насиліе. Такъ это и должно было быть. Основа нашего общества, казалось бы, неизбѣжно должна быть любовь и отрицаніе насилія. А между тѣмъ насиліе все еще царствуетъ. Отчего это? Оттого, что то, что проповѣдуется подъ именемъ ученія Христа, не есть это ученіе.

2.

Замѣчательно то, что въ ученіи Христа въ особенности претитъ людямъ, не понимающимъ его, упоминаніе о непротивленіи злу насиліемъ. Упоминаніе это особенно непріятно имъ, потому что оно прямо требуетъ того, что нарушаетъ весь привычный порядокъ ихъ жизни. И потому люди, не желающіе измѣнить привычный порядокъ жизни, это упоминаніе объ одномъ изъ неизбѣжныхъ условій любви называютъ особенной, независимой отъ закона любви заповѣдью и всячески ее исправляютъ или просто отрицаютъ.

3.

Понимать ли слова Христа о любви къ ненавидящимъ, къ врагамъ, не допускающей никакого насилія, такъ, какъ они сказаны и выражены, какъ ученіе кротости, смиренія и любви, или какъ-нибудь иначе? Если какъ-нибудь иначе, то надо сказать, какъ. А этого-то никто и не дѣлаетъ. Что же это значитъ? Значитъ это то, что всѣ эти люди, именующіе себя христіанами, хотятъ скрыть отъ себя и людей сущность ученія Христа, потому что, если оно понято, какъ должно, оно измѣняетъ все устройство ихъ жизни. А устройство это имъ выгодно.

4.

Люди, называющіе себя христіанами, прямо не признають заповѣди непротивленія обязательною, учать тому, что она необязательна и что можно, и есть случаи, когда должно отступать отъ нея, и вмѣстѣ съ тѣмъ не смѣють сказать, что они не признають эту простую, ясную заповѣдь, неразрывно связанную со всѣмъ ученіемъ Христа, ученіемъ кротости, смиренія, покорнаго несенія креста, самоотверженія и любви къ врагамъ,—заповѣдь, безъ которой все ученіе становится пустыми словами.

Отъ этого и не отъ чего другого происходитъ то удивительное явленіе, что такіе христіанскіе учителя проповѣдуютъ 1900 лѣтъ христіанство, а міръ продолжаетъ жить языческой жизнью.

5.

Всякій мірской человѣкъ, читая Евангеліе, въ глубинѣ души знаетъ, что по этому ученію нельзя ни подѣ какимъ предлогомъ: ни ради возмездія, ни ради защиты, ни ради спасенія другого, дѣлать зло ближнему, и что поэтому, если онъ желаетъ оставаться христіаниномъ, ему надо одно изъ двухъ: или перемѣнить всю свою жизнь, которая держится на насилиі, то-есть на дѣланіи зла ближнему, или скрыть какъ-нибудь отъ самого себя то, чего требуетъ ученіе Христа. И вотъ тутъ-то люди и принимаютъ такъ легко ложное ученіе, которое замѣняетъ сущность христіанства разными своими измышленіями.

6.

Удивительное дѣло: люди, признающіе ученіе Христа, негодуютъ на правило, не допускающее ни въ какомъ случаѣ насилія.

Человѣкъ, признающій то, что смыслъ и дѣятельность жизни въ любви, негодуетъ на то, что ему указанъ вѣрный и несомнѣнный путь этой дѣятельности и тѣ самыя опасныя ошибки,

которыя могут отвлечь его отъ истиннаго пути. Въ родѣ того, какъ если бы мореплаватель негодовалъ на то, что опредѣленъ среди мелей и подводныхъ камней вѣрный путь для его плаванія. «Зачѣмъ это стѣсненіе? Можетъ случиться, что мнѣ надобно будетъ сѣсть на мель». То же самое говорятъ люди, когда возмущаются на то, что нельзя ни въ какомъ случаѣ употреблять насиліе и воздавать зломъ за зло.

XV.

Наказаніе.

Въ животномъ существѣ зло вызываетъ зло, и животное, не имѣя никакой возможности удержаться отъ вызваннаго въ немъ зла, старается отплатить зломъ за зло, не видя того, что зло неизбѣжно увеличиваетъ зло. Человѣкъ же, имѣя разумъ, не можетъ не видѣть того, что зло только увеличиваетъ зло, и потому долженъ бы удерживаться отъ воздаянія зломъ за зло, но часто животная природа человѣка беретъ верхъ надъ разумной природой, и человѣкъ тотъ самый разумъ, который долженъ бы былъ удержать его отъ воздаянія зломъ за зло, употребляетъ на оправданія совершаемаго имъ зла, называя это зло возмездіемъ, наказаніемъ.

I.

Наказаніе никогда не достигаетъ той цѣли, ради которой оно допускается.

1.

Люди говорятъ, что можно воздавать зломъ за зло для того, чтобы исправлять людей. Это неправда. Люди обманываютъ себя. Люди платятъ зломъ за зло не для того, чтобы исправлять людей, а для того, чтобы мстить. Исправлять зло нельзя тѣмъ, чтобы дѣлать зло.

2.

Наказывать, по-русски—значить поучать. Поучать можно только добрымъ словомъ и добрымъ примѣромъ. Платить же зломъ за зло—это не поучаетъ, а развращаетъ.

3.

Суевѣріе о томъ, что наказаніемъ можно уничтожить зло, тѣмъ особенно вредно, что люди, дѣлая поэтому зло, считают его не только дозволеннымъ, но благодѣтельнымъ.

4.

Наказаніемъ, угрозою наказанія можно запугать человѣка, на время удержать его отъ зла, но никакъ не исправить.

5.

Большая часть бѣдствій людей происходитъ отъ того, что грѣшные люди признали за собой право наказанія. «Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ».

6.

Самымъ яркимъ доказательствомъ того, насколько часто подъ словомъ «наука» подразумѣваются не только самые ничтожные, но и самые гадкіе предметы, служитъ то, что существуетъ наука о наказаніи, то-есть о совершеніи самаго невѣжественнаго поступка, свойственнаго только человѣку на самой низкой ступени развитія,—ребенку, дикому.

II.

Суевѣріе разумности мести.

1.

Какъ есть суевѣрія ложныхъ боговъ, предсказаній, внѣшнихъ средствъ угожденія Богу и спасенія своей души, такъ есть

общее суевѣріе людей о томъ, что одни люди могутъ посредствомъ насилія заставитьъ другихъ людей жить доброй жизнью. Суевѣрія о богахъ, о пророчествахъ и таинственныхъ средствахъ спасенія души уже начинаютъ разрушаться и почти разрушены; суевѣріе же такого устройства, которое посредствомъ наказанія дурныхъ дѣлаетъ остальныхъ счастливыми, признается всѣми, и во имя его совершаются величайшія злодѣянія.

2.

Только люди, совсѣмъ одурманенные властолюбіемъ, могутъ серьезно вѣрить въ то, что посредствомъ наказанія можно улучшить жизнь людей. Стоитъ только отрѣшиться отъ суевѣрія о томъ, что наказаніе исправляетъ людей, для того, чтобы ясно видѣть, что измѣненія въ жизни людей происходятъ только отъ внутренняго, душевнаго измѣненія самихъ людей, а никакъ не отъ того зла, которое одни люди дѣлаютъ другимъ людямъ—

3.

«Тутъ книжники и фариसेи привели къ Нему женщину, взятую въ прелюбодѣяніи, и, поставивши ее посреди, сказали Ему: Учитель! эта женщина взята въ прелюбодѣяніи; а Моисей въ законѣ заповѣдалъ намъ побивать такихъ камнями: Ты что скажешь? Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь къ обвиненію Его. Но Іисусъ, наклонившись низко, писалъ перстомъ на землѣ, не обращая на нихъ вниманія. Когда же продолжали спрашивать Его, Онъ, возклонившись, сказалъ имъ: кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось на нее камень. И опять, наклонившись низко, писалъ на землѣ. Они же, услышавши то и будучи обличаемы совѣстью, стали уходить одинъ за другимъ, начиная отъ старшихъ до послѣднихъ; и остался одинъ Іисусъ и женщина, стоящая посреди. Іисусъ, возклонившись и не видя никого, кромѣ женщины, сказалъ ей: женщина! гдѣ твои обвинители? никто не осудилъ тебя? Она отвѣчала: никто, Господи! Іисусъ сказалъ ей: и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не грѣши». 1 н. VIII, 3—11.

4.

Люди придумывают хитроумныя разсужденія о томъ, почему и для чего они наказываютъ. А на дѣлѣ они почти всегда наказываютъ только потому, что считаютъ наказанія людей для себя выгодными.

5.

Люди по злости, по желанію выместить обиду, по ложному представленію объ огражденіи себя, дѣлають зло, а потомъ, чтобы оправдаться, увѣряють людей и себя, что они дѣлають это только для того, чтобы исправить того, кто сдѣлалъ имъ зло.

6.

Суевѣріе разумности возмездія сильнѣе всего поддерживается тѣмъ, что страхъ передъ наказаніемъ на время удерживаетъ людей отъ совершенія запрещенныхъ поступковъ. Но запрещеніе это не уменьшаетъ, а увеличиваетъ желаніе дурного, какъ плотина не уменьшаетъ напора теченія рѣки, а только усиливаетъ его.

7.

Въ человѣческомъ обществѣ существуетъ нѣкоторый порядокъ не потому, что примѣняются наказанія противъ людей, нарушающихъ этотъ порядокъ, а потому, что, несмотря на вредное вліяніе, производимое этими наказаніями, люди все-таки жалѣють и любятъ другъ друга.

8.

Нельзя однимъ людямъ улучшить жизнь другихъ людей. Каждый человѣкъ можетъ только самъ улучшить свою жизнь.

9.

Наказаніе вредно не столько потому, что оно озлобляетъ того, кого наказываютъ, но еще и потому, что оно развращаетъ того, кто наказываетъ.

III.

Возмездіе въ личныхъ отношеніяхъ людей.

1.

Наказывать человѣка за его дурныя дѣла все равно, что грѣть огонь. Всякій человѣкъ, сдѣлавшій дурное, уже наказанъ тѣмъ, что лишенъ спокойствія и мучится совѣстью. Если же онъ не мучится совѣстью, то всѣ наказанія, какія могутъ наложить на него люди, не исправятъ его, а только озлобятъ.

2.

Дѣйствительное наказаніе за каждое дурное дѣло это—то, которое совершается въ душѣ самого преступника и состоитъ въ уменьшеніи его способности пользоваться благами жизни.

3.

Человѣкъ сдѣлалъ зло. И вотъ другой человѣкъ или люди для противодѣйствія этому злу не находятъ ничего лучшаго, какъ сдѣлать еще другое зло, которое они называютъ наказаніемъ.

4.

Когда ребенокъ бьетъ полъ, о который онъ ударился—это очень ненужно, но понятно, какъ понятно то, что человѣкъ прыгаетъ, когда онъ больно зашибся. Понятно также, что если человѣка ударили, то онъ первую минуту замахнется или ударить того, кто его ударилъ. Но дѣлать зло человѣку обдуманно, потому что человѣкъ сдѣлалъ зло когда-то прежде, и увѣрять себя, что это такъ надо, значить совсѣмъ отказаться отъ разума.

5.

Медвѣдя убиваютъ тѣмъ, что надъ корытомъ меда вѣшаютъ на веревкѣ тяжелую колоду. Медвѣдь отталкиваетъ колоду, чтобы ѣсть медъ. Колода возвращается и ударяетъ его. Мед-

вѣдь сердится и сильнѣе толкает колоду, — она сильнѣе бьетъ его. И это продолжается до тѣхъ поръ, пока колода не убиваетъ медвѣдя. Люди дѣлають то же, когда зломъ платять за зло людямъ. Неужели люди не могутъ быть разумнѣе медвѣдя?

6.

Люди — разумныя существа, и потому они должны бы видѣть, что месть не можетъ уничтожить зла, должны бы видѣть, что избавленіе отъ зла — только въ томъ, что противно злу: въ любви, а никакъ не въ мести, какъ бы она ни называлась. Но люди не видятъ этого: они вѣрятъ въ возмездіе.

7.

Если бы мы только не были приучены съ дѣтства къ тому, что можно зломъ платить за зло, насиліемъ заставлять человека дѣлать то, чего мы хотимъ, то мы бы только удивлялись тому, какъ могутъ люди, какъ будто нарочно портя людей, приучать ихъ къ мысли о томъ, что наказаніе и всякое насиліе могутъ быть на пользу. Мы наказываемъ ребенка, чтобы отучить его отъ дѣланія дурного, но самымъ наказаніемъ мы внушаемъ ребенку то, что наказаніе можетъ быть полезно и справедливо.

А едва ли какая-нибудь изъ тѣхъ дурныхъ наклонностей, за которыя мы наказываемъ ребенка, можетъ быть такъ вредна для него, какъ та дурная наклонность, которую мы внушаемъ ему нашимъ наказаніемъ его. «Меня наказываютъ, стало-быть наказывать хорошо», говоритъ себѣ ребенокъ и при первомъ случаѣ примѣняетъ это къ дѣлу.

IV.

Возмездіе въ общественныхъ отношеніяхъ.

1.

Ученіе о разумности наказанія не только не содѣйствовало и не содѣйствуетъ лучшему воспитанію дѣтей, не содѣйствуетъ

лучшему устройству обществъ и нравственности всѣхъ людей, вѣрящихъ въ наказаніе за гробомъ, но произвело и производитъ неисчислимыя бѣдствія: оно ожесточаетъ дѣтей, ослабляетъ связь людей въ обществѣ и развращаетъ людей объ-щаніемъ ада, лишая добродѣтель ея главной основы.

2.

Люди не вѣрятъ въ то, что за зло надо воздавать добромъ, а не зломъ, только оттого, что ихъ съ дѣтства научаютъ тому, что безъ этой отдачи зломъ за зло разстроится вся жизнь людская.

3.

Если справедливо, что всѣ добрые люди хотятъ того, чтобы прекратились тѣ злодѣйства, грабежи, нищета нищихъ, всѣ тѣ убійства, преступленія, которыми омрачается жизнь чело-вѣчества, то имъ надо понять, что достигнуть этого никакъ нельзя борьбой и возмездіемъ. Все родитъ себѣ подобное, и пока мы не противопоставимъ обидамъ и насиліямъ злодѣевъ совсѣмъ противныя имъ дѣла, а, напротивъ, будемъ дѣлать то же самое, что и они, то тѣмъ будемъ только пробуждать, поощрять и воспитывать въ нихъ все то зло, объ искорененіи котораго мы какъ будто хлопочемъ. Мы сдѣлаемъ только то, что зло будетъ перемѣнять свой видъ, но будетъ то же самое.

По Б а л у.

4.

Пройдутъ десятки, можетъ-быть и сотни лѣтъ, но придетъ время, когда наши внуки будутъ удивляться на наши наказа-нія такъ же, какъ мы удивляемся теперь на сжиганіе людей, на пытки. «Какъ могли они не видѣть всю безсмысленность, жестокость и зловредность того, что они дѣлали?» скажутъ наши потомки.

V.

Въ личныхъ отношеніяхъ людей возмездіе должно уступить мѣсто братской любви и непротивленію злему насиліемъ.

1.

Въ Евангеліи сказано такъ: «Если кто ударить тебя въ правую щеку, обрати къ нему и другую».

Таковъ законъ Бога для христіанина. Кто бы ни сдѣлалъ насиліе и для чего бы оно ни было сдѣлано, все равно—насиліе зло, такое же зло, какъ зло убійства, блуда,—все равно, для чего бы оно ни было сдѣлано, и кто бы ни сдѣлалъ его, и одинъ ли человѣкъ или милліоны людей; зло все зло, потому что передъ Богомъ всѣ люди равны. Заповѣди Божіи всегда обязательны для всѣхъ людей. И потому заповѣдь любви всегда и всѣми христіанами должна быть исполняема,—всегда лучше подвергнуться насилію, чѣмъ самому насильничать. Для христіанина въ крайнемъ случаѣ лучше быть убитымъ, чѣмъ убійцей. Если меня люди обижаютъ, то я, какъ христіанинъ, долженъ разсуждать такъ: я тоже обижалъ людей, и потому хорошо, что Богъ посылаетъ мнѣ испытаніе для моего вразумленія и очищенія отъ грѣховъ. Если же меня люди обижаютъ невинно, тогда мнѣ еще лучше, потому что тогда со мной случается то, что случилось со всѣми святыми людьми, и если я поступаю такъ же, какъ поступаютъ эти люди, то становлюсь похожъ на нихъ. Нельзя спасти душу свою зломъ, нельзя притти къ добру дорогою зла, какъ нельзя притти домой, идя прочь отъ дома. Сатана сатану не изгоняетъ, зло не побѣждается зломъ, а только накладывается зло на зло и укрѣпляется. Зло побѣждается только праведностью и добромъ. Добромъ, только добромъ и терпѣніемъ и страданіемъ можно погасить зло.

По Архангельскому.

2.

Надо знать и помнить, что желаніе наказывать есть желаніе мести, не свойственное разумному существу—человѣку.

Желаніе это свойственно только животной природѣ человѣка. И потому человѣку надо стараться освобождаться отъ этого чувства, а никакъ не оправдывать его.

3.

Что надо дѣлать, когда человѣкъ злится на тебя и дѣлаетъ тебѣ зло? Дѣлать можно многое, но одно навѣрное не надо дѣлать: не надо дѣлать зла, то-есть того самаго, что тебѣ сдѣлалъ человѣкъ.

4.

Не говорите, что если люди благотворятъ вамъ, то и вы будете благотворить имъ, а если люди угнетаютъ васъ, то и вы будете угнетать ихъ; но поступайте такъ, что если люди благотворятъ вамъ, то и вы благотворите имъ, а если они угнетаютъ васъ, то вы не угнетайте ихъ.

Магометъ.

5.

Ученіе любви, не допускающее насилія, не потому только важно, что человѣку хорошо для себя, для своей души, терпѣть зло и дѣлать добро за зло, но еще и потому, что только одно добро прекращаетъ зло, тушить его, не позволяетъ ему идти дальше. Истинное ученіе любви тѣмъ и сильно, что оно тушить зло, не давая ему разгораться.

6.

Уже много лѣтъ тому назадъ люди начали понимать несогласіе наказанія съ высшими свойствами души человѣка и стали придумывать разныя ученія, посредствомъ которыхъ можно было оправдать это низшее животное влеченіе. Одни говорятъ, что наказаніе нужно для устрашенія, другіе—что оно нужно для исправленія, третьи говорятъ, что оно нужно для того, чтобы была справедливость, точно Богъ безъ наказующихъ не сумѣетъ установить справедливость въ мірѣ. Но всѣ эти ученія—пустыя слова, потому что въ корнѣ ихъ только дурныя

чувства: месть, страхъ, себялюбіе, ненависть. Придумываютъ очень многое, но не рѣшаются сдѣлать одного нужнаго, а именно: ничего не дѣлать, оставить того, кто согрѣшилъ, каяться или не каяться, исправляться или не исправляться; самимъ же, тѣмъ людямъ, которые придумываютъ всѣ эти ученія, и тѣмъ, которые на дѣлѣ прилагаютъ эти ученія,—оставить другихъ въ покоѣ, а только самимъ жить доброй жизнью.

7.

Отвѣчай добромъ за зло—и ты уничтожишь въ зломъ чловѣкъ все то удовольствіе, какое онъ видитъ во злѣ.

8.

Если тебѣ кажется, что кто-нибудь виноватъ передъ тобой—забуди это и прости. И ты узнаешь счастье прощать.

9.

Ничто такъ не радуетъ людей, какъ то, когда ихъ прощаютъ за ихъ зло и платятъ добромъ за зло, и ничто такъ не радостно тому, кто это дѣлаетъ.

10.

Доброта побѣждаетъ все, а сама непобѣдима.

11.

Противъ всего можно устоять, но не противъ доброты.

По Руссо.

12.

Воздавайте добромъ за зло, всѣмъ прощайте. Только тогда не будетъ зла на свѣтѣ, когда всѣ станутъ дѣлать это. Можетъ-быть, у тебя не достанетъ силы дѣлать такъ. Но знай, что только этого надо желать, этого одного добиваться, потому что это одно спасетъ насъ отъ того зла, отъ котораго мы всѣ страдаемъ.

13.

Наиболѣе почитаемъ у Бога тотъ, кто прощаетъ обиду обидчику, особенно когда обидчикъ въ его власти.

Магометъ.

14.

Тогда Петръ приступилъ къ Нему и сказалъ: Господи! сколько разъ прощать брату моему, согрѣшающему противъ меня? До семи ли разъ? Иисусъ говоритъ ему: не говорю тебѣ: до семи, но до седмижды семидесяти разъ (Мѡ. XVIII, 21, 22).

Прощать—значить не мстить, не платить зломъ за зло, значить любить. Если человѣкъ вѣритъ въ это, то дѣло не въ томъ, что сдѣлалъ братъ, а что долженъ я сдѣлать. Если ты хочешь исправить ближняго въ его ошибокѣ, скажи ему кротко о томъ, что онъ худо сдѣлалъ. Если онъ не послушаетъ тебя, не вини его, а только самого себя за то, что ты не сумѣлъ сказать ему, какъ надобно.

Спрашивать о томъ, сколько разъ надо прощать брата, все равно, что спрашивать человѣка, который знаетъ, что пить вино дурно, и рѣшилъ никогда не пить вина, спрашивать его, сколько разъ нужно отказываться отъ вина, когда подносить. Если я рѣшилъ не пить, то не буду пить, сколько бы разъ ни подносили. То же и съ прощеніемъ.

15.

Прощать—значить не то, что сказать: прощаю, а то, чтобы вынуть изъ сердца досаду, недоброе чувство противъ обидѣвшаго. А для того, чтобы сдѣлать это, надо помнить свои грѣхи, а будешь помнить, то навѣрное найдешь за собою худшія дѣла, чѣмъ тѣ, за какія ты сердишься.

16.

Ученіе о непротивленіи злу насиліемъ не есть какой-либо новый законъ, а есть только указаніе на неправильно допу-

скаемое людьми отступленіе отъ закона любви, есть только указаніе на то, что всякое допущеніе насилія противъ ближняго, во имя ли возмездія или предполагаемаго избавленія себя или ближняго отъ зла, несовмѣстимо съ любовью.

17.

Ученіе о томъ, что если любишь, то нельзя мстить, до такой степени понятно, что оно само собой вытекаетъ изъ смысла ученія.

Такъ что если бы въ христіанскомъ ученіи и не было высказано то, что всякій христіанинъ долженъ платить добромъ за зло и любить ненавидящихъ, враговъ, всякій понимающій ученье самъ для себя вывелъ бы это требованіе любви.

18.

Чтобы понять въ ученіи Христа то, что надо платить добромъ за зло, надо понять все ученіе по-настоящему, а не такъ, какъ его толкуютъ, съ урѣзками и прибавками. Все же ученіе Христа въ томъ, что человѣкъ живетъ не для своего тѣла, а для души, для того, чтобы исполнить волю Бога. Воля же Бога въ томъ, чтобы люди любили другъ друга, любили всѣхъ. Какъ же можетъ человѣкъ любить всѣхъ и дѣлать зло людямъ? Вѣрующій въ ученіе Христа, что бы съ нимъ ни дѣлали, не можетъ дѣлать того, что противно любви, не можетъ дѣлать зла людямъ.

19.

Все христіанское ученіе безъ запрещенія отплаты зломъ за зло пустыя слова.

20.

«Тогда Петръ приступилъ къ Нему и сказалъ: Господи! сколько разъ прощать брату моему, согрѣшающему противъ меня? До семи ли разъ? Иисусъ говоритъ ему: не говорю тебѣ: до семи, но до седмижды семидесяти разъ.

Посему Царство Небесное подобно царю, который захотѣлъ сосчитаться съ рабами своими. Когда началъ онъ считаться, приведенъ былъ къ нему нѣкто, который долженъ былъ ему десять тысячъ талантовъ; а какъ онъ не имѣлъ, чѣмъ заплатить, то государь его приказалъ продать его, и жену его, и дѣтей, и все, что онъ имѣлъ, и заплатить. Тогда рабъ тотъ палъ и, кланяясь ему, говорилъ: государь! потерпи на мнѣ, и все тебѣ заплачу. Государь, умилосердившись надъ рабомъ тѣмъ, отпустилъ его и долгъ простилъ ему. Рабъ же тотъ, вышедъ, нашелъ одного изъ товарищей своихъ, который долженъ былъ ему сто динаріевъ, и, схвативъ его, душилъ, говоря: отдай мнѣ, что долженъ. Тогда товарищъ его палъ къ ногамъ его, умоляя его и говорилъ: потерпи на мнѣ, и все отдамъ тебѣ. Но тотъ не захотѣлъ, а пошелъ и посадилъ его въ темницу, пока не отдастъ долга. Товарищи его, видѣвши происшедшее, очень огорчились и, пришедши, рассказали государю своему все бывшее. Тогда государь его призываетъ его и говорить: злой рабъ! весь долгъ тотъ я простилъ тебѣ, потому что ты упросилъ меня; не надлежало ли и тебѣ помиловать товарища твоего, какъ и я помиловалъ тебя? И, разгнѣвавшись, государь его отдалъ его истязателямъ, пока не отдастъ ему всего долга.

Такъ и Отецъ Мой Небесный поступить съ вами, если не простить каждый изъ васъ отъ сердца своего брату своему согрѣшеній его».

М е. XVIII, 21—35.

VI.

Непротивленіе злу насиліемъ такъ же важно въ примѣненіи къ общественнымъ отношеніямъ, какъ и въ личной жизни.

1.

Люди хотятъ оставаться такими плохими, какіе были, и хотятъ, чтобы вся жизнь въ то же время была лучше.

2.

Мы не знаемъ, не можемъ знать, въ чемъ состоитъ общее благо, но твердо знаемъ, что достиженіе этого общаго блага возможно только при исполненіи того вѣчнаго закона добра, который открытъ каждому человѣку и въ мудрости людской и въ его сердцѣ.

3.

Говорятъ, что нельзя не воздавать зломъ за зло, потому что если не дѣлать этого, то злые завладѣютъ добрыми. Я думаю, что совсѣмъ напротивъ: только тогда злые завладѣютъ добрыми, когда люди будутъ думать, что позволено воздавать зломъ за зло, какъ это и есть теперь во всѣхъ христіанскихъ народахъ. Злые теперь завладѣли добрыми именно потому, что всѣмъ внушено, что не только позволено, но и полезно дѣлать зло людямъ.

4.

Говорятъ: перестань наказаніемъ угрожать злымъ, разрушится существующій порядокъ—и все погибнетъ. Сказать это все равно, что сказать: растаетъ рѣка—и все погибнетъ. Нѣтъ, подойдутъ корабли, начнется настоящая жизнь.

5.

Говоря о христіанскомъ ученіи, ученые писатели обыкновенно дѣлаютъ видъ, что вопросъ о томъ, что христіанство въ его истинномъ смыслѣ неприменимо, уже давнымъ-давно окончательно рѣшено.

«Нечего заниматься мечтами, надо заниматься настоящими дѣлами. Надо измѣнить отношеніе капитала и труда, организовать трудъ, земельную собственность, открывать рынки, учреждать колоніи для размѣщенія населенія, надо учредить отношеніе церкви и государства, надо составлять союзы и обезпечивать безопасность государствъ и т. д.

«Надо заниматься серьезными, стоящими вниманія и заботъ

людей вопросами, а не мечтами о такомъ устройствѣ міра, въ которомъ люди подставляли бы другую щеку, когда ихъ бьютъ по одной, отдавали бы кафтанъ, когда съ нихъ снимаютъ рубаху, и жили бы, какъ птицы небесныя,—все это пустая болтовня», говорятъ люди, не замѣчая того, что корень всѣхъ какихъ бы то ни было вопросовъ именно въ томъ самомъ, что они называютъ пустою болтовней.

А корень всѣхъ вопросовъ въ томъ, что люди считаютъ пустою болтовней, потому что всѣ эти вопросы, отъ вопроса борьбы капитала и труда до вопроса народностей и отношеній церкви и государства, все это вопросы о томъ, есть ли случаи, когда человѣкъ можетъ и долженъ дѣлать зло ближнему, или случаевъ такихъ нѣтъ и не можетъ быть для разумнаго человѣка.

Такъ что, въ сущности, всѣ эти считаемыя столь важными вопросы—всѣ сводятся къ одному: разумно или неразумно и потому нужно ли или не нужно воздавать зломъ за зло? Было время, когда люди могли не понимать и дѣйствительно не понимали значенія этого вопроса, но рядъ страшныхъ страданій, среди которыхъ живетъ теперь человѣчество, привелъ людей къ сознанію необходимости на дѣлѣ рѣшенія этого вопроса. Вопросъ же опредѣленно рѣшенъ 1900 лѣтъ назадъ ученіемъ Христа. И потому нельзя уже въ наше время дѣлать видъ, что мы не знаемъ этого вопроса и не знаемъ его рѣшенія.

VII.

Истинный взглядъ на послѣдствія ученія о необходимости насилія начинаетъ проникать въ сознаніе современнаго человѣчества.

1.

Наказаніе есть понятіе, изъ котораго начинаетъ вырастать человѣчество.

2.

Духъ Іисуса, который сѣлятся задушить, тѣмъ не менѣе всюду ярко проявляется. Развѣ духъ евангельскій не проникъ въ народы? Развѣ не начинаютъ они видѣть свѣтъ? Понятія о правахъ, объ обязанностяхъ не яснѣе ли стали для каждого? Не слышны ли со всѣхъ сторонъ призывы къ законамъ, болѣе справедливымъ, къ учрежденіямъ, охраняющимъ слабыхъ, основаннымъ на справедливомъ равенствѣ? Развѣ не гаснетъ прежняя вражда между тѣми, которыхъ насильственно разъединяли? Развѣ народы не чувствуютъ себя братьями?

Это все работа зародыша, готоваго развиться, работа любви, которая сниметъ грѣхъ съ міра, откроетъ народамъ новый путь жизни, внутренній законъ которой будетъ уже не насиліе, а любовь людей другъ къ другу.

Ламена.

XVI.

Тщеславіе.

Ничто такъ не уродуетъ жизни людей и такъ вѣрно не лишаетъ ихъ истиннаго блага, какъ привычка жить не по ученію мудрыхъ людей міра и не по своей совѣсти, а по тому, что признають хорошимъ и одобряють тѣ люди, среди которыхъ живетъ человѣкъ.

I.

Въ чемъ заключается соблазнъ тщеславія.

1.

Въ томъ, чтобы дѣлать то, что дѣлаешь, не для своего тѣла, не для своей души, а только для того, чтобы получить одобреніе людей,—въ этомъ одна изъ главныхъ причинъ дурной жизни людей.

2.

Ни одинъ соблазнъ не удерживаетъ людей такъ долго въ своей власти, не отдаляетъ такъ людей отъ пониманія смысла человѣческой жизни и ея истиннаго блага, какъ забота о славѣ, объ одобреніи, уваженіи, похвалѣ людской.

Освобождается человѣкъ отъ соблазна только упорной борь-

бой съ самимъ собой и постояннымъ вызываніемъ въ себѣ сознанія своего единства съ Богомъ и потому исканія одобренія только одного Его.

3.

Намъ мало жить нашей истинной внутренней жизнью,—мы хотимъ жить еще другой, воображаемою жизнью въ мысляхъ людей, и мы заставляемъ себя казаться для этого не тѣмъ, что мы на самомъ дѣлѣ. Мы, не переставая, стараемся украшать это воображаемое существо, а о настоящемъ, о томъ, что мы на самомъ дѣлѣ, не заботимся. Если мы покойны душой, если мы вѣримъ, любимъ, мы стараемся какъ можно скорѣе рассказать объ этомъ съ тѣмъ, чтобы эти добродѣтели были не только наши добродѣтели, но и воображаемаго существа въ мысляхъ другихъ людей.

Для того, чтобы люди думали, что мы имѣемъ добродѣтели, мы готовы даже отказаться отъ нихъ. Мы готовы быть трусами, только бы прослыть за храбрыхъ.

П а с к а л ь.

4.

Одно изъ самыхъ опасныхъ и вредныхъ словечекъ—это: «всѣ такъ».

5.

Много зла дѣлаютъ себѣ люди ради своихъ плотскихъ похотей, но еще больше зла дѣлаютъ они для того, чтобы ихъ хвалили, для славы людской.

6.

Когда трудно, почти невозможно понять, для чего человѣкъ поступаетъ такъ, какъ онъ поступаетъ, будь увѣренъ, что причина его поступковъ—желаніе славы людской.

7.

Закачиваютъ ребенка не затѣмъ, чтобы избавить его отъ того, что заставляетъ его кричать, а затѣмъ, чтобы онъ не

могъ кричать. То же мы дѣлаемъ съ своей совѣстью, когда заглушаемъ ее для того, чтобы угодить людямъ. Мы не успокаиваемъ совѣсть, но добиваемся того, что намъ и нужно было: не слышимъ ея.

8.

Интересуйся не количествомъ, а качествомъ твоихъ почитателей: бываетъ непріятно не нравиться добрымъ людямъ, но не нравиться дурнымъ—всегда хорошо.

Сенека.

9.

Самые большіе расходы наши дѣлаются для того, чтобы быть похожими на другихъ. Ни для ума, ни для сердца мы не тратимъ такъ много.

Эмерсонъ.

10.

Въ каждомъ хорошемъ поступкѣ есть доля желанія одобренія людей. Но бѣда, если то, что дѣлаешь, дѣлаешь только для славы людской.

11.

Одинъ человѣкъ спросилъ у другого, для чего онъ дѣлаетъ дѣло, котораго не любить.

— Потому что всѣ такъ дѣлаютъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Ну, положимъ, что не всѣ, потому что я этого не дѣлаю, да и другіе кое-кто также не дѣлаютъ.

— Не всѣ, такъ многіе, большая часть людей.

— А скажи, пожалуйста, какихъ людей больше: умныхъ или глупыхъ?

— Конечно, глупыхъ.

— А коли такъ, такъ ты, значитъ, дѣлаешь то, что дѣлаешь, для того, чтобы подражать глупымъ.

12.

Человѣкъ легко привыкаетъ къ самой плохой жизни, если только всѣ вокругъ него живутъ дурпо.

II.

То, что много людей одного мнѣнія, не доказываетъ того, чтобы мнѣніе это было вѣрно.

1.

Дурное не перестаетъ быть дурнымъ оттого, что очень много людей поступаютъ дурно, да еще, какъ это часто бываетъ, хвалятся этимъ.

2.

Чѣмъ больше людей вѣрятъ въ одно и то же, тѣмъ осторожнѣе надо быть къ такой вѣрѣ и тѣмъ внимательнѣе обсудить ее.

3.

Когда говорятъ: надо поступать такъ, какъ поступаютъ другіе, это почти всегда значить, что надо поступать дурно.

Ла-Брюйеръ.

4.

Только привыкни дѣлать то, чего требуютъ «всѣ» — и не успѣешь оглянуться, какъ ты уже будешь дѣлать дурныя дѣла и будешь считать ихъ хорошими.

5.

Если бы мы только знали, изъ-за чего насъ хвалятъ и изъ-за чего бранятъ, мы бы перестали дорожить похвалами людей и бояться ихъ осужденія.

6.

Въ человѣкѣ есть свой судъ — совѣсть. Дорожить надо только ея оцѣнкой.

7.

Ищи лучшаго человѣка среди тѣхъ, кого осуждаетъ міръ.

8.

Если толпа ненавидитъ кого-нибудь, надо, прежде чѣмъ судить, хорошенько обсудить, почему это такъ. Если толпа пристрастилась къ кому-нибудь, надо тоже, прежде чѣмъ судить, хорошенько обсудить, почему это такъ.

Конфуцій.

9.

Не столько могутъ повредить нашей жизни дурные люди, которые могутъ развратить насъ, сколько та немнящая толпа, которая, какъ потокъ, увлекаетъ насъ съ собой.

III.

Губительныя послѣдствія тщеславія.

1.

Общество говоритъ человѣку: думай, какъ думаемъ мы; вѣрь, какъ вѣримъ мы; ѣшь и пей, какъ мы ѣдимъ и пьемъ; одѣвайся, какъ мы одѣваемся. Если же кто не поддается этимъ требованіямъ, общество замучаетъ его своими насмѣшками, сплетнями, ругательствами. Трудно не покориться этому, а, между тѣмъ, покорись, и тебѣ станетъ еще хуже: покорись, и ты уже не свободный человѣкъ, а рабъ.

По Люси Малори.

2.

Хорошо, когда люди занимаются ученіемъ для своей души, для того, чтобы быть умнѣе и добрѣе. Такое ученіе полезно для нихъ. Когда же люди учатся ради славы людской, для того, чтобы казаться учеными, ученость не только бесполезна, но вредна, дѣлаетъ людей и менѣе умными и менѣе добрыми, чѣмъ бы они были, если бы и вовсе не учились.

Съ китайскаго.

3.

Не только сами не хвалите себя, но не позволяйте и другим хвалить себя. Похвала губить душу тѣмъ, что переноситъ заботу о душѣ на заботу о славѣ людской.

4.

Часто приходится видѣть, что человѣкъ добрый, умный, правдивый, хотя и знаетъ, что война, мясояденіе, отнятіе у людей самага необходимаго имъ, осужденіе людей и другія такія же дѣла—дурны, спокойно продолжаетъ дѣлать ихъ. Отчего это? А оттого, что такой человѣкъ дорожитъ мнѣніемъ людей больше, чѣмъ судомъ своей совѣсти.

5.

Только заботой о чужомъ мнѣніи можно объяснить себѣ самый обыкновенный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый удивительный поступокъ людской: ложь. Человѣкъ знаетъ одно и говоритъ другое. Зачѣмъ? Нѣтъ другого объясненія, какъ только то, что онъ думаетъ, что если онъ скажетъ правду, люди не похвалятъ, а если солжетъ, люди похвалятъ его.

6.

Неуваженіе къ преданію не сдѣлало одной тысячной доли того зла, которое дѣлаетъ уваженіе къ старымъ обычаямъ.

Люди уже давно не вѣрятъ въ старые обычаи, а все-таки подчиняются имъ, потому что каждый думаетъ, что большинство людей осудитъ его, перестанетъ подчиняться обычаямъ, въ которые давно уже никто не вѣритъ.

IV.

Борьба съ соблазномъ тщеславія.

1.

Въ первое время своей жизни, въ дѣтствѣ, человѣкъ живетъ больше для тѣла, ѣсть, пьетъ, играетъ, веселится. Это первая ступень. Что больше подрастаетъ человѣкъ, то все больше и больше начинаетъ заботиться о сужденіи людей, среди которыхъ живетъ, и ради этого сужденія забываетъ о требованіяхъ тѣла: объ ѣдѣ, питьѣ, играхъ, увеселеніяхъ. Это вторая ступень. Третья ступень, и послѣдняя, это та, когда человѣкъ подчиняется больше всего требованіямъ души и для души пренебрегаетъ и тѣломъ, и удовольствіями, и славой людскою.

Тщеславіе есть первое, самое грубое средство противъ животной похоти. Но потомъ надо лѣчиться отъ этого лѣкарства. Лѣченіе одно: жить для души.

2.

Трудно бываетъ одному отступить отъ принятыхъ обычаевъ, а между тѣмъ, при всякомъ шагѣ къ тому, чтобы становиться лучше, приходится сталкиваться съ принятымъ обычаемъ и подвергаться осужденію людей. Человѣку, полагающему свою жизнь въ самосовершенствованіи, надо быть готовымъ къ этому.

3.

Дурно раздражать людей, отступая отъ принятыхъ ими обычаевъ, но еще хуже отступать отъ требованій совѣсти и разума, потворствуя людскимъ обычаямъ.

4.

И теперь и прежде высмѣиваютъ того, кто сидитъ въ молчаніи, высмѣиваютъ и того, кто много говоритъ, и того, кто говоритъ мало, --- нѣтъ никого на землѣ, кого бы не осу-

ждали. Никогда не было, никогда не будетъ и нѣтъ никого, кого бы всегда и во всемъ осуждали, какъ нѣтъ и того, кого бы всегда и во всемъ хвалили. И потому не стоитъ заботиться ни о похвалахъ, ни объ осужденіи людей.

5.

Самое важное для тебя то, какъ ты самъ себя понимаешь, потому что отъ этого ты будешь или счастливъ или несчастливъ, а никакъ не отъ того, какъ другіе будутъ понимать тебя. И потому не думай о сужденіи людскомъ, а только о томъ, какъ тебѣ не ослабить, а усилить свою духовную жизнь.

6.

Ты боишься, что тебя будутъ презирать за твою кротость, но люди справедливые не могутъ презирать тебя за это, а до другихъ людей тебѣ дѣла нѣтъ,—не обращай вниманія на ихъ сужденія. Не станетъ же хорошій столяръ огорчаться тѣмъ, что человѣкъ, ничего не понимающій въ столярномъ дѣлѣ, не одобряетъ его работы.

Люди, презирающіе тебя за твою кротость, ничего не понимаютъ въ томъ, что добро для человѣка. Такъ что же тебѣ за дѣло до ихъ сужденій?

По Эпиктету.

7.

Пора человѣку узнать себѣ цѣну. Что же, въ самомъ дѣлѣ, онъ какое-нибудь незаконно рожденное существо? Пора ему перестать робко озираться по сторонамъ—угодилъ ли или не угодилъ онъ людямъ! Нѣтъ, пусть голова моя твердо и прямо держится на плечахъ. Жизнь дана мнѣ не на показъ, а для того, чтобы я жилъ ею. Я сознаю свою обязанность жить для своей души. И заботиться хочу и буду не о мнѣніи обо мнѣ людей, а о своей жизни, о томъ, исполняю я или не исполняю я свое назначеніе передъ Тѣмъ, Кто послалъ меня въ жизнь.

Эмерсонъ.

8.

Каждый человѣкъ, отдававшійся смолоду грубымъ животнымъ побужденіямъ, не перестаетъ предаваться имъ, несмотря на то, что совѣсть его требуетъ другого. Дѣлаетъ онъ такъ потому, что другіе дѣлаютъ то же, что и онъ. Другіе же дѣлаютъ то же, что онъ, по той же самой причинѣ, по которой и онъ дѣлаетъ то, что дѣлаетъ. Выходъ изъ этого только одинъ: освобожденіе себя каждымъ человѣкомъ отъ заботы о людскомъ мнѣніи.

9.

Было старцу видѣніе. Видитъ онъ, что спускается ангелъ Божій съ неба и держитъ въ рукѣ свѣтлый вѣнокъ, и оглядывается, и ищетъ того, на кого бы возложить его. И возгорѣлось сердце старца. И говоритъ онъ ангелу Божію: «Чѣмъ заслужить свѣтлый вѣнокъ? Все сдѣлаю, чтобы получить эту награду».

И говоритъ ангелъ: «Гляди сюда». И, повернувшись, указалъ ангелъ перстами на сѣверную страну. И оглянувшись старецъ и увидалъ великую черную тучу. Туча застилала половину неба и спустилась на землю. И вотъ раздвинулась туча, и стало видно великое полчище черныхъ эііоповъ, надвигающихся на старца; позади же ихъ всѣхъ стоялъ столь великій и страшный одинъ эііопъ, что огромными ногами своими онъ стоялъ на землѣ, а косматой головой съ страшными глазами и красными губами онъ упирался въ небо.

«Поборись съ ними, побѣди ихъ,—и на тебя возложу вѣнокъ».

И ужаснулся старецъ и сказалъ:

«Могу и буду бороться со всѣми, но великій эііопъ, стоящій ногами на землѣ и упирающійся головой въ небо, не по силамъ человѣку. Не могу бороться съ нимъ».

«Безумный,—сказалъ ангелъ Божій.—Всѣ мелкіе эііопы, съ которыми ты не хочешь бороться изъ-за страха передъ великимъ эііопомъ, всѣ эти мелкіе эііопы—это все грѣшныя желанія людей,—и ихъ можно побороть. Великій же эііопъ—

это слава людская, ради которой живутъ грѣшныя люди. Бороться съ большимъ эгопомъ нѣтъ надобности—онъ весь пустой. Побори грѣхи, и онъ самъ собою исчезнетъ изъ міра».

V.

Заботься о своей душѣ, а не о своей славѣ.

1.

Самое быстрое и вѣрное средство прослыть добродѣтельнымъ человѣкомъ не въ томъ, чтобы казаться такимъ передъ людьми, а только въ томъ, чтобы работать надъ собой для того, чтобы быть добродѣтельнымъ.

Бесѣды Сократа.

2.

Заставить людей считать насъ хорошими людьми гораздо труднѣе, чѣмъ стать такими, какими мы хотимъ, чтобы насъ считали люди.

Лихтенбергъ.

3.

Кто не думаетъ самъ по себѣ, тотъ подчиняется мыслямъ другого человѣка. Подчинять кому-нибудь свою мысль—болѣе унижительное рабство, чѣмъ подчинить кому-нибудь свое тѣло. Думай самъ своей головой и не заботься о томъ, что скажутъ о тебѣ люди.

4.

Если заботишься объ одобреніи людей, то никогда ни на что не рѣшишься, потому что люди одобряютъ одни за одно, другіе за другое. Надо самому рѣшать. Оно и короче.

5.

Для того, чтобы выказать себя передъ людьми, ты или хвалишь или бранишь себя передъ людьми. Если будешь хвалить,—люди не повѣрятъ. Если будешь хулить,—они по-

думаютъ о тебѣ еще хуже, чѣмъ ты сказалъ. И потому самое лучшее ничего не говорить и заботиться о судѣ своей совѣсти, а не о судѣ людскомъ.

6.

Никто не проявляетъ такого уваженія и приверженности къ добродѣтели, какъ тотъ, кто охотно теряетъ славу хорошаго человѣка, только для того, чтобы въ душѣ своей оставаться хорошимъ.

Сенека.

7.

Когда человѣкъ привыкъ жить только для славы людской, то ему кажется труднымъ, за то, что онъ не дѣлаетъ того, что всѣ дѣлаютъ, прослыть глупымъ, невѣжественнымъ или совсѣмъ дурнымъ человѣкомъ. Но надъ всѣмъ, что трудно, надо работать. А надъ этимъ дѣломъ надо работать съ двухъ сторонъ: одно—учиться презирать сужденія людей, и другое—учиться жить для дѣланія такихъ дѣлъ, которыя, хотя бы и осуждали за нихъ люди, всегда хорошо дѣлать.

8.

Я долженъ поступать такъ, какъ я думаю, а не такъ, какъ думаютъ люди. Правило это одинаково необходимо какъ въ повседневной, такъ и въ умственной жизни. Правило это трудно, потому что всегда встрѣтишь такихъ людей, которые думаютъ, что они знаютъ твои обязанности лучше, чѣмъ ты самъ. Въ мірѣ легко жить согласно мірскому мнѣнію, а въ одиночествѣ легко слѣдовать своему собственному; но счастливъ тотъ человѣкъ, который среди толпы дѣлаетъ то, что онъ въ своемъ уединеніи рѣшилъ, что надо дѣлать.

9.

Всѣ люди живутъ и дѣйствуютъ и по своимъ мыслямъ, и по мыслямъ другихъ людей. Въ томъ, насколько люди живутъ по своимъ мыслямъ и насколько по мыслямъ другихъ людей, главная разница между людьми.

10.

Казалось бы, какъ удивительны люди, которые живутъ не для своего блага, ни для блага другихъ людей, а только для того, чтобы люди хвалили ихъ. А между тѣмъ, какъ мало людей, которые не дорожили бы одобреніемъ своихъ поступковъ чужими людьми болѣе, чѣмъ и своимъ благомъ и благомъ другихъ людей.

11.

Человѣка никогда не будутъ хвалить всѣ. Если онъ хорошій, дурные люди будутъ находить въ немъ дурное и будутъ или смѣяться надъ нимъ или осуждать его. Если онъ дурной, хорошие не будутъ одобрять его. Для того, чтобы всѣ хвалили человѣка, ему надо передъ добрыми притворяться добрымъ, а передъ дурными—дурнымъ. Но тогда и тѣ и другіе угадаютъ притворство, и тѣ и другіе будутъ презирать его. Одно средство: быть добрымъ и не заботиться о мнѣніи другихъ, а награду за свою жизнь искать не въ мнѣніи людскомъ, а въ себѣ.

«И никто къ ветхой одеждѣ не приставляетъ заплатъ изъ небѣленной ткани; ибо вновь пришитое отдеретъ отъ стараго, и дыра будетъ еще хуже.

«Не вливаютъ также вина молодого въ мѣхи ветхіе; а иначе прорываются мѣхи, и вино вытекаетъ, и мѣхи пропадаютъ; но вино молодое вливаютъ въ новые мѣхи, и сберегается то и другое» (Мѡ. IX, 16—17).

Это значитъ то, что для того, чтобы начать жить лучше (и все улучшать и улучшать свою жизнь—а въ этомъ вся жизнь человѣка), нельзя оставаться въ прежнихъ привычкахъ, а надо заводить новыя. Нельзя слѣдовать тому, что по старинѣ людьми считается хорошимъ, а надо устанавливать для себя новыя привычки, не заботясь о томъ, что люди считаютъ дурнымъ или хорошимъ.

12.

Трудно различить, служишь ли ты людямъ для души, для Бога, или для похвалы отъ нихъ. Повѣрка одна: если дѣ-

лаешь дѣло, которое считаешь добрымъ, спроси себя, будешь ли дѣлать то же, если будешь знать впередъ, что никто никогда не узнаетъ о томъ, что ты дѣлаешь. Если отвѣтишь себѣ, что все-таки будешь дѣлать, тогда навѣрное то, что дѣлаешь, ты дѣлаешь для души, для Бога.

VI.

Тотъ, кто живетъ истинной жизнью, не нуждается въ похвалѣ людей.

1.

Живи одинъ, сказалъ мудрецъ. Это значить то, что рѣшай вопросъ своей жизни самъ съ собой, съ тѣмъ Богомъ, который живетъ въ тебѣ, а не по совѣтамъ или сужденіямъ другихъ людей.

2.

Выгода служенія Богу передъ служеніемъ людямъ та, что передъ людьми невольно хочешь выказаться въ лучшемъ свѣтѣ и огорчаешься, когда тебя выставляютъ въ дурномъ. Передъ Богомъ ничего этого нѣтъ. Онъ знаетъ тебя, каковъ ты, и передъ Нимъ никто тебя ни восхвалить, ни оклеветать не можетъ, такъ что тебѣ передъ Нимъ не нужно казаться, а нужно только быть хорошимъ.

3.

Если хочешь быть спокоенъ, угождай Богу, а не людямъ. Разные люди хотятъ разнаго: нынче хотятъ одного, завтра другого. Никогда не угодишь людямъ. Живущій же въ тебѣ Богъ всегда хочетъ одного, и ты знаешь, чего Онъ хочетъ.

4.

Человѣкъ долженъ служить одному изъ двухъ: душѣ или тѣлу. Если душѣ, то онъ долженъ бороться съ грѣхомъ. Если

тѣлу, то незачѣмъ ему бороться съ грѣхами. Тогда ему нужно только дѣлать то, что принято всѣми.

5.

Есть только одно средство совсѣмъ не вѣрить въ Бога: средство это въ томъ, чтобы признавать всегда справедливымъ мнѣніе людей и не придавать никакого значенія своему внутреннему голосу.

Джонъ Рёскинъ.

6.

Если мы сидимъ въ движущемся кораблѣ и смотримъ на какую-нибудь вещь на этомъ же кораблѣ, то мы не замѣчаемъ того, что плывемъ; если же мы посмотримъ въ сторону на то, что не движется вмѣстѣ съ нами, на примѣръ, на берегъ, то тотчасъ же замѣтимъ, что движемся. То же и въ жизни. Когда всѣ люди живутъ не такъ, какъ должно, то это незамѣтно намъ, но стоитъ одному опомниться и зажить по-Божьи, и тотчасъ же становится яснымъ, какъ дурно живутъ остальные. Остальные же всегда гонять за это того, кто живетъ не такъ, какъ они всѣ.

Паскаль.

7.

Надо приучать себя жить такъ, чтобы не думать о людскомъ мнѣніи, чтобы не желать даже любви людской, а жить только для исполненія закона своей жизни, воли Бога. При такой одинокой, съ однимъ Богомъ жизни, правда, нѣтъ ужъ побужденія къ добрымъ поступкамъ ради славы людской, но зато устанавливается въ душѣ такая свобода, такое спокойствіе, такое постоянство и такое твердое сознаніе вѣрности пути, которыхъ никогда не узнаетъ тотъ, кто живетъ для славы людской.

И приучить себя къ этому можетъ каждый человѣкъ.

XVII.

Ложныя вѣры.

Ложныя вѣры, это—такія вѣры, которыя люди принимаютъ не потому, что онѣ нужны имъ для души, а только потому, что вѣрятъ тѣмъ, кто ихъ проповѣдуетъ.

I.

Въ чемъ состоитъ обманъ ложныхъ вѣръ?

1.

Часто люди думаютъ, что они вѣрятъ въ законъ Бога, а они вѣрятъ только въ то, во что вѣрятъ всѣ. Всѣ же вѣрятъ не въ законъ Бога, а называютъ закономъ Бога то, что подходитъ къ ихъ жизни и не мѣшаетъ имъ вести ее.

2.

Если люди живутъ въ грѣхахъ и соблазнахъ, то они не могутъ быть спокойны. Совѣсть обличаетъ ихъ. И потому такимъ людямъ нужно одно изъ двухъ: или признать себя виноватыми передъ людьми и Богомъ, перестать грѣшить, или продолжать жить грѣшной жизнью, дѣлать дурныя дѣла и называть свои злыя дѣла добрыми. Вотъ для такихъ-то людей

и придуманы ученія ложныхъ вѣрь, по которымъ можно, живя дурной жизнью, считать себя правыми.

3.

Дурно лгать передъ людьми, но еще хуже лгать передъ самимъ собою. Вредна такая ложь особенно тѣмъ, что во лжи передъ людьми люди уличать тебя, во лжи же передъ собою тебя некому уличить. И потому берегись лгать передъ самимъ собою, особенно когда дѣло идетъ о вѣрѣ.

4.

«Вѣрь или будь проклятъ». Въ этомъ главная причина зла. Если человѣкъ принимаетъ безъ разсужденія то, что онъ долженъ бы былъ разобрать своимъ разумомъ, человѣкъ въ концѣ концовъ отвыкаетъ отъ разсужденія и подпадаетъ проклятію самъ и вводитъ въ грѣхъ своихъ ближнихъ. Спасеніе людей въ томъ, чтобы каждому научиться думать своимъ умомъ.

Эмерсонъ.

5.

Нельзя ни взвѣсить, ни измѣрить того вреда, который производили и производятъ ложныя вѣры.

Вѣра есть установленіе отношенія человѣка къ Богу, къ міру и вытекающее изъ этого отношенія опредѣленіе своего назначенія. Какова же должна быть жизнь человѣка, если это отношеніе и вытекающее изъ него опредѣленіе назначенія ложны?

6.

Могутъ быть три рода ложной вѣры. Первая ложная вѣра— это вѣра въ возможность познанія черезъ опытъ того, что по законамъ опыта не можетъ быть допущено. Вторая ложная вѣра состоитъ въ допущеніи для нашего нравственнаго совершенствованія того, о чемъ мы нашимъ разумомъ не можемъ составить никакого понятія. Третья ложная вѣра— это при-

знаніе возможности призвать сверхъестественнымъ путемъ такое таинственное дѣйствіе, посредствомъ котораго божество будетъ вліять на нашу нравственность.

Кантъ.

II.

Ложныя вѣры отвѣчаютъ не высшимъ, а низшимъ требованіямъ души человѣческой.

1.

Единая истинная религія не содержитъ въ себѣ ничего, кромѣ законовъ, то-есть такихъ нравственныхъ началъ, безусловную необходимость которыхъ мы можемъ сами сознать и изслѣдовать и которые мы сознаемъ нашимъ разумомъ.

Кантъ.

2.

Человѣкъ можетъ угодить Богу только хорошей жизнью. И потому все то, чѣмъ, кромѣ хорошей, чистой, доброй жизни, человѣкъ думаетъ угодить Богу, все это грубый и вредный обманъ.

По Канту.

3.

Покаяніе человѣка, который истязуетъ себя вмѣсто того, чтобы, воспользовавшись своимъ настроеніемъ, поскорѣе измѣнить къ лучшему свой образъ жизни, это даромъ потраченный трудъ, и, кромѣ того, такое покаяніе влечетъ за собою еще то дурное послѣдствіе, что человѣкъ считаетъ, что онъ однимъ этимъ (покаяніемъ) погасилъ списокъ своихъ долговъ и не заботится уже о самосовершенствованіи, которое одно только и нужно при сознаніи своихъ нравственныхъ ошибокъ.

Кантъ.

4.

Дурно то, что люди не знаютъ Бога, но еще хуже то, когда люди признаютъ Богомъ то, что не есть Богъ.

Лактанцій.

5.

Говорять: Богъ создалъ человѣка по образу Своему; надо бы скорѣе сказать, что человѣкъ по своему образу создалъ Бога.

Лихтенбергъ.

6.

Когда говорятъ о небѣ, какъ о мѣстѣ, гдѣ находятся блаженные, то обыкновенно представляютъ себѣ его гдѣ-то высоко надъ собою въ необъятныхъ міровыхъ пространствахъ. Но при этомъ забываютъ о томъ, что наша земля, разсматриваемая изъ тѣхъ міровыхъ пространствъ, такъ же представляется одной изъ небесныхъ звѣздъ, и что жители тѣхъ міровъ съ такимъ же правомъ могли бы показать на землю и сказать: «Видите вонъ ту звѣзду—мѣсто вѣчнаго блаженства, небесный пріютъ, приготовленный для насъ, куда мы когда-нибудь попадемъ». Дѣло въ томъ, что по странной ошибкѣ нашего ума полетъ нашей вѣры всегда соединенъ съ понятіемъ о восхожденіи вверхъ, при чемъ не думаютъ о томъ, что, какъ бы высоко мы ни поднимались, намъ все-таки придется опять опуститься внизъ, чтобы стать твердой ногой въ какомъ-нибудь другомъ мірѣ.

7.

Просить Бога о вещественномъ: о дождѣ, о выздоровленіи, объ избавленіи отъ враговъ и т. п. нельзя уже потому, что въ то же самое время другіе люди могутъ просить о противоположномъ, главное же, нельзя потому, что въ вещественномъ мірѣ намъ дано все, что намъ нужно. Молитва можетъ быть о томъ, чтобы Богъ помогъ намъ жить духовной жизнью, такой жизнью, при которой все, что случается съ нами, все было бы намъ на благо. Просительная же молитва о вещественномъ есть только самообольщеніе.

8.

Истинная молитва только въ томъ, чтобы, отрѣшившись отъ всего мірскаго, отъ всего, что можетъ развлекать наши

чувства (магометане прекрасно дѣлають, когда, входя въ мечеть или начиная молиться, закрываютъ пальцами глаза и уши), вызвать въ себѣ Божеское начало. Самое лучшее для этого то, чему учить Христосъ: войти одному въ клѣть и затвориться, то-есть молиться въ полномъ уединеніи, будетъ ли оно въ клѣти, въ лѣсу или въ полѣ. Истинная молитва — въ томъ, чтобы, отрѣшившись отъ всего мірскаго, внѣшняго, провѣрить свою душу, свои поступки, свои желанія по требованіямъ не внѣшнихъ условій міра, а того божественнаго начала, которое мы сознаемъ въ душѣ своей.

Такая молитва — помощь, укрѣпленіе, возвышеніе души, исповѣдь, повѣрка прежнихъ и указаніе направленія будущихъ поступковъ.

III.

Внѣшнее богопочитаніе.

1.

Между тунгузскимъ шаманомъ и европейскимъ католическимъ прелатомъ или (взявъ для примѣра простыхъ людей) между совершенно грубымъ, чувственнымъ вогуломъ, который поутру кладетъ себѣ на голову лапу медвѣжьей шкуры, приговаривая молитву: не убій меня, и утонченнымъ пуританиномъ и индипендентомъ въ Коннектикутѣ, хотя и есть разница въ пріемахъ, нѣтъ разницы въ основахъ ихъ вѣры, такъ какъ они оба принадлежатъ къ одному и тому же разряду людей, которые полагають свое служеніе Богу не въ томъ, чтобы становиться лучше, а въ вѣрѣ или въ исполненіи извѣстныхъ произвольныхъ постановленій. Только тѣ, которые вѣрятъ, что служеніе Богу состоитъ въ стремленіи къ лучшей жизни, отличаются отъ первыхъ — тѣмъ, что признають иную, неизмѣримо высшую основу, соединяющую всѣхъ благомыслящихъ людей въ невидимую церковь, которая одна можетъ быть всеобщею.

К а н т ъ.

2.

Человѣкъ, совершающій поступки, которые сами по себѣ не имѣютъ ничего нравственнаго, для того, чтобы привлечь къ себѣ непосредственно благосклоннаго Бога, и посредствомъ ихъ достигнуть исполненія своихъ желаній, находится въ заблужденіи о томъ, что можно естественными средствами достигнуть сверхъестественныхъ послѣдствій. Такія попытки называютъ колдовствомъ, но такъ какъ колдовство имѣетъ связь съ злымъ духомъ, попытки же эти совершаются хотя и по недоразумѣнію, но съ добрыми намѣреніями, то мы назовемъ такія попытки скорѣе фетишизмомъ. Такое сверхъестественное воздѣйствіе человѣка на Бога возможно только въ мысли и неразумно уже потому, что неизвѣстно, угодно ли или нѣтъ Богу такое дѣйствіе. Если же человѣкъ, кромѣ того, что онъ непосредственно дѣлаетъ для достиженія Божьяго благоволенія, то-есть кромѣ добраго поведенія, старается еще сдѣлать себя достойнымъ, посредствомъ извѣстныхъ формальностей, сверхъестественной помощи и съ этой цѣлью, посредствомъ исполненія внѣшнихъ пріемовъ, которые не имѣютъ никакой непосредственной цѣны, думаетъ сдѣлать себя болѣе воспріимчивымъ къ нравственному настроенію и достиженію своихъ добрыхъ стремленій, то онъ разсчитываетъ на нѣчто сверхъестественное для исправленія своей естественной слабости. Такой человѣкъ, считая, что поступки, не имѣющіе въ себѣ ничего нравственнаго и угоднаго Богу, могутъ служить средствомъ или условіемъ исполненія своего желанія непосредственно отъ Бога, находится въ заблужденіи о томъ, что, несмотря на то, что онъ не имѣетъ къ тому ни физической, ни нравственной склонности, онъ можетъ сверхъестественнымъ способомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ нравственностью приколдовать къ себѣ эту сверхъестественную Божескую помощь исполненіемъ различныхъ внѣшнихъ пріемовъ.

3.

«И когда молишься, не будь, какъ лицемѣры, которые любятъ въ синагогахъ и на углахъ улицъ, останавливаясь, молиться, чтобы показаться передъ людьми. Истинно говорю вамъ, что они уже получаютъ награду свою. Ты же, когда молишься, войди въ комнату твою и, затворивъ дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайнѣ, и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ».

Мѡ. VI, 5—6.

4.

«Остерегайтесь книжниковъ, которые любятъ ходить въ длинныхъ одеждахъ и любятъ привѣтствія въ народныхъ собраніяхъ, предсѣданія въ синагогахъ и предвозлежанія на пиршествахъ, которые поѣдаютъ дома вдовъ и лицемѣрно долго молятся» (Луки, XX, 46—47).

Тамъ, гдѣ есть ложная вѣра, всегда будутъ эти книжники и всегда будутъ поступать такъ же, какъ поступали тѣ, о которыхъ говорится въ Евангеліи.

IV.

Множественность вѣроученій и единая истинная религія.

1.

Человѣку, не думавшему о вѣрѣ, кажется, что есть только одна истинная вѣра,—та, въ которой онъ родился. Но только спроси себя, что бы было, если бы ты родился въ другой вѣрѣ, христіанинъ—въ магометанской, буддистъ—въ христіанской, христіанинъ—въ браминской? Неужели только мы, въ своей вѣрѣ, въ истинѣ, а всѣ остальные во лжи? Вѣра не станетъ истиной отъ того, что ты будешь увѣрять себя и другихъ, что она одна истинная.

V.

Послѣдствія исповѣданія ложныхъ вѣръ.

1.

Въ 1682 г. въ Англіи докторъ Лейтонъ, почтенный чловѣкъ, написавшій книгу противъ англиканскаго епископства, былъ судимъ и приговоренъ къ слѣдующимъ, совершеннымъ надъ нимъ наказаніямъ: его жестоко высѣкли, потомъ отрѣзали одно ухо и распороли одну сторону носа, потомъ горячимъ желѣзомъ выжгли на щекѣ буквы SS: сѣятель смуть. Послѣ семи дней его опять высѣкли, несмотря на то, что рубцы на спинѣ еще не зажили, и распороли другую сторону носа, и отрѣзали другое ухо, и выжгли клеймо на другой щекѣ. Все это было сдѣлано во имя христіанства.

Морисонъ Давидсонъ.

2.

Въ 1415 г. Іоанна Гусса за то, что онъ обличалъ ложную вѣру католиковъ и дурныя дѣла папы, признали еретикомъ, судили и приговорили къ смерти безъ пролитія крови, то-есть къ сожженію.

Казнили его за городскими воротами между садами. Когда Гусса привели на мѣсто казни, онъ сталъ на колѣни и сталъ молиться. Когда палачъ велѣлъ ему войти на костеръ, Гуссъ всталъ и сказалъ громко:

— Іисусе Христе! Иду на смерть за проповѣдь Твоего слова, буду терпѣть покорно.

Палачи раздѣли Гусса и привязали ему руки назадъ къ столбу; ноги Гусса стояли на скамьѣ. Вокругъ него положили дрова и солому. Дрова и солома доходили Гуссу до подбородка. Тогда имперскій начальникъ подошелъ къ Гуссу и сказалъ, что, если онъ отречется отъ всего, что онъ говоритъ, его простятъ.

— Нѣтъ,—сказалъ Гуссъ,—я не знаю за собой вины.

Тогда палачи зажгли костеръ. Гуссъ запѣлъ молитву: «Христе, Сыне Бога живаго, помилуй меня!»

Огонь поднялся высоко, и скоро Гуссъ замолкъ.

Такъ утверждали свою вѣру люди, которые называли себя христіанами.

Развѣ не ясно, что это была не вѣра, а самое грубое суевѣріе?

3.

Изъ всѣхъ способовъ распространенія ложныхъ вѣръ самый жестокий — внушеніе ложной вѣры дѣтямъ. Онъ состоитъ въ томъ, что ребенку, спрашивающему у старшихъ, жившихъ прежде его и имѣвшихъ возможность познать мудрость прежде жившихъ людей, о томъ, что такое этотъ міръ и его жизнь и какое отношеніе между тѣмъ и другимъ, — отвѣчаютъ не то, что думаютъ и знаютъ эти старшіе, а то, что думали люди, жившіе тысячи лѣтъ тому назадъ, и во что никто изъ взрослыхъ людей уже не вѣритъ и не можетъ вѣрить. Въмѣсто духовной, необходимой ему пищи, о которой проситъ ребенокъ, ему дается губящій его духовное здоровье ядъ, отъ котораго онъ можетъ исцѣлиться только величайшими усиліями и страданіями.

4.

Никогда люди не дѣлаютъ злыхъ дѣлъ съ большимъ спокойствіемъ и увѣренностью въ своей правотѣ, какъ тогда, когда они дѣлаютъ ихъ по ложной вѣрѣ.

П а с к а л ь.

VI.

Въ чемъ заключается истинная религія?

1.

«Не называйтесь учителями, ибо одинъ у васъ Учитель — Христосъ, всѣ же вы — братья; и отцомъ себѣ не называйте никого на землѣ, ибо одинъ у васъ Отецъ, Который на не-

бесахъ; и не называйтесь наставниками, ибо одинъ у васъ Наставникъ—Христосъ» (Матѣ. XXIII, 8—10).

Такъ училъ Христосъ. А училъ Онъ такъ потому, что зналъ, что какъ въ Его время были люди, учившіе людей ложному закону Бога, такъ и впредь будутъ такіе люди. Онъ зналъ это и училъ тому, что не надо слушать людей, называющихъ себя наставниками, потому что ученія ихъ затемняютъ то простое и ясное ученіе, которое открыто всѣмъ людямъ и заложено въ сердцахъ каждого человѣка.

Ученіе это въ томъ, чтобы любить Бога, какъ высшее добро и истину, и ближняго, какъ самого себя, и дѣлать другимъ, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали.

2.

Вѣра не въ томъ, чтобы знать то, что было, или то, что будетъ, ни даже то, что есть, а только въ томъ одномъ, чтобы знать, что должно дѣлать каждому человѣку.

3.

«Итакъ, если ты принесешь даръ твой къ жертвеннику и тамъ вспомнишь, что братъ твой имѣетъ что-нибудь противъ тебя, оставь тамъ даръ твой предъ жертвенникомъ и пойдѣ, прежде примиришься съ братомъ твоимъ, и тогда приди и принеси даръ твой» (Матѣ. V, 23—24).

Вотъ въ чемъ истинная вѣра: не въ обрядѣ, не въ жертвѣ, а въ единеніи съ людьми.

4.

Христіанское ученіе такъ ясно, что младенцы понимаютъ его въ его настоящемъ смыслѣ. Не понимаютъ его только тѣ, кто не хотятъ жить по-христіански.

Для того, чтобы понимать истинное христіанство, надо прежде всего отказаться отъ ложнаго.

5.

Истинное богопочитаніе свободно отъ суевѣрія; когда въ него проникаетъ суевѣріе, то и самое богопочитаніе разрушается. Христось указалъ намъ, въ чемъ истинное богопочитаніе. Онъ училъ, что изъ всего того, что мы дѣлаемъ въ своей жизни, одно есть свѣтъ и счастье людей, это — наша любовь другъ къ другу; Онъ училъ, что счастья нашего мы можемъ достигнуть только тогда, когда будемъ служить людямъ, а не себѣ.

6.

Если то, что выдается за законъ Божій, не требуетъ любви, то все это человѣческія выдумки, а не законъ Божій.

По Сковородѣ.

7.

Никогда не узнаешь Бога, если будешь вѣрить всему тому, что будутъ тебѣ говорить про Бога.

8.

Узнать Бога нельзя по рассказамъ о Немъ. Узнать Его можно только тѣмъ, чтобы исполнять законъ Его, тотъ законъ, который знаетъ сердце всякаго человѣка.

9.

Сущность ученія Христа въ томъ, что Онъ показалъ людямъ то божеское совершенство, къ которому въ своей жизни должны приближаться люди. Люди же, не желающіе слѣдовать ученію Христа, иногда нарочно, а иногда и не нарочно, понимаютъ ученіе Христа не такъ, какъ Онъ его проповѣдывалъ: какъ непрестанное приближеніе къ совершенству, а какъ правило, по которому Христось будто бы требуетъ отъ людей божескаго совершенства. И понимая такъ превратно ученіе Христа, люди, не желающіе ему слѣдовать, дѣлаютъ одно изъ двухъ: или признавая совершенство недостижимымъ (что со-

вершенно справедливо), откидываютъ все ученіе, какъ неисполнимую мечту (это дѣлается свѣтскими людьми), или, что самое вредное и распространенное, что и дѣлалось и дѣлается большинствомъ людей, считающихъ себя христіанами, , это—то, чтобы, признавая совершенство недостижимымъ, исправлять, то-есть извращать ученіе, и вмѣсто истиннаго христіанскаго ученія, состоящаго въ вѣчномъ стремленіи къ божескому совершенству, исполнять правила, называемыя христіанскими, но большей частью прямо противныя христіанству.

10.

Понятіе соединенія христіанъ, какъ собранія избранныхъ, лучшихъ, есть понятіе не христіанское, гордое, ложное. Кто лучший, кто худшій? Петръ былъ лучшимъ до пѣтуха, а разбойникъ худшимъ до креста. Развѣ мы не знаемъ въ самихъ себѣ то ангела, то дьявола, которые примѣшиваются къ нашей жизни такъ, что нѣтъ человѣка, который бы совсѣмъ изгналъ изъ себя ангела, ни такого, у котораго изъ-за ангела не выступалъ бы иногда дьяволъ? Какъ же намъ, такимъ пестрымъ существамъ, составлять собраніе избранныхъ, праведныхъ?

Есть свѣтъ истины, и есть люди, со всѣхъ сторонъ приближающіеся къ нему, со столькихъ разныхъ сторонъ, сколько есть радіусовъ въ кругѣ,—стало-быть, до безконечности разнообразными путями. Будемъ всѣми силами стремиться къ свѣту истины, объединяющему всѣхъ, а насколько мы близки къ нему и объединены—судить не намъ.

VII.

Истинная единая вѣра все болѣе и болѣе соединяетъ людей.

1.

Извращеніе христіанства отдалило отъ насъ осуществленіе Царства Божія, но истина христіанства, какъ огонь въ кострѣ,

который, заглушенный на время наваленнымъ сырымъ хворостомъ, уже высушилъ сырые прутья, начинаетъ охватывать ихъ и выбиваться наружу. Истинное значеніе христіанства теперь уже видно всѣмъ, и вліяніе его уже сильнѣе того обмана, который скрываетъ его.

2.

Прислушайтесь къ тому глубокому недовольству теперешней формой христіанства, которое распространяется въ обществѣ, выражается ропотомъ, иногда озлобленіемъ, печалью. Всѣ жаждутъ пришествія Царства Бога. И оно приближается.

Болѣе чистое христіанство, хотя и медленно, но все болѣе и болѣе занимаетъ мѣсто того, которое называется этимъ именемъ.

Чаннингъ.

3.

Отъ Моисея до Іисуса совершилось великое умственное и религіозное развитіе среди отдѣльныхъ людей и народовъ. Отъ времени Іисуса до нашего это движеніе какъ въ отдѣльныхъ людяхъ, такъ и въ народахъ было еще значительнѣе. Старыя заблужденія откинута, и новыя истины вошли въ сознаніе человѣчества. Одинъ человѣкъ не можетъ быть такъ же великъ, какъ человѣчество. Если великій человѣкъ настолько впереди своихъ собратьевъ, что они не понимаютъ его,—приходитъ время, когда они сначала догоняютъ, потомъ обгоняютъ его и уходятъ такъ далеко, что, въ свою очередь, становятся непонятными для тѣхъ, которые стоятъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ прежній великій человѣкъ. Всякій великій религіозный геній все больше и больше уясняетъ религіозныя истины и содѣйствуетъ этимъ все большому и большому единенію людей.

Паркеръ.

4.

Какъ всякій человѣкъ въ отдѣльности, такъ равно и все человѣчество въ совокупности должно преображаться, переходить отъ состоянія низшаго къ высшему, не задерживаясь въ

своемъ ростѣ, предѣль котораго въ самомъ Богѣ. Всякое состояніе является послѣдствіемъ предшествующаго состоянія. Ростъ совершается непрерывно и незамѣтно, подобно росту зародыша, совершается такъ, что ничто не нарушаетъ цѣли послѣдовательныхъ состояній этого непрерывнаго развитія. Но если человѣку и всему роду человѣческому предназначено преобразоваться, то и для отдѣльнаго человѣка и для рода человѣческаго это преобразование должно совершиться въ трудѣ и страданіяхъ.

Прежде чѣмъ облечься въ величіе, прежде чѣмъ выйти въ свѣтъ, нужно двигаться во мракѣ, терпѣть гоненія, отдать тѣло, чтобы спасти душу; надо умереть, чтобы возродиться въ жизнь болѣе могучую, болѣе совершенную. И послѣ 18 столѣтій, совершивъ одинъ изъ круговъ своего развитія, человѣчество опять стремится преобразиться. Старыя системы, старыя общества, все, что составляло старый міръ, уже разрушается, — и народы живутъ теперь среди развалинъ въ ужасѣ и страданіи. И потому не унывать надо при видѣ этихъ развалинъ, этихъ смертей, уже совершившихся или имѣющихъ совершиться, а, напротивъ, мужаться. Соединеніе людей недалеко.

Ла м е н ѣ.

XVIII.

Ложная наука.

Суевѣріе науки состоитъ въ вѣрѣ въ то, что единое, истинное и необходимое для жизни всѣхъ людей знаніе заключается только въ тѣхъ, случайно собранныхъ изъ всей безграничной области знанія, знаніяхъ, которыя въ извѣстное время обратили на себя вниманіе небольшого числа людей,—тѣхъ людей, которые освободили себя отъ необходимаго для жизни труда и потому живутъ безнравственной и неразумной жизнью.

I.

Въ чемъ состоитъ суевѣріе науки?

1.

Когда люди безъ провѣрки своимъ разумомъ принимаютъ за несомнѣнныя истины то, что передается имъ за таковыя другими людьми, они подпадаютъ суевѣрію. Таково въ наше время суевѣріе науки, то-есть признаніе несомнѣнными истинами всего того, что передается за таковыя профессорами, академиками, вообще людьми, называющими себя учеными.

2.

Какъ есть лжеученіе вѣры, такъ есть и лжеученіе науки. Лжеученіе это въ томъ, чтобы признавать единой, истинной

наукой все то, что считается единой, истинной наукой людьми, въ извѣстное время взявшими на себя право опредѣлять истинную науку. А какъ только наукой считается не то, что нужно всѣмъ людямъ, а то, что опредѣляютъ люди, взявшіе на себя въ извѣстное время право опредѣлять, что такое наука, такъ наука не можетъ не быть ложной. Такъ это и сдѣлалось въ нашемъ мірѣ.

3.

Наука въ наше время занимаетъ совершенно то мѣсто, которое занимало жречество нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ.

Тѣ же признанные жрецы—профессора, тѣ же касты жречества въ наукѣ, академіи, университеты, съѣзды.

То же довѣріе и отсутствіе критики въ вѣрующихъ и тѣ же среди вѣрующихъ разногласія, не смущающія ихъ. Тѣ же слова непонятныя, вмѣсто мысли та же самоувѣренная гордость:

— Что же съ нимъ говорить, онъ отрицаетъ откровеніе.

— Что же съ нимъ говорить, онъ отрицаетъ науку.

4.

Какъ египтянинъ на всѣ положенія, которыя ему предлагались жрецами, какъ истина, не смотрѣлъ такъ, какъ мы теперь смотримъ на нихъ,—какъ на вѣрованія,—а какъ на откровенія высшаго, доступнаго человѣку знанія, то-есть науку, точно такъ же и теперь наивные люди, не знающіе науки, смотрятъ на все то, что имъ выдается теперешними жрецами науки за несомнѣнную истину,—вѣрятъ въ нее.

5.

Для истиннаго знанія вреднѣ всего употребленіе понятій и словъ не вполне ясныхъ. А это-то самое и дѣлаютъ мнимые ученые, придумывая для неяснаго понятія неясныя, несуществующія, выдуманная слова.

6.

Ложная наука и ложныя религіи выражаютъ свои догматы всегда высокопарнымъ языкомъ, который непосвященнымъ

кажется чѣмъ-то таинственнымъ и важнымъ. Разсужденія ученыхъ людей часто бываютъ столь же мало понятны не только для другихъ, но и для нихъ самихъ, какъ рѣчи профессиональныхъ учителей вѣры. Педантъ ученый, пользуясь латинскими терминами и нововыдуманными словами, часто дѣлаетъ изъ самаго простаго нѣчто столь же непонятное, какъ и латинскія молитвы ксендзовъ для ихъ неграмотныхъ прихожанъ. Таинственность не есть признакъ мудрости. Чѣмъ истинно мудрѣе человѣкъ, тѣмъ проще тотъ языкъ, которымъ онъ выражаетъ свои мысли.

II.

Наука служить оправданіемъ устройства общественной жизни.

1.

Казалось бы, что для того, чтобы признать важность занятія тѣмъ, что называется наукой, надо доказать, что эти занятія полезны. Люди же науки обыкновенно утверждаютъ, что такъ какъ мы занимаемся извѣстными предметами, то занятія эти навѣрное когда-нибудь будутъ полезны.

2.

Законная цѣль наукъ есть познаніе истинъ, служащихъ къ благу людей. Ложная цѣль есть оправданіе обмановъ, вносящихъ зло въ жизнь человѣческую. Такова юриспруденція. политическая экономія и въ особенности философія и теология.

3.

Въ наукѣ бываютъ такіе же обманы, какъ и въ вѣрѣ, и начинаются они съ того же самаго—съ желанія оправдать свои слабости, и поэтому научные обманы такъ же вредны, какъ и религіозные. Люди заблуждаются, живутъ дурно. По-настоя-

щему, слѣдуетъ людямъ, понявъ, что они живутъ дурно, постараться перемѣнить жизнь и начать жить лучше. И тутъ-то являются разныя науки: государственная, финансовая, теологическая, уголовная, полицейская, является наука политическая экономія, исторія и самая модная—соціологія, о томъ, по какимъ законамъ живутъ и должны жить люди, и оказывается, что дурная жизнь людей не отъ нихъ, а отъ того, что таковы законы, и что дѣло людей не въ томъ, чтобы перестать жить дурно и измѣнять свою жизнь отъ худшаго къ лучшему, а только въ томъ, чтобы, живя попрежнему, по своимъ слабостямъ думать, что все худое происходитъ не отъ нихъ самихъ, а отъ тѣхъ законовъ, какіе нашли и высказали ученые. Обманъ этотъ такъ неразуменъ и такъ противенъ совѣсти, что люди никогда бы и не приняли его, если бы онъ не потакалъ ихъ дурной жизни.

4.

Мы устроили себѣ жизнь, противную и нравственной и тѣлесной природѣ человѣка, и вполнѣ увѣрены,—только потому, что всѣ такъ думаютъ,—что это-то и есть самая настоящая жизнь. Мы смутно чувствуемъ, что все то, что мы называемъ нашимъ общественнымъ устройствомъ, нашей религіей, нашей культурой, нашими науками и искусствами, что все это не то и что все это не избавляетъ насъ отъ нашихъ бѣдъ, а только увеличиваетъ ихъ. Но мы не рѣшаемся подвергнуть все это провѣркѣ разума, потому что думаемъ, что человечество, всегда признававшее необходимость принудительнаго общественнаго устройства, религіи, науки, не можетъ жить безъ нихъ.

Если бы цыпленокъ въ яйцѣ былъ одаренъ разумомъ человѣческимъ и такъ же мало умѣлъ бы пользоваться имъ, какъ люди нашего времени, онъ никогда не разбилъ бы скорлупы своего яйца и никогда не узналъ бы жизни.

5.

Наука стала теперь раздавательницей дипломовъ на пользованіе чужими трудами.

6.

Методическая болтовня высшихъ училищъ зачастую есть только общее соглашеніе уклоняться отъ рѣшенія трудно разрѣшимыхъ вопросовъ, придавая словамъ измѣнчивый смыслъ, потому что удобное и большей частью разумное «не знаю» неохотно выслушивается въ академіяхъ.

К а н т ъ.

7.

Нѣтъ болѣе несогласныхъ двухъ вещей, какъ знаніе и выгода, наука и деньги. Если для того, чтобы стать болѣе ученымъ, нужны деньги, если ученость покупается и продается за деньги, то и покупатель и продавецъ ошибаются. Христосъ выгналъ продавцовъ изъ храма. Такъ же должны быть выгнаны продавцы и изъ храма науки.

8.

Не смотри на ученость, какъ на корону, чтобы ею красоваться, ни какъ на корову, чтобы кормиться ею.

9.

Самымъ яркимъ доказательствомъ того, насколько часто подъ словомъ «наука» подразумѣваются не только самые ничтожные, но и самые гадкіе предметы, служитъ то, что существуетъ наука о наказаніи, то-есть о совершеніи самаго невѣжественнаго поступка, свойственнаго только человѣку на самой низкой ступени развитія—ребенку, дикому.

III.

Вредныя послѣдствія суевѣрія науки.

1.

Нѣтъ людей съ болѣе запутанными понятіями о религіи, о нравственности, о жизни, чѣмъ люди науки; и еще болѣе

поразительно то, что наука нашего времени, совершая дѣйствительно большіе успѣхи въ своей области изслѣдованія условій матеріальнаго міра, въ жизни людей оказывается часто не только ни на что ненужной, но еще и производящею самыя вредныя послѣдствія.

2.

Вредно распространеніе между людьми мыслей о томъ, что наша жизнь есть произведеніе вещественныхъ силъ и находится въ зависимости отъ этихъ силъ. Но когда такія ложныя мысли называются науками и выдаются за святую мудрость человѣчества, то вредъ, производимый такимъ ученіемъ, ужасенъ.

3.

Развитіе науки не содѣйствуетъ очищенію нравовъ. У всѣхъ народовъ, жизнь которыхъ мы знаемъ, развитіе наукъ содѣйствовало развращенію нравовъ. То, что мы теперь думаемъ противное, происходитъ оттого, что мы смѣшиваемъ наши пустыя и обманчивыя знанія съ истиннымъ высшимъ знаніемъ. Наука, въ ея отвлеченномъ смыслѣ, наука вообще, не можетъ не быть уважаема, но теперешняя наука, то, что безумцы называютъ наукой, достойна только насмѣшки и презрѣнія.

Руссо.

4.

Единственное объясненіе той безумной жизни, противной сознанію лучшихъ людей всѣхъ временъ, которую ведутъ люди нашего времени, въ томъ, что молодыя поколѣнія обучаются безчисленнымъ самымъ труднымъ предметамъ: о состояніи небесныхъ тѣлъ, о состояніи земли за милліоны лѣтъ, о происхожденіи организмовъ и т. п., не обучаются они только тому одному, что всѣмъ и всегда нужно: тому, какой смыслъ человѣческой жизни, какъ надо прожить ее, что думали объ этомъ вопросѣ и какъ рѣшили его мудрѣйшіе люди всѣхъ вѣковъ. Не только не обучаются этому молодыя поколѣнія, но вмѣсто этого обучаются подъ названіемъ.... самымъ яв-

нымъ безсмыслицамъ, въ которыя не вѣрятъ и сами обучающіе. Подъ все зданіе нашей жизни вмѣсто камня подложены надутые воздухомъ пузыри. Какъ же не валиться этому зданію?

5.

То, что у насъ называется наукой, почти все только выдумки богатыхъ людей, нужны только затѣмъ, чтобы занять ихъ праздное время.

6.

Мы живемъ въ вѣкъ философіи, наукъ и разума. Кажется, что всѣ науки соединились, чтобы освѣтить намъ путь въ этомъ лабиринтѣ человѣческой жизни. Огромныя библіотеки открыты для всѣхъ, вездѣ гимназіи, школы, университеты даютъ намъ съ дѣтства возможность воспользоваться мудростью людей, проявившейся въ продолженіе тысячелѣтій. Все, казалось бы, содѣйствуетъ образованію нашего ума и утвержденію разума. Что же, стали ли мы лучше или мудрѣе отъ всего этого? Лучше ли мы знаемъ путь и назначеніе нашего призванія? Лучше ли мы знаемъ, въ чемъ наши обязанности и, главное, благо жизни? Что приобрѣли мы отъ всего этого тщетнаго знанія, кромѣ вражды, ненависти, неизвѣстности и сомнѣній? Всякое религіозное ученіе и секта доказываетъ, что она одна нашла истину. Всякій писатель одинъ знаетъ, въ чемъ наше благо. Одинъ доказываетъ намъ, что нѣтъ тѣла, другой—что нѣтъ души, третій—что между душой и тѣломъ нѣтъ связи, четвертый—что человѣкъ животное, пятый—что Богъ только зеркало.

Руссо.

7.

Главное зло науки нашего времени въ томъ, что она, не будучи въ состояніи изучать *все*, и не зная, безъ помощи религіи, что *должно* изучать, изучаетъ только *пріятное* для самихъ людей науки, живущихъ неправильной жизнью.

Пріятнѣе же всего для людей науки существующій, выгодный для нихъ порядокъ и удовлетвореніе празднои любознательности, не требующее большихъ умственныхъ усилій.

IV.

Количество предметов изученія безчисленно, а познавательныя способности человѣка ограничены.

1.

Персидскій мудрецъ говоритъ: «Когда я былъ молодъ, я сказалъ себѣ: хочу познать всю науку. И я узналъ почти все, что знали люди, но когда я сталъ старъ и взглянулъ на все то, что я узналъ, то я увидаль, что жизнь моя прошла, и я ничего не знаю».

2.

Наблюденія и вычисленія астрономовъ научили насъ многому, достойному удивленія; но самый важный результатъ ихъ изслѣдованій, пожалуй, тотъ, что они обнаружили передъ нами бездну нашего невѣжества: безъ этихъ знаній человѣческій разумъ никогда не могъ бы представить себѣ всю огромность этой бездны. Размышленіе объ этомъ можетъ произвести большую перемѣну въ опредѣленіи конечныхъ цѣлей дѣятельности нашего разума.

К а н т ъ.

3.

«Есть травы на землѣ: мы ихъ видимъ; съ луны ихъ было бы не видно. На этихъ травахъ есть нити, въ этихъ нитяхъ—маленькія животныя, но дальше этого ничего уже нѣтъ». Какая самонадѣянность!

«Сложныя тѣла состоятъ изъ элементовъ, а элементы неразложимы». Какая самонадѣянность!

П а с к а л ь.

4.

У насъ не хватаетъ знаній, чтобы даже понять хоть только жизнь человѣческаго тѣла. Посмотрите, что нужно знать для этого: тѣлу нужны мѣсто, время, движеніе, теплота, свѣтъ,

пища, вода, воздухъ и многое другое. Въ природѣ же все такъ тѣсно связано между собою, что нельзя познать одного, не изучивъ другого. Нельзя познать части, не познавъ цѣлаго. Жизнь тѣла нашего мы поймемъ только тогда, когда изучимъ все то, что нужно ему; а для этого необходимо изучить всю вселенную. Но вселенная безконечна, и познаніе ея недостижимо для человѣка. Слѣдовательно, мы не можемъ вполне уяснить себѣ и жизнь нашего тѣла.

Паскаль.

5.

Опытныя науки, когда ими занимаются ради нихъ самихъ, разрабатывая ихъ безъ всякой руководящей философской мысли, подобны лицу безъ глазъ. Они представляютъ одно изъ занятій, подходящихъ для среднихъ способностей, лишенныхъ однако высшихъ дарованій, которыя были бы только помѣхой при этихъ кропотливыхъ изысканіяхъ. Люди съ такими средними способностями сосредоточиваютъ всѣ свои силы и все свое умѣнье на одномъ единственномъ отграниченномъ научномъ полѣ, гдѣ они и могутъ поэтому достигнуть возможно полного знанія, при условіи совершеннаго невѣжества во всѣхъ другихъ областяхъ. Ихъ можно сравнить съ рабочими въ часовыхъ мастерскихъ, изъ которыхъ одни дѣлаютъ только колеса, другіе—только пружины, третьи—только цѣпи.

Шопенгауэръ.

6.

Важно не количество знаній, а качество ихъ. Можно знать очень многое, не зная самаго нужнаго.

7.

Изученіе естественной исторіи дошло наконецъ въ Германіи до безумія. Хотя для Бога насѣкомое и человѣкъ—равноцѣнны, однако для нашего разума это не такъ. Какъ много долженъ человѣкъ привести въ порядокъ, прежде чѣмъ онъ дойдетъ до птицъ и мотыльковъ! Изучи свою душу, пріучи свой умъ къ осторожности въ сужденіяхъ и сердце къ миро-

любію. Научись познавать человѣка и вооружись мужествомъ говорить правду на благо твоихъ ближнихъ. Навостри умъ свой математикой, если не найдешь для этого никакого иного средства; остерегайся только классификаціи букашекъ, поверхностное знаніе которой совершенно бесполезно, точное же уводитъ въ безконечность.

«Но Богъ безконеченъ въ насѣкомыхъ такъ же, какъ и въ солнцѣ», скажешь ты. Я охотно признаю это. Онъ неизмѣримъ и въ пескѣ морскомъ, разновидностей котораго еще никто не систематизировалъ. Если ты не чувствуешь особеннаго призванія ловить жемчугъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ этотъ песокъ находится, оставайся здѣсь и воздѣлывай свое поле: оно требуетъ всего твоего прилежанія; и не забывай, что вмѣстимость твоего мозга конечна. Тамъ, гдѣ сидитъ какая-нибудь исторія бабочки, нашлось бы, можетъ-быть, мѣсто для мыслей мудрецовъ, которые могли бы вдохновить тебя.

Лихтенбергъ.

8.

Сократъ не имѣлъ столь обычной слабости толковать въ своихъ бесѣдахъ о всемъ существующемъ, отыскивать происхожденіе того, что софисты называютъ природой, и восходить до основныхъ причинъ, отъ которыхъ произошли небесныя тѣла. Неужели,—говорилъ онъ,—люди считаютъ, что постигли все то, что важно человѣку знать, если занимаются тѣмъ, что такъ мало касается человѣка?

Въ особенности удивлялся онъ слѣпотѣ тѣхъ ложныхъ ученыхъ, которые не сознаютъ, что человѣческій умъ не можетъ проникнуть въ эти тайны.—Потому-то,—говорилъ онъ,—всѣ эти люди, воображающіе, что смѣютъ толковать о нихъ, далеко не сходятся въ своихъ основныхъ мнѣніяхъ, и когда слушаешь ихъ всѣхъ вмѣстѣ, то кажется, что находишься среди сумасшедшихъ. И дѣйствительно, какіе отличительные признаки несчастныхъ, одержимыхъ безуміемъ? Они боятся того, въ чемъ нѣтъ ничего страшнаго, и не страшатся того, что дѣйствительно опасно.

Ксенофонтъ.

9.

Мудрость—предметъ великій и обширный, она требуетъ всего свободнаго времени, которое можетъ быть посвящено ей. Съ какимъ бы количествомъ вопросовъ ты ни успѣлъ справиться, тебѣ все-таки придется промучиться надъ множествомъ вопросовъ, подлежащихъ изслѣдованію и рѣшенію. Эти вопросы такъ обширны, такъ многочисленны, что требуютъ отстраненія изъ сознанія всего излишняго для того, чтобы предоставить полный просторъ работѣ ума. Тратить ли мнѣ свою жизнь на одни слова? А часто бываетъ, что ученые больше думаютъ о разговорахъ, нежели о жизни. Замѣть, какое зло порождаетъ чрезмѣрное мудрствованіе и какъ оно можетъ быть опасно для истины.

С е н е к а.

10.

Наука—это пища для ума. И эта пища для ума можетъ быть такъ же вредна, какъ и пища тѣлесная, если она не чиста, подслащена и если принимаешь ее не въ мѣру. Такъ что и умственной пищи можно переѣсть и заболѣть отъ нея. Для того, чтобы этого не было, надо такъ же, какъ въ тѣлесной пищѣ, принимать ее только тогда, когда голоденъ, когда чувствуешь необходимость знать,—только тогда, когда знаніе нужно для души.

V.

Знаній безчисленное количество. Дѣло истинной науки выбрать важнѣйшія и нужнѣйшія.

1.

Не стыдно и не вредно не знать,—всего знать никто не можетъ,—а стыдно и вредно притворяться, что знаешь то, чего не знаешь.

2.

Способность ума воспринимать знанія не безпредѣльна. И потому нельзя думать, что чѣмъ больше знаешь, тѣмъ лучше. Знаніе большого количества пустяковъ — непреодолимая помѣха для того, чтобы знать то, что истинно нужно.

3.

Умъ укрѣпляется изученіемъ нужнаго и важнаго для чело-вѣка и разслабляется изученіемъ ненужнаго и ничтожнаго рѣшительно такъ же, какъ тѣло укрѣпляется свѣжимъ или гни-лымъ воздухомъ или пищею.

Дж. Рёскинъ.

4.

Въ наше время накапливается огромное количество знаній, достойныхъ изученія. Скоро наши способности будутъ слиш-комъ слабы, а жизнь слишкомъ коротка, чтобы усвоить хотя бы одну только наиболѣе полезную часть этихъ знаній. Къ нашимъ услугамъ полное изобиліе богатствъ, по, воспринявъ ихъ, мы должны снова отбрасывать многое, какъ бесполезный хламъ. Было бы лучше никогда не обременять себя имъ.

Кантъ.

5.

Знанію нѣтъ конца. И потому про того, кто знаетъ очень много, нельзя сказать, чтобы онъ зналъ болѣе того, кто знаетъ очень мало.

6.

Самое обычное явленіе нашего времени — видѣть то, что люди, считающіе себя учеными, образованными и просвѣщен-ными, зная безчисленное количество ненужныхъ вещей, коспѣ-ютъ въ самомъ грубомъ невѣжествѣ, не только не зная смысла своей жизни, но гордясь этимъ незнаніемъ. И наоборотъ, не менѣе обычное явленіе встрѣчать среди малограмотныхъ и безграмотныхъ людей, ничего не знающихъ о химической

таблицъ, паралаксахъ и свойствахъ радія, людей истинно просвѣщенныхъ, знающихъ смыслъ своей жизни и не гордящихся этимъ.

7.

Люди не могутъ знать и понимать всего того, что дѣлается на свѣтѣ, и потому сужденія ихъ о многихъ вещахъ невѣрны. Невѣдѣніе человѣка бываетъ двоякое: одно невѣдѣніе есть чистое, природное невѣдѣніе, въ которомъ люди рождаются; другое невѣдѣніе, такъ сказать, невѣдѣніе истинно-мудраго. Когда человѣкъ изучитъ всѣ науки и узнаетъ все то, что люди знали и знаютъ, то онъ увидитъ, что эти знанія, всѣ вмѣстѣ взятые, такъ ничтожны, что по нимъ нѣтъ возможности дѣйствительно понять міръ Божій, и онъ убѣдится въ томъ, что ученые люди, въ сущности, все такъ же ничего не знаютъ, какъ и простые неученые. Но есть люди верхогляды, которые кое-чему поучились, нахватались верхушекъ разныхъ наукъ, и зазнались. Они ушли отъ природнаго невѣдѣнія, но не успѣли дойти до истинной мудрости тѣхъ ученыхъ, которые поняли несовершенство и ничтожество всѣхъ человѣческихъ знаній. Эти-то люди, считающіе себя умниками, и мутятъ міръ. Они обо всемъ судятъ самоувѣренно и опрометчиво и, разумѣется, постоянно ошибаются. Они умѣютъ бросать пыль въ глаза, и часто люди къ нимъ относятся съ уваженіемъ, но простой народъ ихъ презираетъ, видя ихъ бесполезность; они же презираютъ народъ, считая его невѣжественнымъ.

Паскаль.

8.

Люди часто думаютъ, что чѣмъ больше знать, тѣмъ лучше. Это неправда. Дѣло не въ томъ, чтобы знать много, а въ томъ, чтобы знать изъ всего того, что можно знать, самое нужное.

9.

Не бойся незнанія, бойся лишняго знанія, особенно если это знаніе для выгоды или для похвалы.

Лучше знать меньше, чѣмъ можно, чѣмъ знать больше, чѣмъ нужно. Отъ многознайства люди бываютъ довольны собой, самоувѣренны и отъ этого глупѣе, чѣмъ они были бы, если бы ничего не знали.

10.

Умные не бываютъ учены, ученые не бываютъ умны.

Лао-Тсе.

11.

Совы видятъ въ темнотѣ, но слѣпнуть при солнечномъ свѣтѣ. То же бываетъ и съ людьми учеными. Они знаютъ много ненужныхъ научныхъ пустяковъ, но ничего не знаютъ и не могутъ знать о самомъ нужномъ для жизни: о томъ, какъ надо человѣку жить на свѣтѣ.

12.

Мудрецъ Сократъ говорилъ, что глупость не въ томъ, чтобы мало знать, а въ томъ, чтобы не знать самого себя и думать, что знаешь то, чего ты не знаешь. Это онъ называлъ и глупостью и невѣжествомъ.

13.

Если человѣкъ знаетъ всѣ науки и говорить на всѣхъ языкахъ, но не знаетъ того, что онъ такое и что онъ долженъ дѣлать, онъ просвѣщенъ гораздо менѣе той безграмотной старухи, которая вѣрить въ батюшку Спасителя, то-есть въ Бога, по волѣ Котораго она признаетъ себя живущей, и знаетъ, что этотъ Богъ требуетъ отъ нея праведности. Она просвѣщеннѣе ученаго, потому что у нея есть отвѣтъ на главный вопросъ, что такое ея жизнь и какъ ей надо жить; тотъ ученый же, имѣя самые хитроумные отвѣты на самые сложные, но неважные вопросы жизни, не имѣетъ отвѣта на главный вопросъ всякаго разумнаго человѣка: зачѣмъ я живу и что мнѣ дѣлать?

14.

Люди, думающіе, что главное дѣло въ жизни въ знаніи, подобны тѣмъ бабочкамъ, которыя летятъ на свѣчи: они сами погибаютъ и затемняютъ свѣтъ.

VI.

Въ чемъ состоитъ сущность и назначеніе истинной науки.

1.

Наукой люди называютъ либо ту самую важную на свѣтѣ науку, по которой человѣкъ узнаетъ, какъ ему надо жить на свѣтѣ, либо все то, что лестно знать человѣку и что можетъ, или иногда и не можетъ, пригодиться ему. Первое знаніе—великое дѣло, второе—большей частью пустое занятіе.

2.

Есть два несомнѣнныхъ признака истинной науки: первый, внутренній—тотъ, что служитель науки не для выгоды, а съ самоотверженіемъ исполняетъ свое призваніе, и второй, внѣшній—тотъ, что произведеніе его понятно всѣмъ людямъ.

3.

Жизнь всѣхъ людей нашего времени такова, что девятьсотъ девяносто девять тысячныхъ всего народа постоянно заняты физическимъ трудомъ и не имѣютъ ни времени ни возможности заниматься науками и искусствами. Одна же тысячная этого народа, живущая, освободивши себя отъ физическаго труда, составила соотвѣтствующія своимъ требованіямъ науку и искусство. Спрашивается: каковы по своему качеству должны быть наука и искусство, возникшія при такихъ условіяхъ?

4.

Дѣло жизни всякаго человѣка: становиться лучше и лучше. И потому хороши только тѣ науки, которыя помогаютъ этому.

5.

Ученый тотъ, кто знаетъ очень много изъ всякихъ книгъ; образованный тотъ, кто знаетъ все то, что теперь въ ходу между людьми; просвѣщенный тотъ, кто знаетъ, зачѣмъ онъ живетъ и что ему надо дѣлать. Не старайся быть ни ученымъ, ни образованнымъ, старайся быть просвѣщеннымъ.

6.

Если въ дѣйствительной жизни иллюзія лишь на мгновеніе искажаетъ дѣйствительность, то въ отвлеченной области заблужденіе можетъ господствовать цѣлыя тысячелѣтія, можетъ надѣть свое желѣзное ярмо на цѣлые народы, заглушить самые благородные порывы человѣчества и, съ помощью своихъ рабовъ, обманутыхъ имъ, заковать того, кого не смогло обмануть. Оно—врагъ, съ которымъ вели неравную борьбу мудрѣйшіе умы всѣхъ временъ, и достояніемъ человѣчества сдѣлалось только то, что они отвоевали у него. Если говорятъ, что истины надо доискиваться даже тамъ, гдѣ не предвидится отъ нея никакой пользы, потому что польза можетъ оказаться и обнаружиться тамъ, гдѣ ея и не ожидали, то надо еще прибавить, что съ такимъ же рвеніемъ надо выискивать и искоренять всякое заблужденіе даже тамъ, гдѣ не предвидится отъ него никакого вреда, потому что вредъ заблужденій легко можетъ оказаться и когда-нибудь обнаружиться тамъ, гдѣ его не ожидали,—ибо каждое заблужденіе таитъ въ себѣ ядъ. Нѣтъ заблужденій безвредныхъ, а тѣмъ болѣе почетныхъ и священныхъ. Въ утѣшеніе же тѣмъ, кто посвящаетъ свою жизнь и силы благородной и трудной борьбѣ съ заблужденіями какаго бы то ни было рода, смѣло можно сказать, что хотя до появленія истины заблужденіе и будетъ дѣлать свое дѣло, какъ

совы и летучія мыши—ночью, но что скорѣе совы и летучія мыши запугаютъ и загонятъ солнце туда, откуда оно возшло, чѣмъ прежнее заблужденіе вытѣснить познанную и отчетливо и до конца высказанную истину и займетъ безпрепятственно ея свободное мѣсто. Такова сила истины; побѣда ея трудна и тяжка, но зато, разъ она одержана, ея ужъ не вернешь назадъ.

Шопенгауэръ.

7.

Съ тѣхъ поръ, какъ живутъ на свѣтѣ люди, всегда у всѣхъ народовъ были мудрецы, учившіе людей тому, что нужнѣе всего знать человѣку: тому, въ чемъ назначеніе и потому истинное благо cadaго челоѣка и всѣхъ людей. Только тотъ, кто знаетъ эту науку, можетъ судить о важности всѣхъ другихъ.

Предметовъ наукъ *безчисленное* количество, и безъ знанія того, въ чемъ состоитъ назначеніе и благо всѣхъ людей, нѣтъ возможности выбора въ этомъ безконечномъ количествѣ предметовъ, и потому безъ этого знанія всѣ остальные знанія становятся, какъ они и сдѣлались у насъ, праздною и вредною забавой.

8.

Со всѣми людьми, обращающимися къ наукѣ нашего времени не для удовлетворенія пражднаго любопытства и не для того, чтобы играть роль въ наукѣ, писать, спорить, учить, и не для того, чтобы кормиться наукою, а обращающимися къ ней съ прямыми, простыми, жизненными вопросами, случается то, что наука отвѣчаетъ имъ на тысячи разныхъ очень хитрыхъ и мудреныхъ вопросовъ, но только не на тотъ одинъ вопросъ, на который всякій разумный челоѣкъ ищетъ отвѣта: на вопросъ о томъ, что я такое и какъ мнѣ жить.

9.

Изучать ненужныя для духовной жизни науки, какъ астрономія, математика, физика и т. п., такъ же какъ пользоваться

всякими удовольствіями, играми, катаніями, прогулками, можно тогда, когда эти занятія не мѣшаютъ дѣлать то, что должно; но не хорошо заниматься пустыми науками, такъ же, какъ и удовольствіями, когда они мѣшаютъ настоящему дѣлу жизни.

10.

Сократъ указывалъ своимъ ученикамъ на то, что, при правильно поставленномъ образованіи, въ каждой наукѣ надо доходить только до извѣстнаго предѣла, который не слѣдуетъ переступать. По геометріи, говорилъ онъ, достаточно знать настолько, чтобы при случаѣ быть въ силахъ правильно измѣрить кусокъ земли, который продаетъ или покупаетъ, или чтобы раздѣлить на части наслѣдство, или чтобы сумѣть распредѣлить работу рабочимъ. «Это такъ легко,—говорилъ онъ,—что при небольшомъ стараніи не будешь затрудняться ни надъ какимъ измѣреніемъ, хотя бы пришлось измѣрять всю землю». Но онъ не одобрялъ увлеченія большими трудностями въ этой наукѣ, и хотя самъ лично зналъ ихъ, но говорилъ, что онѣ могутъ занять всю жизнь человѣка и отвлечь его отъ другихъ полезныхъ наукъ, тогда какъ онѣ ни къ чему не нужны. По астрономіи онъ находилъ желательнымъ знать настолько, чтобы по небольшимъ примѣтамъ узнавать часы ночи, дни мѣсяца и времена года, умѣть не потерять дорогу, держать направленіе въ морѣ и смѣнять сторожей. «Эта наука настолько легка,—прибавлялъ онъ,—что доступна всякому охотнику, всѣмъ мореплавателямъ, вообще всякому, кто хочетъ сколько-нибудь ею заняться». Но доходить въ ней до того, чтобы изучать различныя орбиты, описываемыя небесными тѣлами, высчитывать величину планетъ и звѣздъ, ихъ отдаленность отъ земли, ихъ движенія и измѣненія,—это онъ крайне осуждалъ, потому что не видѣлъ въ такихъ занятіяхъ никакой пользы. Онъ былъ такого низкаго мнѣнія о нихъ не по невѣдѣнію, такъ какъ самъ изучилъ эти науки, а потому, что не хотѣлъ, чтобы на излишнія занятія тратились время и силы, которыя могли быть употреблены на самое нужное человѣку: на его нравственное совершенствованіе.

Ксенофонтъ.

VII.

О чтеніи книгъ.

1.

Слѣди за тѣмъ, чтобы чтеніе многихъ писателей и всякаго рода книгъ не произвело смутности и неопредѣленности въ умѣ. Слѣдуетъ питать свой умъ только писателями несомнѣннаго достоинства. Излишнее чтеніе развлекаетъ умъ, отучаетъ его отъ самостоятельной работы. Поэтому читай только книги старыя, несомнѣнно хорошія. Если когда-нибудь явится желаніе перейти на время къ другому рода сочиненіямъ, не забывая никогда возвращаться опять къ прежнимъ.

Сенека.

2.

Читайте прежде всего лучшія книги, а то вы и совсѣмъ не успѣете прочесть ихъ.

Торо.

3.

Лучше никогда не читать ни одной книги, чѣмъ читать много книгъ и вѣрить во все то, что тамъ написано. Можно быть умнымъ, не читая ни одной книги; вѣря же во все, что написано въ книгахъ, нельзя не быть дуракомъ.

4.

Въ писательствѣ повторяется то же, что въ жизни. Большинство людей неумно и заблуждается. Отъ этого разводится такъ много плохихъ книгъ, такъ много писательскаго сора среди хорошаго зерна. Такія книги только отнимаютъ у людей время, деньги и вниманіе.

Плохія книги не только бесполезны, но вредны. Вѣдь девять десятыхъ всѣхъ книгъ только затѣмъ и печатаютъ, чтобы выманить деньги изъ людскихъ кармановъ.

И потому лучше вовсе не читать тѣхъ книгъ, про которыя много говорятъ и пишутъ. Людямъ надо стараться прежде

всего прочесть и узнать самых лучших писателей всѣхъ вѣковъ и народовъ. Эти книги надо читать прежде всего. А то и вовсе не успѣешь прочесть ихъ. Только такіе писатели насъ поучаютъ и образуютъ.

Плохихъ книгъ никогда не прочтемъ мы слишкомъ мало, а хорошихъ никогда не удастся прочесть слишкомъ много. Плохія книги—нравственный ядъ, только одуряющій людей.

По Шопенгауэру.

5.

Суевѣрія и обманы мучаютъ людей. Избавленіе отъ нихъ только одно: истина. Истину же мы познаемъ и сами собою и черезъ мудрыхъ и святыхъ людей, жившихъ до насъ. И потому для доброй и хорошей жизни нужно и самому искать истину и пользоваться тѣми указаніями истины, которыя дошли до насъ отъ прежнихъ мудрыхъ и святыхъ людей.

6.

Одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ познанія истины, освобождающей отъ суевѣрій, состоитъ въ узнаніи всего того, что въ прошедшемъ сдѣлано человѣчествомъ для познанія вѣчной, общей всѣмъ людямъ, истины и выраженія ея.

VIII.

О самостоятельномъ мышленіи.

1.

Каждый человѣкъ можетъ и долженъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, что выработалъ совокупный разумъ человѣчества, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ своимъ разумомъ провѣрять данныя, выработанныя всѣмъ человѣчествомъ.

2.

Знаніе только тогда знаніе, когда оно приобрѣтено усиліями своей мысли, а не одной памяти.

Только когда мы совсѣмъ забудемъ то, чему учились, мы начинаемъ истинно познавать. Я ни на волосъ не приближусь къ познанію предметовъ до тѣхъ поръ, пока буду смотрѣть на предметъ такъ, какъ научили меня смотрѣть. Чтобы познать предметъ, я долженъ подойти къ нему, какъ къ чему-то совершенно неизвѣстному.

Т о р о.

3.

Отъ учителя мы ждемъ, что онъ сдѣлаетъ изъ своего слушателя сначала разсудительнаго человѣка, затѣмъ разумнаго и, наконецъ, ученаго.

Такой пріемъ имѣетъ ту выгоду, что если ученикъ и не достигнетъ никогда послѣдней ступени, какъ это обыкновенно и бываетъ въ дѣйствительности, онъ все-таки выиграетъ отъ обученія и станетъ болѣе опытнымъ и умнымъ, если не для школы, то для жизни.

Если же этотъ пріемъ вывернуть на изнанку, тогда ученики схватываютъ что-то въ родѣ разума прежде, чѣмъ въ нихъ выработается разсудокъ, и выносятъ изъ обученія заимствованную науку, которая только какъ бы приклеена, но не срослась съ ними, при чемъ ихъ духовныя способности остаются такими же безплодными, какъ и раньше, но въ то же время сильно испорченныя воображаемой ученостью. Въ этомъ причина, почему мы нерѣдко встрѣчаемъ ученыхъ (вѣрнѣе, обученныхъ людей), которые обнаруживаютъ очень мало разсудка, и почему изъ академій выходитъ въ жизнь больше нелѣпыхъ головъ, чѣмъ изъ какого-нибудь другого общественнаго класса.

К а н т ъ.

4.

Наука не въ школахъ. Въ школахъ — чопорное тупоуміе невѣждъ. Наука въ книгахъ и въ личномъ самостоятельномъ трудѣ надъ пріобрѣтеніемъ знаній изъ книгъ и изъ жизни, а не изъ школы, гдѣ никогда со времени изобрѣтенія книгопечатанія не оставалось изъ науки ничего, кромѣ плѣсени.

Характеръ школьнаго преподаванія — сухое, тупоумное педант-

ство. Это почти неизбежно такъ по самой сущности дѣла. Кому не надоѣсть 10—20 лѣтъ толковать годъ за годъ все одно и то же? Учитель, профессоръ почти всегда занимается своимъ дѣломъ съ отвращеніемъ и, для облегченія своей тоски, замѣняетъ науку простой формалистикой. А вдобавокъ обыкновенно и глупѣетъ отъ глупой скучности своего ремесла.

И. Г. Чернышевскій.

5.

Во всѣхъ сословіяхъ встрѣчаются люди съ умственнымъ превосходствомъ, хотя часто безъ всякой учености. Натуральный умъ можетъ замѣнить почти всякую степень образованія, но никакое образованіе не замѣнитъ натурального ума, хотя и имѣетъ передъ такимъ человѣкомъ преимущество богатства знанія случаевъ и фактовъ (свѣдѣнія историческія), и опредѣленіе причинности (естественныя науки) — все въ правильномъ и легкомъ обзорѣ; но онъ отъ этого не обладаетъ болѣе правильнымъ и глубокимъ взглядомъ на настоящую сущность всѣхъ этихъ событій, случаевъ и причинностей. Неученый, со своей проницательностью и быстрымъ взглядомъ на все, сумѣетъ обойтись безъ этихъ богатствъ. Одинъ случай изъ его опыта научить его большому, чѣмъ какого-нибудь ученаго тысячи случаевъ, которые онъ *знаетъ*, но хорошенько не *понимаетъ*, между тѣмъ какъ малое знаніе того неученаго — *живое*.

Напротивъ того, многія знанія обыкновенныхъ ученыхъ мертвы, такъ какъ они состоятъ если не совсѣмъ въ пустыхъ словахъ, то часто только въ отвлеченныхъ понятіяхъ, которыя получаютъ свое значеніе только по мѣрѣ разумности и высоты пониманія вопроса, свойственнаго разсуждающему. Если же пониманіе это очень скудное, то разсужденіямъ такого рода свойственно, какъ банку, ассигнаціи котораго въ десять разъ превышаютъ наличный фондъ, притти подъ конецъ къ банкротству.

Шопенгауэръ.

6.

Я люблю мужиковъ: они недостаточно учены, чтобы разсуждать превратно.

Монтань.

Какъ много ненужнаго чтенія могли бы мы избѣгнуть при самостоятельномъ мышленіи!

Развѣ чтеніе и ученіе одно и то же? Кто-то не безъ основанія утверждалъ, что книгопечатаніе если и способствовало болѣе широкому распространенію учености, то въ ущербъ ея качеству и содержанію. Слишкомъ много читать вредно для мышленія. Величайшіе мыслители, встрѣчавшіеся мнѣ среди ученыхъ, которыхъ я изучалъ, были какъ разъ наименѣе начитанные.

Если бы людей учили, *какъ* они должны мыслить, а не только тому, *что* они должны мыслить,—недоразумѣніе было бы предотвращено.

Лихтенбергъ.

XIX.

Усиліе.

Грѣхи, соблазны и суевѣрія задерживаютъ, скрываютъ отъ человѣка его душу. Чтобы раскрыть для самого себя свою душу, человѣку нужно дѣлать усилія сознанія; и потому въ этихъ усиліяхъ сознанія главное дѣло жизни человѣка.

I.

Избавленіе отъ грѣховъ, соблазновъ и суевѣрій—
въ усиліи.

1.

Самоотреченіе освобождаетъ людей отъ грѣховъ, смиреніе—отъ соблазновъ, правдивость—отъ суевѣрій. Но для того, чтобы человѣкъ могъ отрекаться отъ похоти тѣла, смиряться передъ соблазнами гордости и провѣрять разумомъ запутывающія его суевѣрія, онъ долженъ дѣлать усилія. Только усиліями сознанія можетъ человѣкъ избавиться отъ грѣховъ, соблазновъ и суевѣрій, лишаящихъ его блага.

2.

Царство Божіе усиліемъ берется. Царство Божіе внутри васъ есть (Луки XVI, 16; XVII, 21). Эти два стиха Еван-

гелія значать то, что только усиліемъ сознанія могутъ люди побороть въ себѣ тѣ грѣхи, соблазны и суевѣрія, которые задерживаютъ приближеніе Царства Божія.

3.

Здѣсь, на землѣ, не можетъ и не должно быть покоя, потому что жизнь, это—приближеніе къ цѣли, которой никогда нельзя достигнуть. Покой безнравствененъ. Я не могу сказать, въ чемъ эта цѣль; но какая бы она ни была, она есть, и мы знаемъ, что приближаемся къ ней. Безъ этого приближенія жизнь была бы бессмыслица и обманъ. Приближаемся же мы къ этой цѣли только своимъ усиліемъ.

Іосифъ Мадзини.

4.

Становиться лучше и лучше — въ этомъ все дѣло жизни, а становиться лучше можно только усиліями.

Всякій знаетъ, что безъ усилій въ тѣлесномъ трудѣ ничего не сдѣлаешь. Надо понимать, что въ главномъ дѣлѣ жизни, въ жизни души, тоже ничего не сдѣлаешь безъ усилія.

5.

Сила не въ томъ, что человѣкъ можетъ связать узломъ желѣзную кочергу, что онъ можетъ обладать билліонами и триллионами рублей, и не въ томъ, что онъ будетъ властвовать надъ милліонами людей, — истинная сила только во власти надъ самимъ собою.

6.

Не говори никогда про доброе дѣло: «не стоитъ и стараться,—это такъ трудно, что никогда не достигну», или «это такъ легко, что когда захочу — всегда сдѣлаю». Не думай и не говори такъ: всякое усиліе, хотя бы цѣль усилія и не была достигнута, или цѣль эта была бы самая неважная, всякое усиліе укрѣпляетъ душу.

7.

Люди часто думаютъ, что для того, чтобы быть истиннымъ христіаниномъ, надо дѣлать особенныя, необыкновенныя дѣла. Это неправда. Для христіанства нужны не особенныя, необыкновенныя дѣла, а только всегдашнее усиліе сознанія, освобождающее себя отъ грѣховъ, соблазновъ и суевѣрій.

8.

Легко дѣлаются дурныя дѣла—тѣ дѣла, отъ которыхъ наши несчастья; то же, что благотворно и хорошо для насъ, дѣлается только усиліемъ.

Буддійская мудрость.

9.

Если человѣкъ поставитъ себѣ за правило дѣлать то, что ему хочется, то онъ не долго будетъ хотѣть дѣлать то, что дѣлаетъ. Настоящее дѣло всегда только то, надъ которымъ надо потрудиться, чтобы сдѣлать его.

10.

Никогда путь къ доброму знанію не пролегалъ по шелковистой муравѣ, усыянной цвѣтами: всегда человѣку приходится взбираться по голымъ скаламъ.

Джонъ Рёскинъ.

11.

Исканіе истины совершается не съ весельемъ, а съ волненіемъ и безнокойствомъ; и все-таки надо искать ее, потому что, не найдя истины и не полюбивъ ея, ты погибнешь.— Но, скажешь ты, если бы истина хотѣла, чтобы я искалъ ее и полюбилъ ее, то она сама открылась бы мнѣ.—Она и открывается тебѣ, но ты не обращаешь на это вниманія. Ищи же истину,—она этого хочетъ.

Паскаль.

II.

Для того, чтобы жить для души, нужно усиліе.

1.

Я—орудіе, которымъ работаетъ Богъ. Мое истинное благо въ томъ, чтобы участвовать въ Его работѣ. Участвовать же въ Его работѣ я могу только тѣми усиліями сознанія, которыя я дѣлаю для того, чтобы держать въ порядкѣ, чистотѣ, остротѣ, правильности то орудіе Божье, которое поручено мнѣ—себя, свою душу.

2.

Для человѣка дороже всего быть свободнымъ, жить по своей, а не по чужой волѣ. Для того, чтобы жить такъ, человѣку надо жить для души. А чтобы жить для души, надо подавлять похоти тѣла.

3.

Вся истинная жизнь человѣческая есть не что иное, какъ постепенный переходъ отъ низшей животной природы къ все большему и большему сознанію жизни духовной.

4.

Мы дѣлаемъ усиліе проснуться и дѣйствительно просыпаемся, когда сонъ становится ужасенъ и нѣтъ уже больше силъ переносить его. То же надо дѣлать и въ жизни, когда она становится невыносимой. Въ такія минуты надо усиліемъ сознанія проснуться къ новой, высшей духовной жизни.

5.

Усилія противъ грѣховъ, соблазновъ и суевѣрій уже потому нужны, что только перестань бороться съ ними, и тѣло завладѣетъ тобою.

6.

Намъ кажется, что настоящая работа только надъ чѣмъ-нибудь видимымъ: строить домъ, пахать поле, кормить скотъ, а работа надъ своей душой, надъ чѣмъ-то невидимымъ—дѣло неважное, такое, какое можно дѣлать, а можно и не дѣлать, а между тѣмъ всякая другая работа, — кромѣ работы надъ своей душой, надъ тѣмъ, чтобы дѣлаться съ каждымъ днемъ духовнѣе и любовнѣе,—всякая другая работа пустяки. Только одна эта работа настоящая, и всѣ остальные работы полезны только тогда, когда дѣлается эта главная работа жизни.

7.

Тотъ, кто признаетъ свою жизнь нехорошей и хочетъ начать жить лучше, не долженъ думать, что онъ можетъ начать жить лучше только тогда, когда онъ перемѣнитъ условія своей жизни. Исправлять жизнь надо и можно не внѣшней перемѣной, а въ самомъ себѣ и въ своей душѣ. А это можно дѣлать всегда и вездѣ. И работы этой у всякаго достаточно. Только когда душа твоя такъ измѣнится, что ты не будешь въ состояніи продолжать прежнюю жизнь, только тогда перемѣняй жизнь, а не тогда, когда тебѣ будетъ думаться, что тебѣ легче будетъ исправлять себя, если ты перемѣнишь жизнь.

8.

Есть только одно для всѣхъ людей важное дѣло въ жизни. Дѣло это въ томъ, чтобы улучшить свою душу. Одно это дѣло предназначено всѣмъ людямъ. Все остальное пустяки въ сравненіи съ этимъ дѣломъ. То, что это такъ, видно изъ того, что въ этомъ одномъ дѣлѣ человѣку не бываетъ помѣхи и что отъ этого одного дѣла человѣку всегда бываетъ радостно.

9.

Бери примѣръ съ шелковичнаго червя: онъ работаетъ до тѣхъ поръ, пока не въ силахъ летать. А ты прилипъ къ землѣ. Работай надъ своей душой, и у тебя вырастутъ крылья.

По Ангелусу.

III.

Самосовершенствованіе достигается только усиленіемъ сознанія.

1.

«Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный», сказано въ Евангеліи. Это не значитъ то, что Христосъ велитъ человѣку быть такимъ же совершеннымъ, какъ Богъ, а значитъ то, что всякій человѣкъ долженъ дѣлать усилія сознанія, чтобы приближаться къ совершенству, и что въ этомъ приближеніи—жизнь человѣка.

2.

Растетъ всякое существо не вдругъ, а понемногу. Нельзя вдругъ выучить цѣлую науку. Такъ же нельзя вдругъ и побѣдить грѣхъ. Для того, чтобы становиться лучше, есть только одно средство: мудрое разсужденіе и постоянное терпѣливое усиліе.

Ч а н н и н г ъ .

3.

Лессингъ говорилъ, что даетъ радость человѣку не самая истина, а усиліе, какое дѣлаетъ человѣкъ, чтобы добраться до нея. То же можно сказать и о добродѣтели: радость, даваемая добродѣтелью, заключается въ усиліи, приближающемъ къ ней.

4.

На ваннѣ короля Чингъ-Чанга были вырѣзаны такія слова: «Каждый день возобновляй себя совершенно; дѣлай это сначала и опять сначала».

К и т а й с к а я м у д р о с т ь .

5.

Если люди не занимаются изслѣдованіями, а если и занимаются ими, но не успѣваютъ въ нихъ, то пусть они не

отчаиваются и не останавливаются; если люди не спрашивают просвѣщенныхъ людей про сомнительныя вещи, которыхъ они не знаютъ, а если, и спрашивая, они не дѣлаются болѣе просвѣщенными,—пусть они не отчаиваются; если люди не размышляютъ, а если и размышляютъ, но не могутъ ясно понять, въ чемъ сущность добра,—пусть они не отчаиваются; если люди не различаютъ добра отъ зла, а если и различаютъ, но не имѣютъ яснаго о немъ представленія,—пусть они не отчаиваются; если люди не дѣлаютъ добро или, если и дѣлаютъ, не отдаютъ ему всѣхъ своихъ силъ,—пусть они не отчаиваются: то, что другіе сдѣлали бы въ одинъ разъ, они сдѣлаютъ въ десять; то, что другіе сдѣлали бы въ сто разъ, они сдѣлаютъ въ тысячу.

Тотъ, кто дѣйствительно будетъ слѣдовать этому правилу постоянства усилія, какъ бы онъ ни былъ невѣжественъ, непремѣнно сдѣлается просвѣщеннымъ; какъ бы онъ ни былъ слабъ, непремѣнно сдѣлается сильнымъ, и какъ бы онъ ни былъ пороченъ, непремѣнно сдѣлается добродѣтельнымъ.

Китайская мудрость.

6.

Когда человѣкъ дѣлаетъ доброе только потому, что онъ привыкъ дѣлать доброе, это еще не добрая жизнь. Добрая жизнь начинается тогда, когда человѣкъ дѣлаетъ усиліе для того, чтобы быть добрымъ.

7.

Ты говоришь: не стоитъ дѣлать усилій: сколько ни дѣлай, никогда не достигнешь совершенства. Да вѣдь дѣло твое не въ томъ, чтобы достигнуть совершенства, а только въ томъ, чтобы все больше и больше приближаться къ нему.

8.

Пусть человѣкъ не думаетъ легкомысленно о злѣ, говоря въ сердцѣ своемъ: «я такъ далекъ отъ зла, что оно не коснется меня». Малыми каплями наполняется водяной

сосудъ; весь наполняется зломъ безумецъ мало-по-малу, творя злое.

Пусть человѣкъ не думаетъ небрежно о добрѣ, говоря въ сердцѣ своемъ: нѣтъ во мнѣ силъ воспринять добро. Какъ капля за каплей вода наполняетъ сосудъ, такъ и, мало-по-малу, творя доброе, весь наполняется добромъ человѣкъ, стремящійся къ благу.

Буддійская мудрость.

9.

Для того, чтобы жизнь была не горемъ, а сплошною радостью, надо всегда быть добрымъ со всѣми,—и людьми и животными. А чтобы быть всегда добрымъ, надо приучить себя къ этому. А чтобы приучить себя къ этому, надо не пропускать ни одного своего недобраго поступка, не упрекнувъ себя за него.

Будешь дѣлать такъ—и скоро привыкнешь быть добрымъ со всѣми людьми и животными. А привыкнешь къ добротѣ, и на сердцѣ будетъ всегда весело.

10.

Добродѣтель человѣка измѣряется не необыкновенными подвигами, а его ежедневнымъ усиліемъ.

Паскаль.

IV.

Для приближенія къ совершенству человѣкъ долженъ надѣяться только на свои силы.

1.

Какъ ошибочно просить Бога или даже людей, чтобы они вывели меня изъ моего плохого положенія! Человѣку не нужно ни чьей помощи, не нужно и выходить изъ того положенія, въ которомъ онъ находится, а нужно одно: самому дѣлать усилія сознанія для того, чтобы освободиться отъ грѣховъ, со-

блзновъ и суевѣрій. Только въ той мѣрѣ, въ которой освободится человѣкъ отъ грѣховъ, соблазновъ и суевѣрій, измѣнится и улучшится его положеніе.

2.

Ничто такъ не ослабляетъ силы человѣка, какъ надежда въ чемъ-либо, кромѣ своего усалія, найти спасеніе и благо.

3.

Нужно освободиться отъ мысли о томъ, что Небо можетъ исправить наши ошибки. Если вы неряшливо приготовляете какое-нибудь кушанье, то вы не разсчитываете, что Провидѣніе сдѣлаетъ его вкуснымъ; и точно такъ же, если вы въ теченіе цѣлаго ряда безумныхъ лѣтъ ложно направляли свою жизнь, то не должны ожидать, что Божественное вмѣшательство направить и устроить все къ лучшему.

Джонъ Рѣскинъ.

4.

Въ тебѣ знаніе того, въ чемъ высшее совершенство. Въ тебѣ же и препятствія къ достиженію его. Твое положеніе, это то самое, надъ чѣмъ ты долженъ работать, чтобы приблизиться къ совершенству.

Карлейль.

5.

Самъ грѣшишь, самъ замышляешь зло, самъ убѣгаешь отъ грѣха, самъ очищаешь помыслы, самъ собою ты золъ или чистъ,—другому не спасти тебя.

Джамапада.

6.

Сказать, что я не могу воздержаться отъ дурного дѣла, все равно, что сказать, что я не человѣкъ, а животное. Люди часто говорятъ это, но сколько бы они ни говорили это, они въ душѣ своей знаютъ, что, пока они живы, они могутъ перестать дѣлать дурное и начать дѣлать доброе.

7.

Нѣтъ никакого нравственнаго закона, если я не могу исполнить его. Люди говорятъ: мы рождены себялюбцами, скупыми, похотливыми, и не можемъ быть иными. Нѣтъ, мы можемъ. Первое дѣло — сердцемъ почувствовать, кто мы такіе и чѣмъ мы должны быть, а второе — дѣлать усилія для того, чтобы приблизиться къ тому, чѣмъ мы должны быть.

Солтеръ.

8.

Человѣкъ долженъ развивать свои задатки къ добру. Провидѣніе не заложило ихъ въ человѣкѣ вполнѣ готовыми; это только одни задатки. Сдѣлать самого себя лучше, обрабатывать себя — вотъ въ чемъ главное дѣло жизни человѣка.

Кантъ.

V.

Для улучшенія жизни общественной есть только одно средство — усилія отдѣльныхъ людей къ достиженію доброй, нравственной жизни.

1.

Люди приближаются къ Царству Божію, то-есть доброй и счастливой жизни, только усиліями каждаго отдѣльнаго человека жить доброй жизнью.

2.

Если ты видишь, что устройство общества дурно, и ты хочешь исправить его, то знай, что для этого есть только одно средство: то, чтобы всѣ люди стали лучше. А для того, чтобы всѣ люди стали лучше, въ твоей власти только одно: самому сдѣлаться лучше.

3.

Часто слышишь разсужденія о томъ, что всѣ усилія для улучшенія жизни, для искорененія зла и установленія спра-

ведливой жизни — бесполезны, что все это сдѣлается какъ-то само собою. Люди плыли на веслахъ, но гребцы доѣхали и вышли на берегъ, оставшіеся же въ лодкѣ путешественники не берутся за весла, потому что думаютъ, что какъ прежде двигалась лодка, такъ она будетъ двигаться и теперь.

4.

«Да, это было бы такъ, если бы всѣ люди разомъ поняли, что все это дурно и не нужно намъ», — говорятъ люди, разсуждая о злѣ жизни людской. «Положимъ, одинъ человѣкъ отстанетъ отъ зла, откажется отъ участія въ немъ, — что же это сдѣлаетъ для общаго дѣла, для жизни людей? Измѣненіе жизни людской дѣлается всѣмъ обществомъ, а не одиночными людьми».

Правда, одна ласточка не дѣлаетъ весны. Но неужели отъ того, что одна ласточка не дѣлаетъ весны, не летѣтъ той ласточкѣ, которая уже чувствуетъ весну, а дожидаться? Если такъ дожидаться каждой почкѣ и травкѣ, то весны никогда не будетъ. Также и намъ для установленія Царства Божія не надо думать о томъ, первая ли я или тысячная ласточка, а сейчасъ же, хотя бы одному, чувствуя приближеніе Царства Божія, дѣлать то, что нужно для его осуществленія.

«Просите и дано будетъ вамъ; ищите и найдете; стучите и отворятъ вамъ. Ибо всякій просящій получаетъ, и ищущій находитъ, и стучащему отворятъ» (Матѳ. VII, 7—8).

5.

«Огонь пришелъ Я низвести на землю: и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся» (Луки XII, 49).

Но почему же огонь этотъ такъ медленно разгорается? Если могло пройти столько вѣковъ, и христіанство не измѣнило строя общественной жизни, какое право имѣемъ мы думать, что это какъ-то само собою сдѣлается теперь? Большинство людей, приведенное къ необходимости признанія истины христіанства, все еще не беретъ эту истину за основаніе своей

дѣятельности. Отчего это? А только оттого, что люди ждутъ измѣненія отъ внѣшнихъ условій, а не хотятъ понять того, что достигается это только усиленіемъ каждаго отдѣльнаго человѣка въ своей душѣ, а не какими-либо внѣшними измѣненіями.

6.

Жизнь наша дурная. Отчего?

Оттого, что люди дурно живутъ. А дурно живутъ люди оттого, что сами люди плохи. Стало-быть, для того, чтобы жизнь перестала быть дурною, надо передѣлать людей изъ плохихъ въ хорошихъ. Какъ же это сдѣлать? Всѣхъ никто передѣлать не можетъ, себя же передѣлать всякій можетъ. Сначала кажется, что это дѣла не поправить, потому что чтѣ же значить одинъ человѣкъ противъ всѣхъ? Но дѣло въ томъ, что всѣ жалуются на дурную жизнь. Такъ что если всѣ люди поймутъ, что плохая жизнь отъ плохихъ людей и что всѣ могутъ не другихъ, а сами себя исправить, то-есть изъ плохого сдѣлать хорошимъ, и станутъ исправлять сами себя, то тотчасъ же и вся жизнь станетъ лучше.

Стало-быть, отъ насъ и дурная жизнь, отъ насъ и то, чтобы она стала хорошей.

VI.

Усиліе въ достиженіи совершенства даетъ истинное благо человѣку.

1.

Нравственное усиліе и радость сознанія жизни чередуются такъ же, какъ тѣлесный трудъ и радость отдыха. Безъ труда тѣлеснаго нѣтъ и радости отдыха; безъ усилія нравственнаго нѣтъ радости сознанія жизни.

2.

Награда добродѣтели въ самомъ усиліи добраго поступка.

Цицеронъ.

3.

Человѣкъ закричалъ бы отъ боли, если бы, не работая, почувствовалъ въ мышцахъ ту боль, которую онъ, не замѣчая ея, испытываетъ при работѣ. Точно такъ же и человѣкъ, не работающій духовную работу надъ своимъ внутреннимъ міромъ, испытываетъ мучительную боль отъ тѣхъ невзгодъ, которыя, не замѣчая ихъ, переноситъ человѣкъ, полагающій главное дѣло жизни въ усиліи для освобожденія себя отъ грѣховъ, соблазновъ и суевѣрій, то-есть въ нравственномъ совершенствованіи.

4.

Не жди не только скорого, но никакого видимаго себѣ успѣха отъ твоихъ усилій къ добру. Ты не увидишь плодовъ своихъ усилій, потому что, насколько ты подвинулся, настолько подвинулось передъ тобой и совершенство, къ которому ты стремишься. Усиліе сознанія — не есть средство достиженія блага, но само усиліе сознанія даетъ благо.

5.

Животнымъ Богъ далъ все, что имъ нужно. Но человѣку Онъ не далъ этого, — человѣкъ самъ долженъ добыть все, что ему необходимо. Высшая мудрость человѣка не родилась вмѣстѣ съ нимъ; онъ долженъ трудиться, чтобы достичь ея, и чѣмъ болѣе его труды, тѣмъ болѣе награда.

Таблички бабидовъ.

6.

Царство Божіе силою берется. Это значитъ то, что для того, чтобы избавиться отъ зла и быть добрымъ, нужно усиліе.

Усиліе нужно для того, чтобы удержаться отъ зла. Удержись отъ зла, и будешь дѣлать добро; потому что душа человѣческая любитъ добро и дѣлаетъ его, если только свободна отъ зла.

Вы—свободные дѣятели, и вы это чувствуете. Всевозможныя лживыя разсужденія о томъ, что во всемъ властвуетъ судьба, законы природы, никогда не будутъ въ силахъ заставить замолчать двухъ неподкупныхъ свидѣтелей человѣческой свободы: укоровъ совѣсти и величія мученичества. Начиная отъ Сократа до Христа и отъ Христа вплоть до тѣхъ людей, которые изъ вѣка въ вѣкъ умираютъ за истину, всѣ мученики вѣры доказываютъ неправду этого рабскаго ученія и громко говорятъ намъ: «мы тоже любили жизнь и всѣхъ людей, которыми жизнь наша была красна и которые умоляли насъ прекратить борьбу. Каждое біеніе нашего сердца громко взывало къ намъ: живи! но для исполненія закона жизни мы предпочли смерть».

И начиная съ Каина вплоть до самаго глубоко-подлаго человѣка нашихъ дней, всѣ, избравшіе путь зла, слышатъ въ глубинѣ души голосъ осужденія, укора, голосъ, не дающій имъ покоя, который вѣчно твердитъ имъ: затѣмъ вы свернули съ истиннаго пути? Вы могли, вы можете сдѣлать усиліе. Вы—дѣятели свободные, и въ вашей власти было и есть коснѣть въ грѣхахъ или освободиться отъ нихъ.

М а д з и н и.

XX.

Жизнь въ настоящемъ.

Людямъ кажется, что жизнь ихъ проходитъ во времени — въ прошедшемъ и будущемъ. Но это только кажется: истинная жизнь человѣческая не проходитъ во времени, а всегда *есть* въ той безвременной точкѣ, въ которой прошедшее сходится съ будущимъ и которую мы неправильно называемъ настоящимъ временемъ. Въ этой безвременной точкѣ настоящего, и только въ этой точкѣ, человекъ свободенъ, и потому въ настоящемъ, и только въ настоящемъ, истинная жизнь человека.

I

Истинная жизнь не во времени.

1.

Прошлаго уже нѣтъ, будущее еще не пришло. Что же есть? Только та точка, гдѣ сходятся будущее съ прошедшимъ. Казалось бы, точка—это ничто, а между тѣмъ только въ этой точкѣ вся жизнь наша.

2.

Намъ только кажется, что есть время. Его нѣтъ. Время, это—только приспособленіе, посредствомъ котораго мы посте-

пенно видимъ то, что дѣйствительно есть и что всегда одно. Глазъ не видитъ шара всего сразу, хотя шаръ существуетъ весь сразу. Для того, чтобы глазъ видѣлъ шаръ, нужно, чтобы шаръ вертѣлся передъ глазомъ, который смотритъ на него. Такъ и міръ развертывается, или какъ будто развертывается, передъ глазами людей во времени. Для высшаго разума нѣтъ времени: что будетъ, то есть. Время и пространство, это — раскрошеніе безконечнаго для пользованія имъ существами конечными.

Амисль.

3.

Нѣтъ ни «прежде», ни «послѣ»: то, что случится завтра, уже дѣйствительно есть въ вѣчности.

Ангелусъ.

4.

Времени и пространства нѣтъ: и то и другое необходимо намъ только для того, чтобы мы могли понимать предметы. И потому очень ошибочно думать, что разсужденія о звѣздахъ, свѣтъ которыхъ еще не дошелъ до насъ, и о состояніи солнца за милліоны лѣтъ и т. п. суть разсужденія очень важныя. Въ такихъ разсужденіяхъ нѣтъ ничего не только важнаго, но нѣтъ ничего серьезнаго. Все это только праздная игра ума.

5.

Времени нѣтъ, есть только мгновеніе. А въ немъ-то, въ этомъ мгновеніи, вся наша жизнь. И потому въ одно это мгновеніе надо полагать всѣ свои силы.

6.

Если жизнь внѣ времени, то для чего же она проявляется во времени и пространствѣ? А для того, что только во времени и пространствѣ можетъ быть движеніе, то-есть стремленіе къ расширенію, просвѣтленію, къ совершенству. Если бы не было пространства и времени, не было бы движенія, не было бы жизни.

II.

Духовная жизнь человѣка внѣ времени и пространства.

1.

Время только для тѣлесной жизни. Духовное же существо человѣка всегда внѣ времени. А внѣ времени оно потому, что дѣятельность духовнаго существа человѣка только въ усилии сознанія. А усиліе сознанія всегда внѣ времени, потому что оно всегда только въ настоящемъ, а настоящее не во времени.

2.

Мы не можемъ представить себѣ жизнь послѣ смерти и не можемъ вспомнить жизнь до рожденія, потому что не можемъ представлять себѣ ничего внѣ времени. А между тѣмъ мы лучше всего знаемъ нашу жизнь внѣ времени—въ настоящемъ.

3.

Наша душа брошена въ тѣло, гдѣ она находитъ число, время, измѣреніе. Она разсуждаетъ объ этомъ и называетъ это природой, необходимостью, и не можетъ мыслить иначе.

П а с к а л ь.

4.

Мы говоримъ, что идетъ время. Это невѣрно. Идемъ мы, а не время. Когда мы плывемъ по рѣкѣ, намъ кажется, что идутъ берега, а не лодка, на которой мы плывемъ. Такъ и время.

5.

Хорошо почаще вспоминать о томъ, что наша истинная жизнь не одна наружная, тѣлесная, какую мы проживаемъ здѣсь, на землѣ, на нашихъ глазахъ, но что вмѣстѣ съ этой жизнью есть въ насъ и другая, внутренняя жизнь, духовная, которой не было начала и нѣтъ конца.

III.

Истинная жизнь только въ настоящемъ.

1.

Способность помнить прошедшее и представлять себѣ будущее дана намъ только для того, чтобы, руководясь соображеніями о томъ или другомъ, вѣрнѣе рѣшать поступки настоящего, а никакъ не для того, чтобы жалѣть о прошедшемъ или готовить будущее.

2.

Человѣкъ живетъ только настоящее мгновеніе. Все остальное или прошло уже, или неизвѣстно, будетъ ли.

Маркъ Аврелій.

3.

Мы только отъ того мучимся прошедшимъ и портимъ себѣ будущее, что мало заняты настоящимъ. Прошедшее было, будущего нѣтъ, есть одно настоящее.

4.

Будущее состояніе наше всегда будетъ казаться мечтой для нашего теперешняго состоянія.

Важна не длина жизни, но глубина ея. Дѣло не въ продолженіи жизни, но въ томъ, чтобы жить не во времени. А живемъ мы не во времени только тогда, когда мы живемъ усиленіемъ добра. Когда мы живемъ такъ, мы не задаемъ себѣ вопроса о времени.

По Эмерсону.

5.

«Жить до вечера и до вѣку» — значитъ жить такъ, какъ будто всякую минуту доживаешь послѣдній часъ и можешь успѣть сдѣлать только самое важное, и вмѣстѣ съ тѣмъ жить такъ, какъ будто дѣло, которое ты дѣлаешь, ты будешь продолжать безъ конца.

6.

Время за нами, время передъ нами, при насъ его нѣтъ. Какъ только станешь больше думать о томъ, что было, или о томъ, что будетъ, какъ потеряешь главное: жизнь истинную въ настоящемъ.

7.

Мгновеніе только мгновеніе,—человѣку кажется такъ неважно мгновеніе, что онъ пропускаетъ его, а только въ этомъ вся его жизнь, только въ мгновеніи настоящаго можетъ онъ сдѣлать то усиліе, которымъ берется Царство Божіе и внутри и внѣ насъ.

8.

Побороть дурныя привычки можно только сегодня, а не завтра.

Конфуцій.

9.

Все неважно, кромѣ того, что мы дѣлаемъ въ настоящую минуту.

10.

Хорошо не думать о завтрашнемъ днѣ; но для того, чтобы не думать о немъ, есть только одно средство: думать, не переставая, о томъ, такъ ли я исполняю дѣло настоящаго дня, часа, минуты.

11.

Трудно среди общенія съ людьми, въ минуты увлеченія мыслями о прошедшемъ и будущемъ, вспомнить о томъ, что жизнь твоя сейчасъ въ этомъ моментѣ настоящаго. Но какъ важно и драгоцѣнно вспоминать это! Старайся пріучать себя къ этому. Много зла избѣгнетъ человѣкъ, если пріучится къ памятованію о томъ, что важно въ жизни только настоящее, что только оно одно есть. Все остальное—мечта.

12.

Какъ только ушелъ въ прошедшее и будущее, такъ ушелъ отъ настоящей жизни, и отъ этого тотчасъ же сиротливо, несвободно, одиноко.

13.

Сколько нравственныхъ мученій—и все это, чтобы умереть черезъ нѣсколько минутъ! Стало-быть, не о чемъ и заботиться.

Нѣтъ, это неправда. Есть твоя жизнь сейчасъ. Временъ нѣтъ, и сейчасъ стоить сотенъ лѣтъ, если ты въ сейчасъ будешь жить съ Богомъ.

По Аміелю.

14.

Говорятъ: человѣкъ не свободенъ, потому что все, что онъ дѣлаетъ, имѣетъ свою, предшествующую во времени, причину. Но человѣкъ дѣйствуетъ всегда только въ настоящемъ, а настоящее внѣ времени,—оно только точка соприкосновенія прошедшаго и будущаго. И потому въ мгновеніи настоящаго человѣкъ всегда свободенъ.

15.

Только въ настоящемъ проявляется свободная божественная сила жизни, и потому дѣятельность настоящаго должна имѣть свойства божественнаго, то-есть должна быть разумна и добра.

16.

Спросили у мудреца: какое дѣло самое важное? Какой человекъ самый важный? И какое время въ жизни самое важное?

И мудрецъ отвѣтилъ: «Дѣло самое важное—то, чтобы быть въ любви со всѣми людьми, потому что въ этомъ дѣло жизни всякаго человека.

«Человѣкъ самый важный тотъ, съ кѣмъ въ эту настоящую минуту ты имѣешь дѣло, потому что никогда не можешь знать, будешь ли еще имѣть дѣло съ какимъ-либо другимъ человекомъ.

«Время же самое важное—одно настоящее, потому что въ немъ одномъ человекъ властенъ надъ собою».

IV.

Любовь проявляется только въ настоящемъ.

1.

Главное дѣло въ жизни—любовь. А любить нельзя ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ. Любить можно только въ настоящемъ, сейчасъ, сію минуту.

2.

Только когда не руководишься въ своихъ поступкахъ ни прошедшимъ ни будущимъ, а требованіемъ своей души въ настоящемъ, можешь поступать вполне любовно.

3.

Любовь, это—проявленіе божественной сущности, для которой нѣтъ времени, и потому любовь проявляется только въ настоящемъ, сейчасъ, во всякую минуту настоящаго.

4.

Надо не думать о будущемъ, а только въ настоящемъ стараться дѣлать жизнь радостной для себя и другихъ. «Завтрашній день печется самъ о себѣ». Это великая правда. Тѣмъ-то и хороша жизнь, что никакъ не знаешь, что нужно для будущего. Одно навѣрное нужно и годится всегда—въ настоящую минуту любовь къ людямъ.

5.

Любить вообще—значить дѣлать доброе. Такъ мы всѣ понимаемъ и не можемъ иначе понимать любовь.

И любовь не только слово, но это дѣла, которыя мы дѣлаемъ для блага другихъ.

Если человѣкъ рѣшаетъ, что ему лучше воздержаться отъ требованій настоящей самой малой любви во имя другой

будущей большей любви, то онъ обманывается или себя или другихъ и никого не любитъ, кромѣ себя одного.

Любви въ будущемъ не бываетъ: любовь бываетъ только въ настоящемъ. Если человѣкъ не дѣлаетъ дѣла любви въ настоящемъ, въ немъ нѣтъ любви.

6.

Ты хочешь добра. А добро можетъ быть только сейчасъ; въ будущемъ не можетъ быть добра, потому что будущаго нѣтъ. Есть только настоящее.

7.

Никогда не откладывай добраго дѣла, если можешь сдѣлать его нынче, потому что смерть не разбираетъ того, сдѣлалъ или не сдѣлалъ ты то, что долженъ. Смерть никого и ничего не дожидается. И потому для человѣка важнѣе всего въ мірѣ то, что онъ сейчасъ дѣлаетъ.

8.

Если бы только мы чаще вспоминали о томъ, что никогда не вернешь потеряннаго времени, никогда не передѣлаешь сдѣланнаго зла, мы больше бы дѣлали добра, меньше дѣлали бы зла.

9.

Не будемъ медлить, чтобы быть справедливыми, сострада-
тельными. Не будемъ ждать особенныхъ страданій другихъ
людей или нашихъ. Жизнь коротка, и потому будемъ торо-
питься радовать сердца нашихъ спутниковъ въ этомъ корот-
комъ переѣздѣ. Поспѣшимъ быть добрыми.

Аміель.

10.

Помни, что если ты можешь сдѣлать хорошее дѣло, оказать
любовь кому-нибудь, то надо дѣлать это сейчасъ, потому что
пройдетъ случай и не возвратится.

11.

Добрые люди забываютъ то хорошее, что они сдѣлали: они такъ заняты тѣмъ, что сейчасъ дѣлаютъ, что не думаютъ о томъ, что уже сдѣлали.

Китайская пословица.

12.

Жизнь сейчасъ, въ настоящемъ, это то состояніе, въ которомъ живетъ въ насъ Богъ. И потому настоящее мгновеніе въ жизни дороже всего. Всѣ силы души употребляй на то, чтобы не даромъ прошло это мгновеніе и чтобы не скрыть отъ себя того Бога, который могъ проявиться въ тебѣ.

V.

Соблазнъ приготовленія къ жизни вмѣсто самой жизни.

1.

«Теперь мнѣ можно на время отступить отъ того, что должно и чего требуетъ моя совѣсть, потому что я не готовъ», говоритъ себѣ человѣкъ. «А вотъ я приготовлюсь, наступитъ время, и тогда я начну жить уже вполне сообразно съ своей совѣстью».

Ложь этого разсужденія въ томъ, что человѣкъ отступаетъ отъ жизни въ настоящемъ, одной дѣйствительной жизни, и переноситъ ее въ будущее, тогда какъ будущее не принадлежитъ ему.

Для того, чтобы не подпасть этому соблазну, человѣку надо понимать и помнить, что готовится некогда, что онъ долженъ жить наилучшимъ образомъ сейчасъ, такой, какой онъ есть, что совершенствованіе, нужное для него, есть только одно совершенствованіе въ любви, а это совершенствованіе совершается только въ настоящемъ. И потому человѣкъ долженъ, не откладывая, жить всякую минуту всѣми своими си-

лами для исполненія того назначенія, для котораго онъ пришелъ въ міръ и которое одно можетъ дать ему истинное благо. Человѣкъ долженъ жить такъ, зная, что всякую минуту онъ можетъ быть лишенъ возможности этого исполненія.

2.

«Это я сдѣлаю, когда вырасту большой». «Я такъ буду жить, когда кончу ученіе, когда женюсь». «А я такъ устройсь, когда у меня будутъ дѣти, когда женю сына, или когда разбогатѣю, или когда переѣду въ другое мѣсто, или когда состарѣюсь».

Такъ говорятъ и дѣти, и взрослые, и старики, а никто не знаетъ, проживетъ ли онъ до вечера. Про всѣ эти дѣла мы не можемъ знать, доведется или не доведется намъ дѣлать ихъ, не помѣшаетъ ли смерть.

Только одному дѣлу не можетъ помѣшать смерть: смерть не можетъ помѣшать тому, чтобы во всякій часъ, пока живъ, исполнять волю Бога—любить людей.

3.

Мы часто говоримъ и думаемъ, что «я не могу дѣлать всего, что должно, въ томъ положеніи, въ которомъ нахожусь теперь». Какъ это несправедливо! Та внутренняя работа, въ которой и заключается жизнь, всегда возможна. Ты въ тюрьмѣ, ты боленъ, ты лишенъ возможности какой бы то ни было внѣшней дѣятельности, тебя оскорбляютъ, мучать,—но внутренняя жизнь твоя въ твоей власти: ты можешь въ мысляхъ упрекать, осуждать, завидовать, ненавидѣть людей и можешь въ мысляхъ же подавлять эти чувства и замѣнять ихъ добрыми. Такъ что всякая минута твоей жизни твоя, и никто не можетъ отнять ее у тебя.

4.

Когда я говорю: «Я не могу этого сдѣлать», я выражаюсь не вѣрно. Я долженъ сказать, что я не могъ этого сдѣлать

прежде. То же, что въ каждую минуту настоящаго я могу самъ съ собою сдѣлать все, что хочу, это я несомнѣнно знаю. И хорошо человѣку знать это.

5.

Сознаніе своего нездоровья, заботы объ устраненіи его, главное.—мысль о томъ, что я теперь нездоровъ и не могу, а вотъ дай выздоровлю, тогда сдѣлаю,—все это великій соблазнъ. Это вѣдь значить говорить: не хочу того, что мнѣ дано, а того, чего нѣтъ. Всегда можно радоваться тому, что сейчасъ есть, и дѣлать изъ того, что есть (то-есть тѣхъ силъ, какія есть), все, что можно.

6.

Всякій настоящій часъ есть критическій, рѣшающій часъ. Запиши въ своемъ сердцѣ, что каждый день—самый лучший день всего года, каждый часъ—лучшій часъ, каждое мгновенье—лучшее мгновенье. Оно лучшее потому, что оно одно твое.

По Эмерсону.

7.

Для того, чтобы провести наилучшимъ образомъ свою жизнь, надо помнить, что вся жизнь только въ настоящемъ, и стараться наилучшимъ образомъ поступать въ каждую минуту настоящаго.

8.

Тебѣ нехорошо,—и тебѣ кажется, что это оттого, что ты не можешь жить такъ, какъ бы ты хотѣлъ, что ты бы легче сдѣлалъ то, что считаешь должнымъ, если бы жизнь твоя была другая. Это неправда. У тебя есть все то, чего ты такъ желаешь. Во всякую минуту жизни ты можешь сдѣлать самое лучшее, что ты можешь только сдѣлать.

9.

Въ жизни, въ настоящей жизни, не можетъ быть ничего лучше того, что есть. Желать другого, чѣмъ то, что есть—кощунство.

10.

Большія, важныя, великія дѣла, которыя могутъ быть окончены только въ будущемъ,—все это не настоящія дѣла, не для Бога сдѣланныя. Если вѣришь въ Бога, то будешь вѣрить въ жизнь въ настоящемъ, будешь дѣлать тѣ дѣла, которыя исполнѣны закончены въ настоящемъ.

11.

Наибольшее сближеніе съ Богомъ, это—наибольшее сосредоточеніе въ настоящемъ, и наоборотъ, чѣмъ больше занятъ прошедшимъ или будущимъ, тѣмъ больше удаляешься отъ Бога.

12.

Memento mori, помни смерть!—великое слово... Если бы мы помнили то, что мы неизбежно и скоро умремъ, вся жизнь наша была бы совсѣмъ другая. Если человѣкъ знаетъ, что онъ умретъ черезъ полчаса, то онъ навѣрное не станетъ дѣлать ни пустого, ни глупаго, ни, главное, дурного въ эти полчаса. Но полвѣка, которые, можетъ-быть, отдѣляютъ тебя отъ смерти, развѣ не то же, что полчаса?

VI.

Послѣдствія нашихъ поступковъ дѣло не наше,
а Божье.

1.

Всѣ послѣдствія нашихъ поступковъ никогда не могутъ быть доступны намъ, потому что всѣ послѣдствія нашихъ поступковъ безконечны въ безконечномъ мірѣ и безконечномъ времени.

2.

Если ты можешь видѣть всѣ послѣдствія твоей дѣятельности, то знай, что эта дѣятельность ничтожна.

3.

Люди говорятъ: «нельзя жить, если мы не знаемъ того, что насъ ожидаетъ. Надо готовиться къ тому, что будетъ». Это неправда. Настоящая хорошая жизнь бываетъ именно тогда, когда не думаешь о томъ, что будетъ съ моимъ тѣломъ, а только о томъ, что мнѣ для своей души нужно сейчасъ. А для души нужно только одно: дѣлать то, что соединяетъ мою душу со всѣми людьми и съ Богомъ.

4.

Наши поступки сейчасъ, сію минуту, это наше, а что изъ нихъ выйдетъ—то дѣло Божіе.

Францискъ.

5.

Живя духовной жизнью, то-есть заодно съ Богомъ, человекъ, хотя и не можетъ знать послѣдствій своихъ поступковъ, знаетъ навѣрное, что послѣдствія эти будутъ благія.

6.

Поступокъ, совершенный безъ всякихъ соображеній о какихъ бы то ни было послѣдствіяхъ, въ виду только исполненія воли Бога, есть наилучшій поступокъ, который можетъ быть сдѣланъ человекомъ.

7.

Какъ только думаешь о послѣдствіяхъ своей дѣятельности, такъ чувствуешь свою слабость и ничтожность; а какъ только подумаешь о томъ, что дѣло твое въ томъ, чтобы дѣлать сейчасъ волю Пославшаго, такъ чувствуешь свободу, радость и силу.

8.

Если человекъ думаетъ о томъ, что выйдетъ изъ того, что онъ дѣлаетъ, то то, что онъ дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ навѣрно только для себя.

9.

Награда доброй жизни никакъ не въ будущемъ, а въ настоящемъ. Сейчасъ дѣлаешь хорошо—и сейчасъ тебѣ хорошо. А дѣлаешь хорошо, то и послѣдствія не могутъ не быть хорошими.

VII.

Для людей, понимающихъ значеніе жизни въ настоящемъ, не можетъ быть вопроса о загробной жизни.

1.

Мы путаемся въ мысляхъ о будущей жизни. Мы спрашиваемъ себя, что будетъ послѣ смерти? Но вѣдь объ этомъ нельзя спрашивать,—нельзя спрашивать потому, что жизнь и будущее, это—противорѣчіе: жизнь только въ настоящемъ. Намъ кажется, что она *была и будетъ*,—а жизнь только *есть*. Надо рѣшать не вопросъ о будущемъ, а о томъ, какъ жить въ настоящемъ, сейчасъ.

2.

Мы всегда въ невѣдѣніи о тѣлесной жизни, потому что тѣлесная жизнь вся происходитъ во времени, а мы не можемъ знать будущаго. Въ области же духовной нѣтъ будущаго. И потому неизвѣстность нашей жизни уменьшается въ той мѣрѣ, въ которой жизнь наша переходитъ отъ тѣлесной къ духовной, въ той мѣрѣ, въ которой мы живемъ настоящимъ.

3.

Предназначенный намъ трудъ мы должны выполнять честно и безукоризненно, все равно, надѣмся ли мы со временемъ стать ангелами или вѣримъ въ то, что мы когда-то были слизняками.

Джонъ Рёскинъ.

4.

Главный вопросъ жизни нашей только въ томъ, то ли мы дѣлаемъ въ этотъ короткій, данный намъ срокъ жизни, чего хотимъ отъ насъ Тотъ, Кто послалъ насъ въ жизнь. То ли мы дѣлаемъ?

5.

По мѣрѣ продленія жизни, и въ особенности доброй жизни, ослабѣваютъ значеніе времени и интересъ вопроса о томъ, что будетъ. Чѣмъ старше, тѣмъ быстрѣ идетъ время, тѣмъ все меньше и меньше получаетъ значенія то, что «будетъ», и все больше и больше то, что «есть».

6.

Если ты можешь вознестись духомъ выше пространства и времени, то ты въ каждое мгновеніе находишься въ вѣчности.

Ангелусъ.

XXI.

Недѣланіе.

Люди портятъ свою жизнь не столько тѣмъ, что не дѣлаютъ то, что должно дѣлать, сколько тѣмъ, что дѣлаютъ то, чего не должно дѣлать. И потому главное усиліе, которое долженъ сдѣлать надъ собою человѣкъ для доброй жизни, это—то, чтобы не дѣлать того, чего не должно.

I.

Для доброй жизни нужнѣ всего воздержаніе.

1.

Есть одно самое важное дѣло для всѣхъ людей. Дѣло это въ томъ, чтобы жить хорошо. Жить же хорошо—значитъ не столько дѣлать то хорошее, что мы можемъ дѣлать, сколько не дѣлать того дурного, которое можемъ не дѣлать. Главное—не дѣлать дурного.

2.

Всѣ люди нашего времени знаютъ, что жизнь наша дурная, и не только осуждаютъ устройство нашей жизни, но и дѣлаютъ дѣла, которыя, по ихъ мнѣнію, должны улучшить жизнь. Но жизнь отъ этого не улучшается, а становится все

хуже и хуже. Отчего это? А оттого, что люди дѣлають самыя хитрыя и трудныя дѣла для улучшенія жизни, а не дѣлають самаго простаго и легкаго: не воздерживаются отъ участія въ тѣхъ дѣлахъ, которыя дѣлають нашу жизнь дурною.

3.

Человѣкъ можетъ узнать, что ему нужно дѣлать, только тогда, когда онъ ясно пойметъ, чего ему не нужно дѣлать. Не дѣлая же того, что ему не должно дѣлать, онъ неизбежно будетъ дѣлать то, что ему должно дѣлать, хотя и не будетъ знать, для чего онъ дѣлаетъ то, что дѣлаетъ.

4.

Вопросъ: что лучше всего дѣлать, когда спѣшишь? Отвѣтъ: ничего.

5.

Во времена упадка духа надо обращаться съ собой, какъ съ больнымъ; главное—ничего не предпринимать.

6.

Если ты не знаешь, какъ быть, сдѣлать или не сдѣлать, знай впередъ, что всегда лучше удержаться, чѣмъ сдѣлать. Если бы ты не въ силахъ былъ удержаться и если бы ты навѣрное зналъ, что дѣло хорошее, то ты не спрашивалъ бы себя, сдѣлать или не сдѣлать; если же спрашиваешь, то, во-первыхъ, знаешь, что можешь удержаться, а во-вторыхъ, навѣрное знаешь, что дѣло не вполне хорошее. Если бы дѣло вполне было хорошее, ты бы не спрашивалъ.

7.

Если тебѣ чего-нибудь такъ хочется, что даже кажется, что ты не можешь воздержаться, не вѣрь себѣ. Неправда, чтобы человѣкъ не могъ воздержаться отъ чего бы то ни

было. Не можетъ воздержаться только тотъ, кто впередъ увѣрилъ себя, что онъ не можетъ.

8.

Вспомни каждый, хотя бы и молодой человѣкъ, свою жизнь. И если ты пожалѣешь одинъ разъ о томъ, что ты не сдѣлалъ того, что было должно и что было бы хорошо, то ты сотни разъ пожалѣешь о томъ, что ты сдѣлалъ то, что было нехорошо и чего не должно было дѣлать.

II.

Послѣдствія невоздержанія.

1.

Не столько вреда бываетъ отъ того, что мы дѣлаемъ не то, что должно, сколько отъ того, что мы не удерживаемся отъ того, чего не должно дѣлать.

2.

Невоздержаніе въ одномъ поступкѣ ослабляетъ силу воздержанія и въ другомъ. Привычка невоздержанія, это—невидимый потокъ подъ домомъ. Такому дому не устоять.

3.

Хуже передѣлать, чѣмъ не додѣлать; хуже поспѣшить, чѣмъ опоздать.

Упреки совѣсти всегда больнѣе за то, что сдѣлалъ, чѣмъ за то, чего не сдѣлалъ.

4.

Чѣмъ затруднительнѣе кажется положеніе, тѣмъ меньше надо дѣйствовать. Дѣйствіями-то мы обыкновенно и портимъ то, что начинало уже поправляться.

5.

Большинство людей, которыхъ называютъ злыми, сдѣлались такими только отъ того, что они принимали свое дурное расположение духа за свое законное состояніе и отдавались ему и не дѣлали усилій, чтобы воздерживаться отъ него.

6.

Если ты чувствуешь себя не въ силахъ воздержаться отъ тѣлеснаго желанія, то причина навѣрное въ томъ, что ты не воздержался, когда ты еще могъ воздержаться, и желаніе сдѣлалось уже въ тебѣ привычкой.

III.

Не всякая дѣятельность достойна уваженія.

1.

Очень ошибочно думать, что дѣятельность, просто какъ дѣятельность, безъ соображенія о томъ, въ чемъ она состоитъ, есть дѣло почтенное, заслуживающее уваженія. Вопросъ въ томъ, въ чемъ дѣятельность и при какихъ условіяхъ человѣкъ ничего не дѣлаетъ.

2.

Часто люди съ гордостью отказываются отъ невинныхъ увеселеній, говоря, что имъ некогда, потому что у нихъ есть дѣло. А между тѣмъ, не говоря уже о томъ, что добродушная, веселая игра нужнѣе и важнѣе многихъ дѣлъ, то самое дѣло, ради котораго занятые люди отказываются отъ удовольствія, часто бываетъ такое, что лучше бы его никогда не дѣлать.

3.

Для истиннаго движенія жизни не только не нужна, но вредна виѣшняя суетливая дѣятельность. Ничегонедѣланіе безъ

увеселеній, доставляемыхъ трудами другихъ людей, есть самое тяжелое состояніе, если оно не наполнено внутренней работой, и потому, если человѣкъ живетъ внѣ условій роскоши, доставляемой чужимъ трудомъ, то человѣкъ этотъ не будетъ празденъ. Вредъ человѣчеству главный не отъ праздности, а отъ дѣланія того, что не нужно и вредно.

IV.

Воздерживаться отъ дурныхъ привычекъ можетъ человѣкъ только тогда, когда онъ можетъ сознать себя не тѣлеснымъ, а духовнымъ существомъ.

1.

Для того, чтобы научиться воздерживаться, надо научиться раздваиваться на тѣлеснаго и духовнаго человѣка и заставлять тѣлеснаго человѣка дѣлать не то, что онъ хочетъ, а то, что хочетъ человѣкъ духовный.

2.

Когда душа спитъ, бездѣйствуетъ, тѣло неудержимо подчиняется тѣмъ проявленіямъ чувствъ, которыя вызываютъ въ немъ поступки людей, окружающихъ человѣка. Люди зѣваютъ, и онъ зѣваетъ; люди горячатся, и онъ горячится; люди гнѣваются, и онъ гнѣвается; люди умиляются, плачутъ, и у него выступаютъ слезы.

Такое невольное подчиненіе внѣшнимъ воздѣйствіямъ бываетъ причиною дурныхъ, несогласныхъ съ требованіями совѣсти, поступковъ. Будь насторожѣ противъ такихъ внѣшнихъ воздѣйствій и не подчиняйся имъ.

3.

Только когда съ молодыхъ лѣтъ пріучишь тѣлеснаго человѣка слушаться духовнаго, только тогда станетъ легко воздер-

живаться отъ своихъ желаній. А человѣку, который пріучилъ себя воздерживаться отъ своихъ желаній, бываетъ легко и радостно жить на свѣтѣ.

V.

Чѣмъ больше бороться съ невоздержаніемъ, тѣмъ легче борьба.

1.

Между разумомъ и страстями идетъ въ человѣкѣ междоусобная война. Человѣкъ могъ бы имѣть хоть какое-нибудь спокойствіе, если бы въ немъ былъ только разумъ безъ страстей или только страсти безъ разума. Но такъ какъ въ немъ и то и другое, то онъ не можетъ избѣжать борьбы, не можетъ быть въ мирѣ съ однимъ иначе, какъ воюя съ другимъ. Онъ всегда борется самъ въ себѣ. И борьба эта необходима, въ ней жизнь.

Паскаль.

2.

Для того, чтобы уважать другихъ, какъ самого себя, и поступать съ ними такъ, какъ мы желаемъ, чтобы съ нами поступали,—а въ этомъ главное дѣло жизни,—нужно владѣть собой, а чтобы владѣть собой, надо пріучать себя къ этому.

3.

Всякій разъ, когда чего-нибудь очень хочется сдѣлать, остановись и подумай: хорошо ли то, чего тебѣ такъ очень хочется.

4.

Для того, чтобы не дѣлать злыхъ дѣлъ, мало того, чтобы удерживаться отъ самыхъ дѣлъ, надо научиться удерживаться отъ злыхъ разговоровъ, а главное — удерживаться отъ злыхъ мыслей. Какъ только вспомнилъ, что разговоръ недобрый—

осмѣиваешь, осуждаешь, бранишь другого, — остановись, замолчи и не слушай. То же дѣлай и тогда, когда придутъ недобрыя мысли: думаешь худое о ближнемъ, — все равно, стоитъ или не стоитъ такихъ сужденій этотъ ближній, — остановись и старайся думать о другомъ. Только если научишься воздерживаться отъ злыхъ словъ и злыхъ мыслей, будешь въ силахъ воздерживаться и отъ злыхъ дѣлъ.

5.

Сколько бы разъ ни пришлось тебѣ падать, не достигнувъ побѣды надъ своими страстями, — не унывай. Всякое усиліе борьбы уменьшаетъ силу страсти и облегчаетъ побѣду надъ ней.

6.

Возница не бросаетъ вожжей отъ того, что не сразу остановить коней, но продолжаетъ тянуть, и кони останавливаются. Такъ и ты со страстями: не удержался одинъ разъ, продолжай бороться, и въ концѣ концовъ побѣдишь ты, а не страсти.

7.

Всякая страсть въ сердцѣ человѣка — вначалѣ какъ проситель, потомъ какъ гость и, наконецъ, какъ хозяинъ дома. Постарайся отказать такому просителю, не отворяй ему двери дома своего сердца.

VI.

Значеніе воздержанія для отдѣльныхъ людей и всего человѣчества.

1.

Хочешь быть свободенъ — пріучай себя воздерживаться въ своихъ желаніяхъ.

2.

Кто мудръ?—У всѣхъ чему-нибудь обучающійся. Кто богатъ?—Довольствующійся своею участью. Кто силенъ?—Себя обуздывающій.

Талмудъ.

3.

Говорятъ, что христіанство есть ученіе слабости, потому что оно предписываетъ не поступки, а преимущественно воздержаніе отъ нихъ. Христіанство—ученіе слабости! Хорошо ученіе слабости, Основатель котораго погибъ мученикомъ на крестѣ, не измѣняя Себѣ, и послѣдователями котораго насчитываютъ тысячи мучениковъ, единственныхъ людей, смѣло смотрѣвшихъ въ глаза злу и возстававшихъ противъ него. И тогдашніе насильники, казнившіе Христа, и теперешніе насильники знаютъ, какое это ученіе слабости, и боятся болѣе всего этого самаго ученія. Они чутьемъ видятъ, что это ученіе одно подъ корень и вѣрно разрушаетъ все то устройство, на которомъ они держатся. Гораздо больше силы нужно для воздержанія отъ зла, чѣмъ для дѣланія самой трудной вещи, которую мы считаемъ добромъ.

4.

Всѣ различія нашихъ положеній въ мірѣ ничто въ сравненіи съ властью человѣка надъ самимъ собою. Если человѣкъ упалъ въ море, то совершенно все равно, откуда онъ упалъ въ море и какое это море. Важно только то, умѣетъ ли этотъ человѣкъ плавать или нѣтъ. Сила не во внѣшнихъ условіяхъ, а въ умѣніи владѣть собой.

5.

Настоящая сила не въ томъ, кто побѣждаетъ другихъ, а въ томъ, кто побѣждаетъ себя, не позволяетъ животному владствовать надъ душой.

6.

Кто отдается страстнымъ желаніямъ, кто ищетъ наслажденій, у того страсть становится все сильнѣе и сильнѣе и такого человѣка она заковываетъ въ цѣпи.

Кто успѣлъ побѣдить страсть, тотъ разорвалъ цѣпи.

Буддійская мудрость.

7.

Молодой человѣкъ! Отказывай себѣ въ удовольствіи твоихъ желаній (въ увеселеніяхъ, въ роскоши и т. п.), если и не изъ намѣренія совсѣмъ отказаться отъ всего этого, то изъ желанія имѣть передъ собой неперестающую возможность наслажденія. Такая бережливость по отношенію къ твоему жизненному чувству сдѣлаетъ тебя, благодаря отсрочкѣ наслажденія, въ дѣйствительности богаче.

Сознаніе того, что наслажденіе находится въ твоей власти, плодотворнѣе и обширнѣе, какъ и все идеальное, чѣмъ удовлетворенное посредствомъ этого наслажденія чувство, потому что вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ уничтожается и самое чувство наслажденія.

Кантъ.

8.

Надо не столько стараться дѣлать добро, сколько стараться быть добрымъ; не столько стараться свѣтить, сколько стараться быть чистымъ. Душа человѣка живетъ какъ будто въ стеклянномъ сосудѣ, и сосудъ этотъ человѣкъ можетъ загрязнить и можетъ держать чистымъ. Насколько чисто стекло сосуда, настолько свѣтитъ черезъ него свѣтъ истины, — свѣтитъ и для самого человѣка и для другихъ. И потому главное дѣло человѣка — внутреннее, въ содержаніи въ чистотѣ своего сосуда. Только не загрязняй себя, и тебѣ будетъ свѣтло, будешь свѣтить и людямъ.

9.

Только не дѣлай того, чего не должно дѣлать, и ты сдѣлаешь все то, что должно.

10.

Часто для того, чтобы сдѣлалось то, чего мы желаемъ, нужно только перестать дѣлать то, что мы дѣлаемъ.

11.

Только посмотрѣть на жизнь, ведомую людьми въ нашемъ мірѣ, посмотрѣть на Чикаго, Парижъ, Лондонъ, всѣ города, всѣ заводы, желѣзные дороги, машины, вооруженія, пушки, крѣпости, книгопечатни, музеи, 30-этажные дома и т. п., и задать себѣ вопросъ, что надо сдѣлать прежде всего для того, чтобы люди могли жить хорошо? Отвѣтить можно навѣрное одно: прежде всего перестать дѣлать все то лишнее, что теперь дѣлаютъ люди. А лишнее въ нашемъ европейскомъ мірѣ, это—0,99 всей дѣятельности людей.

12.

Какъ ни тонка и прозрачна стала ложь, вытекающая изъ противорѣчія нашей жизни и нашего сознанія, она утончается и растягивается, но не обрывается. И, утончаясь и растягиваясь, ложь эта связываетъ существующій порядокъ вещей и препятствуетъ проявленію новаго.

Большинство людей христіанскаго міра уже не вѣрять болѣе въ языческія основы, руководящія ихъ жизнью, а вѣрять въ христіанскія основы, признаваемые ими въ своемъ сознаніи, но жизнь продолжаетъ идти попрежнему. Для того, чтобы исчезли всѣ тѣ бѣдствія и противорѣчія, которыя физически и нравственно мучаютъ теперь людей, для того, чтобы наступило то Царствіе Божіе, которое 1900 лѣтъ тому назадъ предсказано человѣчеству, людямъ нашего времени нужно одно: нравственное усиліе. Какъ для того, чтобы застуженная ниже точки замерзанія жидкость пришла въ свойственную ей форму кристалловъ, нуженъ толчокъ, такъ для перехода человѣчества къ той формѣ жизни, которая ему свойственна, нужно нравственное усиліе, то усиліе, которымъ берется Царство Божіе.

Усиліе это не есть усиліе движенія, усиліе открытія новаго міросозерцанія, новыхъ мыслей и совершенія особенныхъ новыхъ поступковъ. Усиліе, которое нужно для вступленія въ Царство Божіе или въ новую форму жизни, есть усиліе отрицательное, усиліе неслѣдованія за потокомъ, усиліе недѣланія поступковъ, не согласныхъ съ внутреннимъ сознаніемъ.

И вотъ къ необходимости этого-то усилія и приведены теперь люди и жестокостью жизни, и ясностью, и распространенностью христіанскаго ученія.

13.

Малѣйшее движеніе вещества важно для всей природы. Все море измѣняется отъ одного камня. Точно такъ же и въ духовной жизни малѣйшее движеніе производитъ безконечныя послѣдствія. Все важно.

П а с к а л ь.

XXII.

С л о в о .

Слово—выраженіе мысли и можетъ служить соединенію и раздѣленію людей; поэтому нужно съ осторожностью обращаться съ нимъ.

I.

Слово—дѣло великое.

1.

Словомъ можно соединить людей, словомъ можно разъединить ихъ; словомъ можно служить любви, словомъ же можно служить враждѣ и ненависти. Берегись такого слова, которое разъединяетъ людей или служить враждѣ и ненависти.

2.

Слово — выраженіе мысли, мысль — проявленіе Божеской силы, и потому слово должно соотвѣтствовать тому, что оно выражаетъ. Оно можетъ быть безразлично, но не можетъ и не должно быть выраженіемъ зла.

3.

Человѣкъ—носитель Бога. Сознаніе своей божественности онъ можетъ выражать словомъ. Какъ же не быть осторожнымъ въ словѣ?

4.

Время проходить, но сказанное слово остается.

5.

Если имѣешь время подумать, прежде чѣмъ начинать говорить, то подумай, стоитъ ли, нужно ли говорить, не можетъ ли повредить кому-нибудь то, что ты хочешь сказать. И большей частью бываетъ такъ, что если подумаешь, то и не начнешь говорить.

6.

Прежде думай, потомъ говори. Но остановись прежде, чѣмъ тебѣ скажутъ: «довольно». Человѣкъ выше животнаго способностью рѣчи, но онъ ниже его, если болтаетъ, что попало.

Саади.

7.

Послѣ долгаго разговора постарайся вспомнить все то, о чемъ было говорено, и ты удивишься, какъ пусто и ненужно и часто дурно было все говоренное.

8.

Слушай, будь внимателенъ, но говори мало.

Никогда не говори, если тебя не спрашиваютъ, но если тебя спрашиваютъ, отвѣчай тотчасъ же и коротко, и не стыдись, если ты долженъ признаться, что не знаешь того, о чемъ тебя спрашиваютъ.

Суфи.

9.

Если хочешь быть умнымъ, научись разумно спрашивать, внимательно слушать, спокойно отвѣчать и переставать говорить, когда нечего больше сказать.

Лафатеръ.

10.

Не хвали, не осуждай другихъ и не спорь.

11.

Слушай рѣчи ученаго человѣка со вниманіемъ, хотя бы дѣла его не соотвѣтствовали его ученію. Человѣкъ долженъ поучаться, хотя бы поученіе было написано на стѣнѣ.

Саади.

12.

Есть очень хорошія три короткія слова: я не знаю.
Приучай свой языкъ почаще говорить ихъ.

Восточная мудрость.

13.

Есть старинное изреченіе: «de mortuis aut bene, aut nihil», то-есть: о мертвыхъ говори доброе или ничего. Какъ это несправедливо! Напротивъ, надо бы сказать: «о живыхъ говори доброе или ничего». Отъ сколькихъ страданій это избавило бы людей и какъ это легко! О мертвыхъ же почему не говорить худого? Въ нашемъ мірѣ, напротивъ, установилось вслѣдствіе обычая некрологовъ и юбилеевъ говорить о мертвыхъ однѣ преувеличенныя похвалы,—слѣдовательно, только ложь. А такія лживыя похвалы вредны потому, что сглаживаютъ въ понятіяхъ людей различіе между добромъ и зломъ.

14.

Съ чѣмъ сравнить языкъ въ устахъ человѣка? Это ключъ сокровищницы; когда дверь заперта, никто не можетъ знать, что тамъ: драгоцѣнные ли камни или только ненужный хламъ?

Саади.

15.

Хотя, по ученію мудрыхъ, молчаніе полезно, свободная рѣчь тоже нужна, но нужна только въ свое время. Мы грѣшимъ словомъ и когда молчимъ, а надо бы говорить, и когда говоримъ, а надо бы молчать.

Саади.

II.

Когда разсердился, молчи.

1.

Если ты знаешь, какъ надо жить людямъ, и желаешь имъ добра, то будешь высказывать имъ это. Высказывать же это будешь стараться такъ, чтобы они повѣрили въ твои слова. Для того же, чтобы они повѣрили тебѣ и поняли тебя, тебѣ надо постараться передать твои мысли не съ раздраженіемъ и гнѣвомъ, а спокойно и съ добромъ.

2.

Когда ты хочешь передать твоему собесѣднику въ разговорѣ какую-нибудь истину, то самое главное при этомъ — не раздражаться и не сказать ни одного недобраго или обиднаго слова.

По Эпиктету.

3.

Не сказанное слово золотое.

4.

Не думать впередъ о томъ, что ты скажешь, можно только тогда, когда чувствуешь себя спокойнымъ, добрымъ и любящимъ. Но если ты беспокоенъ и раздраженъ, то берегись согрѣшить словомъ.

5.

Если ты не можешь тотчасъ же утишить свой гнѣвъ, удержи языкъ. Помолчи—и ты скорѣе успокоишься.

Бакстеръ.

6.

Старайся, чтобы въ спорѣ слова твои были мягки, а доводы тверды. Старайся не досадить противнику, а убѣдить его.

Вилькинсъ.

7.

Какъ только мы почувствовали гнѣвъ во время спора, мы уже споримъ не за истину, а за себя.

Карлейль.

III.

Не спорь.

1.

Зарождающаяся ссора подобна пробивающемуся сквозь плотину потоку: какъ только онъ пробился, ты уже не удержишь его. А всякая ссора вызывается и поддерживается словами.

Талмудъ.

2.

Споръ никого не убѣждаетъ, а разъединяетъ и озлобляетъ. Что молотокъ для гвоздей, то споръ для мнѣній людскихъ. Мнѣнія, еще шаткія, послѣ споровъ становятся твердо забиты въ головы, какъ гвозди до шляпокъ.

По Ювеналу.

3.

Въ спорахъ забывается истина. Прекращаетъ споръ тотъ, кто умнѣе.

4.

Къ спорамъ прислушивайся, но въ споры не вмѣшивайся. Храни тебя Богъ отъ запальчивости и горячки, хотя бы даже въ малѣйшемъ выраженіи. Гнѣвъ вездѣ неумѣстенъ, а больше всего въ дѣлѣ правомъ, потому что затемняетъ и мутитъ его.

Гоголь.

5.

Лучшій отвѣтъ безумцу — молчаніе. Каждое слово отвѣта отскочитъ отъ безумца на тебя. Отвѣчать обидой на обиду — все равно, что подкидывать дровъ въ огонь.

IV.

Не осуждай.

1.

«Не судите да не судимы будете. Ибо какимъ судомъ судите, такимъ будете судимы; и какою мѣрою мѣрите, такою и вамъ будутъ мѣрить. И что ты смотришь на сучокъ въ глазѣ брата твоего, а бревна въ твоемъ глазѣ не чувствуешь? Или; какъ скажешь брату твоему: дай, я выну сучокъ изъ глаза твоего; а вотъ въ твоемъ глазѣ бревно? Лицемѣръ, вынь прежде бревно изъ твоего глаза, и тогда увидишь, какъ вынуть сучокъ изъ глаза брата твоего». М е. VII, 1—6.

2.

Почти всегда, поискавъ въ себѣ, мы найдемъ тотъ же грѣхъ, который мы осуждаемъ въ другомъ. Если же мы не знаемъ за собой именно того самаго грѣха, то стоитъ только поискать, и мы найдемъ еще худшій.

3.

Какъ только начинаешь судить человѣка, помни о томъ, чтобы не сказать про него дурного, если ты навѣрно знаешь про это дурное, а тѣмъ болѣе, если ты не знаешь, а повторяешь только чужія слова.

4.

Осужденіе другого всегда невѣрно, потому что никто никогда не можетъ знать того, что происходило и происходитъ въ душѣ того, кого осуждаешь.

5.

Хорошо уговориться съ пріятелемъ о томъ, чтобы останавливать другъ друга, какъ скоро тотъ или другой изъ васъ

начнетъ осуждать ближняго. А если нѣтъ такого пріятеля, то уговорись о томъ же самъ съ собою.

6.

Осуждать людей въ глаза нехорошо потому, что это обижаетъ ихъ, а за глаза нечестно, потому что это обманываетъ ихъ. Самое лучшее не искать дурного въ людяхъ и забывать его, а искать дурное въ себѣ и помнить.

7.

Остроумное осужденіе, это—дохлятина подъ соусомъ. Подъ соусомъ не замѣтишь, какъ наѣшься и всякой гадины.

8.

Чѣмъ меньше знаютъ люди о худыхъ дѣлахъ людей, тѣмъ строже они къ самимъ себѣ.

9.

Не слушайте никогда тѣхъ, кто говорятъ дурно о другихъ и хорошо о васъ.

10.

Кто за глаза поносить меня, тотъ боится меня, а кто въ глаза хвалить,—презираетъ меня. Китайская пословица.

11.

Злословіе такъ нравится людямъ, что очень трудно удержаться отъ того, чтобы не сдѣлать пріятное своимъ собесѣдникамъ: не осуждать отсутствующихъ. Но если ужъ непременно угощать людей, то угощай чѣмъ-нибудь другимъ, а не такимъ вреднымъ и для себя и для угощаемыхъ угощеніемъ.

12.

Прикрой чужой грѣхъ, Богъ два простить.

V.

Вредъ отъ невоздержанія въ словѣ.

1.

Мы знаемъ, что съ заряженными ружьями надо обращаться осторожно, а не хотимъ знать того, что такъ же осторожно надо обращаться и со словомъ. Слово можетъ не только убить, но и сдѣлать зло хуже смерти.

2.

Мы возмущаемся на тѣлесныя преступленія: обѣлся, подрался, прелюбодѣйствовалъ, убилъ, — а легко смотримъ на преступленія слова: осудилъ, оскорбилъ, передалъ, напечаталъ, написалъ вредныя, развращающія слова, а между тѣмъ послѣдствія преступленій слова гораздо болѣе тяжелы и значительны, чѣмъ преступленія тѣла. Разница только въ томъ, что зло тѣлесныхъ преступленій тотчасъ же замѣтно. Зло же преступленія слова мы не замѣчаемъ, потому что оно сказывается далеко отъ насъ и по мѣсту и по времени.

3.

Было большое собраніе людей, больше тысячи, въ большомъ театрѣ. Въ серединѣ представленія одинъ глупый человѣкъ вздумалъ пошутить и крикнулъ одно слово: «пожаръ!» Народъ бросился къ дверямъ. Всѣ столпились, давили другъ друга, и, когда опомнились, было раздавлено на смерть 20 человѣкъ и больше 50 поранено.

Такое великое зло можетъ сдѣлать одно глупое слово.

Тутъ, въ театрѣ, видно зло, которое сдѣлало одно глупое слово, но часто бываетъ, что вредъ глупаго слова хотя и не сразу виденъ, какъ въ театрѣ, а дѣлаетъ понемногу и незамѣтно еще больше зла.

4.

Ничто такъ не поощряетъ праздности, какъ пустые разговоры. Если бы люди молчали и не говорили тѣхъ пустяковъ, которыми они отгоняють отъ себя скуку праздности, они не могли бы переносить праздности и работали бы.

5.

Дурно говорить о людяхъ вредить сразу тремъ: тому, о комъ говорятъ дурно, тому, кому говорятъ дурно, но болѣе всего тому, кто говорить дурно о людяхъ.

Василій Великій.

6.

Заочное осужденіе тѣмъ особенно дурно, что то самое сужденіе о недостаткахъ человѣка, которое, сказанное въ глаза, могло бы быть полезно ему, скрывается отъ того, кому оно можетъ быть нужно, и сообщается тѣмъ, кому оно вредно, возбуждая дурное чувство къ осуждаемому.

7.

Рѣдко раскаешься въ томъ, что промолчалъ, а сколько разъ раскаешься въ томъ, что сказалъ, и еще чаще бы раскаивался, если бы зналъ всѣ послѣдствія твоего слова.

8.

Чѣмъ больше хочется говорить, тѣмъ больше опасность, что скажешь дурное.

9.

Большая сила у того человѣка, который умѣетъ промолчать, хотя онъ правъ.

Катонъ.

VI.

Польза молчанія.

1.

Давай больше отдыхать языку, чѣмъ рукамъ.

2.

Часто молчаніе лучшій пзъ отвѣтовъ.

3.

Семь разъ поверни языкъ, прежде чѣмъ пачнешь говорить.

4.

Надо или молчать или говорить вещи, которыя лучше молчанія.

5.

Кто много говоритъ, тотъ мало дѣлаетъ. Мудрый человѣкъ всегда боится, чтобы слова его не обѣщали больше того, что онъ можетъ дать, и потому чаще молчитъ и говоритъ только тогда, когда это нужно не ему, а другимъ.

6.

Весь вѣкъ свой я провелъ среди мудрецовъ и не нашелъ для человѣка ничего лучше молчанія.

Талмудъ.

7.

Если изъ ста разъ одинъ разъ пожалѣешь о томъ, что не сказалъ, что надо было, то навѣрное изъ ста разъ 99 разъ пожалѣешь, что говорилъ, когда надо было молчать.

8.

По одному тому, что хорошее намѣреніе высказано, уже ослаблено желаніе исполнить его. Но какъ удержать отъ высказыванія благородно-самодовольные порывы юности? Только гораздо позже, вспоминая ихъ, жалѣешь о нихъ, какъ о цвѣткѣ, который, не удержался, сорвалъ не распустившимся и потомъ увидѣлъ на землѣ завялымъ и затоптаннымъ.

9.

Слово—ключъ сердца. Если разговоръ ни къ чему не ведетъ, то и одно слово лишнее.

10.

Когда ты одинъ, думай о своихъ грѣхахъ, когда въ обществѣ—забывай чужіе.

Китайское изреченіе.

11.

Если очень хочется говорить, то спроси себя: для чего тебѣ такъ хочется говорить—для себя, для своей выгоды или для выгоды, пользы другихъ. Если для себя, то постарайся промолчать.

12.

Глупому человѣку лучше всего молчать. Но если бы онъ зналъ это, онъ бы не былъ глупымъ человѣкомъ. С а а д и.

13.

Люди учатся, какъ говорить, а главная наука—какъ и когда молчать.

14.

Когда ты говоришь, слова твои должны быть лучше молчанія.

Арабская поговорка.

15.

Многоглаголющему не миновать грѣха.

Если слово стоитъ одну монету, то молчаніе стоитъ двѣ.

Если подобаеъ молчаніе умнымъ, то тѣмъ болѣе глупымъ.

Т а л м у д ѣ .

VII.

Польза воздержанія въ словѣ.

1.

Чѣмъ меньше будешь говорить, тѣмъ больше будешь работать.

2.

Отучи себя отъ осужденія, и ты почувствуешь въ своей душѣ увеличеніе способности любви, почувствуешь увеличеніе жизни и блага.

3.

Магометъ и Али встрѣтили разъ человѣка, который, считая Али своимъ обидчикомъ, началъ ругать его. Али переносилъ это съ терпѣніемъ и въ молчаніи довольно долго, но потомъ не удержался и сталъ отвѣчать ругательствами на ругательства. Тогда Магометъ отошелъ отъ нихъ. Когда Али подошелъ опять къ Магомету, онъ съ обидой сказалъ ему: «Зачѣмъ ты оставилъ меня одного переносить ругательства этого дерзкаго человѣка?» — «Когда этотъ человѣкъ бранилъ тебя, а ты молчалъ,—сказалъ Магометъ,—я видѣлъ вокругъ тебя десять ангеловъ, и ангелы отвѣчали ему. Но когда ты началъ отвѣчать ему бранью, ангелы оставили тебя,—отошелъ и я».

Мусульманское преданіе.

4.

Скрывать недостатки другихъ и говорить о томъ, что есть въ нихъ добраго, есть признакъ любви и лучшій способъ привлечь къ себѣ любовь ближнихъ.

Изъ „Благочестивыхъ мыслей“.

5.

Благо жизни людей — ихъ любовь между собой. А недобрымъ словомъ можно нарушить любовь.

XXIII.

МЫСЛЬ.

Какъ можетъ человѣкъ воздержаться отъ поступка, если онъ признаетъ его дурнымъ, такъ же можетъ человѣкъ воздержаться и отъ привлекающей его къ себѣ мысли, если онъ признаетъ ее дурною. Въ этомъ воздержаніи въ мысляхъ главная сила человѣка, потому что всѣ поступки зарождаются въ мысли.

I.

Назначеніе мысли.

1.

Нельзя избавиться отъ грѣховъ, соблазновъ и суетвѣрій тѣлесными усиліями. Избавиться можно только усиліями мысли. Только мыслями можно пріучить себя быть самоотверженнымъ, смиреннымъ, правдивымъ. Только когда въ мысляхъ своихъ человѣкъ будетъ стремиться къ самоотреченію, смирению, правдивости, только тогда онъ будетъ въ силахъ бороться и на дѣлѣ съ грѣхами, соблазнами и суетвѣріями.

2.

Хотя и не мысль открыла намъ то, что надо любить,—мысль не могла открыть намъ этого,—но мысль важна тѣмъ,

что она показываетъ намъ то, что мѣшаетъ любви. Вотъ это-то усиліе мысли противъ того, что мѣшаетъ любви, это-то усиліе мысли важнѣе, нужнѣе и дороже всего.

3.

Если бы человѣкъ не могъ мыслить, онъ бы не понималъ, зачѣмъ онъ живетъ. А если бы онъ не понималъ, зачѣмъ онъ живетъ, онъ не могъ бы знать, что хорошо и что дурно. И потому нѣтъ ничего дороже для человѣка того, чтобы хорошо мыслить.

4.

Люди говорятъ о нравственномъ и религіозномъ ученіи и о совѣсти, какъ о двухъ раздѣльныхъ руководителяхъ человѣка. Въ дѣйствительности же есть только одинъ руководитель—совѣсть, то-есть сознаніе того голоса Бога, который живетъ въ насъ. Голосъ этотъ несомнѣнно рѣшаетъ для каждаго человѣка, что ему должно и чего не должно дѣлать. И этотъ голосъ всегда можетъ быть вызванъ въ себѣ всякимъ человѣкомъ усиліемъ мысли.

5.

Если бы человѣкъ не зналъ, что глаза могутъ видѣть, и никогда не раскрывалъ бы ихъ, онъ былъ бы очень жалокъ. Такъ же, и еще болѣе, жалокъ человѣкъ, если онъ не понимаетъ, что ему дана сила мысли для того, чтобы спокойно переносить всякія бѣды. Если человѣкъ разуменъ, то ему легко будетъ переносить всякія бѣды: первое, потому, что разумъ скажетъ ему, что всякія бѣды проходятъ и часто превращаются въ доброе, а второе то, что для разумнаго человѣка всякая бѣда на пользу. А между тѣмъ люди вмѣсто того, чтобы смотрѣть прямо въ глаза бѣдѣ, стараются увернуться отъ нея.

Не лучше ли радоваться тому, что Богъ далъ намъ власть не огорчаться тѣмъ, что съ нами случается помимо нашей воли, и благодарить Его за то, что Онъ подчинилъ нашу

душу только тому, что въ нашей власти — нашему разуму. Онъ вѣдь не подчинилъ нашей души ни родителямъ нашимъ, ни братьямъ, ни богатству, ни тѣлу нашему, ни смерти. Онъ, по благости Своей, подчинилъ ее одному тому, что отъ насъ зависитъ — нашимъ мыслямъ.

Вотъ эти-то мысли и чистоту ихъ и должны мы для нашего блага блюсти всѣми силами.

По Эпиктету.

6.

Когда мы узнаемъ новую мысль и признаемъ ее вѣрною, намъ кажется, что мы уже давно знали ее и теперь только вспомнили то, что знали. Всякая истина уже лежитъ въ душѣ всякаго человѣка. Только не заглушай ея ложью, и рано или поздно она откроется тебѣ.

7.

Часто бываетъ, что придетъ мысль, которая кажется и вѣрной и вмѣстѣ странной, и боишься повѣрить ей. Но потомъ, если хорошенько подумаешь, то видишь, что та мысль, которая казалась странной, — самая простая истина, такая, что если разъ узналъ, въ нее уже нельзя перестать вѣрить.

8.

Всякая великая истина для того, чтобы войти въ сознаніе человѣчества, должна неизбежно пройти три ступени. Первая ступень: «Это такъ нелѣпо, что не стоитъ и обсуждать». Вторая ступень: «Это безнравственно и противно религіи». Третья ступень: «Ахъ! это такъ всѣмъ извѣстно, что не стоитъ и говорить про это».

9.

Живя съ людьми, не забывай того, что ты узналъ въ уединеніи. И въ уединеніи обдумывай то, что узналъ изъ общенія съ людьми.

Тремя путями можемъ мы притти къ мудрости: во-первыхъ, путемъ опыта,—это путь самый тяжелый; во-вторыхъ, путемъ подражанія,—это путь самый легкій; и въ-третьихъ, путемъ размышленія,—это путь самый благородный. Конфуцій.

II.

Жизнь человѣка опредѣляется его мыслями.

1.

Судьба человѣка такая или другая бываетъ только оттого, какъ онъ въ мысляхъ своихъ понимаетъ свою жизнь.

2.

Всѣ великія перемѣны въ жизни одного человѣка, а также и всего человѣчества, начинаются и совершаются въ мысли. Для того, чтобы могла произойти перемѣна чувствъ и поступковъ, должна произойти прежде всего перемѣна мысли.

3.

Для того, чтобы изъ дурной жизни сдѣлалась хорошая, надо прежде всего постараться понять, отчего жизнь стала дурная и что надо сдѣлать, чтобы она стала хорошей. Такъ что для того, чтобы жизнь стала лучше, надо прежде думать, а потомъ уже дѣлать.

4.

Хорошо было бы, если бы мудрость могла переливаться изъ того человѣка, въ которомъ ея много, въ того, въ комъ ея мало, какъ вода переливается изъ одного сосуда въ другой до тѣхъ поръ, пока въ обоихъ будетъ равно. Но для того, чтобы человѣку принять чужую мудрость, ему нужно прежде самому думать.

5.

Все настоящее и нужное людямъ добывается не вдругъ, а всегда долгимъ и постояннымъ трудомъ. Такъ приобрѣтаются и мастерства, и знанія, и такъ приобрѣтается и самое нужное на свѣтѣ—умѣніе жить доброй жизнью.

Для того же, чтобы научиться жить доброй жизнью, надо прежде всего приучить себя мыслить доброе.

6.

Переходы нашей жизни изъ одного состоянія въ другое опредѣляются не совершаемыми по нашей волѣ замѣтными намъ поступками: бракомъ, перемѣною мѣста жительства или дѣятельности и т. п., но мыслями, которыя приходятъ во время прогулки, среди ночи, за ѣдою, въ особенности тѣми мыслями, которыя, охватывая все наше прошедшее, говорятъ намъ: «Ты поступилъ такъ, но лучше было бы поступить иначе». И всѣ наши дальнѣйшіе поступки, какъ рабы, служатъ этимъ мыслямъ, исполняютъ ихъ волю.

Торо.

7.

Наши привычныя мысли придаютъ въ нашемъ умѣ собственную имъ окраску всему, съ чѣмъ мы приходимъ въ соприкосновеніе. Ложны эти мысли—и онѣ превратятъ въ ложь самыя возвышенныя истины. Наши привычныя мысли представляютъ изъ себя для каждаго изъ насъ нѣчто болѣе твердое, чѣмъ домъ, въ которомъ мы живемъ. Мы повсюду носимъ ихъ съ собою, какъ улитка раковину, въ которой она живетъ.

Люси Малори.

8.

Желанія наши не будутъ добрыми, пока мы не исправимъ привычки ума. Привычки ума опредѣляютъ желанія. Привычки же ума образуются общеніемъ съ выводами мудрости лучшихъ людей міра.

Сенека.

9.

То, что спокойно, можетъ быть удержано въ покоѣ. То, что еще не появилось, можетъ быть легко предупреждено. То, что еще слабо, можетъ быть легко сломано. То, чего еще мало, можетъ быть легко разсѣяно.

Толстое дерево началось съ тонкаго прута. Девятиэтажная башня началась съ кладки малыхъ кирпичей. Путешествіе въ тысячу верстъ начинается съ одного шага. Будьте внимательны къ своимъ мыслямъ,—онѣ начало поступковъ. Лао-Тсе.

10.

Наша мысль, хорошая или дурная, отправляетъ насъ въ рай или въ адъ не на небѣ и не подъ землей, а въ этой жизни.

Люси Малори.

11.

Говорятъ, что разумъ не можетъ быть руководителемъ жизни, только такіе люди, разумъ которыхъ такъ извращенъ, что они не вѣрятъ своему разуму.

12.

Какъ жизнь и судьба отдѣльнаго человѣка опредѣляются тѣмъ, на что мы менѣе обращаемъ вниманія, чѣмъ на поступки,—его мыслями, такъ и жизнь обществъ, людей и народовъ опредѣляется не событіями, совершающимися среди этихъ обществъ и народовъ, а тѣми мыслями, которыя соединяютъ большинство людей этихъ обществъ и народовъ.

13.

Не думай, чтобы мудрыми могли быть только особенные люди. Мудрость нужна всѣмъ людямъ, и потому всѣ люди могутъ быть мудрыми. Мудрость—въ томъ, чтобы знать, въ чемъ дѣло жизни и какъ исполнять его. А чтобы узнать его, нужно только одно: помнить, что мысль—великое дѣло, и потому—думать.

14.

Мнѣ пришла мысль, потомъ я забылъ ее. Ну, ничего, это только мысль. Если бы это были деньги, я бы перерылъ все, пока не нашелъ бы. Но тутъ что? только мысль. Но вѣдь отъ сѣмени огромное дерево. Вѣдь отъ мысли та или другая дѣятельность и одного человѣка и миллионовъ людей, а мы думаемъ, что мысль — ничто.

III.

Главная причина бѣдствій людей не въ дѣлахъ,
а въ мысляхъ ихъ.

1.

Когда съ тобой случаются несчастья, знай, что случилось это не отъ того, что ты дѣлалъ, а отъ того, что ты думалъ.

2.

Если мы не можемъ удержаться отъ такого дѣла, про которое мы знаемъ, что оно дурно, то бываетъ это только отъ того, что мы позволили себѣ прежде думать объ этомъ дурномъ дѣлѣ, не удерживались въ мысляхъ.

3.

Старайся не думать о томъ, что ты считаешь дурнымъ.

4.

Много вреднѣе дурныхъ поступковъ тѣ мысли, отъ которыхъ происходятъ дурные поступки. Поступка дурного можно не повторять и раскаяться въ немъ; дурныя же мысли рождать дурные поступки. Дурной поступокъ только накатываетъ дорогу къ дурнымъ поступкамъ; дурныя же мысли влекутъ по этой дурной дорогѣ.

5.

Плоды рождаются изъ сѣмени. Такъ же дѣла рождаются изъ мыслей.

Какъ изъ дурныхъ сѣмянъ рождаются дурные плоды, такъ изъ дурныхъ мыслей рождаются дурныя дѣла. Какъ земледѣлецъ отбираетъ хорошія, настоящія сѣмена отъ сѣмянъ сорныхъ травъ и изъ настоящихъ сѣмянъ отбираетъ лучшія и бережетъ и перебираетъ ихъ, такъ и разумный человѣкъ поступаетъ съ своими мыслями: онъ отгоняетъ пустыя, дурныя, удерживаетъ лучшія и бережетъ и перебираетъ ихъ.

Если не будешь отгонять дурныя мысли и не будешь беречь добрыя, не миновать дурныхъ поступковъ. Только отъ добрыхъ мыслей добрыя дѣла. Дорожи добрыми мыслями, ищи ихъ въ книгахъ мудрыхъ людей, въ разумныхъ рѣчахъ и, главное, въ самомъ себѣ.

6.

Для того, чтобы свѣтильникъ могъ дать спокойный свѣтъ, нужно, чтобы онъ былъ поставленъ въ защищенное отъ вѣтра мѣсто. Если же свѣтильникъ на вѣтру, то свѣтъ будетъ дрожать, и отъ него будутъ падать странныя, темныя тѣни. Такія же странныя и темныя тѣни будутъ падать на душу человѣка отъ не провѣренныхъ, ничтожныхъ, разнообразныхъ мыслей.

Браминская мудрость.

IV.

Человѣкъ властенъ надъ своими мыслями.

1.

Наша жизнь бываетъ хороша или дурна отъ того, каковы наши мысли. А мыслями можно управлять. И потому для того, чтобы жить хорошо, человѣку надо работать надъ мыслями, не поддаваться дурнымъ мыслямъ.

2.

Работай надъ очищеніемъ твоихъ мыслей. Если у тебя не будетъ дурныхъ мыслей, не будетъ и дурныхъ дѣлъ.

Конфуцій.

3.

Блуди себя въ мысляхъ, блюди въ словѣ, охраняй отъ всего дурного свои дѣйствія. Соблюдая чистоту этихъ трехъ путей, ты вступишь на путь, начертанный Мудрымъ.

Буддійская мудрость.

4.

Все во власти Неба, кромѣ нашего желанія служить Богу или себѣ. Намъ нельзя мѣшать птицамъ пролетать надъ нашею головою, но мы властны не давать имъ на ней гнѣздиться. Точно такъ же нельзя намъ возбранить дурнымъ мыслямъ промелькнуть въ головѣ нашей, но въ нашей власти не давать имъ свить себѣ тамъ гнѣздо, чтобы высиживать и выводить злые поступки.

Лютеръ.

5.

Нельзя отогнать дурную мысль, когда она придетъ въ голову, но можно понять, что мысль эта дурная. А если знаешь, что она дурная, то можно не отдаваться ей. Появилась мысль о томъ, что тотъ или этотъ человѣкъ нехорошъ. Я не могъ не подумать этого, но если я понялъ, что мысль эта дурная, я могу вспомнить о томъ, что осуждать людей дурно, что я самъ плохъ, и, вспомнивъ это, я могу воздержаться отъ осужденія даже въ мысли.

6.

Если хочешь, чтобы мысль твоя была тебѣ на пользу, то старайся думать совершенно независимо отъ своихъ чувствъ и своего положенія, то-есть не кривить мыслью для того, чтобы оправдать то чувство, которое испытываешь, или то дѣло, которое ты сдѣлалъ или дѣлаешь.

V.

Надо жить духовною жизнью для того, чтобы имѣть силу управлять своими мыслями.

1.

Мы часто думаемъ, что главная сила міра—сила вещественная. Мы думаемъ такъ потому, что тѣло паше, хочешь не хочешь, всегда чувствуетъ такую силу. Сила же духовная, сила мысли намъ кажется незначительной, и мы не признаемъ ее за силу. А между тѣмъ въ ней-то, въ ней одной, истинная сила, измѣняющая и нашу жизнь и жизнь всѣхъ людей.

2.

Духовное руководить тѣлеснымъ, а не тѣлесное духовнымъ. И потому, чтобы измѣнить свое состояніе, человѣкъ долженъ работать надъ собой въ области духовной—въ области мысли.

3.

Жизнь наша бываетъ лучше или хуже только оттого, что мы сознаемъ себя или тѣлеснымъ или духовнымъ существомъ. Если мы сознаемъ себя тѣлеснымъ существомъ, мы ослабляемъ нашу истинную жизнь, усиливаемъ, разжигаемъ страсти, жадность, борьбу, ненависть, страхъ смерти. Если же мы сознаемъ себя духовнымъ существомъ, мы возбуждаемъ, возвышаемъ жизнь, освобождаемъ ее отъ страстей, отъ борьбы, отъ ненависти, освобождаемъ любовь. Перенесеніе же сознанія изъ тѣлеснаго существа въ духовное совершается усиліемъ мысли.

4.

Вотъ что писалъ Сенека своему другу: «Ты хорошо дѣлаешь, любезный Люціній, что стараешься самъ своими силами держать себя въ хорошемъ и добромъ духѣ. Всякій человѣкъ всегда можетъ самъ себя такъ настроить. Для этого не нужно

подымать руки къ небу и просить сторожа при храмѣ пустить насъ поближе къ Богу, чтобы Онъ насъ разслышалъ: Богъ всегда близко къ намъ, Онъ внутри насъ. Въ насъ живетъ Святой Духъ, свидѣтель и стражъ всего хорошаго и дурнаго. Онъ обходится съ нами, какъ мы обходимся съ Нимъ. Если мы бережемъ Его, Онъ бережетъ насъ».

5.

Когда въ раздумьи не знаешь, что хорошо, что дурно, нужно уйти изъ міра; только забота о сужденіи міра мѣшаетъ видѣть то, что добро и что зло. Уйди изъ міра, то есть—войди въ себя, и уничтожится всякое сомнѣніе.

6.

Борься съ соблазнами легко только тогда, когда ты еще не подпалъ имъ.

Въ суетѣ и среди возбужденія соблазновъ некогда искать средствъ противодѣйствія нашимъ желаніямъ. Установи свои цѣли тогда, когда отсутствуютъ соблазны, когда ты одинъ.

Бентамъ.

VI.

Возможность единенія въ мысли съ живыми и умершими людьми міра есть одно изъ лучшихъ благъ человѣка.

1.

Часто молодые люди говорятъ: «Я не хочу жить чужимъ умомъ, а самъ обдумаю». Это совершенно справедливо, мысль своя дороже всѣхъ чужихъ мыслей. Но зачѣмъ же тебѣ обдумывать обдуманное? Бери готовое и иди дальше. Въ томъ, что можно пользоваться чужими мыслями и идти дальше, сила человѣчества.

2.

Усилія, освобождающія человѣка отъ грѣховъ, соблазновъ и суевѣрій, совершаются прежде всего въ мысли.

Главной помощью въ борьбѣ этой служить человѣку то, что онъ можетъ соединяться съ разумной дѣятельностью всѣхъ жившихъ до него мудрецовъ и святыхъ людей міра. Такое общеніе съ мыслью прежде жившихъ святыхъ и мудрыхъ людей есть молитва, то-есть повтореніе тѣхъ словъ, которыми люди эти выражали свое отношеніе къ своей душѣ, къ другимъ людямъ и къ міру и началу его.

3.

Съ древнихъ временъ признано, что для человѣка необходима молитва.

Для людей прежняго времени молитва была — и теперь остается для большинства людей — обращеніемъ при извѣстныхъ условіяхъ, въ извѣстныхъ мѣстахъ, при извѣстныхъ дѣйствіяхъ и словахъ къ Богу или богамъ для умиловленія ихъ.

Христіанское ученіе не знаетъ такихъ молитвъ. Оно учитъ тому, что молитва необходима не какъ средство избавленія отъ мірскихъ бѣдствій и пріобрѣтенія мірскихъ благъ, а какъ средство укрѣпленія человѣка въ добрыхъ мысляхъ.

4.

Истинная молитва тѣмъ важна и нужна для души, что въ такой молитвѣ, когда одинъ съ Богомъ, мысль достигаетъ до той высшей степени, до которой она можетъ достигнуть.

5.

Христосъ сказалъ: если молишься, то будь одинъ (Мѳ. VI, 5, 6). Только тогда Богъ услышитъ тебя. Богъ въ тебѣ, и для того, чтобы Онъ слышалъ тебя, тебѣ надо только отогнать отъ себя все скрывающее Его.

6.

Уныніе есть такое состояніе души, при которомъ человѣкъ не видитъ смысла ни въ своей ни во всей жизни міра. Избавленіе отъ него есть только одно: вызвать въ себѣ лучшія мысли свои или другихъ людей, которыя были тобою сознаны и которыя объясняли тебѣ смыслъ твоей жизни. Вызываніе такихъ мыслей совершается повтореніемъ тѣхъ высшихъ истинъ, которыя знаешь и можешь высказать самъ себѣ—молитвой.

7.

Молитесь ежечасно. Самая нужная и самая трудная молитва, это—воспоминаніе среди движенія жизни о своихъ обязанностяхъ передъ Богомъ и закономъ Его. Испугался, разсердился, смутился, увлекся,—сдѣлай усиліе, вспомни, кто ты и что ты долженъ дѣлать. Въ этомъ молитва. Это трудно сначала, но привычку эту можно выработать.

8.

Хорошо измѣнять свою молитву, то-есть выраженіе своего отношенія къ Богу. Человѣкъ постоянно растетъ, измѣняется, и потому должно измѣняться и уясняться его отношеніе къ Богу. Должна измѣняться и молитва.

VII.

Безъ усилія мысли невозможна добрая жизнь.

1.

Дорожи добрыми мыслями своими и чужими, когда узнаешь ихъ. Ничто не поможетъ тебѣ столько, сколько помогутъ добрыя мысли для истиннаго дѣла твоей жизни.

2.

Владѣй своими мыслями, если ты хочешь достигнуть своей цѣли. Устрями взоръ своей души на тотъ единый чистый свѣтъ, который свободенъ отъ страсти.

Браминская мудрость.

3.

Размышленіе — путь къ безсмертію, легкомысліе — путь къ смерти. Бодрствующіе въ размышленіи не умираютъ никогда; легкомысленные, невѣрующіе, — подобны мертвымъ.

Пробуждай самъ себя, — тогда, защищенный собой и вникающій самъ въ себя, ты будешь неизмѣненъ.

Буддійская мудрость.

4.

Истинная сила человѣка не въ порывахъ, а въ ненарушимомъ, спокойномъ стремленіи къ добру, которое онъ устанавливаетъ въ мысляхъ, выражаетъ въ словахъ и проводитъ въ поступкахъ.

5.

Если, посмотрѣвъ назадъ, на свою жизнь, ты замѣтишь, что жизнь твоя стала лучше, добрѣе, болѣе свободна отъ грѣховъ, соблазновъ и суевѣрій, то знай, что этимъ успѣхомъ ты обязанъ только работѣ своей мысли.

6.

Дѣятельность мысли дорога не только тѣмъ, что она исправляетъ нашу жизнь, но еще и тѣмъ, что она помогаетъ въ жизни и другимъ людямъ. Отъ этого особенно важно усиліе мысли.

7.

Вотъ какъ говоритъ китайскій мудрецъ Конфуцій о значеніи мысли:

Истинное ученіе научаетъ людей высшему добру — обновле-

нію людей и пребыванію въ этомъ состояніи. Чтобы обладать высшимъ благомъ, нужно, чтобы было благоустройство во всемъ народѣ. Для того, чтобы было благоустройство во всемъ народѣ, нужно, чтобы было благоустройство въ семьѣ. Для того, чтобы было благоустройство въ семьѣ, нужно, чтобы было благоустройство въ самомъ себѣ. Для того, чтобы было благоустройство въ самомъ себѣ, нужно, чтобы сердце было исправлено. Для того, чтобы сердце было исправлено, нужны ясныя и правдивыя мысли.

VIII.

Только способностью мыслить отличается человекъ отъ животнаго.

1.

Человекъ отличается отъ животныхъ только тѣмъ, что у него есть способность мысли. Одни люди увеличиваютъ въ себѣ эту способность, другіе не заботятся объ этомъ. Такіе люди точно какъ будто хотятъ отказаться отъ того, что отличаетъ ихъ отъ скота.

Восточная мудрость.

2.

Корова, лошадь, всякая скотина, какъ бы голодна ни была, не выйдетъ со двора, если ворота открываются внутрь. Она издохнетъ съ голоду, если ворота крѣпки и никто не отворитъ ихъ, но не догадается отойти отъ воротъ и потянуть ихъ на себя. Только человекъ понимаетъ то, что надо потерпѣть, потрудиться, сдѣлать не то, что сейчасъ хочется, для того, чтобы вышло то, чего желаешь. Человекъ можетъ удерживаться, не ѣсть, не пить, не спать, только оттого, что знаетъ, что хорошо и должно дѣлать, и что дурно и не должно дѣлать. Научаетъ этому человека его способность мысли.

Вотъ эта способность и дороже всего въ человекѣ и ее надо всѣми силами беречь и растить въ себѣ.

3.

Въ сравненіи съ окружающимъ его міромъ человѣкъ—не болѣе какъ слабый тростникъ, но тростникъ, одаренный способностью мысли.

Какого-нибудь пустяка достаточно, чтобы убить человѣка. И все-таки человѣкъ выше всякихъ тварей, выше всего земного, потому что онъ и умирая будетъ сознать, что онъ умираетъ.

Человѣкъ можетъ сознать ничтожество своего тѣла передъ природою. Природа же ничего не сознаетъ.

Все наше преимущество заключается въ нашей способности мыслить. Мысль наша возвышаетъ насъ надъ остальнымъ міромъ. Будемъ же цѣнить и поддерживать нашу силу мысли, и она освѣтитъ намъ всю нашу жизнь, укажетъ намъ, въ чемъ добро, въ чемъ зло.

П а с к а л ь.

4.

Человѣкъ можетъ научиться читать и писать, но грамота не научитъ его, нужно ли написать письмо другу или жалобу на того, кто обидѣлъ, или не нужно. Человѣкъ можетъ научиться музыкѣ, но музыка не научитъ его, когда можно пѣть или играть и когда этого не надо дѣлать. Такъ и во всѣхъ дѣлахъ. Только разумъ подсказываетъ намъ то, что и когда надо дѣлать и чего и когда не надо дѣлать.

Надѣливъ насъ разумомъ, Богъ далъ намъ въ распоряженіе то, что намъ нужнѣе всего. Давая намъ разумъ, Онъ какъ будто сказалъ намъ: для того, чтобы вы могли избѣгать зла и пользоваться благомъ жизни, Я вселилъ въ васъ божественную частицу Себя Самого. Я далъ вамъ разумъ. Если вы будете прикладывать его ко всему тому, что случается съ вами, то ничто въ мірѣ не будетъ служить вамъ препятствіемъ или стѣсненіемъ на томъ пути, который Я вамъ назначилъ, и никогда не будете плакаться ни на свою судьбу, ни на людей, не станете осуждать ихъ и не будете поддѣливаться къ нимъ. Такъ не упрекайте же Меня за то, что Я не далъ вамъ

большаго. Неужели мало для васъ того, что вы можете прожить всю вашу жизнь разумно, спокойно и радостно?

По Эпиктету.

5.

Мудрая пословица говорить: «Богъ приходитъ къ намъ безъ звона». Это значить, что нѣтъ перегородки между нами и безконечностью, нѣтъ стѣны между человѣкомъ—послѣдствіемъ и Богомъ—причиною. Стѣны приняты,—мы открыты всѣмъ глубокимъ воздѣйствіямъ божественныхъ свойствъ. Только работа мысли держать открытымъ то отверстіе, черезъ которое мы сообщаемся съ Богомъ.

По Эмерсону.

6.

Человѣкъ сотворенъ для того, чтобы мыслить; въ этомъ все его достоинство и вся его заслуга. Обязанность человѣка только въ томъ, чтобы мыслить правильно. Порядокъ же мысли въ томъ, чтобы начинать съ себя, своего Творца и своей цѣли. А, между тѣмъ, о чемъ думаютъ мірскіе люди? Никакъ не объ этомъ, а только о томъ, какъ повеселиться, какъ разбогатѣть, какъ прославиться, какъ сдѣлаться королемъ, не думая о томъ, что такое значить быть королемъ и что значить быть человѣкомъ.

Паскаль.

XXIV.

Самоотреченіе.

Благо жизни человѣка въ соединеніи любовью съ Богомъ и ближними. Препятствуютъ этому благу грѣхи. Причина грѣховъ въ томъ, что человѣкъ полагаетъ свое благо въ удовольствореніи похотей тѣла, а не въ любви къ Богу и ближнему. И потому благо человѣка въ избавленіи отъ грѣховъ. Избавленіе же отъ грѣховъ—въ усилии отреченія отъ жизни тѣла.

I.

Законъ жизни въ отреченіи отъ тѣла.

1.

Всѣ тѣлесные грѣхи: блудъ, роскошь, тунеядство, корыстолюбіе, недоброжелательство, всѣ—только отъ признанія своимъ «я» своего тѣла, отъ подчиненія своей души тѣлу. Избавленіе отъ грѣховъ—только въ признаніи своимъ «я» своей души, въ подчиненіи душѣ своего тѣла.

2.

«Тогда Іисусъ сказалъ ученикамъ Своимъ: если кто хочетъ итти за Мною, отвергнись себя и возьми крестъ свой и слѣ-

дуй за Мною. Ибо кто хочет жизнь свою сберечь, тотъ потеряетъ ее; а кто потеряетъ душу свою ради Меня, тотъ обрѣтетъ ее. Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? Или какой выкупъ дать человѣкъ за душу свою?»

Мѡ. XVI, 24—26.

3.

«Потому любить Меня Отецъ, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее.

Никто не отнимаетъ ея у Меня, но Я Самъ отдаю ее: имѣю власть отдать ее и власть имѣю опять принять ее. Сію заповѣдь получилъ Я отъ Отца Моего».

Ин. X, 17—18.

4.

То, что человѣкъ можетъ отречься отъ своей тѣлесной жизни, явно показываетъ то, что въ человѣкѣ есть то, ради чего онъ отрекается.

5.

Чѣмъ больше отдаешься тѣлесному, тѣмъ больше теряешь духовное.

Что больше отдаешь тѣлеснаго, то больше получаешь духовнаго. Смотри, что изъ двухъ нужнѣе тебѣ.

6.

Самоотреченіе не есть отреченіе отъ себя, а только перенесеніе своего «я» изъ животнаго существа въ духовное. Отрекаться отъ себя не значитъ отречься отъ жизни. Напротивъ, отречься отъ жизни плотской значитъ усиливать свою истинную духовную жизнь.

7.

Разумъ показываетъ человѣку, что удовлетвореніе требованій его тѣла не можетъ быть его благомъ, а потому разумъ не-

удержимо влечетъ человѣка къ тому благу, которое свойственно ему, но не умѣщается въ его тѣлесной жизни.

Обыкновенно думаютъ и говорятъ, что отреченіе отъ тѣлесной жизни есть подвигъ; это невѣрно. Отреченіе отъ тѣлесной жизни не подвигъ, а неизбѣжное условіе жизни человѣка. Для животнаго благо тѣлесной жизни и вытекающее изъ него продолженіе рода есть высшая цѣль жизни. Для человѣка же тѣлесная жизнь и продолженіе рода есть только та ступень существованія, съ которой открывается ему истинное благо его жизни, не совпадающее съ благомъ его тѣлесной жизни. Для человѣка тѣлесная жизнь—не вся жизнь, но только необходимое условіе истинной жизни, состоящей во все большемъ и большемъ единеніи съ духовнымъ началомъ міра.

II.

Неизбѣжность смерти необходимо приводитъ человѣка къ сознанію жизни духовной, не подлежащей смерти.

1.

Младенцу, когда онъ родится, кажется, что только онъ одинъ и есть на свѣтѣ. Онъ никому и ничему не уступаетъ, ни о комъ знать не хочетъ, а только подавай ему то, что ему нужно. Онъ даже и матери не знаетъ,—знаетъ только грудь ея. Но пройдутъ дни, мѣсяцы, года, и ребенокъ начинаетъ понимать, что есть и другіе, такіе же, какъ и онъ, люди, и что то, чего ему хочется для себя, того же самаго хочется и другимъ людямъ. И чѣмъ дольше онъ живетъ, тѣмъ все больше и больше понимаетъ онъ, что онъ не одинъ на свѣтѣ и что надо либо, если есть сила, бороться съ другими людьми за то, что хочешь имѣть, либо, если нѣтъ силы, покориться тому, что есть. И, кромѣ того, чѣмъ дальше живетъ человѣкъ, тѣмъ все становится понятнѣе ему и то,

что вся жизнь его только на время, и всякій часъ можетъ кончиться смертію. Онъ видитъ, какъ на его глазахъ нынче, завтра беретъ смерть то того, то другого, и понимаетъ, что то же самое можетъ всякую минуту съ нимъ случиться и рано или поздно навѣрное будетъ. И человѣкъ тогда не можетъ не понять, что въ тѣлѣ его нѣтъ настоящей жизни, что, что бы онъ ни дѣлалъ въ этой жизни для тѣла, все это ни къ чему.

И когда человѣкъ ясно пойметъ это, онъ пойметъ и то, что духъ, который живетъ въ немъ, живетъ не въ немъ одномъ, но во всѣхъ людяхъ, во всемъ мірѣ, что духъ этотъ есть Духъ Божій. И, понявъ это, человѣкъ перестаетъ приписывать значеніе своей тѣлесной жизни, а переноситъ цѣль свою въ единеніе съ Духомъ Божиимъ, съ тѣмъ, что вѣчно.

2.

Смерть, смерть, смерть каждую секунду ждетъ васъ. Жизнь ваша совершается въ виду смерти. Если вы трудитесь для своей тѣлесной жизни въ будущемъ, то вы сами знаете, что въ будущемъ для васъ одно: смерть. И эта смерть разрушаетъ все то, надъ чѣмъ вы трудились. Вы скажете, что вы трудитесь для блага будущихъ поколѣній, но вѣдь и они также исчезнутъ и отъ нихъ ничего не останется. Стало-быть, жизнь для вещественныхъ цѣлей не можетъ имѣть никакого смысла. Смерть разрушаетъ всю такую жизнь. Чтобы жизнь имѣла какой-нибудь смыслъ, надо жить такъ, чтобы смерть не могла разрушить дѣла жизни. И такую жизнь Христосъ открываетъ людямъ. Онъ показываетъ людямъ, что вмѣстѣ съ той жизнью тѣлесной, которая есть только призракъ жизни, есть другая, истинная жизнь, дающая истинное благо человѣку, и что такую жизнь знаетъ всякій человѣкъ въ своемъ сердцѣ. Ученіе Христа есть ученіе о призрочности личной жизни, о необходимости отреченія отъ нея и о перенесеніи смысла и цѣли жизни въ жизнь божескую, въ жизнь всего человѣчества, въ жизнь Сына Человѣческаго.

3.

Для того, чтобы понять учение Христа о спасеніи жизни, надо ясно понять то, что говорили всѣ пророки, что говорилъ Соломонъ, что говорилъ Будда, что говорили всѣ мудрецы міра о личной жизни человѣка. Можно, по выраженію Паскаля, не думать объ этомъ, нести передъ собой ширмочки, которыя бы скрывали отъ взгляда ту пропасть смерти, къ которой мы всѣ бѣжимъ; но стоитъ подумать о томъ, что такое отдѣльная тѣлесная жизнь человѣка, чтобы убѣдиться въ томъ, что вся жизнь эта, если она есть только тѣлесная жизнь, не имѣетъ не только никакого смысла, но что она есть злая насмѣшка надъ сердцемъ, надъ разумомъ человѣка и надъ всѣмъ тѣмъ, что есть хорошаго въ человѣкѣ. И потому, чтобы понять учение Христа, надо прежде всего опомниться, одуматься, надо, чтобы въ насъ совершилось то самое, что, проповѣдуя свое учение, говоритъ предшественникъ Христа, Іоаннъ, такимъ жѣ, какъ мы, запутаннымъ людямъ. Онъ говорилъ: «Прежде всего покайтесь, то-есть одумайтесь, а то всѣ погибнете». И Христосъ, начиная Свою проповѣдь, говоритъ то же: «Одумайтесь, а то всѣ погибнете». Христу рассказали о погибелѣ галилеянъ, убитыхъ Пилатомъ, и Онъ говоритъ: «Думали ли вы, что галилеяне были грѣшнѣе всѣхъ галилеянъ, что такъ пострадали? Нѣтъ, говорю вамъ; но если не покаетесь, всѣ также погибнете. Неизбѣжная смерть стоитъ передъ всѣми нами. Мы напрасно стараемся забыть про нее, но это не избавитъ насъ отъ нея, — напротивъ, когда она придетъ неожиданная, она будетъ еще ужаснѣе. Одно спасеніе: отречься отъ той жизни, которая умираетъ, и жить той жизнью, для которой нѣтъ смерти».

4.

Стоитъ на минуту отрѣшиться отъ привычной жизни и взглянуть на нашу жизнь со стороны, чтобы увидѣть, что все, что мы дѣлаемъ для мнимаго обезпеченія нашей жизни, мы дѣлаемъ совсѣмъ не для того, чтобы обезпечить нашу жизнь, а только для того, чтобы, занимаясь этимъ воображаемымъ

обезпеченіемъ, забывать о томъ, что жизнь наша никогда и ничѣмъ не обезпечена. Но мало того, что мы обманываемъ себя и губимъ свою настоящую жизнь для воображаемой, мы въ этомъ стремленіи къ обезпеченію чаще всего губимъ то самое, что мы хотимъ обезпечить. Богачъ обезпечиваетъ свою жизнь тѣмъ, что у него есть деньги, а самыя деньги привлекаютъ разбойника, который убиваетъ его. Мнительный чело-вѣкъ обезпечиваетъ свою жизнь лѣченіемъ, а самое лѣчение медленно убиваетъ его, а если и не убиваетъ его, то навѣр-ное лишаетъ его истинной жизни. То же и съ наро-дами, которые вооружаются, чтобы обезпечивать свою жизнь и свободу, а, между тѣмъ, это самое обезпеченіе ведетъ къ гибели на войнахъ сотенъ тысячъ людей и свободы народовъ.

Ученіе Христа о томъ, что жизнь нельзя обезпечить, а надо всегда, всякую минуту быть готовымъ умереть, даетъ больше блага, чѣмъ ученіе міра о томъ, что надо обезпечить свою жизнь,—даетъ больше блага уже по одному тому, что неиз-бѣжность смерти и необезпеченность жизни остаются тѣ же при ученіи міра и при ученіи Христа, но самая жизнь, по ученію Христа, не поглощается уже вся безъ остатка празд-нымъ занятіемъ мнимаго обезпеченія своей жизни, а стано-вится свободна и можетъ быть отдана одной свойственной ей цѣли: совершенствованію своей души и увеличенію любви къ людямъ.

5.

Кто въ своемъ умирающемъ тѣлѣ не видитъ себя, тотъ зна-етъ истину жизни.

Буддійская мудрость.

6.

«Посему говорю вамъ: не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть и что пить, ни для тѣла вашего, во что одѣться. Душа не больше ли пищи и тѣло одежды?

Взгляните на птицъ небесныхъ: онѣ не сѣютъ, ни жнутъ,

ни собирають въ житницы; и Отецъ вашъ Небесный питаетъ ихъ. Вы не гораздо ли лучше ихъ?

Да и кто изъ васъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ росту хотя на одинъ локоть?

Итакъ, не заботьтесь и не говорите: что намъ ѣсть? или что пить? или во что одѣться?

Ищите же прежде Царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ.

Итакъ, не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ, ибо завтрашній самъ будетъ заботиться о своемъ: довольно для каждаго дня своей заботы».

Мо. VI, 25—27, 31, 33—34.

III.

Отреченіе отъ своего животнаго „я“ раскрываетъ Бога въ душѣ человѣка.

1.

Чѣмъ больше отрекается человѣкъ отъ своего тѣлеснаго я, тѣмъ больше раскрывается въ немъ Богъ. Тѣло скрываетъ Бога въ человѣкѣ.

2.

Если ты хочешь достигнуть познанія всеобъемлющаго я, то ты долженъ прежде всего узнать самого себя. Для того, чтобы познать самого себя, ты долженъ пожертвовать своимъ я всемірному я.

Браминская мудрость.

3.

Человѣкъ, отрекающійся отъ своей личности, могуществененъ, потому что личность скрывала въ немъ Бога. Какъ скоро онъ откинулъ личность, дѣйствуетъ въ немъ уже не онъ, а Богъ.

4.

Если ты презираешь міръ, то это небольшая заслуга. Для того, кто живетъ въ Богѣ, и онъ самъ и міръ всегда будутъ ничто.

Ангелусъ.

5.

Отреченіе отъ тѣлесной жизни цѣнно, нужно и радостно, только когда оно религіозное, то-есть когда человѣкъ отрывается отъ себя, своего тѣла, для того, чтобы исполнить волю живущаго въ немъ Бога. Когда же человѣкъ отрывается отъ тѣлесной жизни не для исполненія воли Бога, а для того, чтобы исполнить свою волю или волю такихъ же людей, какъ онъ, то такое самоотреченіе и не цѣнно, и не нужно, и не радостно, а только вредно и себѣ и другимъ.

6.

Если будете стараться угождать людямъ для того, чтобы они были благодарны вамъ, то напрасно 'будете стараться. Если же будете дѣлать добро людямъ, не думая о нихъ, для Бога, то и себѣ сдѣлаете хорошо и люди будутъ благодарны вамъ.

Кто забываетъ про себя, того Богъ помнитъ, а кто про себя помнитъ, того Богъ забываетъ.

7.

Только умирая для себя въ тѣлѣ, мы воскресаемъ въ Богѣ.

8.

Если ты ничего не ожидаешь и не хочешь получать отъ другихъ людей, то люди не могутъ быть страшны для тебя, какъ пчелѣ не страшна другая пчела, какъ лошади не страшна другая лошадь. Но если твое счастье находится во власти другихъ людей, то ты непременно будешь бояться людей.

Съ этого и надо начать: надо отрѣшиться отъ всего того, что намъ не принадлежитъ, отрѣшиться настолько, чтобы оно не было нашимъ хозяиномъ, отрѣшиться отъ всего, что нужно тѣлу, отрѣшиться отъ любви къ богатству, къ славѣ, къ должностямъ, почестямъ, отрѣшиться отъ своихъ дѣтей, жены, братьевъ. Надо сказать себѣ, что все это не твоя собственность.

А какъ дойти до этого? Подчинить свою волю волѣ Бога: хочеть Онъ, чтобы у меня была лихорадка,—и я этого хочу. Хочеть Онъ, чтобы я дѣлалъ это, а не то,—и я этого хочу. Хочеть Онъ, чтобы со мной случилось то, чего я не ожидалъ,—и я этого хочу.

Эпиктетъ.

9.

Своя воля никогда не удовлетворяетъ, хотя бы исполнились всѣ ея требованія. Но стоитъ только отказаться отъ нея — отъ своей воли, и тотчасъ же испытываешь полное удовлетвореніе. Живя для своей воли, всегда недоволенъ; отрекшись отъ нея, нельзя не быть вполне довольнымъ. Единственная истинная добродѣтель — это ненависть къ себѣ, потому что всякій человѣкъ достоинъ ненависти своей похотливостью. Ненавидя же себя, человѣкъ ищетъ существо, достойное любви. Но такъ какъ мы не можемъ любить ничего внѣ насъ, то мы вынуждены любить существо, которое было бы въ насъ, но не было бы нами, и такимъ существомъ можетъ быть только одно—всемірное Существо. Царствіе Божіе въ насъ (Лк. XVII, 21); всемірное благо въ насъ, но оно не мы.

Паскаль.

IV.

Истинная любовь къ людямъ возможна только при самоотреченіи.

1.

Не погибаетъ только то, что живетъ не для себя. Но для чего жить тому, кто живетъ не для себя? Не для себя можно

жить только тогда, когда живешь для Всего. Только живя для Всего, человекъ можетъ быть, и бываетъ, спокоенъ.

Лао-Тсе.

2.

Если бы ты и хотѣлъ этого, ты не можешь отдѣлить свою жизнь отъ человечества. Ты живешь въ немъ, имъ и для него. Живя среди людей, ты не можешь не отрекаться отъ себя, потому что мы всѣ сотворены для взаимодѣйствія, какъ ноги, руки, глаза, а взаимодѣйствіе невозможно безъ самоотреченія.

Маркъ Аврелій.

3.

Заставить себя любить другихъ нельзя. Можно только откинуть то, что мѣшаетъ любви. А мѣшаетъ любви любовь къ своему животному я.

4.

«Полюби ближняго, какъ самого себя» — не значить то, что ты долженъ стараться полюбить ближняго. Нельзя заставить себя любить. «Люби ближняго» — значить то, что ты долженъ перестать любить себя больше всего. А какъ только ты перестанешь любить себя больше всего, ты невольно полюбишь ближняго, какъ самого себя.

5.

Для того, чтобы точно, не на словахъ быть въ состояніи любить другихъ, надо не любить себя, — тоже не на словахъ, а на дѣлѣ. Обыкновенно же бываетъ такъ: другихъ, мы говоримъ, что любимъ, но любимъ только на словахъ, — себя же любимъ не на словахъ, а на дѣлѣ. Другихъ мы забудемъ одѣть, накормить, пріютить, — себя же никогда. И потому для того, чтобы точно любить другихъ на дѣлѣ, надо выучиться забывать о томъ, какъ одѣть, накормить, пріютить себя, — такъ же, какъ мы забываемъ сдѣлать это для другихъ людей.

6.

Надо приучить себя, когда сходишься съ человѣкомъ, въ душѣ говорить себѣ: буду думать только о немъ, а не о себѣ.

7.

Стоить вспомнить о себѣ въ серединѣ рѣчи — и теряешь нить своей мысли. Только когда мы совершенно забываемся, выходимъ изъ себя, только тогда мы плодотворно общаемся съ другими и можемъ служить имъ и благотворно вліять на нихъ.

8.

Чѣмъ богаче по внѣшности, благоустроеннѣе жизнь человека, тѣмъ труднѣе, дальше отъ него радость самоотреченія. Богатые почти совсѣмъ лишены этого. Для бѣднаго всякая отрывка отъ своей работы для помощи ближнему, всякій ломоть хлѣба, поданный нищему, есть радость самоотреченія.

Богатый же, если и отдастъ изъ своихъ трехъ милліоновъ два ближнему, не испытаетъ радости самоотреченія.

9.

Была давно-давно на землѣ большая засуха: пересохли всѣ рѣчки, ручьи, колодцы, и засохли деревья, кусты и травы, и умирали отъ жажды люди и животныя.

Разъ ночью вышла дѣвочка изъ дома съ ковшикомъ поискать воды для больной матери. Нигдѣ не нашла дѣвочка воды и съ усталости легла въ полѣ на траву и заснула. Когда она проснулась и взялась за ковшикъ, она чуть не пролила изъ него воду. Онъ былъ полонъ чистой, свѣжей воды. Дѣвочка обрадовалась и хотѣла-было напиться, но потомъ подумала, что не достанетъ матери, и побѣжала съ ковшикомъ домой. Она такъ спѣшила, что не замѣтила подъ ногами собачки, споткнулась на нее и уро-

нила ковшикъ. Собачка жалобно визжала. Дѣвочка хватилась ковшика.

Она думала, что разлила его, но нѣтъ, онъ стоялъ прямо на своемъ днѣ, и вся вода была цѣла въ немъ. Дѣвочка отлила въ ладонь воды, и собачка все вылокала и повеселѣла. Когда дѣвочка взялась опять за ковшикъ, онъ изъ деревяннаго сталъ серебрянымъ. Дѣвочка принесла ковшикъ домой и подала матери. Мать сказала: «Мнѣ все равно умирать, пей лучше сама», и отдала ковшикъ дѣвочкѣ. И въ ту же минуту ковшикъ изъ серебрянаго сталъ золотой. Тогда дѣвочка не могла уже больше удерживаться и только хотѣла приложиться къ ковшику, какъ вдругъ въ дверь вошелъ странникъ и попросилъ напиться. Дѣвочка проглотила слюни и поднесла страннику ковшикъ. И вдругъ на ковшикѣ выскочило семь огромныхъ брильянтовъ, и изъ него полилась большая струя чистой, свѣжей воды.

А семь брильянтовъ стали подниматься все выше и выше и поднялись на небо и стали тѣми семью звѣздами, которыя называются Большой Медвѣдцей.

10.

То, что ты отдалъ, то твое, а то, что ты удержалъ, то чужое.

Если ты отдалъ что-нибудь другому, оторвавъ отъ себя, ты сдѣлалъ добро себѣ, и это добро навсегда твое, и никто не можетъ отнять его отъ тебя.

Если же ты удержалъ то, что хотѣлъ имѣть другой, то ты удержалъ это только на время или до того времени, когда тебѣ придется отдать это. А отдать придется навѣрное, когда придетъ смерть.

11.

Неужели нельзя надѣяться, что придетъ день, когда люди найдутъ, что жить для другихъ имъ будетъ такъ же легко, какъ имъ теперь легко умирать на войнахъ, причинъ которыхъ не знаютъ? Для этого нуженъ только подъемъ и просвѣтлѣніе духа въ людяхъ.

V.

Человѣкъ, полагающій всѣ свои силы на удовлетвореніе однѣхъ животныхъ потребностей, губить свою истинную жизнь.

1.

Если человѣкъ думаетъ только о себѣ и ищетъ во всемъ своей выгоды, то онъ не можетъ быть счастливъ. Хочешь истинно жить для себя, живи для другихъ. Сенека.

2.

Для того, чтобы понять, какъ необходимо отречься отъ плотской жизни для жизни духовной, стоитъ только представить себѣ, какъ ужасна, отвратительна была бы жизнь человѣка, вся отданная однимъ тѣлеснымъ, животнымъ желаніямъ. Настоящая человѣческая жизнь начинается только тогда, когда начинается отреченіе человѣка отъ животности.

3.

Притчей о виноградаряхъ (Мѡ. XXI, 33 — 42) Христосъ разъясняетъ заблужденіе людей, принимающихъ призракъ жизни—свою личную животную жизнь—за жизнь истинную.

Люди, живя въ хозяйскомъ обработанномъ саду, вообразили себѣ, что они собственники этого сада. И изъ этого ложнаго представленія вытекаетъ рядъ безумныхъ и жестокихъ поступковъ этихъ людей, кончающійся ихъ изгнаніемъ, исключеніемъ изъ жизни. Точно такъ же мы вообразили себѣ, что жизнь каждаго изъ насъ есть наша личная собственность, что мы имѣемъ право на нее и можемъ пользоваться ею, какъ хотимъ, ни передъ кѣмъ не имѣя никакихъ обязательствъ. И для насъ, вообразившихъ себѣ это, неизбѣженъ такой же рядъ безумныхъ и жестокихъ поступковъ и несчастій и такое же исклю-

ченіе изъ жизни. Какъ обитатели сада забыли или не хотѣли знать того, что имъ переданъ садъ окопаннымъ, огороженнымъ, съ вырытымъ колодцемъ и что кто-нибудь поработалъ на нихъ и потому ждетъ и отъ нихъ работы, такъ точно и люди, живущіе личной жизнью, забыли или хотятъ забыть все то, что сдѣлано для нихъ прежде ихъ рожденія и дѣлается во все время ихъ жизни и что поэтому ожидается отъ нихъ.

По ученію Христа, какъ виноградари, живя въ саду, не ими обработанномъ, должны понимать и чувствовать, что они въ неоплатномъ долгу передъ хозяиномъ, такъ точно и люди должны понимать и чувствовать, что со дня рожденія и до смерти они всегда въ неоплатномъ долгу передъ кѣмъ-то, передъ жившими до нихъ, и теперь живущими и имѣющими жить, и передъ тѣмъ, что было, есть и будетъ началомъ всего. Они должны понимать, что всякимъ часомъ своей жизни они утверждаютъ это обязательство, и что поэтому человѣкъ, живущій для себя и отрицающій это обязательство, связывающее его съ жизнью и началомъ ея, самъ лишаетъ себя жизни.

4.

Люди думаютъ, что самоотреченіе нарушаетъ свободу. Такіе люди не знаютъ, что только самоотреченіе даетъ намъ истинную свободу, освобождая насъ отъ насъ самихъ, отъ рабства нашей развращенности. Наши страсти—самые жестокіе тираны; только отрекись отъ нихъ, и почувствуешь свободу.

Фенелонъ.

5.

Если человѣкъ понимаетъ свое назначеніе, но не отрекается отъ своей личности, то онъ подобенъ человѣку, которому даны внутренніе ключи безъ внѣшнихъ.

6.

Сознаніе своего назначенія, включающее въ себя законъ самоотреченія, не имѣетъ ничего общаго съ наслажденіемъ

жизнью. Если бы мы захотѣли смѣшать сознаніе своего назначенія съ наслажденіемъ и предложили бы эту смѣсь въ качествѣ лѣкарства больной душѣ, то эти два начала сейчасъ же сами собою раздѣлились бы. Если же бы они этого не сдѣлали, и сознаніе возвышеннаго назначенія человѣка не оказало бы никакого дѣйствія, и тѣлесная жизнь пріобрѣла бы, отъ стремленія къ наслажденію, будто бы совпадающему съ назначеніемъ, нѣкоторую силу, то нравственная жизнь исчезла бы безвозвратно.

Кантъ.

VI.

Избавленіе отъ грѣховъ возможно только при самоотреченіи.

1.

Отреченіе отъ животнаго блага ради духовнаго есть послѣдствіе измѣненія сознанія, то-есть человѣкъ, признававшій себя прежде только животнымъ, начинаетъ признавать себя духовнымъ существомъ. Если это измѣненіе сознанія совершилось, то то, что представлялось прежде лишеніемъ, страданіемъ, представляется уже не лишеніемъ и страданіемъ, а только естественнымъ предпочтеніемъ лучшаго худшему.

2.

Невѣрно думаютъ и говорятъ, что для исполненія назначенія жизни и для блага нужны здоровье, достатокъ и вообще благопріятныя внѣшнія условія. Это неправда: здоровье, достатокъ и благопріятныя внѣшнія условія не нужны для исполненія назначенія и для блага. Намъ дана возможность блага духовной жизни, ничѣмъ не могущаго быть нарушеннымъ, блага увеличенія въ себѣ любви. Только надо вѣрить въ эту духовную жизнь, перенести въ нее всѣ свои усилія.

Живешь тѣлесной жизнью, работаешь въ ней, — но какъ

только являются препятствія въ этой тѣлесной жизни, перенесись изъ жизни тѣлесной въ жизнь духовную. А духовная жизнь всегда свободна. Это какъ крылья у птицы. Птица ходитъ на ногахъ. Но вотъ препятствіе или опасность — и птица вѣрять въ свои крылья, разворачиваетъ ихъ и летитъ.

3.

Нѣтъ ничего важнѣе внутренней работы въ одиночествѣ съ Богомъ. Работа эта въ томъ, чтобы останавливать себя въ желаніи блага своей животной личности, напоминать себѣ бессмысленность тѣлесной жизни. Только когда одинъ съ собой, съ Богомъ, и можно дѣлать это. Когда съ людьми, тогда уже поздно. Когда съ людьми, то поступишь хорошо только тогда, когда заготовилъ способность самоотреченія въ уединеніи, въ общеніи съ Богомъ.

4.

Всякій человѣкъ рано или поздно, ясно или смутно испытываетъ внутреннее противорѣчіе: хочу жить для себя и хочу быть разумнымъ, а жить для себя неразумно. Это кажется противорѣчіемъ, но противорѣчіе ли это? Вѣдь если такъ, то и для сгнивающаго зерна есть противорѣчіе въ томъ, что оно, сгнивая, пускаетъ ростокъ. Противорѣчіе будетъ только тогда, когда я не хочу слушать голоса разума. Разумъ показываетъ необходимость перенести сознаніе жизни изъ личной жизни въ растущую жизнь духовную. Онъ показываетъ ненужность, бессмысленность личной жизни, обѣщая новую жизнь, какъ прорастаетъ зерно, распирающее косточку вишни. Противорѣчіе только тогда, когда мы такъ ухватились за эту виѣшнюю отжившую форму жизни, что не хотимъ разстаться съ нею, въ родѣ того, какъ если бы оболочка зерна послѣ того, какъ зерно разбило ее, хотѣла бы все-таки утверждать свою жизнь. То, что мы называемъ противорѣчіемъ, есть только муки рожденія къ новой жизни. Стоитъ только не противиться неизбѣжному уничтоженію тѣлесной жизни жизнью духовной

и отдаться этой духовной жизни, и открывается новая, лучшая, истинная жизнь.

5.

Единственное истинное радостное дѣло жизни—это растить свою душу, а для роста души нужно отреченіе отъ себя. Начинай отреченіе въ малыхъ дѣлахъ. Когда приучишь себя къ отреченію въ малыхъ, осилишь отреченіе и въ большихъ.

6.

Когда потухаетъ свѣтъ твоей духовной жизни, то темная тѣнь твоихъ тѣлесныхъ желаній падаетъ на твой путь,—остерегайся этой ужасной тѣни: свѣтъ твоего духа не можетъ уничтожить этой темноты до тѣхъ поръ, пока ты не изгонишь изъ своей души желаній тѣла.

Браминская мудрость.

7.

Трудность освобожденія себя отъ тѣлеснаго себялюбія главная въ томъ, что тѣлесное себялюбіе есть необходимое условіе жизни. Оно необходимо и естественно въ дѣтствѣ, но должно ослабѣвать и уничтожаться по мѣрѣ уясненія разума.

Ребенокъ не чувствуетъ укоровъ совѣсти за свое себялюбіе, но по мѣрѣ уясненія разума себялюбіе становится тяжестью для самого себя; съ движеніемъ жизни себялюбіе все больше и больше ослабѣваетъ и при приближеніи смерти совершенно уничтожается.

8.

Совсѣмъ отречься отъ себя—значить сдѣлаться Богомъ; жить только для себя—значить сдѣлаться совсѣмъ скотомъ. Жизнь человѣческая есть все большее и большее удаленіе отъ скотской жизни и приближеніе къ жизни божеской.

9.

Мнѣ противна моя жизнь; я чувствую, что весь въ грѣхахъ,—только вылѣзу изъ одного, попадаю въ другой. Какъ

мнѣ хоть сколько-нибудь исправить свою жизнь? Одно есть самое дѣйствительное средство: признать свою жизнь въ духѣ, а не въ тѣлѣ, не участвовать въ гадкихъ дѣлахъ тѣлесной жизни. Только пожелай всей душой этого, и ты увидишь, какъ сейчасъ же сама собой станетъ исправляться твоя жизнь. Она была дурная только оттого, что ты своей духовной жизнью служилъ тѣлесной жизни.

10.

Напрасно будетъ человѣкъ стараться избавиться отъ грѣховъ, если только онъ не отречется отъ своего тѣла, не перестанетъ ставить требованія тѣла выше требованій души.

11.

Безъ жертвы нѣтъ жизни. Вся жизнь — это, — хочешь ли ты или не хочешь этого, — жертва тѣлеснаго духовному.

VII.

Отреченіе отъ животной личности даетъ человѣку истинное, неотъемлемое благо духовное.

1.

Для жизни каждаго отдѣльнаго человѣка и для жизни людей вмѣстѣ одинъ и тотъ же законъ: для того, чтобы улучшить жизнь, надо быть готовымъ отдать ее.

2.

Человѣкъ не можетъ знать послѣдствій своей самоотверженной жизни. Но пусть онъ испытаетъ ее хоть бы на время, и я увѣренъ, что всякій честный человѣкъ признаетъ то благотворное вліяніе, какое имѣли на его душу и тѣло хотя бы тѣ случайныя минуты, когда онъ забывалъ себя и отрекался отъ своей тѣлесной личности.

Джонъ Рёскинъ.

3.

Чѣмъ больше отрекается человѣкъ отъ своего животнаго я, тѣмъ свободнѣе его жизнь, тѣмъ нужнѣе она другимъ людямъ и тѣмъ она радостнѣе для него самого.

4.

Въ Евангеліи сказано: кто погубить жизнь свою, тотъ получитъ ее. Это значитъ, что истинная жизнь дается только тому, кто откажется отъ блага жизни животной.

Настоящая человѣческая жизнь начинается только тогда, когда человѣкъ ищетъ блага не тѣла, а души.

5.

Человѣкъ въ своей жизни то же, что дождевая туча, выливающаяся на луга, поля, лѣса, сады, пруды, рѣки. Туча вылилась, освѣжила и дала жизнь миллионамъ травинокъ, колосьевъ, кустовъ, деревьевъ, и теперь стала свѣтлой, прозрачной и скоро совсѣмъ исчезнетъ. Такъ же и тѣлесная жизнь добраго человѣка: многимъ и многимъ помогъ онъ, облегчилъ жизнь, направилъ на путь, утѣшилъ, и теперь изошелъ весь и, умирая, уходитъ туда, гдѣ живетъ одно вѣчное, невидимое, духовное.

6.

Деревья отдають свои плоды и даже свою кору и листья и сокъ всѣмъ, кому они нужны. Хорошо тому человѣку, который дѣлаетъ то же. Но мало есть людей, которые понимаютъ это и поступаютъ такъ.

К р и ш н а.

7.

Не можетъ быть счастья, пока не пересталъ думать о себѣ. Но этого нельзя дѣлать не совсѣмъ. Если осталась хоть малѣйшая забота о себѣ, все испорчено. Я знаю, что это трудно, но знаю и то, что нѣтъ другого средства добыть счастье.

Э. Карпентеръ.

8.

Многимъ кажется, что если исключить изъ жизни личность и любовь къ ней, то ничего не останется. Имъ кажется, что безъ личности нѣтъ жизни. Но это только кажется людямъ, которые не испытывали радости самоотверженія. Откинь отъ жизни личность, отрекись отъ нея, и останется то, что составляетъ сущность жизни — любовь, дающее несомнѣнное благо.

9.

Чѣмъ больше человѣкъ узнаетъ свое духовное я и чѣмъ больше отрекается отъ своей тѣлесной личности, тѣмъ истиннѣе онъ понимаетъ самого себя.

Браминская мудрость.

10.

Чѣмъ больше человѣкъ переноситъ свою жизнь изъ жизни животной въ жизнь духовную, тѣмъ жизнь его становится свободнѣе и радостнѣе. Для того же, чтобы человѣкъ могъ переносить свою жизнь изъ жизни животной въ жизнь духовную, надо, чтобы онъ сознавалъ себя духовнымъ существомъ. Для того же, чтобы человѣкъ могъ сознавать себя духовнымъ существомъ, ему надо отречься отъ жизни тѣлесной. Для вѣры нужно самоотреченіе, для самоотреченія нужно сознаніе. Одно помогаетъ другому.

11.

Съ точки зрѣнія счастья вопросъ жизни неразрѣшимъ, такъ какъ самыя высокія наши стремленія мѣшаютъ намъ быть счастливыми. Съ точки зрѣнія долга то же затрудненіе, такъ какъ исполненный долгъ даетъ миръ, а не счастье.

Только божественная святая любовь и сліянiе съ Богомъ уничтожаютъ это затрудненіе, потому что тогда жертва становится постоянной, растущей, ненарушимой радостью.

Понятіе о долгѣ во всей его чистотѣ не только несравненно проще, яснѣе, понятнѣе для каждаго человѣка на практикѣ и естественнѣе, чѣмъ побужденіе, ведущее свое начало отъ счастья или связанное и считающееся съ нимъ (и всегда требующее не мало искусственности и тонкихъ соображеній), но и передъ судомъ обыкновеннаго здраваго смысла оно гораздо могущественнѣе, настойчивѣе и болѣе общаетъ успѣха, чѣмъ всѣ побужденія, исходящія изъ своекорыстія, если только понятіе о долгѣ усвоено здравымъ смысломъ, совершенно независимо отъ своекорыстныхъ побужденій.

Сознаніе, что я *могу*, потому что *долженъ*, открываетъ въ человѣкѣ глубину божественныхъ дарованій, которая даетъ ему почувствовать, какъ священному пророку, величіе и возвышенность его истиннаго назначенія. И если бы человѣкъ почаще обращалъ на это вниманіе и привыкъ бы совершенно отдѣлять добродѣтель отъ всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя служатъ наградой за исполненіе долга, если бы главнымъ предметомъ частнаго и общественнаго воспитанія было сдѣлано непрестанное упражненіе въ добродѣтели, то нравственное состояніе людей скоро улучшилось бы. Въ томъ, что историческій опытъ до сихъ поръ не давалъ хорошихъ результатовъ для ученія о добродѣтели, виновато то ложное предположеніе, что побужденіе, выведенное изъ понятія долга, будто бы слишкомъ слабо и отдаленно, а что сильнѣе дѣйствуетъ на душу болѣе близкое побужденіе, проистекающее изъ расчета на выгоды, которыхъ надо ждать отчасти въ этомъ, а также и въ будущемъ мірѣ за исполненіе закона. Между тѣмъ, какъ сознаніе человѣкомъ въ себѣ духовнаго начала, вызывающее отреченіе отъ своей личности, гораздо сильнѣе всякихъ наградъ побуждаетъ человѣка къ исполненію закона добра.

XXV.

Смирение.

Высшее благо человѣка въ этомъ мірѣ есть единеніе съ себѣ подобными. Гордые люди, выдѣляя себя отъ другихъ, лишаютъ сами себя этого блага. Смиренный же человѣкъ уничтожаетъ въ самомъ себѣ всѣ препятствія для достиженія этого блага. И потому смиреніе есть необходимомое условіе истиннаго блага.

I.

Человѣкъ не можетъ гордиться своими дѣлами, потому что все то хорошее, что онъ дѣлаетъ, дѣлаетъ не онъ, а то божественное начало, какое живетъ въ немъ.

1.

Можетъ быть смиреннымъ только тотъ человѣкъ, который знаетъ, что въ душѣ его живетъ Богъ. Такому человѣку все равно, какъ судятъ о немъ люди.

2.

Человѣкъ, считающій себя хозяиномъ своей жизни, не бываетъ смирененъ, потому что думаетъ, что онъ ничѣмъ ни передъ

къмъ не обязанъ. Человѣкъ же, полагающій свое назначеніе въ служеніи Богу, не можетъ не быть смирененъ, потому что постоянно чувствуетъ себя далеко не исполнившимъ всѣхъ своихъ обязанностей.

3.

Мы часто гордимся тѣмъ, что мы хорошо сдѣлали, мы гордимся тѣмъ, что *«мы сдѣлали»*, а забываемъ то, что въ каждомъ изъ насъ живетъ Богъ, что, дѣлая хорошее, мы только орудія, посредствомъ которыхъ дѣлается Имъ Его дѣло.

Богъ мною дѣлаетъ то, что Ему нужно, а я горжусь. Все равно, какъ если бы камень, загораживающій протокъ ключа, гордился тѣмъ, что изъ него течетъ вода и что воду эту пьютъ люди и звѣри. Но, скажутъ, камень можетъ гордиться тѣмъ, что онъ чистъ, не портитъ воду. И то неправда. Если онъ чистъ, то только потому, что та же вода обмыла и обмываетъ его. Ничего нашего нѣтъ, все Божіе.

4.

Мы—орудія Бога. Что мы должны дѣлать—мы знаемъ, но зачѣмъ мы это дѣлаемъ—это не дано знать намъ. Тотъ, кто понимаетъ это, не можетъ не быть смирененъ.

5.

Главное дѣло жизни всякаго человѣка, это—то, чтобы становиться добрѣе и лучше. А какъ же можно становиться лучше, когда считаешь себя хорошимъ?

6.

Только тогда работникъ будетъ хорошо исполнять свое дѣло, когда онъ пойметъ свое положеніе. Только тогда человѣкъ понимаетъ ученіе Христа, когда онъ ясно понимаетъ то, что жизнь его—не его, а Того, Кто далъ ее, и что цѣль жизни не въ человѣкѣ, а въ волѣ Того, Кто даетъ жизнь, и

что поэтому человекъ можетъ помѣшать проявленію въ себѣ силы Божіей, но самъ собою не можетъ сдѣлать ничего хорошаго.

7.

Только признай себя не хозяиномъ, а слугою, и сразу исکانіе, тревога, недовольство замѣняются опредѣленностью, спокойствіемъ, миромъ и радостью.

II.

Всѣ соблазны отъ гордости.

1.

Если человекъ стремится къ Богу, то онъ никогда не можетъ быть доволенъ собою. Сколько бы онъ ни подвинулся, онъ чувствуетъ себя всегда одинаково удаленнымъ отъ совершенства, такъ какъ совершенство безконечно.

2.

Самоувѣренность—свойство животнаго; смиреніе—человѣка.

3.

Тотъ, кто лучше всего знаетъ самъ себя, тотъ менѣе всего себя и уважаетъ.

4.

Кто доволенъ собой, тотъ всегда недоволенъ другими.

Кто всегда недоволенъ собою, тотъ всегда доволенъ другими.

5.

Мудрецу сказали о томъ, что его считаютъ дурнымъ. Онъ отвѣчалъ: «Хорошо еще, что они не все знаютъ про меня,—они бы еще не то сказали».

6.

Нѣтъ ничего болѣе полезнаго для души, какъ памятованіе о томъ, что ты ничтожная и по времени и по пространству козявка, и что сила твоя только въ томъ, что ты можешь понимать свое ничтожество и потому быть смиреннымъ.

7.

Несмотря на общее большинству людей малое вниманіе къ своимъ недостаткамъ, нѣтъ человѣка, который бы не зналъ о самомъ себѣ чего-либо болѣе дурного, чѣмъ то, что онъ знаетъ о ближнемъ.

И потому смиреніе легко каждому человѣку.

Вольслей.

8.

Стоить только немного подумать, и мы всегда найдемъ за собою какую-нибудь вину передъ человѣческимъ родомъ (пусть это будетъ хотя бы только та вина, что, благодаря существующему неравенству людей, мы пользуемся извѣстными преимуществами, ради которыхъ другіе должны испытывать еще больше лишеній),—и это помѣшаетъ намъ посредствомъ себялюбивыхъ представленій о своихъ заслугахъ считать себя выше другихъ людей.

Кантъ.

9.

Только чужими глазами можно видѣть свои недостатки.

Китайская пословица.

10.

Каждый человѣкъ можетъ быть для насъ зеркаломъ, въ которомъ намъ видны наши пороки, недостатки и все то дурное, что есть въ насъ; но мы большей частью поступаемъ при этомъ какъ собака, которая лаетъ на зеркало, думая, что она видитъ тамъ не себя, а другую собаку.

Шопенгауэръ.

11.

Самоувѣренные, неумные и безнравственные люди часто внушаютъ уваженіе скромнымъ, умнымъ, нравственнымъ людямъ именно потому, что скромный человѣкъ, судя по себѣ, никакъ не можетъ себѣ представить, чтобы плохой человѣкъ могъ бы такъ уважать себя.

12.

У человѣка, влюбленнаго въ себя, мало соперниковъ.

Лихтенбергъ.

13.

Часто самые простые, неученые и необразованные люди вполне ясно, сознательно и легко воспринимаютъ истинное христіанское ученіе, тогда какъ самые ученые люди продолжаютъ коснѣть въ грубомъ язычествѣ. Бываетъ это оттого, что простые люди большей частью смиренны, а ученые большей частью самоувѣренны.

14.

Для того, чтобы разумно понимать жизнь и смерть и спокойно ожидать ее, необходимо понимать свое ничтожество.

Ты—какая-то бесконечно малая частица чего-то, и ты былъ бы ничто, если бы у тебя не было опредѣленнаго призванія—дѣла. Это только даетъ смыслъ и значеніе твоей жизни. Дѣло же твое въ томъ, чтобы использовать данныя тебѣ, какъ и всему существующему, орудія: истратить на исполненіе предписаннаго свое тѣло. И потому всѣ дѣла равны, и ты не можешь сдѣлать ничего больше того, что тебѣ задано. Ты можешь быть только супротивникомъ Бога или исполнителемъ Его дѣла. Такъ что ничего важнаго, великаго человѣкъ не можетъ себѣ приписать. Только стоитъ приписать себѣ какое-нибудь великое, исключительное дѣло, и нѣтъ конца разочарованіямъ борьбы, зависти, всякимъ страданіямъ; только приписалъ себѣ значеніе больше растенія, приносящаго плоды,

и ты погибъ. Спокойствіе, свобода, радость жизни, безстрашіе смерти даются только тому, кто признаетъ себя въ этой жизни ничѣмъ инымъ, какъ только работникомъ Хозяина.

III.

Смирение соединяетъ людей любовью.

1.

Быть неизвѣстнымъ людямъ или непонимаемымъ ими и не печалиться объ этомъ—въ этомъ свойство истинно добродѣтельнаго, любящаго другихъ людей, человѣка.

Китайская мудрость.

2.

Какъ вода не держится на вершинахъ, такъ и доброта и мудрость не бываютъ у гордыхъ. И то и другое ищутъ низкаго мѣста.

Персидская мудрость.

3.

Добрый человѣкъ, это—тотъ, кто помнитъ свои грѣхи и забываетъ свое добро, а злой—наоборотъ, это—тотъ, кто помнитъ свое добро и забываетъ свои грѣхи.

Не прощай себѣ, и тогда легко будешь прощать другимъ.

4.

Добраго и умнаго человѣка можно узнать потому, что такой человѣкъ считаетъ другихъ людей и лучше и умнѣ себя.

5.

Люди самые пріятные—это праведники, которые считаютъ себя грѣшниками. А самые непріятные—это грѣшники, которые считаютъ себя праведниками.

Паскаль.

6.

Какъ трудно любить, жалѣть людей самоувѣренныхъ, гордыхъ, хвастливыхъ! Ужъ поэтому видно, какъ не только хорошо, но выгодно смиреніе. Оно сильнѣе всего другого вызываетъ самое драгоцѣнное въ жизни: любовь людей.

7.

Смиранныхъ людей всѣ любятъ. Мы всѣ желаемъ быть любимыми, такъ какъ же не стараться быть смиренными?

8.

Для того, чтобы люди могли хорошо жить, надо, чтобы былъ миръ между ними. А тамъ, гдѣ каждый хочетъ быть выше другихъ, не можетъ быть мира. Чѣмъ смиреннѣе люди, тѣмъ легче имъ жить мирной жизнью.

IV.

Смиреніе соединяетъ человѣка съ Богомъ.

1.

Нѣтъ ничего сильнѣе смиреннаго человѣка, потому что смиренный человѣкъ, отказываясь отъ себя, даетъ мѣсто Богу.

2.

Прекрасны слова молитвы: «Приди и вселися въ ны». Въ этихъ словахъ все. Человѣкъ имѣетъ все, что ему нужно, если Богъ вселится въ него. Для того же, чтобы Богъ вселился въ человѣка, дѣлать нужно только одно: умалить себя, чтобы дать мѣсто Богу. Какъ только человѣкъ умалитъ себя, Богъ тотчасъ же вселится въ него. И потому для того, чтобы имѣть все, что ему нужно, человѣку надо прежде всего смириться.

3.

Чѣмъ глубже спускается человѣкъ въ самого себя и чѣмъ ничтожнѣе онъ представляется себѣ, тѣмъ выше онъ поднимается къ Богу.

Браминская мудрость.

4.

Тотъ, кто обожаетъ Высшаго, у того гордость исчезаетъ изъ сердца такъ же, какъ свѣтъ костра при свѣтѣ солнца. Тотъ, чье сердце чисто и въ комъ нѣтъ гордости, кто кротокъ, постояненъ и простъ, кто смотритъ на всякое существо, какъ на своего друга, и любитъ каждую душу, какъ свою, кто одинаково обращается съ каждымъ съ нѣжностью и любовью, кто желаетъ творить добро и оставилъ тщеславіе,—въ сердцѣ того человѣка живетъ Владыка жизни.

Какъ земля украшается прекрасными растеніями, которыя она производитъ, такъ же украшается и тотъ, въ душѣ котораго живетъ Владыка жизни.

Вишну Пурана.

V.

Какъ бороться съ гордостью.

1.

Истинное смиреніе трудно. Сердце наше возмущается при одной мысли о презрѣніи, объ униженіи; мы стараемся скрыть все, что можетъ унижить насъ въ глазахъ другихъ, мы стараемся скрыть это отъ самихъ себя; если мы дурны, мы не хотимъ видѣть себя такими, каковы мы на самомъ дѣлѣ. Но какъ ни трудно истинное смиреніе, оно возможно. Будемъ стараться избавиться отъ всего того, что мѣшаетъ ему.

Изъ „Благочестивыхъ мыслей“.

2.

Тѣ самые недостатки, которые въ другихъ тяжелы и нестерпимы, въ насъ самихъ точно ничего и не вѣсятъ: ихъ не

чувствуешь. Часто бываетъ то, что люди, говоря о другихъ и жестоко осуждая ихъ, не замѣчаютъ того, что они описываютъ самихъ себя.

Ничто быстрое не исправляло бы насъ отъ нашихъ недостатковъ, какъ если бы мы были въ силахъ видѣть въ другихъ самихъ себя. Увидавъ ясно на другихъ наши недостатки, мы возненавидѣли бы недостатки наши, какъ они того и стоятъ.

Л а-Б р ю й е р ъ.

3.

Ничто такъ не вредно для нравственнаго совершенствованія, какъ довольство людей самими собой.

Къ счастью, если мы улучшаемся, то улучшаемся такъ незамѣтно, что не можемъ видѣть своихъ успѣховъ иначе, какъ послѣ долгихъ промежутковъ времени.

Если же мы замѣчаемъ наше улучшеніе, то это признакъ того, что мы или вовсе не поднимаемся или идемъ назадъ.

4.

Остерегайтесь мысли, что вы лучше другихъ и что у васъ есть такія добродѣтели, какихъ нѣтъ у другихъ. Какія бы ни были ваши добродѣтели, онѣ ничего не стоятъ, если вы думаете, что вы лучше другихъ людей.

5.

Старайся не думать про себя хорошее. Если не можешь думать про себя дурное, то знай, что уже то дурно, что ты не можешь думать про себя дурно.

6.

Всякое сравненіе себя съ другими для оправданія себя есть соблазнъ, препятствующій и доброй жизни и главному ея дѣлу—совершенствованію. Сравнивай себя только съ высшимъ совершенствомъ, а не съ людьми, которые могутъ быть ниже тебя.

7.

Для того, чтобы научиться смиренію, надо наединѣ самому съ собою ловить себя на гордыхъ мысляхъ.

8.

Ругаютъ, осуждаютъ—радуйся; хвалятъ, одобряютъ—бойся.

9.

Не бойся униженія: если ты сумѣешь принять его со смиреніемъ, оно во много разъ окупится тѣми духовными благами, которыя соединены съ нимъ.

10.

Старайся не запрягивать въ темные углы постыдные воспоминанія своихъ грѣховъ, а, напротивъ, старайся держать ихъ всегда наготовѣ, чтобы, помня свои грѣхи, судить о грѣхахъ ближняго.

11.

Считай себя всегда школьникомъ-ученикомъ. Не думай, чтобы ты былъ старъ, чтобы учиться, что душа твоя уже такова, какой она должна быть, и не можетъ быть лучше. Для разумнаго человѣка нѣтъ оконченнаго курса: онъ до самаго гроба ученикъ.

12.

Познаетъ истину только смиренный сердцемъ. Смирение не возбуждаетъ зависти.

Деревья уносятся потокомъ, тростники остаются.

Мудрецъ сказалъ: «Дитя мое, не печалься о томъ, что тебя не оцѣнили, потому что никто не можетъ отнять того, что ты сдѣлалъ, или передать тебѣ то, чего ты не сдѣлалъ. Разумный человѣкъ довольствуется тѣмъ уваженіемъ, которое заслуживаетъ.

«Будь добродушенъ, почтителенъ, дружелюбенъ, озабоченъ
выгодой другихъ, и благо придетъ къ тебѣ такъ же естественно,
какъ воды изливаются на ппэины». Индійское Вишну.

VI.

Послѣдствія гордости.

1.

Человѣкъ безъ смиренія всегда осуждаетъ другихъ; онъ видитъ только ошибки людей, его же собственные страсти и пороки все болѣе и болѣе разрастаются.

Буддійская мудрость.

2.

Человѣкъ, не просвѣщенный христіанствомъ, любитъ только себя. А любя только себя, такой человѣкъ хочетъ быть великимъ и видитъ, что онъ маленькій, хочетъ быть важнымъ, а чувствуетъ, что онъ ничтоженъ, хочетъ быть хорошимъ, а знаетъ, что онъ дурень. И, видя это, человѣкъ начинаетъ не любить правду и начинаетъ придумывать такія разсужденія, по которымъ бы выходило, что онъ—то самое, чѣмъ ему хочется быть, и, придумавъ такія разсужденія, становится въ своихъ глазахъ и великимъ, и важнымъ, и хорошимъ. Въ этомъ большой двойной грѣхъ—и гордости и лжи. Отъ гордости и ложь, а отъ лжи—гордость.

По Паскалю.

3.

Кто не питаетъ отвращенія къ тому самолюбію, которое заставляетъ его ставить себя выше всего въ мірѣ, тотъ вполне ослѣпленъ, потому что ничто такъ не противорѣчитъ справедливости и истинѣ, какъ такое мнѣніе о себѣ. Это ложно само въ себѣ, потому что нельзя быть выше всего въ мірѣ, и, кромѣ того, и несправедливо, такъ какъ всѣ требуютъ себѣ того же.

Паскаль.

4.

Есть всегда темное пятно въ нашемъ солнечномъ свѣтѣ: это—тѣнь, которая падаетъ отъ того уваженія, которое мы имѣемъ къ своей личности.

Карлейль.

5.

Нѣтъ ни одного человѣческаго преимущества—силы, красоты, богатства, званія, учености, просвѣщенія, даже доброты, которыя при отсутствіи смиренія не уничтожались бы и не превращались бы изъ преимуществъ и хорошихъ качествъ въ отталкивающія свойства. Нѣтъ ничего противнѣе человѣка, кичащагося своимъ богатствомъ, званіемъ, умомъ, просвѣщеніемъ, ученостью, добротой. Люди желаютъ быть любимыми людьми, знаютъ, что гордость отталкиваетъ людей, и все-таки не могутъ быть смиренны. Отчего это? Оттого, что смиреніе не можетъ быть усвоено отдѣльно. Смиреніе есть послѣдствіе перенесенія человѣкомъ своихъ желаній изъ области вещественной въ область духовную.

VII.

Смиреніе даетъ человѣку и душевное благо и силу въ борьбѣ съ соблазнами.

1.

Нѣтъ для души ничего благотворнѣе униженія, принимаемаго съ радостью. Какъ дождь теплый послѣ яркаго, изсушившаго солнца самодовольства, освѣжаетъ душу униженіе, принятое со смиреніемъ.

2.

Входная дверь въ храмъ истины и блага низкая. Войдутъ въ храмъ только тѣ, которые пригнуты. И хорошо тѣмъ, кто пройдетъ въ дверь. Въ храмѣ же великій просторъ и свобода,

и люди тамъ всѣ любятъ другъ друга, помогаютъ другъ другу и не знаютъ горя.

Храмъ этотъ—истинная жизнь людей. Дверь храма, это—ученіе мудрости. Мудрость же дается смиреннымъ, тѣмъ, кто не возвышаетъ, а умаливаетъ себя.

3.

Радость совершенная, по словамъ Франциска Ассизскаго, въ томъ, чтобы перенести незаслуженный укоръ, потерпѣть даже тѣлесное страданіе и не испытать враждебности къ причинѣ укора и страданія. Радость эта совершенная потому, что никакія обиды, оскорбленія, нападки людей не могутъ нарушить ее.

4.

«Возвышающій самъ себя униженъ будетъ, а унижающій себя возвысится».

Лука XIV, 11.

5.

Слабѣйшее въ мірѣ побѣждаетъ сильнѣйшее; низкій и смиренный побѣждаетъ высокаго и гордаго. Только немногіе въ мірѣ понимаютъ силу смиренія.

Лао-Тсе.

6.

Чѣмъ выше считаетъ самъ себя человѣкъ, тѣмъ онъ слабѣе; чѣмъ ниже онъ о себѣ думаетъ, тѣмъ онъ тверже и самъ для себя и передъ другими.

7.

Нѣтъ въ мірѣ ничего нѣжнѣе и уступчивѣе, чѣмъ вода, а, между тѣмъ, нападая на жесткое и твердое, ничто не можетъ быть сильнѣе ея. Слабый побѣждаетъ сильнаго. Нѣжный побѣждаетъ жестокаго. Смиренный побѣждаетъ гордаго. Всѣ въ мірѣ знаютъ это, но никто не хочетъ исполнять это.

Лао-Тсе.

8.

То, что рѣки и моря властвуютъ надъ всѣми долинами, по которымъ текутъ, происходитъ оттого, что они ниже ихъ.

Поэтому святой человѣкъ, если онъ хочетъ быть выше народа, долженъ стараться быть ниже его. Если онъ хочетъ руководить имъ, то онъ долженъ быть позади его.

Поэтому, если святой человѣкъ и живетъ выше народа, народъ не чувствуетъ этого. Онъ находится впереди народа, но народъ не страдаетъ отъ этого. Поэтому міръ, не переставая, восхваляетъ его. Святой человѣкъ не спорить ни съ кѣмъ, никто въ мірѣ не спорить съ нимъ. Лао-Тсе.

9.

Вода жидка, легка и уступчива, но если она нападаетъ на твердое, жесткое и неуступчивое, ничто не можетъ устоять противъ нея: она смываетъ дома, кидаетъ огромными кораблями, какъ щепками, размываетъ землю. Воздухъ еще жиже, мягче и уступчивѣе, чѣмъ вода, и еще сильнѣе, когда нападаетъ на твердое, жесткое и неуступчивое. Онъ вырываетъ съ корнями деревья, также разрушаетъ дома, поднимаетъ самую воду въ огромныя волны и гоняетъ воду въ тучахъ. Нѣжное, мягкое, уступчивое побѣждаетъ жестокое, суровое, неуступчивое.

То же и въ жизни людей. Хочешь быть побѣдителемъ, будь нѣженъ, мягокъ и уступчивъ.

10.

Чтобы быть сильнымъ, надо быть какъ вода. Нѣтъ препятствій—она течетъ; плотина—она остановится; прорвется плотина—она снова потечетъ; въ четырехугольномъ сосудѣ она четырехугольна; въ кругломъ она кругла. Оттого, что она такъ уступчива, она нѣжнѣй всего и сильнѣй всего.

XXVI.

Правдивость.

Суевѣрія мѣшаютъ доброй жизни. Освобождаетъ отъ суевѣрій только правдивость—не только передъ людьми, но и передъ самимъ собой.

I.

Какъ относиться къ установившимся убѣжденіямъ и обычаямъ.

1.

Самый обычный способъ отрицать существованіе Бога состоитъ въ томъ, чтобы признавать всегда безусловно справедливымъ общественное мнѣніе и не придавать никакого значенія тому голосу Бога, который непрестанно слышимъ въ душѣ своей.

Джонъ Рёскинъ.

2.

Хотя бы весь міръ признавалъ ученіе истиннымъ и какъ бы древне оно ни было, человѣкъ долженъ провѣрять его разумомъ и смѣло откидывать, если оно не сходится съ требованіями разума.

3.

«Познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными».

Іоан. VIII, 32.

4.

Человѣкъ, признающій божественность своей души, не можетъ не провѣрить разумомъ всѣхъ тѣхъ ученій, которыя признаются людьми несомнѣнной истиной.

5.

Кто хочетъ сдѣлаться истиннымъ человѣкомъ, тотъ долженъ отбросить угожденіе міру; кто хочетъ жить истинной жизнью, тотъ пусть не руководится тѣмъ, что принято считать добромъ, а пусть тщательно доискивается, гдѣ и что есть истинное добро. Нѣтъ ничего святѣе и производительнѣе самостоятельной душевной пытливости.

Эмерсонъ.

6.

Если что правда, то давайте вѣрить въ это всѣ: бѣдные, богатые, мужчины, женщины и дѣти. Если же что неправда, то не будемъ вѣрить никто: ни богатые, ни бѣдные, ни толпы людей, ни женщины, ни дѣти. Истину надо провозглашать съ крышъ.

Постоянно нашептываютъ, что опасно открывать нѣкоторыя вещи большинству людей. Говорятъ: мы знаемъ, что это неправда, но для народа это необходимо. Народу полезно вѣрить въ это, и потому можно сдѣлать много зла, поколебавъ эту его вѣру.

Нѣтъ. Кривые пути всегда останутся кривыми, хотя бы они были предназначены для обмана самаго большого большинства народа, и неправда никогда и никому не можетъ быть полезна. И потому мы признаемъ только одинъ законъ для всѣхъ: слѣдованіе истинѣ, какую знаемъ, куда бы она ни привела насъ.

Клиффордъ.

7.

Въ склонности вѣрить въ то, что намъ выдается за истину, заключается и добро и зло. Именно эта склонность дѣлаетъ возможнымъ поступательное движеніе общества, и именно она дѣлаетъ это поступательное движеніе столь медленнымъ и мучительнымъ: каждое поколѣніе, благодаря ей, безъ усилія получаетъ достоящееся ему по наслѣдству знаніе, прибрѣтенное тяжелымъ трудомъ прежде жившихъ людей, и каждое поколѣніе, благодаря ей, оказывается поработаннымъ ошибками и заблужденіями своихъ предшественниковъ.

Генри Джорджъ.

8.

Чѣмъ больше живетъ человѣкъ, тѣмъ больше освобождается онъ отъ суевѣрій.

9.

Всѣ суевѣрія суть только извращенія мысли, и потому избавленіе отъ нихъ возможно только приложеніемъ къ нимъ требованій истины, открываемой разумомъ.

10.

Вѣра въ то, что то, что намъ выгодно и пріятно, истинно само въ себѣ, есть естественное свойство какъ дѣтей, такъ и человѣчества въ его дѣтскомъ возрастѣ. Чѣмъ дольше живутъ и человѣкъ и человѣчество, чѣмъ больше уясняется и утверждается его разумъ, тѣмъ все больше человѣкъ и человѣчество освобождаются отъ такого ложнаго представленія. о томъ, что истинно все то, что выгодно человѣку. И потому какъ всякому человѣку, такъ и всему человѣчеству, необходимо, по мѣрѣ движенія ихъ въ жизни, усиліями своего разума и всей мудростью прежде жившихъ людей провѣрять принятія на вѣру положенія о томъ, что истинно.

11.

Всякая истина, выраженная словами, есть сила, дѣйствіе которой безпредѣльно.

II.

Ложь, ея причины и послѣдствія.

1.

Не думай, что говорить и дѣлать правду нужно только въ дѣлахъ важныхъ. Говорить и дѣлать правду нужно всегда, даже въ самыхъ пустыхъ дѣлахъ. Важно не то большое или малое зло, которое произойдетъ отъ твоей неправды, а важно то, чтобы ты самъ себя никогда не осквернялъ ложью.

2.

Если жизнь не согласна съ правдой, то все-таки лучше признать правду, чѣмъ скрывать ее: жизнь свою мы можемъ измѣнить по правдѣ; правду же мы ничѣмъ измѣнить не можемъ, она останется, какой была, и не перестанетъ обличать насъ.

3.

Мы всѣ любимъ истину больше, чѣмъ ложь, но когда дѣло касается нашей жизни, то мы часто предпочитаемъ ложь истинѣ, потому что ложь оправдываетъ нашу дурную жизнь, а истина обличаетъ ее.

4.

Для каждой, входящей въ сознаніе людей, истины, замѣняющей прежнее заблужденіе, бываетъ время, когда заблужденіе явно и очевидна истина, долженствующая замѣнить его. Но люди, которымъ или выгодно это заблужденіе, или привычно имъ, стараются всѣми силами поддержать его. Въ такія времена бываетъ особенно важно смѣлое провозглашеніе истины.

5.

Если люди говорятъ вамъ, что не надѣ во всемъ добираться до правды, потому что полной правды никогда не найдешь,

не вѣрьте имъ и бойтесь такихъ людей. Это самые злые враги не только истины, но и ваши.

Они говорятъ это только потому, что сами живутъ не по правдѣ и знаютъ это и хотѣли бы, чтобы и другіе люди жили такъ же.

6.

Если хочешь познать истину, то прежде всего освободись хотя на то время, когда ищешь истину, отъ всѣхъ соображеній о выгодѣ для себя такого или иного рѣшенія.

7.

Бываетъ радостно, когда поймешь неправду другихъ людей и обличишь ее, но во сколько разъ радостнѣе, когда поймаетъ самъ себя въ неправдѣ и обличишь себя. Старайся доставлять себѣ какъ можно чаще это удовольствіе.

8.

Какъ ни соблазнительна бываетъ ложь и всѣ ея соблазны, бываетъ время, что ложь такъ замучитъ человѣка, что человѣкъ, уже не для того, чтобы искать истину, а только для того, чтобы избавиться отъ всей, нераздѣльной съ ложью, путаницы, отъ которой онъ страдаетъ, обращается къ истинѣ и въ ней одной находитъ спасеніе.

9.

Какая туча закутала міръ? Отчего онъ не свѣтитъ? Что оскверняетъ его? Въ чемъ его великая опасность?

Опасность его въ томъ, что люди живутъ не тѣмъ божественнымъ разумомъ, который данъ каждому изъ нихъ, а тѣмъ общимъ, извращеннымъ разумомъ, который сложился среди людей для оправданія ихъ страстей. Люди страдаютъ и ищутъ спасенія. Что же спасетъ ихъ? Одно уваженіе къ своему разуму и слѣдованіе истинѣ.

Съ восточнаго.

10.

Горькій опытъ показываетъ намъ то, что нельзя уже удерживать прежнія условія жизни, и что поэтому необходимо находить тѣ новыя условія, которыя свойственны новому времени; но люди, вмѣсто того, чтобы употреблять свой разумъ на изысканіе и установленіе этихъ новыхъ условій, употребляютъ свой разумъ на то, чтобы удержать жизнь въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ она была сотни лѣтъ тому назадъ.

11.

Ложь закрываетъ отъ насъ Бога и въ насъ самихъ и въ людяхъ, и потому нѣтъ ничего дороже истины, возвращающей насъ къ любви къ Богу и ближнему.

12.

Нѣтъ несчастья хуже того, когда человѣкъ начинаетъ бояться истины, чтобы она не показала ему, какъ онъ дурень.

П а с к а л ь.

13.

Самый вѣрный признакъ истины, это — простота и ясность. Ложь всегда бываетъ сложна, вычурна и многословна.

14.

Можно быть одинокимъ въ своей частной и временной средѣ, но каждая изъ нашихъ мыслей и каждое изъ нашихъ чувствъ находитъ, находило и будетъ находить свой отголосокъ въ человѣчествѣ. Для нѣкоторыхъ людей, которыхъ большая часть человѣчества признаетъ своими вождями, реформаторами и просвѣтителями, отголосокъ этотъ огроменъ и раздается съ особенной силой; но нѣтъ человѣка, мысли котораго не производили бы на другихъ такого же, хотя и во много разъ меньшаго, дѣйствія. Всякое искреннее проявленіе души, всякое заявленіе личнаго убѣжденія служатъ кому-нибудь или

чему-нибудь, даже если вы и не знаете объ этомъ, и даже когда зажимають вамъ ротъ или когда накидываютъ вамъ мертвую петлю на шею. Слово, сказанное кому-нибудь, сохраняетъ неразрушимое дѣйствіе, — какъ всякое движеніе, оно никогда не уничтожается, но превращается въ инныя формы.

Аміель.

III.

На чемъ держится суевѣріе.

1.

Чѣмъ большимъ уваженіемъ окружены предметы, обычаи, законы, тѣмъ внимательнѣе надо изслѣдовать ихъ право на уваженіе.

2.

Есть много старинныхъ истинъ, которыя кажутся намъ вѣроятными только потому, что мы никогда серьезно не думали о нихъ.

Родъ.

3.

Разумъ есть величайшая святыня въ мірѣ, а потому и величайшій грѣхъ злоупотреблять разумомъ, употреблять его на то, чтобы скрывать или извращать истину.

4.

Просматривая исторію человѣчества, мы то и дѣло замѣчаемъ, что самыя явныя нелѣпости сходили для людей за несомнѣнныя истины, что цѣлыя націи дѣлались жертвами дикихъ суевѣрій и унижались передъ подобными себѣ смертными, нерѣдко передъ идіотами или сластолюбцами. И причиною такихъ нелѣпостей и страданій людскихъ всегда было одно: принятіе на вѣру того, что даже малымъ дѣтямъ не могло не представляться неразумнымъ.

По Генри Джорджу.

5.

Нашъ вѣкъ — истинный вѣкъ критики. Все принятое на вѣру провѣряется критикой.

Разумъ относится съ уваженіемъ только къ тому, что въ состояніи выдержать его свободное и всенародное испытаніе.

К а н т ъ.

6.

Не надо бояться тѣхъ разрушеній, которыя совершаетъ разумъ въ установленныхъ людьми преданіяхъ. Разумъ не можетъ ничего уничтожать, не замѣняя его истиной. Таково его свойство.

IV.

Религіозныя суевѣрія.

1.

Дурно то, что люди не знаютъ Бога, но еще хуже то, что люди признаютъ Богомъ то, что не есть Богъ.

Л а к т а н ц і й.

2.

У насъ нѣтъ уже болѣе религіи. Вѣчные законы Бога съ ихъ вѣчнымъ раемъ и адомъ превратились въ правила практической философіи, основанныя на ловкихъ расчетахъ выгодъ и потерь, со слабымъ остаткомъ уваженія къ радостямъ, доставляемымъ добродѣтелью и возвышенной нравственностью. Выражаясь на языкѣ нашихъ предковъ, мы «забыли Бога», а употребляя современный способъ выраженія, мы должны сказать, что ложно понимаемъ жизнь міра. Мы спокойно закрываемъ глаза и не хотимъ видѣть вѣчную сущность вещей, а присматриваемся только къ кажущемуся, мнимому виду ихъ.

Мы спокойно считаемъ вселенную за великую, непонятную

случайность; судя по внѣшнему виду, она довольно ясно представляется намъ громаднымъ загономъ для скота или рабочимъ домомъ, обширными кухнями съ обѣденными столами, за которыми находятъ себѣ мѣсто только благоразумные люди.

Да, у насъ нѣтъ Бога! Законы Бога замѣнены принципомъ возможно большей выгоды.

Карлейль.

3.

Богъ далъ духъ Свой, разумъ, чтобы служить Ему; а мы этотъ духъ употребляемъ на служеніе себѣ.

4.

«Остерегайтесь книжниковъ, которые любятъ ходить въ длинныхъ одеждахъ и любятъ привѣтствія въ народныхъ собраніяхъ, предсѣданія въ синагогахъ и предвозлежанія на пиршествахъ, которые поѣдаютъ дома вдовъ и лицемерно долго молятся; они примутъ тѣмъ большее осужденіе».

Луки XX, 46—47.

5.

«А вы не называйтесь учителями, ибо одинъ у васъ Учитель—Христосъ, всѣ же вы—братья; и отцомъ себѣ не называйте никого на землѣ, ибо одинъ у васъ Отецъ, Который на небесахъ; и не называйтесь наставниками, ибо одинъ у васъ Наставникъ—Христосъ».

Мат. XXIII, 8—10.

6.

Безъ чистоты души зачѣмъ поклоняться Богу? Зачѣмъ говорить: я пойду въ Бенаресъ? *) Какимъ образомъ достигнетъ истиннаго Бенареса тотъ, кто дѣлалъ зло?

Святость не въ лѣсахъ, не на небѣ, не на землѣ, не въ священныхъ рѣкахъ. Очисти себя, и ты увидишь Его. Преврати твое тѣло въ храмъ, откинь дурныя мысли и созерцай

*) Бенаресъ—городъ, который индусы считаютъ святымъ городомъ.

Бога внутреннимъ окомъ. Когда мы познаемъ Его, мы познаемъ себя. Безъ личнаго опыта одно писаніе не уничтожитъ нашихъ страховъ, — такъ же, какъ темнота не разгоняется написаннымъ огнемъ. Какая бы ни была твоя вѣра и твои молитвы, пока въ тебѣ нѣтъ правды, ты не достигнешь пути блага. Тотъ, кто познаетъ истину, тотъ родится снова.

Источникъ истиннаго блага — сердце; безуменъ тотъ, кто ищетъ блага въ иномъ мѣстѣ. Онъ подобенъ пастуху, который ищетъ ягненка, который у него за пазухой.

Зачѣмъ вы собираете камни и строите великіе храмы? Зачѣмъ мучите себя такъ, тогда какъ Богъ постоянно живетъ внутри васъ?

Дворная собака лучше, чѣмъ безжизненный идолъ въ домѣ, и лучше, чѣмъ всѣ полубоги, великій Богъ міра.

Тотъ свѣтъ, который, какъ утренняя звѣзда, живетъ внутри сердца cadaго человѣка, этотъ свѣтъ намъ прибѣжище.

В е м а н а.

7.

Какъ удивительно то, что міръ терпитъ и воспринимаетъ изъ высшихъ откровеній истины только самыя древнія и теперь уже несвоевременныя, но всякое прямое откровеніе, всякую самобытную мысль онъ считаетъ ничтожною, иногда прямо ненавидитъ!

Т о р о.

8.

Религіозное сознаніе человѣчества не неподвижно, а не переставая измѣняется, болѣе и болѣе уясняясь и очищаясь.

9.

Исправленіе существующаго зла жизни не можетъ начаться ни съ чего другого, какъ только съ обличенія религіозной лжи и установленія религіозной истины въ себѣ каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ.

V.

Разумное начало въ человѣкѣ.

1.

Что такое разумъ? Что бы мы ни опредѣляли, мы опредѣляемъ всегда только разумомъ. И потому, чѣмъ же будемъ опредѣлять разумъ?

Если мы все опредѣляли разумомъ, то разумъ по этому самому мы опредѣлять и не можемъ. Но мы всѣ не только знаемъ разумъ, но только одного его знаемъ несомнѣнно и знаемъ одинаково.

2.

Достоинство человѣка—въ томъ духовномъ началѣ, которое называется иногда разумомъ, иногда совѣстью. Начало это, поднимаясь выше мѣстнаго и временнаго, содержитъ несомнѣнную истину и вѣчную правду. Въ средѣ несовершеннаго оно видитъ совершенство. Начало это всеобще, безпристрастно и всегда въ противорѣчii со всѣмъ тѣмъ, что пристрастно и себялюбиво въ человѣческой природѣ. Это начало властно говоритъ каждому изъ насъ, что ближній нашъ столь же драгоцененъ, какъ и мы, и что его права столь же священны, какъ и наши. Оно велитъ намъ воспринимать истину, какъ бы она ни противна была нашей гордости, и быть справедливымъ, какъ бы это ни было невыгодно намъ. Оно же, это начало, призываетъ насъ къ тому, чтобы любовно радоваться всему тому, что прекрасно, свято и счастливо, въ комъ бы мы ни встрѣтили эти свойства. Начало это есть лучъ божества въ человѣкѣ.

Ч а н н и н гъ.

3.

Все, что мы знаемъ, мы знаемъ черезъ разумъ. И потому не вѣрь тѣмъ, которые говорятъ, что не надо слѣдовать разуму. Тѣ, которые говорятъ такъ, подобны людямъ, которые совѣтовали бы затушить свѣтъ единственнаго фонаря, руководящаго нами во мракѣ.

4.

Мы должны довѣрять своему разуму. Это—правда, которую не надо и не должно скрывать. Вѣра въ силу разума лежитъ въ основаніи всякой другой вѣры. Нельзя вѣрить въ Бога, если мы умаляемъ значеніе той способности, посредствомъ которой мы познаемъ Бога. Разумъ есть та самая способность, къ которой только и обращено откровеніе. Только разумомъ откровеніе можетъ быть понято. Если послѣ добросовѣстнаго и безпристрастнаго использованія нашихъ лучшихъ способностей извѣстное вѣроученіе кажется намъ противорѣчивымъ и несогласнымъ съ главными принципами, въ которыхъ мы не сомнѣваемся, мы несомнѣнно должны воздержаться отъ вѣры въ это ученіе. Я болѣе убѣжденъ въ томъ, что моя разумная природа отъ Бога, чѣмъ въ томъ, что какая-либо книга есть выраженіе Его воли.

Ч а н н и н гъ.

5.

Разумъ открываетъ человѣку смыслъ и значеніе его жизни.

6.

Разумъ данъ не на то, чтобы научить человѣка любить Бога и ближняго. Это вложено помимо разума въ сердце человѣка. Разумъ данъ человѣку на то, чтобы указать ему, что ложь и что истина. А стоитъ человѣку откинуть ложь, и онъ научится всему тому, что ему нужно.

7.

Заблужденія и несогласія людей въ дѣлѣ исканія и признанія истины происходятъ не отъ чего иного, какъ отъ ихъ недовѣрія къ разуму; вслѣдствіе этого жизнь человѣческая, руководимая обычаями, преданіями, модами, суевѣріями, предрасудками, насиліемъ и всѣмъ, чѣмъ угодно, кромѣ разума, течетъ сама по себѣ, а разумъ существуетъ самъ по себѣ. Часто бываетъ и то, что если мышленіе и примѣняется къ

чему-нибудь, то не къ дѣлу исканія и распространенія истины, а къ тому, чтобы во что бы то ни стало оправдать и поддержать обычаи, преданія, моды, суевѣрія, предразсудки.

Заблужденіе и несогласія людей въ дѣлѣ признанія единой истины—не отъ того, что разумъ у людей не одинъ или не можетъ показать имъ единую истину, а отъ того, что они не вѣрятъ въ него.

Если бы они повѣрили въ свой разумъ, то нашли бы способъ свѣрять показанія разума въ себѣ съ показаніями его въ другихъ. А нашедши этотъ способъ взаимной провѣрки, убѣдились бы, что разумъ одинъ во всѣхъ, и подчинились бы его велѣніямъ.

Ө. Страховъ.

8.

Разумъ одинъ во всѣхъ людяхъ. Общеніе людей, воздѣйствіе ихъ другъ на друга, основано на разумѣ. Для каждаго человѣка обязательно требованіе одинаго во всѣхъ разума.

9.

Насколько человѣкъ правдивъ, настолько онъ божествененъ; неуязвимость, безсмертіе, величіе божественности входятъ въ человѣка вмѣстѣ съ его правдивостью.

Эмерсонъ.

10.

Помни, что разумѣніе твое, имѣя свойство жизни въ самомъ себѣ, дѣлаетъ тебя свободнымъ, если ты не подгибаешь его служенію плоти. Душа человѣка, просвѣщенная разумѣніемъ, свободная отъ страстей, затемняющихъ этотъ свѣтъ, есть настоящая твердыня, и нѣтъ приближища для человѣка, которое было бы вѣрнѣе и неприступнѣе для зла. Кто не знаетъ этого, тотъ слѣпъ, а кто, зная, не вѣритъ разуму, тотъ истинно несчастенъ.

Маркъ Аврелій.

11.

Одна изъ главныхъ обязанностей человѣка состоитъ въ томъ, чтобы заставить свѣтитъ во всю силу то свѣтлое начало разума, которое мы получаемъ отъ Неба.

Китайская мудрость.

12.

Я прославляю христіанство потому, что оно расширяетъ, усиливаетъ и возвышаетъ мою разумную природу. Если бы я не могъ оставаться разумнымъ, будучи христіаниномъ, то я отказался бы отъ христіанства. Я чувствую себя обязаннымъ пожертвовать ради христіанства собственностью, славой, жизнью, но ни для какой религіи я не могу жертвовать тѣмъ разумомъ, который возвышаетъ меня надъ животнымъ и дѣлаетъ меня человѣкомъ. Я не знаю большаго святотатства, какъ отреченіе отъ высшей способности, полученной отъ Бога. Поступая такъ, мы умышленно противимся тому божественному началу, которое живетъ въ насъ. Разумъ есть высшее выраженіе нашей мыслящей природы. Онъ соотвѣтствуетъ единству Бога и вселенной и стремится сдѣлать душу отраженіемъ, зеркаломъ высшаго единства.

Чаннингъ.

13.

Человѣкъ, который не зналъ бы, что глаза могутъ видѣть, и который никогда не раскрывалъ бы ихъ, былъ бы очень жалокъ. Но еще болѣе жалокъ тотъ человѣкъ, который не понимаетъ, что ему данъ разумъ для того, чтобы спокойно переносить всякія непріятности. Съ помощью разума мы можемъ справиться со всѣми непріятностями. Непереносимыхъ непріятностей разумный человѣкъ не встрѣтитъ въ жизни: для него ихъ нѣтъ. А между тѣмъ, какъ часто, вмѣсто того, чтобы смотрѣть прямо въ глаза какой-нибудь непріятности, мы мало-душно стараемся увернуться отъ нея. Не лучше ли радоваться тому, что Богъ далъ намъ власть не огорчаться тѣмъ, что съ нами случается помимо нашей воли, и благодарить Его за то,

что Онъ подчинилъ нашу душу только тому, что отъ насъ самихъ зависитъ? Онъ вѣдь не подчинилъ нашей души ни родителямъ нашимъ, ни братьямъ, ни богатству, ни тѣлу нашему, ни смерти. Онъ, по благости Своей, подчинилъ ее одному тому, что отъ насъ зависитъ,—разумѣнію нашему.

Эпиктетъ.

14.

Разумъ данъ намъ Богомъ для служенія Ему. И потому надо соблюдать его во всей чистотѣ, такъ, чтобы онъ могъ всегда отличать истину отъ лжи.

15.

Свободенъ человѣкъ только тогда, когда онъ въ истинѣ. Истина же открывается разумомъ.

VI.

Разумъ провѣряетъ положенія вѣры.

1.

Когда человѣкъ употребляетъ свой разумъ на разрѣшеніе вопросовъ о томъ, зачѣмъ существуетъ міръ и зачѣмъ онъ самъ живетъ въ этомъ мірѣ, съ человѣкомъ дѣлается что-то въ родѣ дурноты, головокруженія. Умъ человѣка не можетъ придумать отвѣты на эти вопросы. Что же это значить? А то, что разумъ человѣку не данъ на то, чтобы отвѣчать на эти вопросы, и что самое задаваніе такихъ вопросовъ означаетъ заблужденіе разума. Разумъ рѣшаетъ только вопросъ: «какъ жить?» И отвѣтъ ясенъ: «жить такъ, чтобы было хорошо и мнѣ и всѣмъ людямъ. Это нужно всему живущему и мнѣ. И возможность этого дана всему живущему, дана и мнѣ черезъ данный мнѣ разумъ». И это рѣшеніе исключаетъ всѣ вопросы: отчего и зачѣмъ?

2.

«Что, развѣ мы не правы? Надо же держать народъ въ обманѣ: посмотри-ка, какъ онъ неразвить и дикъ!»

Нѣтъ, неразвить и дикъ онъ потому, что онъ грубо обманутъ.

И потому прежде всего перестаньте грубо обманывать его.

3.

Если Богъ, какъ предметъ нашей вѣры, выше нашего разумѣнія и мы не можемъ обнять Его разумомъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ того, что мы должны пренебрегать дѣятельностью разума, считая ее вредною.

Хотя предметы вѣры, безъ всякаго сомнѣнія, находятся внѣ круга нашего разумѣнія, выше его, однако разумъ и по отношенію къ нимъ имѣетъ такое важное значеніе, что мы безъ него обойтись никакъ не можемъ. Онъ исполняетъ какъ бы назначеніе цензора, который, допуская изъ области вѣры выше разума стоящую, то-есть метафизическую истину, отрицаетъ всякую мнимую истину, которая противорѣчитъ разуму.

Но кромѣ этого положительнаго дѣла, разуму свойственно и отрицательное дѣло освобожденія человѣка отъ грѣховъ, соблазновъ (оправданій грѣховъ) и суевѣрій.

Ө. Страховъ.

4.

Будь свѣтильникомъ для самого себя. Будь убѣжищемъ для себя. Держись свѣта твоего свѣтильника и не ищи другого прибѣжища.

Буддійская Сутта.

5.

«Доколѣ свѣтъ съ вами, вѣруйте въ свѣтъ, да будете сынами свѣта» (Ин. XII, 36).

Не подавлять свой разумъ, какъ этому учатъ ложные учителя, нужно для того, чтобы сознать истинную религію, а очищать, напрягать его, провѣрять имъ все, что предлагается.

6.

Если ты хочешь достигнуть познанія всеобъемлющаго «я», то ты долженъ прежде всего узнать самого себя. Для того же, чтобы познать самого себя, ты долженъ пожертвовать своимъ «я» всемірному «я». Жертвуй своей жизнью, если ты хочешь жить въ духѣ. Удаляй свои мысли отъ внѣшнихъ вещей и всего, что представляется извнѣ. Старайся удалять отъ себя возникающіе образы, съ тѣмъ, чтобы они не кидали темной тѣни на твою душу.

Твои тѣни живутъ и исчезаютъ. То, что въ тебѣ вѣчно, то, что разумѣть, принадлежитъ не къ преходящей жизни. Это вѣчное есть въ тебѣ, перенесись въ него, и оно откроетъ тебѣ все то, что ложно, и все то, что истинно, и все то, что тебѣ нужно знать.

Брамминская мудрость.

XXVII.

З л о.

Мы называемъ зломъ все то, что нарушаетъ благо нашей тѣлесной жизни. А между тѣмъ вся жизнь наша есть только постепенное освобожденіе души отъ того, что составляетъ благо тѣла. И потому для того, кто понимаетъ жизнь такую, какая она дѣйствительно есть, нѣтъ зла.

I.

То, что мы называемъ страданіями, есть необходимое условіе жизни.

1.

Благо для человѣка переносить несчастья этой земной жизни, ибо это влечетъ его въ священное уединеніе его сердца, гдѣ онъ находитъ себя какъ бы изгнанникомъ изъ своей родной земли и обязаннымъ не довѣряться никакимъ мірскимъ радостямъ. Благо для него также встрѣчать противорѣчія и упреки, когда о немъ дурно думаютъ, говорятъ, хотя бы намѣренія его были чистыми и поступки правильны, ибо такой образъ дѣйствій держитъ его въ смиреніи и является противоядіемъ пустой славѣ. Благо же это главнымъ образомъ потому, что мы можемъ бесѣдовать съ свидѣтелемъ внутри насъ, который

есть Богъ, бесѣдовать тогда, когда насъ въ міру презирають, не уважають и лишаютъ любви.

Ома Кемпійскій.

2.

Когда Францискъ Ассизскій подъ холоднымъ дождемъ и вѣтромъ возвращался съ своимъ ученикомъ изъ Перузы въ Порціонкуль, онъ говорилъ своему ученику о томъ, въ чемъ надо полагать радость совершенную. Радость совершенная, говорилъ онъ, не въ томъ, чтобы быть восхваляемымъ людьми за свою добродѣтель, не въ томъ, чтобы имѣть даръ исцѣленія больныхъ, возвращенія слуха глухимъ, зрѣнія слѣпымъ, не въ томъ, чтобы предвидѣть и предсказывать будущее, не въ томъ, чтобы постигать теченіе звѣздъ и свойства всѣхъ растений и животныхъ, и не въ томъ даже, чтобы привести всѣхъ людей къ истинной вѣрѣ. «Въ чемъ же радость совершенная?» спросилъ ученикъ. «А въ томъ, отвѣчалъ Францискъ, что вотъ когда мы придемъ къ монастырю мокрые, грязные, холодные и голодные и постучимъ къ привратнику и онъ спроситъ: кто вы? и мы скажемъ, что мы братья его, и онъ на это скажетъ намъ: лжете, вы — бродяги. Только шатаетесь по свѣту, соблазните людей, крадете милостыню. Убирайтесь отсюда, не пущу васъ. — И вотъ, если тогда мы, окоченѣлые, холодные, голодные, со смиреніемъ и любовью примемъ слова эти и скажемъ себѣ, что онъ правъ, и что, видно, Богъ внушилъ ему такое обращеніе съ нами, тогда только, тогда мы познаемъ радость совершенную».

Только принимай всякій трудъ и всякую обиду съ любовью къ тому, кто накладываетъ трудъ и дѣлаетъ обиду, и всякій трудъ и всякая обида превращаются въ радость. И радость эта совершенная, потому что всякая другая радость можетъ быть уничтожена, эта же радость ничѣмъ не можетъ быть уничтожена, потому что она всегда въ нашей власти.

3.

Если бы какое-нибудь божество предложило намъ, людямъ, совершенно убрать изъ нашей жизни всякую горестъ со всѣми

поводами къ ней, то на первый разъ мы впали бы навѣрное въ великое искушеніе принять предложеніе. Когда давить тяжелая работа и нужда, когда боль сверлитъ, когда тревога сжимаетъ сердце, то чувство у насъ такое, что не можетъ быть ничего лучше жизни безъ труда, въ покоѣ, обезпеченности, достаткѣ и мирѣ. Но я думаю, что, испытавши такую жизнь, мы скоро попросили бы это божество вернуть намъ нашу прежнюю жизнь со всѣми ея трудами, нуждой, горестями и опасеніями. Жизнь совершенно безъ горестей и страховъ скоро показалась бы намъ не только не интересной, но и несносной. Вѣдь вмѣстѣ съ причинами горестей изъ жизни исчезли бы и всѣ опасности и препятствія и неудачи, а съ ними и напряженіе силъ, и рвеніе, и возбужденіе отъ риска, и напряженіе въ борьбѣ, и ликование при побѣдѣ. Осталось бы только безпрепятственное исполненіе замысла, удача безъ противодѣйствія. Намъ скоро надоѣло бы это, какъ игра, въ которой мы напередъ знаемъ, что всякій разъ выиграемъ.

Фр. Паульсенъ.

II.

Страданія вызываютъ въ человѣкѣ духовную жизнь.

1.

Человѣкъ—это духъ Божій въ тѣлѣ.

Въ началѣ жизни человѣкъ не знаетъ этого и думаетъ, что жизнь его въ его тѣлѣ. Но чѣмъ больше онъ живетъ, тѣмъ больше онъ узнаетъ, что настоящая его жизнь—въ духѣ, а не въ тѣлѣ. Вся жизнь человѣка въ томъ, чтобы все больше и больше узнавать это. Знаніе же дается намъ легче и вѣрнѣе всего страданіями тѣла, такъ что именно страданія тѣла дѣлаютъ жизнь нашу такою, какою она должна быть: духовною.

2.

Ростъ физическій,—это только приготовленіе запасовъ для роста духовнаго, который начинается при увяданіи тѣла.

3.

Человѣкъ живетъ для тѣла и говоритъ: все скверно; человекъ живетъ для души и говоритъ: неправда, все прекрасно. То, что ты называешь сквернымъ, это то самое точило, безъ котораго затупилось, заржавѣло бы самое дорогое, что есть во мнѣ: моя душа.

4.

Всѣ бѣдствія—и всего человѣчества и отдѣльныхъ людей—ведутъ человѣчество и людей, хотя и окольнымъ путемъ, все къ той же одной цѣли, которая поставлена людямъ: къ все большему и большему проявленію духовнаго начала какъ каждаго человѣкомъ въ себѣ, такъ и во всемъ человѣчествѣ.

5.

«Ибо Я сошелъ съ небесъ не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшаго Меня Отца; воля же пославшаго Меня Отца есть та, чтобы изъ того, что Онъ Мнѣ далъ, ничего не погубить», сказано у Іоанна (VI, 38—39), то-есть сохранить, возрастить въ себѣ, довести до высшей возможной степени ту искру божественности, которая дана, поручена мнѣ, какъ дитя нянѣ. Что же нужно для того, чтобы исполнить это? Не удовлетвореніе похоти, не людская слава, не спокойная жизнь, а, напротивъ, воздержаніе, смиреніе, трудъ, борьба, лишенія, страданія, униженія, гоненія, то самое, что сказано много разъ въ Евангеліи. И вотъ это самое, то, что нужно намъ, то и посылается намъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, и въ малыхъ, и въ большихъ размѣрахъ. Только бы мы умѣли принимать это, какъ слѣдуетъ, какъ нужную намъ, а потому радостную работу, а не какъ нѣчто досадное, нару-

шающее то наше животное существованіе, которое мы считаемъ жизнью и усиленіе котораго считаемъ благомъ!

6.

«Если бы человѣкъ и могъ не бояться смерти и не думать о ней,—однихъ страданій, ужасныхъ, безцѣльныхъ, ничѣмъ не оправдываемыхъ и никогда не отвратимыхъ страданій, которымъ онъ подвергается, было бы достаточно для того, чтобы разрушить всякій разумный смыслъ, приписываемый жизни», говорятъ люди.

Я занятъ добрымъ, несомнѣнно полезнымъ для другихъ дѣломъ, и вдругъ меня схватываетъ болѣзнь, обрываетъ мое дѣло и томить и мучить безъ всякаго толка и смысла. Перержавѣлъ винтъ въ рельсахъ, и нужно, чтобы въ тотъ самый день, когда онъ выскочилъ, въ этомъ поѣздѣ, въ этомъ вагонѣ ѣхала добрая женщина-мать, и нужно, чтобы раздавило на ея глазахъ ея дѣтей. Проваливается отъ землетрясенія именно то мѣсто, на которомъ стоитъ Лиссабонъ или Вѣрный, и зарываются живыми въ землю и умираютъ въ страшныхъ страданіяхъ ничѣмъ невиноватые люди. Зачѣмъ, за что эти и тысячи другихъ безсмысленныхъ, ужасныхъ случайностей, страданій, поражающихъ людей? Какой это имѣетъ смыслъ?

Отвѣтъ на это тотъ, что разсужденія эти совершенно справедливы для людей, не признающихъ духовной жизни. И для такихъ людей жизнь человѣческая дѣйствительно не имѣетъ никакого значенія. Но дѣло въ томъ, что жизнь людей, не признающихъ духовной жизни, не можетъ не быть безсмысленна и бѣдственна. Вѣдь если бы только люди, не признающіе духовной жизни, дѣлали тѣ выводы, которые неизбежно слѣдуютъ изъ одного тѣлеснаго міросозерцанія, то люди, понимающіе свою жизнь только какъ личное, тѣлесное существованіе, ни минуты не оставались бы жить. Вѣдь ни одинъ работникъ не сталъ бы жить у хозяина, который, нанимая работника, выговорилъ бы себѣ право всякій разъ, какъ это ему вздумается, жарить этого работника живымъ на медлен-

номъ огнѣ, или съ живого сдирать кожу, или вытягивать жилы и вообще дѣлать всѣ ужасы, которые онъ на глазахъ нанимающагося, безъ всякаго объясненія и причины, продѣлываетъ надъ своими работниками. Если бы люди дѣйствительно вполнѣ понимали жизнь такъ, какъ они говорятъ, что понимаютъ ее, то-есть только какъ тѣлесное существованіе, то ни одинъ отъ одного страха всѣхъ тѣхъ мучительныхъ и ничѣмъ необъяснимыхъ страданій, которыя онъ видитъ вокругъ себя и которымъ онъ можетъ подпасть всякую секунду, не остался бы жить на свѣтѣ.

А люди живутъ, жалуются, плачутся на страданія и продолжаютъ жить.

Объясненія этого страннаго противорѣчія только одно: люди всѣ въ глубинѣ души знаютъ, что жизнь ихъ не въ тѣлѣ, а въ духѣ, и что всякія страданія всегда нужны, необходимы для блага духовной жизни. Когда люди, не видя смысла въ человѣческой жизни, возмущаются противъ страданій, но все-таки продолжаютъ жить, то происходитъ это только оттого, что они умомъ утверждаютъ тѣлесность жизни, въ глубинѣ же души знаютъ, что она духовна и что никакія страданія не могутъ лишить человѣка его истиннаго блага.

III.

Страданія научаютъ человѣка разумному отношенію къ жизни.

1.

Все то, что мы называемъ зломъ, всякое горе, если только мы признаемъ его, какъ должно, улучшаетъ нашу душу. А въ этомъ улучшеніи все дѣло жизни.

«Истинно, истинно говорю вамъ: вы восплачете и возрыдаете, а міръ возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша въ радость будетъ. Женщина, когда рождаетъ, терпитъ

скорбь, потому что пришелъ часъ ея; но когда родить младенца, уже не помнить скорби отъ радости, потому что родился человекъ въ міръ» (Іоан. XVI, 20—21).

2.

Страданія жизни неразумной приводятъ къ сознанію необходимости разумной жизни.

3.

Какъ только мракъ ночи открываетъ небесныя свѣтила, такъ только страданія открываютъ истинное значеніе жизни.

Т о р о.

4.

Внѣшнія препятствія не дѣлаютъ вреда человеку сильному духомъ, ибо вредъ есть все то, что обезображиваетъ или ослабляетъ, — какъ бываетъ съ животными, которыхъ препятствія или озлобляютъ или ослабляютъ; человеку же, встрѣчающему ихъ съ тою силою духа, которая ему дана, всякое препятствіе только прибавляетъ нравственной красоты и силы.

Маркъ Аврелій.

5.

Тотъ, кто молодъ и мало испыталъ, не знаетъ того, что узнаютъ старые люди опытомъ, — не знаетъ того, что все, что намъ непріятно, тяжело, что все, что называется горемъ, все это настоящее добро, что все это только испытаніе, проверка того, насколько мы тверды въ томъ, что знаемъ и исповѣдуемъ. А если мы не тверды, то эти испытанія нужны намъ для того, чтобы сдѣлать насъ твердыми.

6.

Только испытавъ страданія, узналъ я близкое сродство человеческихъ душъ между собою. Стоитъ только хорошенько выстрадаться самому, какъ уже всѣ страдающіе становятся тебѣ

понятны. Этого мало,—самый умъ проясняется: дотолѣ скрытыя положенія и поприща людей становятся тебѣ извѣстны, и дѣлается видно, что кому потребно. Великъ Богъ, насъ умудряющій. И чѣмъ же умудряющій? Тѣмъ самымъ горемъ, отъ котораго мы бѣжимъ и хотимъ скрыться. Страданіями и горемъ опредѣлено намъ добывать крупицы мудрости, не приобрѣтаемой въ книгахъ.

Гоголь.

7.

Если бы Богъ давалъ намъ такихъ наставниковъ, о которыхъ мы знали бы достовѣрно, что они посланы Самимъ Богомъ, то мы вѣдь повиновались бы имъ свободно и радостно.

Мы и имѣемъ такихъ наставниковъ: это нужда и вообще всѣ несчастные случаи жизни.

Паскаль.

8.

Всякому созданію полезно не только все то, что посылается ему Провидѣніемъ, но и въ то самое время, когда оно посылается.

Маркъ Аврелій.

9.

Человѣкъ, не сознающій благодѣтельности страданій, еще не начиналъ жить разумной, то-есть истинной, жизнью.

10.

Я молюсь Богу о томъ, чтобы Онъ избавилъ меня отъ того страданія, которое меня мучить. А страданіе это послано мнѣ Богомъ для того, чтобы избавить меня отъ зла. Хозяинъ стегаетъ кнутомъ скотину, чтобы выпнать ее изъ горящаго двора и спасти ее, а скотина молится о томъ, чтобы ея не стегали.

11.

То, что мы считаемъ для себя зломъ, есть большею частью непонятое еще нами добро.

IV.

Болѣзни не препятствуютъ, а способствуютъ истинной жизни.

1.

Жизнь только въ томъ, чтобы изъ своего животнаго дѣлать все болѣе и болѣе духовное. А для этого нужно то, что мы называемъ зломъ. Только на томъ, что мы называемъ зломъ, на горестяхъ, болѣзняхъ, страданіяхъ мы учимся передѣлывать свое животное я въ духовное.

Изъ одного того, что мы всѣ знаемъ, какъ слабы и часто плохи бываютъ люди, которымъ въ жизни все удается, которые всегда здоровы, богаты, не знаютъ обидъ и униженій, видно, какъ необходимо нужны человѣку испытанія. А мы жалуемся, когда намъ приходится переносить ихъ.

2.

Мы говоримъ, что страданія—зло, а если бы не было страданій, человѣкъ не зналъ бы, гдѣ кончается онъ и гдѣ начинается то, что не онъ.

3.

Когда мы чувствуемъ себя всего слабѣе тѣломъ, мы можемъ быть всего сильнѣе духомъ.

Люси Малори.

4.

Нѣтъ такой болѣзни, которая мѣшала бы исполнять долгъ человѣка. Не можешь служить людямъ трудами, служи примѣромъ любовнаго терпѣнія.

5.

Болѣзнь нападаетъ на всякаго человѣка, и ему надо стараться не о томъ, какъ вылѣчить себя отъ болѣзни, а какъ наилучшимъ образомъ прожить въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находится.

6.

Есть разсказъ о томъ, что человѣкъ за грѣхи былъ наказанъ тѣмъ, что не могъ умереть. Можно смѣло сказать, что если бы человѣкъ былъ наказанъ тѣмъ, что не могъ бы страдать, то наказаніе это было бы такое же тяжелое.

7.

Нехорошо скрывать отъ больного то, что онъ можетъ умереть отъ своей болѣзни. Надо, напротивъ, напоминать ему объ этомъ. Скрывая это отъ него, мы лишаемъ его того блага, которое даетъ ему болѣзнь, вызывая въ немъ сознаніемъ близости смерти усиленіе сознанія духовной жизни.

8.

Огонь и разрушаетъ и грѣтъ. Такъ же и болѣзнь. Когда здоровый стараешься жить хорошо, то дѣлаешь это съ усиліемъ. Въ болѣзни же сразу облегчается вся эта тяжесть мірскихъ соблазновъ, и сразу дѣлается легко, и становится даже страшно думать, какъ это знаешь по опыту, что какъ только пройдетъ болѣзнь, тяжесть эта со всей силой опять наляжетъ на тебя.

9.

Чѣмъ хуже становится человѣку тѣлесно, тѣмъ лучше ему становится духовно. И потому человѣку не можетъ быть дурно. Духовное и тѣлесное—это какъ два конца коромысла вѣсовъ: чѣмъ тяжелѣе тѣлесное, тѣмъ выше поднимается конецъ духовный, тѣмъ лучше душѣ, и наоборотъ.

10.

«Дряхлость, впаденіе въ дѣтство есть уничтоженіе сознанія и жизни человѣка», говорятъ люди.

Я представляю себѣ, по преданію, Іоанна Богослова, впа-

шаго отъ старости въ дѣтство. Онъ, по преданію, говорилъ только: братья, любите другъ друга!

Чуть двигающійся столѣтній старичокъ, съ слезящимися глазами, шамкаетъ только одни и одни три слова: любите другъ друга! Въ такомъ человѣкѣ существованіе животное чуть брезжится, оно все съѣдено новымъ отношеніемъ къ міру, новымъ живымъ существомъ, не умѣщающимся уже въ существованіи плотскаго человѣка.

Для человѣка, понимающаго жизнь въ томъ, въ чемъ она дѣйствительно есть, говорить объ умаленіи своей жизни при болѣзняхъ и старости и сокрушаться объ этомъ, все равно, что человѣку, подходящему къ свѣту, сокрушаться объ уменьшеніи своей тѣни по мѣрѣ приближенія къ свѣту.

V.

То, что мы называемъ зломъ, это наши ошибки.

1.

Если съ нами случается непріятное, то мы чаще всего обвиняемъ въ этомъ другихъ или судьбу. А не думаемъ того, что если люди или судьба могутъ сдѣлать намъ что-нибудь дурное, то это значитъ, что что-нибудь въ насъ не въ порядкѣ. Тому, кто живетъ для души, никто и ничто не можетъ сдѣлать ничего худого: и гоненія, и обиды, и бѣдность, и болѣзни ничто для такого человѣка.

По Эпиктету.

2.

Особенно мучительно переносить страданія тотъ человѣкъ, который, отдѣливъ себя отъ жизни міра, не видитъ тѣхъ своихъ грѣховъ, которыми онъ вносилъ страданія въ міръ, и потому считаетъ себя не виноватымъ.

3.

Зло только внутри насъ, то-есть тамъ, откуда его можно вынуть.

4.

Часто поверхностный человѣкъ, задумываясь надъ несчастіями, которыя такъ сильно угнетаютъ человѣческій родъ, теряетъ надежду на возможность улучшенія жизни и испытываетъ недовольство Провидѣніемъ, управляющимъ міровымъ порядкомъ. Въ этомъ большая ошибка. Быть довольнымъ Провидѣніемъ (хотя бы оно предназначило намъ сейчасъ въ нашей земной жизни самый трудный путь) въ высшей степени важно и для того, чтобы не терять среди тягостной жизни мужества, и, главное, для того, чтобы, не сваливая вину на судьбу, не упускать изъ виду нашей собственной вины, которая и есть единственная причина всѣхъ золъ.

По Кянту

5.

Безнадежно положеніе того, кто въ своихъ невзгодахъ упрекаетъ не себя, а судьбу, утверждая этимъ свое самодовольство.

«Мы были бы добры и кротки, если бы насъ не раздражали; мы были бы набожны, если бы не были такъ заняты. Я былъ бы терпѣливъ, если бы былъ здоровъ; я бы удивилъ міръ, если бы я имѣлъ извѣстность».

Если мы не можемъ сдѣлать добрымъ, святымъ то положеніе, въ которомъ мы находимся, то мы никакое положеніе не сдѣлаемъ добрымъ и святымъ.

Затрудненія нашего положенія даны намъ для того, чтобы мы сгладили, уничтожили ихъ своей добротой и твердостью; мрачность нашего положенія дана намъ для того, чтобы мы освѣтили ее божественнымъ свѣтомъ внутренней духовной работы; горести—для того, чтобы мы терпѣливо и довѣрчиво переносили ихъ; опасности—для того, чтобы мы проявили наше мужество; искушенія—для того, чтобы мы побѣдили ихъ нашей вѣрой.

Мартино.

6.

Человѣкъ можетъ избѣгать тѣхъ несчастій, которыя посылаются ему Богомъ, но отъ тѣхъ несчастій, которыя онъ самъ себѣ дѣлаетъ дурной жизнью, нѣтъ спасенія.

VI.

Сознаніе благотворности страданій уничтожаетъ ихъ тяжесть.

1.

Что дѣлать, когда все насъ оставляетъ: здоровье, радость, привязанность, свѣжесть чувства, память, способность къ труду, когда намъ кажется, что солнце холодѣетъ, а жизнь какъ будто теряетъ всѣ свои прелести? Какъ быть, когда нѣтъ никакой надежды? Одурманиваться или каменѣть? Отвѣтъ всегда одинъ: жить духовной жизнью, не переставая расти. Будь, что будетъ, если чувствуешь спокойствіе совѣсти, если чувствуешь, что дѣлаешь то, чего требуетъ отъ тебя твоя духовная сущность. Будь тѣмъ, чѣмъ ты долженъ быть,—остальное дѣло Божіе. И если бы даже не было Бога, святого и добраго, жизнь духовная была бы все-таки разгадкой тайны и полярной звѣздой для движущагося человѣчества, потому что она одна даетъ истинное благо.

Амиель.

2.

Ищи въ страданіяхъ значенія ихъ для твоего душевнаго роста, и уничтожится горестъ страданія.

3.

Только знай и вѣрь, что все, что случается съ тобой, ведетъ тебя къ твоему истинному духовному благу, и ты будешь встрѣчать болѣзни, бѣдность, позоръ,—все то, что считается людьми бѣдствіями,—не какъ бѣдствія, а какъ то, что нужно для твоего блага, какъ земледѣлецъ принимаетъ нужный для его поля дождь, измочившій его, какъ больной принимаетъ горькое лѣкарство.

4.

Вспомни, что отличительное свойство разумнаго существа есть свободное подчиненіе своей судьбѣ, а не постыдная борьба съ нею, свойственная животнымъ.

Маркъ Аврелій.

5.

То самое, что огорчаетъ насъ и кажется намъ тѣмъ, что мѣшаетъ намъ исполнить наше дѣло жизни, то самое и есть наше дѣло жизни. Тебя мучать бѣдность, болѣзнь, клевета, униженіе. Стоитъ тебѣ только пожалѣть себя, и ты почувствуешь себя несчастнѣйшимъ изъ несчастныхъ. Но стоитъ только понять то, что дѣло жизни, которое ты призванъ дѣлать, состоитъ именно въ томъ, чтобы въ бѣдности, болѣзни, униженіи прожить наилучшимъ образомъ, и тотчасъ же вмѣсто унынія и отчаянія ты почувствуешь бодрость и увѣренность.

6.

У каждаго свой крестъ, свое иго, не въ смыслѣ тягости, а въ смыслѣ назначенія жизни, и если мы смотримъ на крестъ не какъ на тягость, а какъ на назначеніе жизни, то намъ легко его нести; намъ легко нести его, когда мы кротки, покорны, смиренны сердцемъ. А еще легче, когда мы отрекаемся отъ себя; а еще легче, когда мы несемъ крестъ этотъ на каждый часъ, какъ учить Христосъ; а еще и еще легче, если мы забываемъ себя въ работѣ духовной, какъ люди забываютъ себя въ работахъ мірскихъ. Крестъ, посланный намъ, это то, надъ чѣмъ намъ надо работать. Вся жизнь наша эта работа. Если крестъ — болѣзнь, то нести ее съ покорностью; если обида отъ людей, то умѣть воздавать добромъ за зло; если униженіе, то смириться; если смерть, то съ благодарностью принять ее.

7.

Чѣмъ больше отталкиваешь свой крестъ, тѣмъ онъ становится тяжелѣе.

Амиель.

8.

Несомнѣнно важнѣе, какъ принимаетъ человѣкъ судьбу, нежели какова она на самомъ дѣлѣ.

Гумбольдтъ.

9.

Никакое горе такъ не велико, какъ страхъ передъ нимъ.

Гокке.

10.

Вмѣсто того, чтобы везти, когда она запряжена, поровистая лошадь изобьется, измучится, ей исхлещутъ бока, а она все-таки повезетъ. То же бываетъ и съ человѣкомъ, если онъ не хочетъ нести горести, какъ испытанія, а считаетъ ихъ ненужнымъ зломъ и кобенится противъ нихъ.

11.

Если у тебя есть врагъ и ты сумѣешь воспользоваться имъ такъ, чтобы выучиться на немъ любить враговъ, такъ то самое, что ты считаешь зломъ, сдѣлается для тебя великимъ благомъ.

12.

Болѣзнь, лишеніе члена, жестокое разочарованіе, потеря имущества, потеря друзей кажутся въ первое время невозвратимой потерей. Но года проявляютъ глубокую врачебную силу, которая лежитъ въ этихъ потеряхъ.

Эмерсонъ.

13.

Когда чувствуешь себя несчастнымъ, вспомни о несчастіяхъ другихъ и о томъ, что могло бы быть еще хуже. Вспомни еще, чѣмъ ты виноватъ былъ прежде и теперь виноватъ; а самое главное, помни то, что то, что ты называешь несчастіемъ, есть то, что послано тебѣ для твоего испытанія, для того, чтобы ты выучился покорно и любовно переносить несчастіе, для того, чтобы ты, благодаря этому несчастію, сталъ лучше. А въ томъ, чтобы становиться лучше, все дѣло твоей жизни.

14.

Въ тяжелыя времена болѣзней, потерь и всякихъ горестей нужнѣе, чѣмъ во всякое другое время, молитва,—не просьба объ избавленіи, а признаніе своей зависимости отъ высшей воли. «Не моя воля да будетъ, но Твоя, и не то, что я хочу, а то, что Ты хочешь, и не такъ, какъ я хочу, а какъ Ты хочешь. Мое же дѣло въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ Ты поставилъ меня исполнять Твою волю». Въ тяжелыя времена нужнѣе всего помнить, что когда трудно, то это самое трудное и есть то, что задано мнѣ, что это и есть тотъ случай, который не повторится, въ которомъ я могу показать, что я точно хочу дѣлать не свою, а Его волю.

15.

Все великое совершается въ человѣчествѣ лишь при условіи страданія. Иисусъ зналъ, что этого надо было ожидать и Ему, и Онъ все предвидѣлъ: и ненависть тѣхъ, власть которыхъ Онъ пришелъ разрушить, и ихъ тайные заговоры, и ихъ насилія, и неблагодарную измѣну того народа, котораго болѣзнь Онъ излѣчивалъ, питая Его небеснымъ хлѣбомъ Своего слова; Онъ предвидѣлъ и крестъ, и смерть, и оставленіе своими, еще болѣе горестное, чѣмъ самая смерть. И мысль эта не покидаетъ Его, но это ни на минуту не останавливаетъ Его. Если тѣлесная природа Его отталкиваетъ «чашу сію», воля болѣе сильная принимаетъ ее безъ колебанія. И въ этомъ Онъ даетъ всѣмъ тѣмъ, кто продолжить Его дѣло, всѣмъ тѣмъ, кто, какъ Онъ, придетъ трудиться для спасенія людей, для освобожденія ихъ отъ бремени заблужденія и зла,—даетъ имъ примѣръ, который долженъ быть всегда памятенъ. Если люди хотятъ достичь цѣли, къ которой ведетъ Христосъ, надо, чтобы и они шли тѣмъ же путемъ. Только этой цѣной люди служатъ людямъ. Вы хотите, чтобы люди были истинно братьями, вы призываете ихъ къ законамъ ихъ общей природы, вы боретесь противъ всякаго притѣсненія, всякаго беззаконія, всякаго лицемѣрія; вы призываете на землю царство справедли-

вості, долга, правды, любви,—какъ же могутъ тѣ, которыхъ сила основана на противномъ, не подняться противъ васъ! Развѣ они могутъ безъ борьбы оставить васъ разрушать ихъ храмъ и строить другой, не такой, какъ ихъ,—уже не дѣло рукъ человѣческихъ,—но вѣчный храмъ, основы котораго — истина?

Оставьте эту надежду, если когда-либо вы и были такъ легкомысленны, что имѣли ее. Вы выпьете чашу до послѣдней капли. Васъ возьмутъ, какъ воровъ; противъ васъ будутъ искать ложныхъ свидѣтельствъ, а на то, которое вы сами о себѣ дадите, подыметъ крикъ: онъ богохульствуетъ! И судьи скажутъ: онъ достоинъ смерти. Когда это случится, радуйтесь: это послѣднее знаменіе, — знаменіе того, что вы сдѣлали настоящее, нужное дѣло.

Ла менэ.

VII.

Страданія не могутъ препятствовать исполненію воли Бога.

1.

Человѣкъ никогда не бываетъ ближе къ Богу, какъ когда онъ бываетъ въ бѣдѣ. Пользуйся этимъ, чтобы не потерять этого случая сближенія съ тѣмъ, что одно даетъ неизмѣнное благо.

2.

Какъ хороша старинная поговорка о томъ, что Богъ посылаетъ страданія тому, кого любить! Для того, кто вѣритъ въ это, страданіе не страданіе, а благо.

3.

Разумный, дожившій до глубокой старости человѣкъ, чувствуя, что онъ теперь не можетъ сдѣлать тѣлесными силами и сотою доли того, что онъ дѣлалъ въ 30 лѣтъ, такъ же мало

огорчается этимъ, такъ же мало замѣчаетъ это, какъ онъ, будучи 30 лѣтъ, не огорчался и не замѣчалъ того, что онъ уже не можетъ дѣлать того, что дѣлалъ въ дѣтствѣ. Онъ знаетъ одно, что все его здоровое или больное, сильное или чуть двигающееся тѣло, какъ тогда, такъ и теперь, затѣмъ только и существуетъ, чтобы служить Богу. Богу же служить, онъ знаетъ, совершенно одинаково можно, поднимая 12 пудовъ одной рукой или имѣя силу только кивнуть головой. Онъ знаетъ теперь, что только для служенія своему тѣлу нужно больше здоровья, силы, а для служенія Богу не только не нужно тѣлесной силы, но, напротивъ, слабость тѣла только поощряетъ это служеніе.

Только перенеси человѣкъ смыслъ своей жизни изъ достиженія внѣшнихъ благъ въ служеніе Отцу, и нѣтъ уже для такого человѣка разницы между тѣмъ, что въ мірской жизни называется счастіемъ или несчастіемъ.

4.

Только скажи себѣ, что во всемъ, что случается, воля Бога, и вѣрь, что воля Бога всегда добро, и ты ничего не будешь бояться, и жизнь для тебя всегда будетъ благомъ.

XXVIII.

С м е р т ь.

Если человѣкъ полагаетъ жизнь въ тѣлѣ, то жизнь его кончается со смертию тѣла. Если же человѣкъ полагаетъ жизнь въ духѣ, то онъ не можетъ даже представить себѣ конца своей жизни.

I.

Жизнь человѣка не прекращается со смертию его тѣла.

1.

Вся жизнь человѣческая, отъ рожденія и до смерти, похожа на одинъ день жизни отъ пробужденія и до засыпанія.

Вспомни, какъ послѣ крѣпкаго сна просыпаешься поутру, какъ сначала не узнаешь мѣста, гдѣ ты, не понимаешь, кто стоитъ подлѣ тебя, кто будитъ тебя, и тебѣ не хочется вставать, кажется, что силъ нѣтъ. Но вотъ понемногу опоминаешься, начинаешь понимать, кто ты и гдѣ ты, разгуливаешься, начинаютъ въ головѣ ходить мысли, встаешь и берешься за дѣла. То же самое или совсѣмъ похожее на это бываетъ съ человѣкомъ, когда онъ рождается и понемногу вступаетъ въ жизнь, входитъ въ силу и разумъ и начинаетъ работать.

Разница только въ томъ, что когда человѣкъ спитъ и про-

буждается, то все это дѣлается накороткѣ и въ одно утро, а когда человѣкъ рождается и возрастаетъ, то это дѣлается мѣсяцами, годами.

Похожа и дальше жизнь одного дня на всю жизнь человѣческую. Проснувшись, человѣкъ работаетъ, хлопочетъ и что дальше день, то онъ становится все бодрѣе и бодрѣе, но дойдетъ дѣло до полдня—и чувствуетъ человѣкъ уже не такую бодрость, какъ съ утра. А къ вечеру и еще больше устаетъ, и хочется уже отдохнуть. Совсѣмъ то же и во всей жизни.

Въ молодости бодрится, весело живетъ человѣкъ, но въ серединѣ жизни уже нѣтъ той бодрости, а къ старости уже чувствуется усталость и все больше и больше хочется отдыха. И какъ послѣ дня приходитъ ночь, и ложится человѣкъ, и начинаютъ въ головѣ его мѣшаться мысли, и онъ, засыпая, уходитъ куда-то и не чуетъ уже самъ себя, — то же и съ человѣкомъ, когда онъ умираетъ.

Такъ что пробужденіе человѣка, это—маленькое рожденіе, день отъ утра до ночи—маленькая жизнь, а сонъ—маленькая смерть.

2.

Мы знаемъ, что когда гремитъ громъ, то молнія уже ударила, и потому громъ не можетъ убить, а все-таки мы всегда вздрагиваемъ отъ громоваго удара. То же и съ смертію.

Не разумѣющему смыслъ жизни человѣку кажется, что со смертію погибаетъ все, и онъ такъ боится ея и прячется отъ нея, какъ глупый человѣкъ прячется отъ громоваго удара, тогда какъ ударъ этотъ уже никакъ не можетъ убить его.

3.

Оттого, что одинъ человѣкъ тихо шелъ отъ того мѣста, съ котораго я вижу, до того, гдѣ мнѣ ужъ болѣе не видно его, а другой прошелъ это мѣсто скоро, не стану же я думать, что тотъ, кто шелъ медленно, тотъ больше живетъ, чѣмъ тотъ, кто шелъ скоро. Я только одно знаю,—знаю то, что если я видѣлъ, какъ человѣкъ, скоро ли или тихо—все равно, про-

шелъ мимо окна,—я знаю, что и тотъ и другой были до того времени, когда я увидалъ ихъ, и будутъ и послѣ того. То же и съ жизнью людей, короткую или длинную жизнь которыхъ я зналъ передъ ихъ смертью.

4.

Вѣру въ безсмертіе нельзя принять отъ кого-нибудь, нельзя себя заставить вѣрить въ безсмертіе. Чтобы была вѣра въ безсмертіе, надо понимать свою жизнь въ томъ, въ чемъ она безсмертна.

5.

Смерть, это—измѣненіе той оболочки, съ которой соединенъ нашъ духъ. Не надо смѣшивать оболочку съ тѣмъ, что вложено въ нее.

6.

Помни, что ты не стоишь, а проходишь, что ты не въ домѣ, а въ поѣздѣ, который везетъ тебя къ смерти. Помни, что тѣло твое только проживаетъ или доживаетъ, а только одинъ духъ въ тебѣ живетъ.

7.

Хотя я не могу ясно доказать этого, я все-таки знаю, что то разумное и свободное, нетѣлесное начало, которое живетъ во мнѣ, не можетъ умереть.

8.

Если бы я даже ошибался, полагая, что души безсмертны, я былъ бы счастливъ и доволенъ своей ошибкой; и пока я живу, ни одинъ человѣкъ не будетъ въ силахъ отнять у меня эту увѣренность. Увѣренность эта даетъ мнѣ спокойствіе и полное удовлетвореніе.

Цицеронъ.

II.

Жизнь истинная внѣ времени, и потому для истинной жизни нѣтъ будущаго.

1.

Смерть есть разрушеніе тѣхъ органовъ единенія съ міромъ, которые даютъ намъ представленіе о времени. И потому вопросъ о *будущемъ* не имѣетъ смысла по отношенію къ смерти.

2.

Время скрываетъ смерть. Какъ только живешь во времени, то не можешь представить себѣ его прекращеніе.

3.

Причина, почему представленіе о смерти не оказываетъ того дѣйствія, какое оно могло бы оказать, заключается въ томъ, что мы, по своей природѣ, въ качествѣ дѣятельныхъ существъ, по настоящему совсѣмъ не должны думать о смерти.

К а н т ъ.

4.

Вопросъ о томъ, есть ли загробная жизнь или нѣтъ ея, есть вопросъ о томъ, есть ли время произведеніе нашего ограниченного тѣломъ способа мышленія или необходимое условіе всего существующаго?

То, что время не можетъ быть необходимымъ условіемъ всего существующаго, доказывается тѣмъ, что мы сознаемъ въ себѣ нѣчто не подлежащее времени: свою жизнь въ настоящемъ. И потому вопросъ о томъ, есть ли или нѣтъ загробная жизнь, есть, собственно, вопросъ о томъ, что изъ двухъ реально: наше представленіе о времени или сознаніе нашей жизни въ настоящемъ.

Если человекъ полагаетъ свою жизнь въ настоящемъ, то для него не можетъ быть вопроса объ его жизни въ будущемъ.

III.

Смерть не можетъ быть страшна человеку, живущему духовной жизнью.

1.

Смерть такъ легко избавляетъ отъ всѣхъ затрудненій и бѣдствій, что невѣрующіе въ безсмертіе люди должны бы желать ея. Люди же, вѣрующіе въ безсмертіе, ожидающіе новой жизни, еще больше должны бы желать ее. Отчего же большинство людей не желаетъ ея? А оттого, что большинство людей живетъ тѣлесной, а не духовной жизнью.

2.

Страданія и смерть представляются человеку зломъ только тогда, когда онъ законъ своего плотскаго, животнаго существованія принимаетъ за законъ своей жизни. Только когда онъ, будучи человекомъ, спускается на степень животнаго, только тогда для него становятся страшны страданія и смерть. И страданія и смерть, какъ пугала, со всѣхъ сторонъ ухажютъ на него и загоняютъ на одну открытую ему дорожку человеческой жизни, подчиненной закону разума и выражающейся въ любви. Страданія и смерть есть только нарушение человекомъ закона своей жизни. Если бы человекъ жилъ вполнѣ духовной жизнью, для него не было бы ни страданій, ни смерти.

3.

Вотъ толпа людей въ цѣпяхъ. Всѣ они приговорены къ смерти, и каждый день нѣкоторыхъ изъ нихъ убиваютъ на

глазахъ у другихъ. Тѣ же, которые остаются, видятъ эти убійства, ожидаютъ своей очереди и ужасаются. Такова жизнь для людей, если они не понимаютъ смысла своей жизни. Если же человѣкъ понимаетъ то, что въ немъ живетъ Духъ Божій и онъ можетъ соединиться съ нимъ, то для такого человѣка нѣтъ смерти и потому не можетъ быть страха ея.

4.

Бояться смерти—все равно, что бояться привидѣній, бояться того, чего нѣтъ.

5.

Я люблю свой садъ, люблю читать книжку, люблю ласкать дѣтей. Умирая, я лишаюсь этого, и потому мнѣ не хочется умирать, и я боюсь смерти.

Можетъ случиться, что вся моя жизнь составлена изъ такихъ мірскихъ желаній и ихъ удовлетворенія. Если такъ, то мнѣ нельзя не бояться того, что прекращаетъ радости отъ удовлетворенія такихъ желаній. Но если эти желанія измѣнились во мнѣ и замѣнились другимъ желаніемъ — исполнять волю Бога, отдаться Ему въ томъ видѣ, въ которомъ я теперь, и во всѣхъ возможныхъ видахъ, въ которыхъ могу быть, то чѣмъ больше замѣнились мои тѣлесныя желанія духовными, тѣмъ менѣе страшна становилась мнѣ смерть. Если же совсѣмъ замѣнятся мои мірскія желанія однимъ желаніемъ — отдаться Богу, то и нѣтъ для меня ничего, кромѣ жизни, нѣтъ смерти. Замѣнять мірское, временное, вѣчнымъ это—путь жизни и къ ея благу.

6.

Для человѣка, живущаго для души, разрушеніе тѣла есть только освобожденіе, страданія же—необходимыя условія этого освобожденія. Но каково же положеніе человѣка, полагающаго свою жизнь въ тѣлѣ, когда онъ видитъ, что то одно, чѣмъ онъ живетъ,—его тѣло, разрушается, да еще и съ страданіемъ?

7.

Животное умираетъ, не видя смерти и почти не страдая отъ страха ея. За что же человѣку дано видѣть ожидающій его конецъ, и почему онъ кажется ему такъ ужасенъ, что раздираетъ его душу иногда до того, что заставляетъ убивать себя отъ страха смерти? Не могу сказать, отчего это, но знаю для чего: для того, чтобы сознательный, разумный человѣкъ переносилъ свою жизнь изъ жизни тѣлесной въ жизнь духовную. Перенесеніе это не только уничтожаетъ страхъ смерти, но дѣлаетъ ожиданіе смерти чѣмъ-то подобнымъ чувству путника, возвращающагося домой.

8.

Жизнь не имѣетъ ничего общаго со смертью. Поэтому-то, вѣроятно, всегда и возрождается въ насъ нелѣпая надежда, затемняющая разумъ и заставляющая сомнѣваться въ вѣрности нашего знанія о неизбѣжности смерти. Тѣлесная жизнь стремится упорствовать въ бытіи. Она повторяетъ, какъ попугай въ баснѣ, даже въ минуту, когда его думать: «Это, это ничего!»

Аміль.

9.

Тѣло, это—стѣны, ограничивающія духъ и мѣшающія ему быть свободнымъ. Духъ, не переставая, старается раздвинуть эти стѣны, и вся жизнь разумнаго человѣка состоитъ въ движеніи этихъ стѣнъ, въ освобожденіи духа отъ плѣна тѣла. Смерть совсѣмъ освобождаетъ. И потому смерть не только не страшна, но радостна для человѣка, живущаго истинной жизнью.

10.

Человѣкъ, какъ животное, противится смерти, но, благодаря разуму, онъ всегда можетъ замѣнить это противленіе не только покорностью, но и согласіемъ.

11.

Если смерть страшна, то причина этого не въ ней, а въ насъ. Чѣмъ лучше человѣкъ, тѣмъ меньше онъ боится смерти. Для святого нѣтъ смерти.

12.

Ты боишься смерти, но подумай о томъ, что бы было съ тобой, если бы ты долженъ былъ вѣчно жить такимъ, какимъ ты есть?

13.

Такъ же неразумно желать смерти, какъ и бояться ея.

14.

Когда человѣка вылѣчили отъ смертельной болѣзни, и онъ опять живетъ, то это похоже на то, какъ когда возъ, которому надо ѣхать черезъ трясины, вытащили назадъ на эту же, а не на ту сторону. Черезъ трясины не миновать ѣхать.

15.

Разумная жизнь подобна человѣку, несущему далеко передъ собой фонарь, освѣщающій его путь. Такой человѣкъ никогда не доходитъ до конца освѣщеннаго мѣста, — освѣщенное мѣсто всегда идетъ впереди его. Такова разумная жизнь, и только при такой жизни нѣтъ смерти, потому что фонарь не переставая освѣщаетъ до послѣдней минуты, и уходишь за нимъ такъ же спокойно, какъ и во все продолженіе жизни.

IV.

Человѣкъ долженъ жить тѣмъ, что въ немъ
безсмертно.

1.

Сынъ живетъ въ отцовскомъ домѣ всегда, а поденщикъ только на время. И потому сынъ будетъ жить не такъ, какъ

поденщикъ, будетъ заботиться объ отцовскомъ домѣ, а не думать, какъ поденщикъ, только о томъ, чтобы получить свою плату. Если человѣкъ вѣрить, что жизнь его не кончается со смертію, то онъ будетъ жить, какъ сынъ въ домѣ отца. Если же жизнь только та, какая есть въ этомъ мірѣ, то онъ будетъ жить какъ поденщикъ, стараясь воспользоваться всѣмъ, что можно въ этой жизни.

И всякому человѣку надо прежде всего рѣшить вопросъ, сынъ ли онъ хозяина или поденщикъ, совсѣмъ или не совсѣмъ онъ умираетъ со смертію тѣла. Когда же человѣкъ пойметъ, что есть въ немъ то, что смертно, есть и то, что безсмертно, то ясно, что и заботиться онъ будетъ въ этой жизни больше о томъ, что безсмертно, чѣмъ о томъ, что смертно,—будетъ жить не какъ работникъ, а какъ хозяйскій сынъ.

2.

Вѣрить въ будущую жизнь можетъ только тотъ, кто установилъ въ своемъ сознаніи то новое отношеніе къ міру, которое не умѣщается въ этой жизни.

3.

Кончается ли наша жизнь съ тѣлесной смертію, это вопросъ самой большой важности, и нельзя не думать объ этомъ. Смотря по тому, вѣримъ мы или нѣтъ въ безсмертіе, и поступки наши будутъ разумны или безсмысленны.

Поэтому главная наша забота должна быть о томъ, чтобы рѣшить вопросъ, совсѣмъ или не совсѣмъ умираемъ мы въ плотской смерти, и если не совсѣмъ, то что именно въ насъ безсмертно. Когда же мы поймемъ, что есть въ насъ то, что смертно, и то, что безсмертно, то ясно, что и заботиться мы въ этой жизни должны больше о томъ, что безсмертно, чѣмъ о томъ, что смертно.

Голосъ, который говоритъ намъ; что мы безсмертны, есть голосъ живущаго въ насъ Бога.

По Паскалю.

4.

Опытъ учить насъ тому, что многіе люди, знакомые съ ученіемъ о загробной жизни и убѣжденные въ ея существованіи, тѣмъ не менѣе предаются порокамъ и совершаютъ пизкіе поступки, придумывая средства, какъ бы хитрѣе избѣжать грозящихъ имъ въ будущемъ послѣдствій ихъ поведенія. И въ то же время врядъ ли существовалъ когда-нибудь на землѣ хотя бы одинъ нравственный человѣкъ, который могъ бы примириться съ мыслью, что со смертію все кончается, и чей благородный образъ мыслей не возвысился бы до надежды на будущую жизнь. Поэтому мнѣ кажется болѣе соответствующимъ человѣческой природѣ и чистотѣ нравовъ обосновывать вѣру въ будущую жизнь на чувствахъ благородной души, чѣмъ, наоборотъ, основывать ея благородное поведеніе на надеждѣ на будущую жизнь.

К а н т ъ.

5.

Одно только мы знаемъ несомнѣнно, что насъ ждетъ смерть. «Подобна ласточкѣ, пролетѣвшей черезъ комнату, жизнь человѣка». Мы приходимъ невѣдомо откуда и уходимъ неизвѣстно куда. Непроницаемая тьма позади, густыя тѣни впереди. Какое значеніе будетъ имѣть для насъ, когда придетъ наше время, что мы ѣли вкусныя кушанья или не ѣли, носили мягкія одежды или не носили, оставили большое состояніе или не оставили никакого, пожинали лавры или были презираемы, считались учеными или невѣждами,—сравнительно съ тѣмъ, какъ мы употребили ввѣренный намъ Господиномъ талантъ.

Какую цѣну будетъ имѣть для насъ все это, когда потускнѣютъ наши глаза и сдѣлаются глухи наши уши. Спокойны въ тотъ часъ мы можемъ быть только тогда, когда, не переставая, не только берегли ввѣренный намъ талантъ духовной жизни, но увеличивали его до той степени, при которой уничтоженіе тѣла перестаетъ быть страшнымъ.

Г е н р и Д ж о р д ж ѣ.

6.

Изъ завѣщанія мексиканскаго царя:

«Все на землѣ имѣетъ свой предѣлъ, а самые могущественные и радостные падаютъ въ своемъ величїи и радости и повергаются въ прахъ. Весь земной шаръ—только большая могила, и нѣтъ ничего на его поверхности, что бы не скрылось въ могилѣ подъ землею. Воды, рѣки и потоки стремятся къ своему назначенію и не возвращаются къ своему счастливому источнику. Всѣ спѣшатъ впередъ, чтобы похоронить себя въ глубинѣ безконечнаго океана. Того, что было вчера, уже нѣтъ нынче; и того, что есть нынче, не будетъ уже завтра. Кладбище полно прахомъ тѣхъ, которые когда-то были одушевлены жизнью, были царями, управляли народами, предсѣдательствовали въ собранїяхъ, предводительствоваши войсками, завоевывали новыя страны, требовали себѣ поклоненія, раздувались тщеславіемъ, пышностью и властью.

Но слава прошла, какъ черный дымъ, выходящій изъ вулкана, и не оставила ничего, кромѣ упоминанія на страницѣ лѣтописца.

Великіе, мудрые, храбрые, прекрасные, — увы! — гдѣ они теперь? Всѣ они смѣшаны съ глиной, и то, что постигло ихъ, постигнетъ и насъ; постигнетъ и тѣхъ, которые будутъ послѣ насъ.

Но мужайтесь вы всѣ—и знаменитые начальники, и истинные друзья, и вѣрные подданные, — будемъ стремиться къ тому Небу, гдѣ все вѣчно и гдѣ нѣтъ ни гнѣнія ни уничтоженія.

Темнота — колыбель солнца, и для блеска звѣздъ нуженъ мракъ ночей».

Тетскуко Незагуаль Копотль.

(Около 1460 года до Р. Х.)

7.

Смерть неизбѣжна для всего рожденнаго такъ же, какъ и рожденіе неизбѣжно для всего смертнаго. Поэтому не должно сѣтовать на то, что неизбѣжно. Прежнее состояніе существъ неизвѣстно, среднее состояніе очевидно, будущее состояніе не

можетъ быть познано,—о чемъ же заботиться и беспокоиться? Нѣкоторые люди смотрятъ на душу, какъ на чудо, а другіе говорятъ и слушаютъ про нее съ удивленіемъ, но никто ничего не знаетъ про нее.

Дверь неба открыта для тебя ровно настолько, насколько тебѣ нужно. Освободись отъ заботъ и тревогъ и направь свою душу на духовное. Пусть твои поступки будутъ руководимы тобою, а не событіями. Не будь изъ тѣхъ, цѣль поступковъ которыхъ—награда. Будь внимателенъ, совершай свой долгъ, оставь мысль о послѣдствіяхъ, такъ чтобы тебѣ было все равно, кончится ли дѣло пріятно или непріятно для тебя.

Индійская Багавадъ Гита.

8.

Ты хочешь освобожденія отъ грѣховъ, и жизнь, ослабляя твое тѣло и его страсти, помогаетъ тебѣ. Отъ этого всегда безсознательно хочется впередъ—уйти изъ тѣла, изъ отдѣленности. Положи свою жизнь въ освобожденіи отъ грѣховъ,—и болѣзни, старость, всякія тѣлесныя невзгоды, смерть будутъ благомъ.

Ослабѣваешь, старѣешься, умираешь тѣломъ; духомъ же крѣпнешь, растешь, рождаешься.

9.

Мы здѣсь въ положеніи пассажировъ на какомъ-то большомъ кораблѣ, у капитана котораго есть неизвѣстный намъ списокъ, гдѣ и когда кого высадить. Пока же насъ не высаживаютъ, что же мы можемъ дѣлать другое, какъ только то, чтобы, исполняя законъ, установленный на кораблѣ, стараться въ мирѣ, согласіи и любви съ товарищами провести определенное намъ время.

10.

Неужели тебя страшитъ перемѣна? Вѣдь ничто не дѣлается безъ перемѣны. Нельзя согрѣть воды безъ того, чтобы не со-

вершилось превращенія съ дровами. Питаніе невозможно безъ измѣненія пищи. Вся мірская жизнь есть не что иное, какъ перемѣна. Пойми, что ожидающее тебя превращеніе имѣетъ тотъ же точно смыслъ, что оно также необходимо по самой природѣ вещей. Надо заботиться объ одномъ, какъ бы не сдѣлать чего-нибудь противнаго истинной природѣ человѣческой, надо поступать во всемъ, какъ и когда она укажетъ.

Маркъ Аврелій.

11.

Это ужасный міръ, если страданія въ немъ не производятъ добра. Это какое-то злое устройство, сдѣланное только для того, чтобы духовно и тѣлесно мучить людей. Если это такъ, то этотъ міръ, дѣлающій зло не для будущаго добра, но праздно, безцѣльно, такой міръ невыразимо безнравствененъ. Онъ какъ будто нарочно заманиваетъ людей только для того, чтобы они страдали. Онъ бьетъ насъ съ рожденія, подмѣшиваетъ горечь ко всякой чашѣ счастья и дѣлаетъ смерть всегда грозящимъ ужасомъ. И конечно, если нѣтъ Бога и безсмертія, то понятно высказываемое людьми отвращеніе къ жизни: оно вызывается въ нихъ существующимъ порядкомъ или, скорѣе, безпорядкомъ,—ужаснымъ нравственнымъ хаосомъ, какъ его слѣдуетъ назвать.

Но если только есть Богъ надъ нами и вѣчность передъ нами, то измѣняется все. Мы прозрѣваемъ добро въ злѣ, свѣтъ во мракѣ, и надежда прогоняетъ отчаяніе.

Какое же изъ двухъ предположеній вѣроятнѣе? Развѣ можно допустить, чтобы нравственные существа—люди—были поставлены въ необходимость справедливо проклинать существующій порядокъ міра, тогда какъ передъ ними выходъ, разрѣшающій ихъ противорѣчіе? Они должны проклинать міръ и день своего рожденія, если нѣтъ Бога и будущей жизни. Если же, напротивъ, есть и то и другое, жизнь сама по себѣ становится благомъ и міръ мѣстомъ нравственного совершенствованія и безконечнаго увеличенія счастья и святости.

По Эразму.

12.

Паскаль говорить, что если бы мы видѣли себя во снѣ постоянно въ одномъ и томъ же положеніи, а наяву—въ различныхъ, то мы считали бы сонъ за дѣйствительность, а дѣйствительность за сонъ... Это не совсѣмъ справедливо. Дѣйствительность отличается отъ сна тѣмъ, что въ дѣйствительной жизни мы обладаемъ нашей способностью поступать сообразно нашимъ нравственнымъ требованіямъ; во снѣ же мы часто знаемъ, что совершаемъ отвратительные и безнравственные поступки, не свойственные намъ, и не можемъ удержаться. Такъ скорѣе надо бы сказать, что если бы мы не знали жизни, въ которой мы были бы болѣе властны въ удовлетвореніи нравственныхъ требованій, чѣмъ во снѣ, то мы сонъ считали бы вполнѣ жизнью и никогда не усомнились бы въ томъ, что это не настоящая жизнь. Теперь наша вся жизнь отъ рожденія до смерти, съ своими снами, не есть ли, въ свою очередь, сонъ, который мы принимаемъ за дѣйствительность, за дѣйствительную жизнь и въ дѣйствительности которой мы не сомнѣваемся только потому, что не знаемъ жизни, въ которой наша свобода слѣдовать нравственнымъ требованіямъ души была бы еще болѣе, чѣмъ та, которой мы обладаемъ теперь.

13.

Если этотъ крошечный кусочекъ жизни — твое все, такъ смотри же, сдѣлай изъ него все, что возможно.

Саидъ - Бенъ - Хамедъ.

14.

«Какъ же жить, не зная, что насъ ожидаетъ?» говорятъ люди. А между тѣмъ, когда живешь, не думая о томъ, что тебя ожидаетъ, а только для проявленія въ себѣ любви, только тогда начинается истинная жизнь.

15.

Часто говорятъ: «Мнѣ уже не къ чему, мнѣ уже помирать пора». Все, что не къ чему, потому что помирать пора, не

къ чему было и когда-либо дѣлать. А есть дѣло, которое всегда нужно, и чѣмъ ближе къ смерти, тѣмъ нужнѣе: дѣло души. Дѣло это въ томъ, чтобы улучшать свою душу.

16.

Любовь уничтожаетъ не только страхъ смерти, но и мысль о ней. Старушка-крестьянка за нѣсколько часовъ до смерти говорила дочери о томъ, что она рада тому, что умираетъ лѣтомъ. Когда дочь спросила: почему?—умирающая отвѣчала, что она рада потому, что зимою трудно копать могилу, а лѣтомъ легко. Старушкѣ было легко умирать, потому что она до послѣдняго часа думала не о себѣ, а о другихъ.

Твори дѣла любви—и для тебя не будетъ смерти.

17.

Какое бы ты ни дѣлалъ дѣло, будь готовъ всегда бросить его. Такъ и примѣривайся, — можешь ли отлѣпиться. Тогда только и дѣлаешь хорошо то дѣло, которое дѣлаешь.

Ожиданіе смерти учить этому.

18.

Когда ты явился на свѣтъ, ты плакалъ, а кругомъ всѣ радовались; сдѣлай же такъ, чтобы, когда ты будешь покидать свѣтъ, всѣ плакали, а ты одинъ улыбался.

V.

Памятованіе смерти помогаетъ духовной жизни.

1.

Съ тѣхъ поръ, какъ люди стали думать, они признали, что ничто такъ не содѣйствуетъ нравственной жизни людей, какъ памятованіе о тѣлесной смерти. Ложно же направленное вра-

чебное искусство ставить себя целью избавлять людей от смерти и научает их надѣяться на избавленіе отъ тѣлесной смерти, на удаленіе отъ себя мысли о тѣлесной смерти, и тѣмъ лишаетъ людей главнаго побужденія къ нравственной жизни.

2.

Для того, чтобы заставить себя поступать хорошо, почаще вспоминай о томъ, что непременно очень скоро умрешь. Только представь себя живо, что ты наканунѣ смерти, и ты навѣрное не будешь ни хитрить, ни обманывать, ни лгать, ни осуждать, ни бранить, ни злобствовать, ни отнимать чужое. Наканунѣ смерти можно дѣлать только самыя простыя добрыя дѣла: помочь другому, утѣшить, оказать ему любовь. А эти дѣла и всегда самыя нужны и радостныя. Отъ этого хорошо всегда, а особенно, когда запутался, думать о смерти.

3.

Когда люди знаютъ, что пришла смерть, они молятся, каются въ грѣхахъ, чтобы быть готовыми съ чистой душой прійти къ Богу. Но вѣдь мы каждый день понемногу умираемъ и всякую минуту можемъ совсѣмъ умереть. И потому надо бы намъ не дожидаться смертнаго часа, а всякую минуту быть готовыми.

А быть готовыми къ смерти—значить жить хорошо.

Затѣмъ-то и стоитъ всегда смерть надъ людьми, чтобы они всегда были готовы умереть, а готовясь умереть, жили бы хорошо.

4.

Ничего нѣтъ вѣрнѣе смерти, того, что она придетъ для всѣхъ насъ. Смерть вѣрнѣе, чѣмъ завтрашній день, чѣмъ пастьупленіе ночи послѣ дня, чѣмъ зима послѣ лѣта. Отчего же мы готовимся къ завтрашнему дню, къ ночи, къ зимѣ, а не готовимся къ смерти? Надо готовиться и къ ней. А приготовленіе къ смерти одно — добрая жизнь. Чѣмъ лучше жизнь, тѣмъ меньше страхъ смерти, и тѣмъ легче смерть. Для святого нѣтъ смерти.

5.

Какъ скоро тебѣ придется умереть! А все еще ты не можешь освободиться отъ притворства и страстей, не можешь отстать отъ предразсудка считать, что мірское внѣшнее можетъ вредить человѣку, не можешь сдѣлаться кроткимъ со всякимъ

Маркъ Аврелій.

6.

Если сомнѣваешься и не знаешь, какъ поступить, представь себѣ, что ты умрешь къ вечеру, и сомнѣніе тотчасъ же разрѣшается: тотчасъ же ясно, что дѣло долга и что личныя желанія.

7.

Въ виду смерти вся жизнь становится торжественна, значительна и истинно плодотворна и радостна. Въ виду смерти мы не можемъ не работать ту работу, которая опредѣлена намъ въ этой жизни, потому что въ виду смерти нельзя усердно работать ничего другого. А когда такъ работаешь, жизнь становится радостной, и нѣтъ того страха смерти, который отравляетъ жизнь людей, не живущихъ въ виду смерти.

8.

Живи такъ, какъ будто ты сейчасъ долженъ проститься съ жизнью, какъ будто время, оставленное тебѣ, есть неожиданный подарокъ.

Маркъ Аврелій.

9.

Живи до вѣку и до вечера. Работай, какъ будто будешь жить вѣчно, а поступай съ людьми, какъ будто умрешь сейчасъ.

10.

Сознаніе близости смерти учитъ людей тому, чтобы умѣть кончать свои дѣла. Изъ всѣхъ же дѣлъ есть только одно дѣло, которое всегда совсѣмъ закончено: это дѣло любви въ настоящемъ.

11.

Жизнь съ забвеніемъ смерти и жизнь съ сознаніемъ еже-
часнаго приближенія къ смерти—два совершенно различныя
состоянія. Одно близко къ животному, другое — къ божест-
венному.

12.

Для того, чтобы жить и не мучиться, надо надѣяться на
радости впереди себя. А какая же можетъ быть надежда ра-
дости, когда впереди только старость и смерть? Какъ же быть?
А такъ: чтобы полагать свою жизнь не въ тѣлесныхъ благахъ,
а въ духовныхъ, не въ томъ, чтобы становиться ученѣе, богаче,
знатнѣе, а въ томъ, чтобы становиться все добрѣе и добрѣе,
любовнѣе и любовнѣе, все больше и больше освобождаться
отъ тѣла,—тогда и старость и смерть стануть не пугаломъ и
мученіемъ, а тѣмъ самымъ, чего желаешь.

VI.

Умираніе.

1.

Смертью мы называемъ и самое уничтоженіе жизни и ми-
нуты или часы умиранія. Первое, уничтоженіе жизни, не
зависитъ отъ нашей воли; второе же, умираніе, въ нашей
власти: мы можемъ умирать дурно и умирать хорошо. Надо
стараться умереть хорошо. Это нужно тѣмъ, кто остается.

2.

Въ минуту смерти человѣка свѣча, при которой онъ читаль
исполненную тревогъ, обмановъ, горя и зла книгу, вспыхи-
ваетъ болѣе яркимъ, чѣмъ когда-нибудь, свѣтомъ, освѣщаетъ
ему все то, что прежде было во мракѣ, трещить, меркнетъ
и навсегда потухаетъ.

3.

Умиращій съ трудомъ понимаетъ все живое, но при этомъ чувствуется, что онъ не понимаетъ живого не потому только, что ослабѣли его умственные силы, а потому что онъ понимаетъ что-то другое, такое, чего не понимаютъ и не могутъ понимать живые, и что поглощаетъ его всего.

4.

Обыкновенно думаютъ, что жизнь старыхъ стариковъ не важна, что они только доживаютъ вѣкъ. Это неправда: въ глубокой старости идетъ самая драгоцѣнная, нужная жизнь и для себя и для другихъ. Цѣнность жизни обратно пропорциональна квадратамъ разстоянія отъ смерти. Хорошо бы было, если бы это понимали и сами старики и окружающіе ихъ. Особенно же цѣнна послѣдняя минута умиранія.

5.

Прежде чѣмъ достигнуть старости, я старался хорошо жить; въ старости я стараюсь хорошо умереть; чтобы хорошо умереть, пужно умереть охотно.

Сенека.

6.

Боюсь ли я смерти? Кажется, не боюсь, но при приближеніи ея или мысли о ней не могу не испытывать волненія въ родѣ того, что долженъ испытывать путешественникъ, подъѣзжающій къ тому мѣсту, гдѣ его поѣздъ съ огромной высоты падаетъ въ море или подымается на огромную высоту вверхъ на баллонѣ. Человѣкъ, умирая, знаетъ, что съ нимъ ничего не случится особеннаго, что съ нимъ будетъ то, что было съ милліонами существъ, что онъ только перемѣнитъ способъ путешествія, но онъ не можетъ не испытывать волненія, подъѣзжая къ тому мѣсту, гдѣ произойдетъ эта перемѣна.

7.

Все въ жизни кажется очень простымъ; все связано, одного порядка и объясняется одно другимъ. Смерть же представляется чѣмъ-то совершенно особеннымъ, нарушающимъ все простое, ясное и понятное въ жизни. И поэтому люди большей частью стараются не думать о смерти. Это большая ошибка. Напротивъ, надо свести жизнь со смертью такъ, чтобы жизнь имѣла часть торжественности и непонятности смерти, и смерть часть ясности, простоты и понятности жизни.

XXIX.

Послѣ смерти.

Спрашиваютъ: «что будетъ послѣ смерти?» На этотъ вопросъ отвѣтъ только одинъ: тѣло сгніетъ и станетъ землею, это мы вѣрно знаемъ. О томъ же, что будетъ съ тѣмъ, что мы называемъ душою, мы ничего не можемъ сказать, потому что вопросъ: «что будетъ?» относится ко времени. Душа же внѣ времени. Душа не была и не будетъ. Она одна есть. Не будь ея, ничего бы не было.

I.

Плотская смерть не конецъ жизни, а только перемѣна.

1.

Когда мы умираемъ, то съ нами можетъ быть только одно изъ двухъ: или то, что мы считали собой, перейдетъ въ другое отдѣльное существо, или мы перестанемъ быть отдѣльными существами и сольемся съ Богомъ. Будетъ ли то или другое—въ обоихъ случаяхъ нечего бояться.

2.

Смерть, это—перемѣна въ нашемъ тѣлѣ, самая большая, самая послѣдняя. Перемѣны въ нашемъ тѣлѣ мы, не переста-

вая, переживали и переживаемъ: то мы были голыми кусочками мяса, потомъ стали грудными дѣтьми, потомъ выросли волосы, зубы, потомъ попадали зубы—выросли новые, потомъ стала расти борода, потомъ мы стали сѣдѣть, плѣшивѣть, и всѣхъ этихъ перемѣнъ мы не боялись.

Отчего же мы боимся послѣдней перемѣны?

Оттого, что никто не разсказалъ намъ, что съ нимъ случилось послѣ этой перемѣны. Но вѣдь никто не скажетъ про человѣка, если онъ уѣхалъ отъ насъ, не пишетъ намъ, что его нѣтъ, или что ему дурно тамъ, куда онъ пріѣхалъ, а скажетъ только, что нѣтъ о немъ извѣстій. То же самое и объ умершихъ: мы знаемъ, что ихъ нѣтъ среди насъ, но не имѣемъ никакого основанія думать, что они уничтожились или что имъ стало хуже послѣ того, какъ они ушли отъ насъ. То же, что мы не можемъ знать ни того, что будетъ съ нами послѣ смерти, ни того, что было съ нами до этой жизни, показываетъ только то, что намъ этого не дано знать, потому что не нужно знать. Одно мы знаемъ, что жизнь наша не въ перемѣнахъ тѣла, а въ томъ, что живетъ въ этомъ тѣлѣ,—въ душѣ. А душѣ не можетъ быть ни начала ни конца, потому что она одна есть.

3.

«Одно изъ двухъ: смерть есть полное уничтоженіе и исчезновеніе сознанія или же, согласно преданію, смерть только перемѣна и переселеніе души изъ одного мѣста въ другое. Если смерть есть полное уничтоженіе сознанія и подобна глубокому сну безъ сновидѣній, то смерть—несомнѣнное благо, потому что пускай каждый вспомнить проведенную имъ ночь въ такомъ снѣ безъ сновидѣній и пусть сравнить съ этой ночью тѣ другія ночи и дни со всѣми ихъ страхами, тревогами и неудовлетворенными желаніями, которыя онъ испытывалъ и наяву и въ сновидѣніяхъ, и я увѣренъ, что всякій немного найдетъ дней и ночей счастливѣе ночей безъ сновидѣній. Такъ что, если смерть—такой сонъ, то я, по крайней мѣрѣ, считаю ее благомъ. Если же смерть есть переходъ изъ этого міра въ дру-

гой, и если правда то, что говорятъ, будто бы тамъ находятся всѣ прежде насъ умершіе мудрые и святые люди, то развѣ можетъ быть благо больше того, чтобы жить тамъ съ этими существами? Я желалъ бы умереть. не разъ, а сто разъ, только бы попасть въ это мѣсто.

«Такъ что и вамъ, судьи, и всѣмъ людямъ, я думаю, слѣдуетъ не бояться смерти и помнить одно: для добраго чело-вѣка нѣтъ никакого зла ни въ жизни ни въ смерти».

Изъ рѣчи Сократа на судѣ.

4.

Кто видитъ смыслъ жизни въ духовномъ совершенствованіи, не можетъ вѣрить въ смерть—въ то, чтобы совершенствованіе обрывалось. То, что совершенствуется, не можетъ уничтожиться; оно только измѣняется.

5.

Смерть есть прекращеніе того сознанія жизни, которымъ я живу теперь. Сознаніе этой жизни прекращается, — это я вижу на умирающихъ. Но что дѣлается съ тѣмъ, что признавало? Я не знаю этого и не могу знать.

6.

Люди боятся смерти и желаютъ жить какъ можно дольше. Но если смерть есть несчастье, то не все ли равно умереть черезъ 30 или черезъ 300 лѣтъ? Много ли радости для приговореннаго къ смерти въ томъ, что товарищей его казнятъ черезъ три дня, а его черезъ 30 дней?

Жизнь, которая вся кончилась бы смертью, была бы самой смертью.

Сковорода.

7.

Каждый чувствуетъ, что онъ не ничто, въ извѣстный моментъ вызванное въ жизни кѣмъ-то другимъ. Отсюда его увѣренность, что смерть можетъ положить конецъ его жизни, но отнюдь не его существованію.

Шопенгауэръ.

8.

Старики теряютъ память всего недавняго. А память вѣдь есть то, что связываетъ совершающееся во времени въ одно «я». У очень стараго человѣка это «я», здѣшнее, закончено и начинается новое.

9.

Чѣмъ глубже сознаешь свою жизнь, тѣмъ меньше вѣришь уничтоженію ея въ смерти.

10.

Я не вѣрю ни въ одну изъ существующихъ религій и потому не могу быть заподозрѣнъ въ томъ, что слѣпо слѣдую какому-либо преданію или вліяніямъ воспитанія. Но я въ продолженіе всей моей жизни думалъ настолько глубоко, насколько былъ способенъ, о законѣ нашей жизни. Я отыскивалъ его въ исторіи человѣчества и въ моемъ собственномъ сознаніи, и я пришелъ къ ненарушиму убожденію, что смерти не существуетъ; что жизнь не можетъ быть иная, какъ только вѣчная; что безконечное совершенствованіе есть законъ жизни, что всякая способность, всякая мысль, всякое стремленіе, вложенное въ меня, должно имѣть свое практическое развитіе; что мы обладаемъ мыслями, стремленіями, которыя далеко превосходятъ возможности нашей земной жизни; что то самое, что мы обладаемъ ими и не можемъ прослѣдить ихъ происхожденія отъ нашихъ чувствъ, служить доказательствомъ того, что они происходятъ въ насъ изъ области, находящейся внѣ земли, и могутъ быть осуществлены только внѣ ея; что ничто не погибаетъ здѣсь на землѣ, кромѣ видимости, и что думать, что *мы* умираемъ, потому что умираетъ наше тѣло,—все равно, что думать, что работникъ умеръ потому, что орудія его износились.

Иосифъ Мадзини.

11.

Если надежда на безсмертіе была бы обманъ, то ясно было бы, кто обманутые. Не тѣ низкія, темныя души, которыя ни-

когда не подходили къ этой великой мысли, не тѣ сонные, легко-мысленные люди, которые довольствовались чувственнымъ сномъ въ этой жизни и сномъ мрака въ будущей, не тѣ себя-любцы, узкіе совѣстью и мелкіе мыслью и еще болѣе мелкіе любовью,—не они. Они были бы правы, и выгода на ихъ сторонѣ. Обманутые—это были бы всѣ тѣ великіе и святые, которыхъ почитали и почитаютъ всѣ люди; обманутые всѣ тѣ, кто жилъ для чего-либо лучшаго, чѣмъ свое собственное счастье, и отдалъ свою жизнь за благо людей.

Обманутые всѣ эти люди! Даже Христосъ тогда напрасно страдалъ бы, отдавая Свой духъ воображаемому Отцу, и напрасно думалъ бы, что проявляетъ Его Своею жизнью. Трагедія Голгоѣы вся была бы тогда только ошибка: правда была бы на сторонѣ тѣхъ, которые тогда смѣялись надъ Нимъ и желали Его смерти, и теперь была бы на сторонѣ тѣхъ, которые совершенно равнодушны къ тому соотвѣтствію съ чело-вѣческой природой, которое представляетъ эта выдуманная будто бы исторія. Кого почитать бы, кому вѣрить, если бы вдохнове-ніе высшихъ существъ было бы только хитро придуманными баснями?

П а р к е р ь.

II.

Сущность перемѣны существованія, совершаю-щейся при тѣлесной смерти, непостижима чело-вѣческому уму.

1.

Мы часто стараемся представить себѣ смерть, какъ переходъ куда-то, но такое представленіе ничего не даетъ намъ. Пред-ставить себѣ смерть такъ же невозможно, какъ невозможно представить себѣ Бога. Все, что мы можемъ узнать о смерти, это то, что смерть, — какъ и все, что исходитъ отъ Бога,—добро.

2.

Спрашиваютъ: что будетъ съ душою послѣ смерти? Не знаемъ и не можемъ знать. Одно вѣрно—это то, что если идешь куда-нибудь, то навѣрное откуда-нибудь и вышелъ. Такъ и въ жизни. Если ты пришелъ въ эту жизнь, то откуда-нибудь вышелъ. Откуда или отъ кого вышелъ, туда или къ тому и придеешь.

3.

Я не помню ничего о себѣ до моего рожденія и потому думаю, что и послѣ смерти не буду ничего помнить о своей теперешней жизни. Если будетъ жизнь послѣ смерти, то такая, какую я не могу представить себѣ.

4.

Вся жизнь человѣческая есть рядъ, непонятныхъ наблюденію, но подлежащихъ ему, измѣненій. Но начало этихъ измѣненій, совершившихся при рожденіи, и конецъ ихъ—совершающихся въ смерти—не подлежатъ даже и наблюденію.

5.

Для меня важно одно: знать, чего Богъ хочетъ отъ меня. А это выражено вполне ясно и во всѣхъ религіяхъ и въ моей совѣсти, и потому мое дѣло въ томъ, чтобы выучиться исполнять все это и на это направить всѣ мои силы, твердо зная, что если я посвящу свои силы на исполненіе воли Хозяина, Онъ не оставитъ меня, и со мной будетъ то самое, что должно быть и что хорошо для меня.

6.

Никто не знаетъ, что такое смерть, и, однако, всѣ ея страшатся, считая ее величайшимъ зломъ, хотя она можетъ быть и величайшимъ благомъ.

П л а т о н ъ.

7.

Если мы вѣримъ, что все, что случилось съ нами въ нашей жизни, случилось съ нами для нашего блага, мы не можемъ не вѣрить и въ то, что то, что случается съ нами, когда мы умираемъ, должно быть нашимъ благомъ.

8.

Никто не можетъ похвалиться тѣмъ, что онъ *знаетъ* то, что есть Богъ и будущая жизнь. Я не могу сказать, что знаю несомнѣнно, что есть Богъ и мое безсмертіе, но я долженъ сказать, что я чувствую и то, что есть Богъ, и то, что мое «я» безсмертно. Это значитъ, что вѣра моя въ Бога и другой міръ такъ связаны съ моей природой, что вѣра эта не можетъ быть отдѣлена отъ меня.

По Канту.

9.

Люди спрашиваютъ: что будетъ послѣ смерти? На это надо отвѣтить такъ: если ты точно не языкомъ, а сердцемъ говоришь: да будетъ воля Твоя, какъ на землѣ, такъ и на небѣ, то-есть какъ во временной этой жизни, такъ и во вѣвременнои, и знаешь, что воля Его есть любовь, то тебѣ нечего и думать о томъ, что будетъ послѣ смерти.

10.

Христось, умирая, сказалъ: «Отецъ, въ руки Твои отдаю духъ Мой». Если кто говоритъ эти слова не однимъ языкомъ, а всѣмъ сердцемъ, то такому человѣку ничего больше не нужно. Если духъ мой возвращается къ Тому, отъ Кого исшелъ, то для духа моего ничего, кромѣ самаго лучшаго, быть не можетъ.

III.

Смерть — освобождение.

1.

Смерть—это разрушение того сосуда, въ которомъ былъ нашъ духъ. Не надо смѣшивать сосудъ съ тѣмъ, что влито въ него.

2.

Когда мы рождаемся, наши души кладутся въ гробъ нашего тѣла. Гробъ этотъ—наше тѣло—постепенно разрушается, и душа наша все больше и больше освобождается. Когда же тѣло умираетъ по волѣ Того, Кто соединилъ душу съ тѣломъ, душа совсѣмъ освобождается.

По Гераклиту.

3.

Какъ отъ огня топится воскъ въ свѣчѣ, такъ отъ жизни души уничтожается жизнь тѣла. Тѣло сгораетъ на огнѣ духа и сгораетъ совсѣмъ, когда приходитъ смерть. Смерть уничтожаетъ тѣло такъ же, какъ строители уничтожаютъ лѣса, когда зданіе готово.

Зданіе—духовная жизнь, лѣса—тѣло. И тотъ человѣкъ, который построилъ свое духовное зданіе, радуется, когда умираетъ, тому, что принимаются лѣса его тѣлесной жизни.

4.

Думаемъ мы, что при смерти кончается жизнь потому, что мы считаемъ жизнью жизнь тѣла отъ рожденія до смерти. Думать такъ о жизни все равно, что думать, что прудъ это не вода въ пруду, а его берега, и что если бы ушла вода изъ пруда, уничтожилась бы та вода, которая была въ пруду.

5.

Все въ мірѣ растетъ, цвѣтетъ и возвращается къ своему корню. Возвращеніе къ своему корню означаетъ успокоеніе,

согласное съ природой. Согласное съ природой означаетъ вѣчное; поэтому разрушеніе тѣла не заключаетъ въ себѣ никакой опасности.

Лао-Тсе.

6.

Когда въ послѣднія, предсмертныя минуты духовное начало оставляетъ тѣло, мы навѣрное знаемъ, что тѣло оставляется тѣмъ, что живило его, и перестаетъ быть отдѣленнымъ отъ вещественнаго міра, соединяется съ нимъ. О томъ же, переходитъ ли духовное начало въ другую, опять ограниченную, форму жизни или соединяется съ тѣмъ безвременнымъ, внѣпространственнымъ началомъ, которое давало ему жизнь, мы ничего не знаемъ и не можемъ знать.

7.

Человѣкъ, всю жизнь стремившійся къ покоренію своихъ страстей, въ чемъ препятствовало ему его тѣло, не можетъ не радоваться освобожденію своему отъ него. А смерть вѣдь есть только освобожденіе. Вѣдь совершенствованіе, о которомъ мы не разъ говорили, состоитъ въ томъ, чтобы отдѣлится, насколько возможно, душу отъ тѣла и пріучить ее собираться и сосредоточиваться внѣ тѣла въ себѣ самой; смерть же даетъ это самое освобожденіе. Такъ развѣ не было бы странно, что человѣкъ, всю жизнь готовящійся жить такъ, чтобы быть какъ можно свободнѣе отъ власти тѣла, въ ту минуту, когда освобожденіе это готово совершиться, былъ бы недоволенъ имъ? И потому, какъ мнѣ ни жалко расставаться съ вами и опечалить васъ, я не могу не привѣтствовать смерти, какъ осуществленія того, чего я достигалъ въ продолженіе жизни.

Изъ прощальной бесѣды Сократа съ учениками.

8.

Не вѣрить въ безсмертіе только тотъ, кто не думалъ по-настоящему о жизни.

Если человѣкъ только тѣлесное существо, то смерть—конецъ

чего-то столь ничтожнаго, что не стоит и сожалѣть о немъ. Если же человѣкъ существо духовное, и душа только временно живетъ въ тѣлѣ, то смерть только перемѣна.

9.

Мы боимся смерти только потому, что считаемъ собою то орудіе, которымъ мы призваны работать,—свое тѣло. А стоитъ привыкнуть считать собою то, что работаетъ орудіемъ,—духъ, и не можетъ быть страха. Человѣкъ, считающій свое тѣло только даннымъ ему для работы орудіемъ, испытываетъ въ минуту смерти только сознаніе неловкости, которое испыталъ бы работникъ, когда у него отнято прежнее орудіе, которымъ онъ привыкъ работать, а новое не дано еще.

10.

Человѣкъ видитъ, какъ зарождаются, растутъ, крѣпнуть, плодятся растенія и животныя и какъ потомъ слабѣютъ, портятся, старѣются и умираютъ.

То же самое видитъ человѣкъ и на другихъ людяхъ, и то же самое знаетъ человѣкъ и про свое тѣло, знаетъ, что оно состарится, испортится и умретъ, какъ и все, что родится и живетъ на свѣтѣ.

Но, кромѣ того, что онъ видитъ по другимъ существамъ и на себѣ, каждый человѣкъ знаетъ въ себѣ еще то, что не портится и не старѣется, а, напротивъ, нѣчто такое, что чѣмъ больше живетъ, тѣмъ больше крѣпнетъ и улучшается: знаетъ каждый человѣкъ въ себѣ свою душу, съ которой не можетъ быть того, что совершается съ тѣломъ. И потому страшна смерть только тому, кто живетъ не душою, а тѣломъ.

11.

Одного мудреца, говорившаго о томъ, что душа бессмертна, спросили: «Ну, а какъ же, когда міръ кончится?» Онъ отвѣчалъ: «Для того, чтобы душа моя не умерла, не нужно міра».

12.

Душа не живетъ въ тѣлѣ, какъ въ домѣ, а какъ странникъ въ чужомъ пристанищѣ.

Индійскій Куранъ.

13.

Жизнь человѣческую можно представить такъ: движеніе по коридору или трубѣ, сначала свободное, легкое, потомъ, при все большемъ и большемъ саморасширеніи, все болѣе и болѣе стѣсненное, трудное. Во время движенія человѣкъ все ближе и ближе видитъ передъ собой полный просторъ и видитъ, какъ идущіе передъ нимъ скрываются, исчезая въ этомъ просторѣ.

Какъ же, чувствуя всю напряженность, сдавленность движенія, не желать поскорѣе дойти до этого простора? И какъ же не желать и бояться приближенія къ нему?

14.

Чѣмъ жизнь наша становится духовнѣе, тѣмъ болѣе мы вѣримъ въ безсмертіе. По мѣрѣ того, какъ природа наша удаляется отъ животной грубости, уничтожаются и наши сомнѣнія.

Покрывало снимается съ будущаго, мракъ разсѣивается, и мы здѣсь уже чувствуемъ свое безсмертіе.

Мартино.

15.

Тотъ, кто ложно понимаетъ жизнь, всегда будетъ ложно понимать и смерть.

16.

Знающій другихъ людей—умень; знающій самого себя—просвѣщенъ.

Побѣждающій другихъ—силенъ; побѣждающій самого себя—могущественъ.

Тотъ же, кто знаетъ, что, умирая, онъ не уничтожается—вѣченъ.

Лао-Тсэ.

IV.

Рожденіе и смерть суть тѣ предѣлы, за которыми жизнь наша скрыта отъ насъ.

1.

Смерть и рожденіе — два предѣла. За этими предѣлами одинаковое что-то.

2.

Смерть есть то же, что рожденіе. Съ рожденіемъ младенецъ вступаетъ въ новый міръ, начинаетъ совсѣмъ иную жизнь, чѣмъ жизнь въ утробѣ матери. Если бы младенецъ могъ рассказывать, что онъ испытывалъ, когда уходилъ изъ прежней жизни, онъ рассказалъ бы то же, что испытываетъ человѣкъ, уходя изъ этой жизни.

3.

Я не могу отрѣшиться отъ мысли, что я умеръ, прежде чѣмъ родился, и въ смерти возвращаюсь снова въ то же состояніе. Умереть и снова ожить съ воспоминаіемъ своего прежняго существованія, — мы называемъ обморокомъ; вновь пробудиться съ новыми органами, которые должны были вновь образоваться, значитъ родиться.

Лихтенбергъ.

4.

Можно смотрѣть на жизнь, какъ на сонъ, а на смерть — какъ на пробужденіе.

5.

Когда люди умираютъ, куда они уходятъ? А туда, навѣрное, откуда приходятъ тѣ люди, которые рождаются. Приходятъ люди отъ Бога, отъ Отца нашей жизни, — отъ Него всякая жизнь и была, и есть, и будетъ. И уходятъ люди къ Нему же. Такъ что въ смерти человѣкъ только возвращается къ Тому, отъ Кого исшелъ.

Человѣкъ выходитъ изъ дома, и работаетъ, и отдыхаетъ, и ѣстъ, и веселится, и опять работаетъ, и, когда устанетъ, возвращается домой.

Такъ же и во всей жизни человѣческой: человѣкъ выходитъ отъ Бога, трудится, страдаетъ, утѣшается, радуется, отдыхаетъ и, когда намучится, приходитъ домой, туда, откуда вышелъ.

6.

Развѣ мы не воскресли уже однажды изъ того состоянія, въ которомъ мы о настоящемъ знали меньше, чѣмъ въ настоящемъ знаемъ о будущемъ? Какъ наше предшествующее состояніе относится къ теперешнему, такъ теперешнее относится къ будущему.

Лихтенбергъ.

7.

Ты пришелъ въ эту жизнь, самъ не зная какъ, но знаешь, что пришелъ тѣмъ особеннымъ я, которое ты есть; потомъ шелъ, шелъ, дошелъ до половины и потомъ вдругъ не то обрадовался, не то испугался, и уперся и не хочешь двинуться съ мѣста, итти дальше, потому что не видишь того, что тамъ. Но вѣдь ты не видалъ также и того міра, въ который ты пришелъ, а вѣдь пришелъ же ты. Ты вошелъ во входныя ворота и не хочешь выходить въ выходныя. Вся жизнь твоя была только въ томъ, что ты шелъ все впередъ и впередъ въ тѣлесной жизни. Ты шелъ, торопился итти, и вдругъ тебѣ жалко стало того, что случается то самое, что ты, не переставая, дѣлалъ. Тебѣ страшна большая перемѣна, какая будетъ при смерти въ твоёмъ тѣлѣ. Но вѣдь такая большая перемѣна случалась съ тобою и когда ты родился, и изъ этого для тебя не только не вышло ничего плохого, но, напротивъ, вышло такое хорошее, что ты и разстаться съ нимъ не хочешь.

V.

Смерть освобождаетъ душу изъ предѣловъ личности.

1.

Смерть, это—освобожденіе отъ односторонности личности.

Отъ этого-то, повидимому, и зависитъ выраженіе мира и успокоенія на лицѣ у большинства покойниковъ. Покойна и легка обыкновенно смерть каждаго добраго человѣка; но умереть съ готовностью, охотно, радостно умереть—вотъ преимущество отрекшагося отъ себя, того, кто отказывается отъ жизни личности, отрицаетъ ее. Ибо лишь такой человѣкъ хочетъ умереть дѣйствительно, а не повидимому, и, слѣдовательно, не нуждается и не требуетъ дальнѣйшаго существованія своей личности.

Шопенгауэръ.

2.

Сознаніе Всего, заключенное въ предѣлы тѣла отдѣльнаго человѣка, стремится расширить свои предѣлы. Въ этомъ первая половина жизни людей. Человѣкъ въ первой половинѣ своей жизни все больше и больше любитъ предметы, людей, то-есть, выходя изъ своихъ предѣловъ, переноситъ свое сознаніе въ другія существа. Но какъ бы много онъ ни любилъ, онъ не можетъ уйти изъ своихъ предѣловъ и только въ смерти видитъ возможность разрушенія ихъ. Какъ же послѣ этого бояться смерти? Совершается нѣчто похожее на развитіе бабочки изъ гусеницы. Мы здѣсь гусеницы: сначала родимся, потомъ за-сыпаемъ въ куколку. Бабочкой же мы сознаемъ себя въ другой жизни.

3.

Наше тѣло ограничиваетъ то божественное, духовное начало, которое мы называемъ душою. И это-то ограниченіе, какъ сосудъ, даетъ форму жидкости или газу, заключенному въ немъ, даетъ форму этому божественному началу. Когда раз-

бывается сосудъ, то заключенное въ немъ перестаетъ имѣть ту форму, которую имѣло, и разливается. Соединяется ли оно съ другими веществами? Получаетъ ли новую форму? Мы этого ничего не знаемъ, но знаемъ навѣрное то, что оно теряетъ ту форму, которую оно имѣло въ своемъ ограниченіи, потому что то, что ограничивало, разрушилось. Это мы знаемъ, но не можемъ знать ничего о томъ, что совершится съ тѣмъ, что было ограничено. Знаемъ только то, что душа послѣ смерти становится чѣмъ-то другимъ и такимъ другимъ, о чемъ мы въ этой жизни судить не можемъ.

4.

Говорятъ: «То только настоящее безсмертіе, при которомъ удержится моя личность». Да личность моя и есть то, что мнѣ болѣе всего отвратительно въ этомъ мірѣ, отъ чего я всею жизнью своей старался избавиться.

5.

Если жизнь есть сонъ, а смерть—пробужденіе, то то, что я вижу себя отдѣленнымъ отъ всего существомъ, есть сновидѣніе, отъ котораго я надѣюсь пробудиться, умирая.

6.

Только тогда и радостно умирать, когда устанешь отъ своей отдѣленности отъ міра, когда почувствуешь весь ужасъ отдѣленности и радость если не соединенія со всѣмъ, то хотя бы выхода изъ тюрьмы здѣшней отдѣленности, гдѣ только изрѣдка общаешься съ людьми перелетающими искрами любви. Такъ хочется сказать: Довольно этой клѣтки. Дай другого, болѣе свойственнаго моей душѣ, отношенія къ міру. — И я знаю, что смерть дастъ мнѣ его. А меня въ видѣ утѣшенія увѣряютъ, что и тамъ я буду личностью.

7.

Подъ ногами морозная твердая земля, кругомъ огромныя деревья, надъ головой пасмурное небо, тѣло свое чувствую, занять мыслями, а между тѣмъ знаю, чувствую всѣмъ существомъ, что и крѣпкая морозная земля, и деревья, и небо, и мое тѣло, и мои мысли—случайно, что все это только произведеніе моихъ пяти чувствъ, мое представленіе, міръ, построенный мною, что все это таково только потому, что я составляю такую, а не иную часть міра, что таково мое отдѣленіе отъ міра. Знаю, что стоитъ мнѣ только умереть, и все это для меня не исчезнетъ, но видоизмѣнится, какъ бывають превращенія въ театрахъ: изъ кустовъ, камней. сдѣлаются дворцы, башни и т. п. Смерть произведетъ во мнѣ такое превращеніе, если я только не совсѣмъ уничтожусь, а перейду въ другое, иначе отдѣленное отъ міра, существо. И тогда весь міръ, оставаясь такимъ же для тѣхъ, которые живутъ въ немъ, для меня станетъ другимъ. Весь міръ такой, а не иной только потому, что я считаю собой такое, а не иное, такъ, а не иначе отдѣленное отъ міра существо. А способовъ отдѣленія существъ отъ міра можетъ быть безчисленное количество.

VI.

Въ смерти раскрывается то, что было непостижимо.

1.

Всякому человѣку, чѣмъ дольше онъ живетъ, тѣмъ больше раскрывается жизнь: то, что было неизвѣстнымъ, становится извѣстнымъ. И такъ до самой смерти. Въ смерти же раскрывается все, что только можетъ познать человѣкъ.

2.

Для умирающаго человѣка раскрывается что-то въ минуту смерти. «Ахъ, такъ вотъ что!» говоритъ почти всегда выра-

женіе лица умирающаго. Мы же, остающіеся, не можемъ видѣть того, что раскрылось ему. Для насъ раскроется послѣ, въ свое время.

3.

Все открывается, пока живешь, какъ будто все выше и выше равномѣрно подвигаешься по равнымъ ступенямъ. Но наступаетъ смерть, и вдругъ или перестаетъ открываться то, что открывалось, или тотъ, кому открывалось, перестаетъ видѣть то, что открывалось прежде, потому что онъ видитъ что-то новое, совершенно другое.

4.

То, что умираетъ, отчасти причастно уже вѣчности. Кажется, что умирающій говоритъ съ нами изъ-за гроба. То, что онъ говоритъ намъ, кажется намъ повелѣніемъ. Мы представляемъ его себѣ почти пророкомъ. Очевидно, что для того, который чувствуетъ уходящую жизнь и открывающійся гробъ, наступило время значительныхъ рѣчей. Сущность его природы должна проявиться. То божественное, которое находится въ немъ, не можетъ уже скрываться.

Аміель.

5.

Всѣ бѣдствія открываютъ намъ въ насъ то божественное, безсмертное, самодовлѣющее, которое составляетъ основу нашей жизни. Главное же, по людскому сужденію, бѣдствіе—смерть—открываетъ намъ вполнѣ наше истинное я.

XXX.

Жизнь — благо.

Жизнь человека и благо его во все бóльшемъ соединеніи души, отдѣленной тѣломъ отъ другихъ душъ и отъ Бога, съ тѣмъ, отъ чего она отдѣлена. Соединеніе это дѣлается тѣмъ, что душа, проявляясь любовью, все больше и больше освобождается отъ тѣла. И потому, если человекъ понимаетъ то, что въ этомъ освобожденіи души отъ тѣла и жизнь и ея благо, то жизнь его, несмотря ни на какія бѣдствія, страданія и болѣзни, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только ненарушимымъ благомъ.

I.

Жизнь есть высшее, доступное человеку, благо.

1.

Жизнь, какая бы она ни была, есть благо, выше котораго нѣтъ никакого. Если мы говоримъ, что жизнь зло, то мы говоримъ это только въ сравненіи съ другой, воображаемой, лучшей жизнью, но вѣдь мы никакой другой лучшей жизни не знаемъ и не можемъ знать, и потому жизнь, какая бы она ни была, есть высшее для насъ благо.

2.

Мы часто пренебрегаемъ благомъ этой жизни, рассчитывая гдѣ-то получить большее благо. Но такое бѣльшее благо нигдѣ никогда не можетъ быть, потому что намъ въ жизни нашей дано такое великое благо — благо жизни, выше котораго ничего нѣтъ и не можетъ быть.

3.

Этотъ міръ не шутка, не юдоль испытанія и перехода въ міръ лучшій, вѣчный, а этотъ міръ, тотъ, въ которомъ мы сейчасъ живемъ, это одинъ изъ вѣчныхъ міровъ, который прекрасенъ, радостенъ и который мы не только можемъ, но должны нашими усиліями сдѣлать прекраснѣе и радостнѣе для живущихъ съ нами и для всѣхъ, которые послѣ насъ будутъ жить въ немъ.

4.

Сдѣлать возможно лучшимъ каждое мгновеніе жизни, изъ какой бы руки судьбы, благопріятной или неблагопріятной, оно намъ ни выпадало на долю, это и есть искусство жизни и истинное преимущество разумаго существа.

Лихтенбергъ.

5.

Человѣкъ несчастливъ потому, что не знаетъ, что онъ счастливъ.

Достоевскій.

6.

Нельзя сказать, чтобы служеніе Богу составляло назначеніе жизни. Назначеніе жизни человѣка всегда есть и будетъ его благо. Но такъ какъ Богъ хотѣлъ дать благо людямъ, то люди, достигая своего блага, дѣлаютъ то, что хочетъ отъ нихъ Богъ, исполняютъ Его волю.

II.

Истинное благо въ настоящей, а не въ «загробной» жизни.

1.

По ложному ученію, жизнь въ этомъ мірѣ—зло, благо же достигается только въ будущей жизни.

По истинному христіанскому ученію, цѣль жизни—благо, и благо это получается здѣсь.

Истинное благо всегда въ нашихъ рукахъ. Оно, какъ тѣнь, слѣдуетъ за доброй жизнью.

2.

Если рай не въ тебѣ самомъ, то ты никогда не войдешь въ него.

Ангелусъ.

3.

Не вѣрь, что жизнь эта только переходъ въ другой міръ и что хорошо намъ можетъ быть только тамъ. Это неправда. Намъ должно быть хорошо здѣсь, въ этомъ мірѣ. И для того, чтобы намъ было хорошо здѣсь, въ этомъ мірѣ, намъ нужно только жить такъ, какъ хочетъ Тотъ, Кто послалъ насъ въ него. И не говори, что для того, чтобы тебѣ хорошо было жить, надо, чтобы всѣ хорошо жили, жили по-Божьи. Это неправда. Живи самъ по-Божьи, самъ дѣлай усиліе, и самому тебѣ навѣрное будетъ хорошо и другимъ также отъ этого будетъ навѣрное не хуже, но лучше.

4.

Самое обычное и вредное заблужденіе людей—думать, что они не могутъ получить въ этой жизни все то благо, какого они желаютъ.

5.

Тѣ, которые утверждаютъ, что здѣшній міръ юдоль плача, мѣсто испытанія и т. п., а тотъ міръ есть міръ блаженства,

какъ будто утверждаютъ, что весь безконечный міръ Божій прекрасенъ, или во всемъ мірѣ Божіемъ жизнь прекрасна, кромѣ какъ только въ одномъ мѣстѣ и времени, а именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ теперь. Странная была бы случайность. Развѣ это не очевидное непониманіе смысла и назначенія своей жизни?

6.

Живи истинной жизнью—и много будешь имѣть противниковъ, но и противники твои будутъ любить тебя. Много несчастій принесетъ тебѣ жизнь, но ими-то ты и счастливъ будешь и жизнь благословишь, и другихъ благословить заставишь.

По Достоевскому.

7.

Какъ странно и смѣшно просить Бога! Не просить надо, а исполнять Его законъ, быть Имъ. Одно разумное отношеніе къ Богу, это—то, чтобы быть благодарнымъ Ему за то благо, которое Онъ далъ мнѣ, одухотворивъ меня Собою.

Хозяинъ поставилъ своихъ работниковъ въ такое положеніе, что, исполняя то, что онъ показалъ имъ, они получаютъ высшее, доступное ихъ воображенію, благо (благо душевной радости), а они просятъ Его о чемъ-то. Если они просятъ, то это значитъ только то, что они не дѣлаютъ того, что имъ предназначено.

III.

Истинное благо найдешь только въ себѣ самомъ.

1.

Богъ вошелъ въ меня и черезъ меня ищетъ Своего блага. Какое же можетъ быть благо Бога? Только то, чтобы быть Собою.

Ангелусъ.

2.

Мудрецъ говорилъ: я обошелъ всю землю, отыскивая благо. Я днемъ и ночью безъ устали искалъ его. Одинъ разъ, когда я уже совсѣмъ отчаялся найти это благо, голосъ внутри меня сказалъ мнѣ: благо это въ тебѣ самомъ. Я послушался этого голоса и нашелъ истинное, неизмѣнное благо.

3.

Какого же тебѣ еще блага, когда въ тебѣ Богъ и весь міръ?

Ангелусъ.

4.

Счастливы люди, если они ничего, кромѣ души своей, не называютъ своимъ. Счастливы они, если живутъ и среди корыстныхъ, и злыхъ, и ненавидящихъ ихъ людей, — счастье ихъ никто не можетъ отнять отъ нихъ.

Буддѣйское ученіе.

5.

Чѣмъ лучше живутъ люди, тѣмъ они меньше жалуются на людей. А чѣмъ хуже живетъ человѣкъ, тѣмъ больше онъ недоволенъ не собой, но другими.

6.

Мудрецъ ищетъ всего въ себѣ, безумецъ — всего въ другомъ.

Конфуцій.

IV.

Жизнь истинная—жизнь духовная.

1.

То, что мы называемъ счастьемъ и несчастьемъ нашего животнаго «я», внѣ нашей воли; но благо нашего духовнаго

«Я» зависеть только отъ насъ: отъ покорности или непокорности волѣ Бога.

2.

Все, что люди считаютъ несчастіемъ, зломъ, происходитъ отъ того, что человѣкъ считаетъ дѣйствительно существующей свою тѣлесную личность: Ивана, Петра, Мавру, Наталью, тогда какъ тѣлесная личность есть только предѣлы, въ которыхъ проявилось дѣйствительно существующее вѣчное Все. Это обманъ въ родѣ тѣхъ картинокъ, въ которыхъ фигура образуется изъ пустоты, ограниченной вѣтвями дерева. Человѣкъ можетъ сознавать собою то, что ограничено тѣломъ, и можетъ сознавать собою то Все, что въ немъ не ограничено тѣломъ. Въ первомъ случаѣ онъ рабъ, безсиленъ и подверженъ всякимъ бѣдствіямъ; во второмъ случаѣ онъ свободенъ, всемогущъ и не знаетъ зла.

3.

Тотъ, кто положилъ свою жизнь въ освобожденіи своего духовнаго я отъ тѣла, не можетъ быть недоволенъ, потому что то, чего онъ желаетъ, всегда совершается.

4.

Жизнь человѣческая, полная тѣлесныхъ страданій, всякую секунду могущая быть оборванной, жизнь эта, для того, чтобы не быть самой грубой насмѣшкой, должна имѣть смыслъ, такой, при которомъ значеніе жизни не нарушалось бы ни ея страданіями, ни ея продолжительностью или кратковременностью.

И такой смыслъ есть въ человѣческой жизни. Смыслъ этотъ—во все болѣе и болѣе сознаніи въ себѣ Бога.

5.

«Иго Мое благо». Люди надѣваютъ на себя ярмо, не по нимъ сдѣланное, и впрягаются въ возъ не по ихъ силамъ.

Ярмо не по себѣ и возъ не по силамъ—это жизнь для блага своего тѣла или для тѣлеснаго блага другихъ людей. Благо только во все болѣе и болѣе сознаниі въ себѣ Бога. Только это ярмо сдѣлано какъ разъ по силамъ людей, и ему-то учить и Иисусъ. Попробуйте и узнаете, какъ ладно и легко. Кто захочетъ узнать, правду ли Я говорю, пусть попытаетъ дѣлать то, что Я говорю,—сказалъ Иисусъ.

6.

Жизнь человѣческая есть непрерывающееся воссоединеніе отдѣленнаго тѣломъ духовнаго существа съ тѣмъ, съ чѣмъ оно сознаетъ себя единымъ. Понимаетъ или не понимаетъ это человѣкъ, хочетъ онъ или не хочетъ, воссоединеніе это не-удержимо совершается тѣмъ состояніемъ, которое мы называемъ жизнью человѣческой. Разница между людьми, не понимающими своего назначенія и не хотящими его исполнять, и понимающими его и желающими жить сообразно ему, въ томъ, что жизнь не понимающихъ этого есть не-перестающее страданіе, жизнь же понимающихъ и исполняющихъ назначеніе—неперастающее, увеличивающееся благо.

Первые подобны упрямымъ животнымъ, которыхъ хозяинъ тащить веревкою за шею въ тотъ пріютъ, гдѣ животное найдетъ и защиту и кормъ. Животное напрасно мучить, душить себя, стараясь противиться хозяину. Оно будетъ приведено туда, куда должны прійти всѣ.

Вторые же подобны тому животному, которое, понявъ волю хозяина, идетъ свободно и радостно, куда его ведетъ хозяинъ, зная, что отъ исполненія воли хозяина ничего, кромѣ добра, быть не можетъ.

7.

Ничто такъ очевидно не подтверждаетъ того, что дѣло жизни есть совершенствованіе, какъ то, что чего бы ты ни желалъ внѣ своего совершенствованія, какъ бы полно ни удовлетворилось твое желаніе, какъ скоро оно удовлетворено, такъ тотчасъ же уничтожается прелесть желанія.

Не теряет своего радостнаго значенія одно: сознаніе своего движенія къ совершенству.

Только это непрерывающее совершенствованіе даетъ истинную, не перестающую, а растущую радость. Всякій шагъ впередъ на этомъ пути несетъ за собой свою награду, и награда эта получается сейчасъ же. И ничто не можетъ отнять ее.

8.

Тотъ, кто положилъ жизнь свою въ духовномъ совершенствованіи, не можетъ быть недоволенъ, потому что то, чего онъ желаетъ, всегда въ его власти.

Паскаль.

9.

Быть счастливымъ, имѣть жизнь вѣчную, быть въ Богѣ, быть спасеннымъ—все это одно и то же: это — рѣшеніе задачи жизни. И благо это растетъ, человѣкъ чувствуетъ все болѣе сильное и глубокое овладѣваніе небесной радостью. И благу этому нѣтъ границъ, потому что благо это есть свобода, всемогущество, полное удовлетвореніе всѣхъ желаній.

Амшель.

V.

Въ чемъ истинное благо.

1.

Настоящихъ благъ немного. То только истинное благо и добро, что благо и добро для всѣхъ.

Поэтому желать надо только того, что согласно съ общимъ благомъ. Кто направить свою дѣятельность на такую цѣль—пріобрѣтетъ себѣ благо.

Маркъ Аврелій.

2.

Въ положеніяхъ людей есть соединеніе злого и добраго, но въ стремленіяхъ людей нѣтъ такого смѣшенія: стремленіе бы-

ваетъ или злое—въ исполненіи воли своего животнаго существа, или доброе—въ исполненіи воли Бога. Отдайся чловѣкъ первому стремленію, и онъ не можетъ не быть несчастенъ; отдайся второму, и для него не можетъ быть несчастья,—все благо.

3.

Настоящаго добра никто не можетъ сдѣлать одинъ другому. Истинное добро можетъ сдѣлать чловѣкъ только самъ себѣ. Истинное добро это въ одномъ: въ жизни для души, а не для тѣла.

4.

Дѣлать добро, это—одно дѣло, про которое навѣрное можно сказать, что оно намъ навѣрное на пользу.

5.

Чловѣкъ просить, чтобы ему помогли люди или Богъ; а помочь ему никто не можетъ, кромѣ его самого, потому что помочь ему можетъ только его добрая жизнь. А это можетъ сдѣлать только онъ самъ.

6.

Говорять, для того, кто дѣлаетъ добро, не нужно награды. Это правда, если думать, что награда будетъ не въ тебѣ и не сейчасъ, а въ будущемъ. Но безъ награды, безъ того, чтобы добро не давало радости чловѣку, не могъ бы чловѣкъ дѣлать добро. Дѣло только въ томъ, чтобы понимать, въ чемъ истинная награда. Истинная награда не во внѣшнемъ и будущемъ, а во внутреннемъ и настоящемъ: въ улучшеніи своей души. Въ этомъ и награда и побужденіе къ дѣланію добра.

7.

Одинъ святой жизни чловѣкъ молился такъ Богу о людяхъ: «О, Боже! Будь милостивъ къ злымъ, потому что къ добрымъ Ты уже былъ милостивъ: имъ хорошо, потому что они добрые».

VI.

Благо—въ любви.

1.

Для того, чтобы навѣрное быть счастливымъ, надо только одно: люби, люби всѣхъ—и добрыхъ и злыхъ. Люби не переставая, и не переставая будешь счастливъ.

2.

Мы не знаемъ и не можемъ знать, для чего мы живемъ. И потому нельзя бы было намъ знать, что намъ дѣлать и чего не дѣлать, если бы у насъ не было желанія блага. Это желаніе вѣрно указываетъ намъ, что намъ дѣлать, если только мы понимаемъ свою жизнь не какъ животное, а какъ душу въ тѣлѣ. И это самое благо, какого желаетъ наша душа, и дано намъ въ любви.

3.

Никто никогда не уставалъ дѣлать себѣ добро. Но вѣдь самое большое добро, это—то, чтобы дѣлать то, чего душа хочетъ, а душа всегда хочетъ одного: любви отъ себя и къ себѣ. Положи жизнь свою въ этомъ увеличеніи любви, и ты увидишь, что благо твое всегда въ твоей власти.

4.

Если есть добрый Богъ и Онъ сотворилъ міръ, то Онъ навѣрное сотворилъ его такъ, чтобы всѣмъ, — стало-быть, и намъ, людямъ,—было хорошо.

Если же нѣтъ Бога, то давайте сами жить такъ, чтобы намъ было хорошо. Для того же, чтобы намъ было хорошо, намъ надо любить другъ друга, надо, чтобы была любовь. А Богъ и есть любовь, такъ что мы опять придемъ къ Богу.

5.

Жизнь моя—не моя, и потому и цѣлью ея не можетъ быть только мое благо: цѣлью ея можетъ быть только то, чего хочетъ Тотъ, Кто послалъ меня въ жизнь. Хочетъ же Онъ любви всѣхъ ко всѣмъ, того самаго, въ чемъ и мое и общее благо.

6.

Человѣкъ отъ рожденія и до смерти хочетъ себѣ добра, и то, чего онъ хочетъ, то и дано ему, если онъ его ищетъ тамъ, гдѣ оно есть: въ любви къ Богу и людямъ.

7.

Говорятъ: «Любить людей непріятныхъ намъ—зачѣмъ?» А зачѣмъ, что въ этомъ радость. Испытай это, и ты узнаешь, правда ли это.

8.

Ничего, кромѣ смерти впереди, и ничего, кромѣ исполненія должнаго сейчасъ! Какъ это кажется безрадостно и страшно! А, между тѣмъ, положи свою жизнь только въ этомъ: во все бѣльшемъ и бѣльшемъ сейчасъ соединеніи любовью съ людьми и Богомъ, и то, что казалось страшнымъ, сдѣлается лучшимъ, ненарушимымъ благомъ.

VII.

Чѣмъ больше живетъ человѣкъ для тѣла, тѣмъ больше онъ лишается истиннаго блага.

1.

Одни люди ищутъ блага во власти, другіе—въ любознательности, въ наукахъ, третьи—въ наслажденіяхъ. Эти три рода вождельній образовали три различныя школы, и всѣ философы

всегда слѣдовали какой-либо изъ трехъ. Тѣ же, которые болѣе другихъ приблизились къ истинной философіи, поняли, что всеобщее благо — предметъ стремленія всѣхъ людей — не должно заключаться ни въ одной изъ частныхъ вещей, которыми могутъ владѣть только одни, и которыя, будучи раздѣлены, скорѣе огорчаютъ ихъ обладателя отсутствіемъ недостающей части, чѣмъ доставляютъ наслажденіе той частью, которая ему принадлежитъ. Они поняли, что истинное благо должно быть таково, чтобы имъ могли обладать всѣ сразу, безъ убыли его и безъ зависти, и чтобы никто не могъ потерять его помимо своей воли. И благо это есть: благо это въ любви.

П а с к а л ь.

2.

Что ты мечешься, несчастный? Ты ищешь блага, бѣжишь куда-то, а благо въ тебѣ. Нечего искать его у другихъ дверей. Если благо не въ тебѣ, то его нигдѣ нѣтъ. Благо въ тебѣ, въ томъ, что ты можешь любить всѣхъ, — любить всѣхъ не за что-нибудь, не для чего-нибудь, а для того, чтобы жить не своей одной жизнью, а жизнью всѣхъ людей. Искать блага въ мірѣ, а не пользоваться тѣмъ благомъ, какое въ душѣ нашей, все равно, что итти за водой въ далекую мутную лужу, когда рядомъ съ горы бьетъ чистый ключъ.

По Ангелусу.

3.

Если ты хочешь настоящаго счастья, то не ищи его въ далекихъ странахъ, въ богатствѣ, въ почетѣ, не выпрашивай его у людей, не кланяйся и не борись съ ними изъ-за счастья. Такими средствами можно добыть имѣніе, важный чинъ и всякія ненужныя вещи, а настоящее счастье, нужное каждому, добывается не отъ людей, не покупается и не выпрашивается, а дается даромъ. Знай, что все то, чего ты не можешь взять самъ, все то не твое и не нужно тебѣ. То же, что нужно тебѣ, ты всегда можешь взять самъ — своей доброй жизнью.

Да, счастье не зависит ни отъ неба, ни отъ земли—только отъ насъ самихъ.

Одно только есть въ мірѣ благо, одно только оно нужно намъ. Какое же это благо? Жизнь въ любви. И добыть это счастье легко.

По Сковородѣ.

4.

Благодареніе Богу за то, что Онъ сдѣлалъ нужное людямъ нетруднымъ, а трудное—ненужнымъ. Нужнѣе всего для человека счастье, а счастливымъ быть легче всего. Благодареніе Богу!

Царствіе Божіе внутри насъ. Счастье—въ сердцахъ, если въ немъ любовь.

Что было бы, если бы счастье, нужное каждому человеку, давалось бы мѣстомъ, временемъ, состояніемъ, здоровьемъ, силою тѣла? Что было бы, если бы счастье было или въ одной Америкѣ, или въ одномъ Іерусалимѣ, или во времена Соломона, или въ царскихъ чертогахъ, или въ богатствѣ, или въ чинахъ, или въ пустыняхъ, или въ наукахъ, или въ здоровьѣ, или въ красотѣ?

Развѣ возможно было бы всѣмъ людямъ жить въ одной Америкѣ или Іерусалимѣ, или жить въ одно и то же время? Если бы счастье было въ богатствѣ, или въ здоровьѣ, или въ красотѣ, то вѣдь тогда всѣ бѣдные, всѣ старики, всѣ больные, всѣ некрасивые были бы несчастны. Неужели Богъ лишилъ всѣхъ этихъ людей счастья? Нѣтъ, благодареніе Богу! Онъ трудное сдѣлалъ ненужнымъ, сдѣлалъ такъ, что нѣтъ счастья въ богатствѣ, нѣтъ его ни въ чинахъ, ни въ красотѣ тѣла. Счастье въ одномъ — въ доброй жизни, и это во власти каждаго.

5.

Люди молятъ Бога помочь имъ въ томъ, что не въ нихъ, Онъ всегда готовъ помочь имъ тѣмъ, что въ нихъ самихъ. Но то они хотятъ, чтобы Онъ помогъ имъ, какъ они этого хотятъ, а не такъ, какъ Онъ этого хочетъ.

6.

Просить Бога о томъ, чтобы кто-то далъ намъ благо въ этой жизни, все равно, что человѣку, сидя надъ источникомъ, просить источникъ о томъ, чтобы онъ избавилъ человѣка отъ жажды. Нагнись и пей. Полное благо дано намъ. Надо только умѣть пользоваться имъ.

7.

Если ты будешь считать благомъ то, что не въ твоей власти, ты будешь всегда несчастенъ. Пойми, что благо только то, что въ твоей власти, и твоего счастья никто не отниметъ у тебя.

VIII.

Человѣкъ не чувствуетъ блага жизни только тогда, когда онъ не исполняетъ закона жизни.

1.

Если ты спрашиваешь, зачѣмъ зло? Я отвѣчаю вопросомъ: зачѣмъ жизнь? Зло зачѣмъ, чтобы была жизнь. Жизнь проявляется въ освобожденіи отъ зла.

2.

Если жизнь не представляется тебѣ великой, незаслуженной радостью, то это только потому, что разумъ твой ложно направленъ.

3.

Если жизнь людей не радостна, то это только отъ того, что они не дѣлаютъ того, что нужно для того, чтобы жизнь была не перестающей радостью.

4.

Когда мы говоримъ, что жизнь наша не есть благо, то мы подъ этими словами неизбѣжно подразумеваемъ, что мы знаемъ

какое-то благо больше, чѣмъ жизнь. А, между тѣмъ, мы не знаемъ и не можемъ знать никакого большаго блага, чѣмъ жизнь. И потому, если жизнь кажется намъ не благомъ, то виновата никакъ не жизнь, а мы сами.

5.

Если кто говоритъ, что, дѣлая добро, онъ чувствуетъ себя несчастнымъ, то это означаетъ только то, что то, что онъ считаетъ добромъ, не есть добро.

6.

Знай и помни, что если человѣкъ несчастенъ, то онъ самъ въ этомъ виноватъ. Несчастны бываютъ люди только тогда когда они желаютъ того, чего не могутъ имѣть; счастливы же тогда, когда желаютъ того, что могутъ имѣть.

Чего же люди не могутъ всегда имѣть, хотя желаютъ, и что могутъ всегда имѣть, когда желаютъ этого?

Не всегда могутъ люди имѣть то, что не находится въ ихъ власти, не принадлежитъ имъ, то, что другіе могутъ отнять у нихъ,—все это не во власти людей. Во власти же людей только то, чему никто и ничто не можетъ помѣшать.

Первое, это—всѣ блага мірскія: богатство, почести, здоровье. Второе, это—наша душа, наше духовное совершенствованіе. И въ нашей власти какъ разъ все то, что намъ нужнѣе всего для нашего блага, потому что ничто, никакія мірскія блага не даютъ истиннаго блага, а всегда только обманываютъ. Истинное же благо даютъ только наши усилія приближаться къ духовному совершенству, а усилія эти всегда въ нашей власти.

Съ нами поступлено такъ, какъ поступилъ бы добрый отецъ съ своими дѣтьми. Намъ не дано только то, что не можетъ дать намъ блага. Дано же все то, что нужно намъ.

Эпиктетъ.

7.

Человѣкъ испортилъ себѣ желудокъ и жалуется на обѣдъ. То же и съ людьми, недовольными жизнью.

Мы не имѣемъ никакого права быть недовольными этой жизнью. Если намъ кажется, что мы недовольны ею, то это значитъ только то, что мы имѣемъ основаніе быть недовольными собой.

8.

Человѣкъ сошелъ съ дороги, пришелъ къ рѣкѣ, заграждающей ему путь, и говорить, что тотъ, кто послалъ его идти, обманулъ его, и человѣкъ въ отчаяніи ломаетъ руки, стоя надъ рѣкой, и бросается въ рѣку, проклиная пославшаго его и погибаетъ въ ней, а не хочетъ знать того, что на томъ пути, съ котораго онъ сбился, были вездѣ мосты и всѣ удобства для путешествія. То же бываетъ и съ людьми, сбивающимися съ единого истиннаго пути жизни. Они недовольны жизнью, часто губятъ себя только потому, что сошли съ этого пути, и не хотятъ признаваться въ своей ошибкѣ.

9.

Не думай, чтобы недоумѣніе передъ смысломъ человѣческой жизни и непониманіе его представляло бы что-либо возвышенное или трагическое. Недоумѣніе человѣка передъ смысломъ жизни подобно недоумѣнію человѣка, попавшаго въ общество, занятое чтеніемъ хорошей книги. Недоумѣніе этого человѣка, не вслушивающагося или не понимающаго то, что читаютъ, и суетящагося среди занятыхъ людей, представляетъ не нѣчто возвышенное и трагическое, а нѣчто смѣшное, глупое и жалкое.

10.

Какъ человѣкъ, не привыкшій къ роскоши, но случайно попавшій въ нее, съ цѣлью возвысить себя въ глазахъ людей дѣлаетъ видъ, что роскошь такъ привычна ему, что онъ не только не удивляется ей, но пренебрегаетъ ею, такъ и неразумный человѣкъ, считая признакомъ возвышеннаго міровоззрѣнія пренебреженіе къ радостямъ жизни, дѣлаетъ видъ, что жизнь ему надоѣла, что онъ можетъ представить себѣ нѣчто гораздо лучшее.

Былъ такой благодѣтель, что хотѣлъ какъ можно больше добра сдѣлать людямъ, и сталъ онъ думать, какъ бы такъ сдѣлать, чтобы никого не обидѣть и чтобы всѣмъ было на пользу. Если раздавать добро прямо по рукамъ, то не сообразишь, кому давать, кто больше того стоитъ, а потомъ всѣхъ не уравниаешь,—тѣ, кому не достанется, скажутъ: «Зачѣмъ тѣмъ далъ, а не намъ?»

И вздумалъ благодѣтель устроить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ много народу, постоянный дворъ и собрать въ этомъ дворѣ все, что только можетъ быть на пользу и на удовольствіе чело-вѣку. И устроилъ благодѣтель во дворѣ теплыя горницы, и печи хорошія, и дрова, и освѣщеніе, и амбары, полные хлѣба всякаго, и подвалы съ овощами, и запасы плодовъ, и всякіе нанитки, и кровати, и постели, и всякую одежду, и бѣлье, и обувь, и всего столько, что на многихъ и многихъ достанетъ. Сдѣлалъ такъ благодѣтель, а самъ ушелъ и сталъ дожидаться, что будетъ.

И вотъ, стали заходить добрые люди, поѣдятъ, попьютъ, переночуютъ, а то и переднюютъ, и день и два, и недѣлю. Другой разъ и возьмутъ что-нибудь изъ обуви и одежды, кому нужда. Уберутъ все, какъ было до прихода, чтобы другимъ прохожимъ можно было также пользоваться, и уйдутъ и только знаютъ благодарять неизвѣстнаго благодѣтеля.

Но вотъ разъ зашли во дворъ люди смѣлые, дерзкіе и недобрые. Сейчасъ расхватили все, что было по себѣ, и поднялась у нихъ изъ-за добра ссора. Сначала побранились, дошло дѣло до драки, тогда стали другъ у дружки отнимать, стали назло портить добро, только чтобы другому не доставалось. И когда довели дѣло до того, что перепортили все, что было, и стали сами зябнуть, и голодать, и терпѣть другъ отъ дружки обиды, тогда стали бранить хозяина, зачѣмъ онъ плохо устроилъ, не приставилъ караульщиковъ, мало добра заготовилъ, и зачѣмъ всякихъ плохихъ людей пускаетъ. Другіе же говорили, что и нѣтъ никакого хозяина, а постоянный дворъ самъ устроился.

И ушли эти люди изъ постоялаго двора голодные, холодные, сердитые, и только и дѣлали, что всячески ругали другъ друга, и постоялый дворъ, и того, кто его устроилъ.

То же самое дѣлають въ мірѣ люди, когда, живя не для души, а для тѣла, губятъ свою жизнь и жизнь другихъ людей, осуждаютъ не себя, а другъ друга или Бога, если признають Его, или самый міръ, если не признають Бога, а полагають, что міръ самъ устроился.

IX.

Только исполненіе закона жизни даетъ благо
человѣку.

1.

Надо быть всегда радостнымъ. Если радость кончается, ищи, въ чемъ ошибся.

2.

Если человѣкъ недоволенъ своимъ положеніемъ, онъ можетъ измѣнить его двумя средствами: или улучшить условія своей жизни или улучшить свое душевное состояніе. Первое не всегда, второе всегда въ его власти.

Эмерсонъ.

3.

Мнѣ кажется, что человѣкъ долженъ за первое правило себѣ поставить—быть счастливымъ и довольнымъ. Надо стыдиться, какъ дурного поступка, своего недовольства и знать, что если у меня или во мнѣ что-нибудь не ладится, то мнѣ не рассказывать надо объ этомъ другимъ и не жаловаться, а поскорѣе постараться поправить то, что не ладится.

4.

Исполненіе закона Бога—закона любви, дающаго высшее благо, возможно во всякомъ положеніи.

5.

Мы всѣ въ этой жизни какъ неукі-лошади, обратанныя, введенныя въ хомутъ и оглобли. Сначала бьешься, хочешь жить для себя, по своей волѣ, ломаешь оглобли, рвешь сбрую, но не уйдешь, умаешься. И только, когда умаешься, забудешь о своей волѣ, подчинишься высшей волѣ и повезешь,— только тогда найдешь успокоеніе и благо.

6.

Воля Бога совершится во всякомъ случаѣ, буду ли я или не буду исполнять ее; но отъ меня зависить быть противникомъ этой воли и лишить себя блага участія въ ней, или быть проводникомъ ея, втянуть ее въ себя, насколько она можетъ вмѣститься во мнѣ въ видѣ любви, и жить ею и испытывать ненарушимое благо.

7.

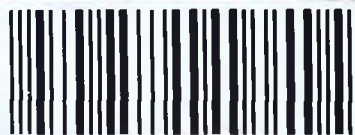
«Приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ. Ибо иго Мое благо и бремя Мое легко», сказано въ ученіи Христа. Слова эти значать то, что какъ бы тяжело ни было человѣку, какія бы горечи и бѣды ни напали на него, ему стоитъ только понять и принять въ сердцѣ истинное ученіе о томъ, что жизнь и ея благо въ соединеніи души съ тѣмъ, отъ чего она отдѣлена тѣломъ: съ душами другихъ людей и съ Богомъ, и сразу исчезаетъ все кажущееся зло. Стоитъ только человѣку полагать свою жизнь въ соединеніи любовью со всѣмъ живущимъ и съ Богомъ, и жизнь его тотчасъ же вмѣсто муки становится благомъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Предисловіе. <i>И. Горбунова-Посадова</i>	3
Предисловіе къ книгѣ „Путь жизни“. <i>Л. Толстого</i>	13
I. О вѣрѣ	21
II. Богъ	34
III. Душа	49
IV. Одна душа во всѣхъ	66
V. Любовь	80
VI. Грѣхи, соблазны, суевѣрія	100
VII. Излишество	115
VIII. Половая похоть	130
IX. Тунеядство	146
X. Корыстолюбіе	163
XI. Гнѣвъ	178
XII. Гордость	194
XIII. Неравенство	205
XIV. Насиліе	217
XV. Наказаніе	239
XVI. Тщеславіе	255
XVII. Ложныя вѣры	269
XVIII. Ложная наука	283
XIX. Усиліе	306
XX. Жизнь въ настоящемъ	320
XXI. Недѣланіе	335
XXII. Слово	346
XXIII. Мысль	359
XXIV. Самоотреченіе	376
XXV. Смиреніе	397
XXVI. Правдивость	411
XXVII. Зло	428
XXVIII. Смерть	446
XXIX. Послѣ смерти	466
XXX. Жизнь—благо	483

2007053863